

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
М. В. ЛОМОНОСОВА

Нестор-История
Санкт-Петербург
2013

УДК 811.161.1'38
ББК 81.2Рус-5
Ф54

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Рецензенты:

д-р филол. наук, зав. отделом С. А. Мызников (Ин-т лингвист. иссл. РАН)
д-р филол. наук, проф. О. Н. Гринбаум (С.-Петерб. гос. ун-т)

Ф54 **Филологическое наследие М. В. Ломоносова** : коллективная монография
/ отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. — СПб. : Нестор-
История, 2013. — 480 с.
ISBN 978-5-4469-0118-0

Коллективная монография участников проекта «Словарь языка М. В. Ломоносова», осуществляемого в настоящее время в ИЛИ РАН, посвящена вопросам филологического дискурса М. В. Ломоносова (риторика, грамматика, поэтика, стилистика), освещает некоторые особенности его идиолекта. Отдельный раздел представляет историю доломоносовских грамматик в Российской академии наук. Части монографии объединены стремлением авторов показать, как формировалась филологическая традиция в России XVIII века. В основу книги легли доклады и сообщения, сделанные на научной конференции «Филологическое наследие М. В. Ломоносова», которая прошла в ИЛИ РАН 25–26 октября 2011 г.

Монография предназначена для историков русского языка, студентов и аспирантов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, филологов и историков, любителей русского языка и культуры.

УДК 811.161.1'38
ББК 81.2Рус-5

Издание подготовлено при финансовой поддержке
гранта РГНФ № 10-04-00308а

«Словарь языка М. В. Ломоносова»
(руководитель С. С. Волков);
гранта РГНФ № 11-04-00206а

«Идиолект М. В. Ломоносова и европейский научный дискурс XVIII в.»
(руководитель К. А. Филиппов);
гранта РГНФ № 11-34-01222

«Формирование академической лингвистической традиции»
(руководитель Н. В. Карева),
гранта РГНФ № 12-04-00109а

«Исследование риторических трудов М. В. Ломоносова
(лингвистический и историко-культурный аспекты)»
(руководитель П. Е. Бухаркин)

ISBN 978-5-4469-0118-0

© Коллектив авторов, 2013
© ИЛИ РАН, 2013
© Издательство «Нестор-История», 2013

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES**

**THE PHILOLOGICAL HERITAGE
OF M. LOMONOSOV**

**St. Petersburg
Nestor-Historia
2013**

Approved for publication
by Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences

Reviewers:

Dr. of Philology *S. Myznikov* (Inst. for Ling. Studies, Russian Academy of Sciences)
Dr. of Philology, Professor *O. Greenbaum* (St. Petersburg State University)

The Philological Heritage of M. Lomonosov : collective volume / Ed. by
P. Bukharkin, S. Volkov, E. Matveev. — St. Petersburg : Nestor-Historia, 2013. —
480 p..
ISBN 978-5-4469-0118-0

The volume includes sections written by research workers of “Dictionary of Lomonosov” group (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences). The articles focus on problems concerning M. Lomonosov’s philology works (rhetoric, grammar, poetics, stylistics) and highlight various features of his idiolect. A separate section contains articles on compiling grammar text books in Russian Academy of science before M. Lomonosov. Representing the thematic sections as a single book, the authors intend to show the formation of Russian grammar tradition throughout the 18th century. The volume is based on lectures and presentations on the scientific conference “The Philological Heritage of M. Lomonosov” (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, October 25–26, 2011).

The book is intended for specialists in history of Russian language, university students and postgraduates who specialize in humanities, philologists and historians, and those interested in Russian language and culture.

ISBN 978-5-4469-0118-0

© Composite authors, 2013
© Institute for Linguistic Studies, 2013
© Publishing House «Nestor-Historia», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

БУХАРКИН П. Е. (СПбГУ/ИЛИ РАН), ВОЛКОВ С. С. (ИЛИ РАН/СПбГУ)	ПРЕДИСЛОВИЕ	7
	М. В. ЛОМОНОСОВ И РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ	
ВОЛКОВ С. С. (ИЛИ РАН/СПбГУ)	СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК «РИТОРИКА М. В. ЛОМОНОСОВА»: ИСТОЧНИКИ И ТЕКСТЫ	17
БУХАРКИН П. Е. (СПбГУ/ИЛИ РАН)	«КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К КРАСНОРЕЧИЮ...» М. В. ЛОМОНОСОВА: ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТАТУС И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ	36
ЧЕРДАКОВ Д. Н. (СПбГУ)	«ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ» В ВОСПРИЯТИИ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА	72
МАТВЕЕВ Е. М. (ИЛИ РАН/СПбГУ)	ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ТРОПОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ М. В. ЛОМОНОСОВА	88
ВЕТУШКО- КАЛЕВИЧ А. А. (ИЛИ РАН/СПбГУ)	«ПОЛИГИСТОР» ДАНИЭЛЯ МОРХОФА О РИТОРИКЕ	108
ТРОФИМУК М. С. (Львовский националь- ный университет им. Ивана Франко)	РОЛЬ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ В УКРАИНЕ XVII–XVIII ВВ. (на материале курсов словесности Киево-Могилянской Академии)	166
КУРИЛОВА А. Д. (Астраханский государ- ственный университет)	ELOQUENTIA OFFICIOSA В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКИХ РИТОРИК XVIII ВЕКА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ	193
	М. В. ЛОМОНОСОВ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В РОССИИ XVIII ВЕКА	
ИВАНОВА Е. П. (СПбГУ), ДРЯЗГОВА К. В. (СПбГУ)	К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКА АВТОРА «ГРАММАТИКИ ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ»: ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК ТЕКСТА — КСЕНОЛЕКТ ИЛИ РОДНОЙ ЯЗЫК?	205
КАРЕВА Н. В. (ИЛИ РАН), СЕРГЕЕВ М. Л. (СПбГУ)	«ГРАММАТИКА ФРАНЦУЗСКАЯ И РУССКАЯ» (1730) И ФОРМИРОВАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.	217
СМИРНОВА А. С. (ИЛИ РАН)	АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОДЧИК ИВАН СЕМЕНОВИЧ ГОРЛЕЦКИЙ	235

ФИЛИПШОВ К. А. (СПбГУ)	ЛЕЙБНИЦ — ВОЛЬФ — ГОТТШЕД — ЛОМОНОСОВ: К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ XVIII ВЕКА	253
ДЮБО Б. А. (АУ РАН)	ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ НЕМЕЦКОЙ ТРАДИЦИИ В ГРАММАТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В. (на примере глагольных грамматических категорий)	265
ИДИОЛЕКТ М. В. ЛОМОНОСОВА		
САВЕЛЬЕВА Е. А. (Библиотека Академии наук)	МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ЯЗЫКА М. В. ЛОМОНОСОВА В ПЕТРОВСКОЙ КОПИИ РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ	285
ЛЕВИНА И. Н. (РГПУ им. А. И. Герцена)	СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ ИДИОЛЕКТА М. В. ЛОМОНОСОВА НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ: ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ	317
МАМАТОВА М. Г. (ИЛИ РАН/СПбГУ), РУДНЕВ Д. В. (СПбГУ)	ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВ <i>ПУСТЬ</i> / <i>ПУСКАЙ</i> / <i>ПУЩАЙ</i> В ЯЗЫКЕ М. В. ЛОМОНОСОВА	361
ДВИНЯТИН Ф. Н. (СПбГУ)	КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ГРАММАТИКА ГЛАГОЛА В ТОРЖЕСТВЕННЫХ ОДАХ М. В. ЛОМОНОСОВА	380
БУРЫКИН А. А. (ИЛИ РАН)	ЛОМОНОСОВ И ТОПОНИМИКА АРКТИКИ (некоторые задачи междисциплинарного изучения текстов)	401
МАНЕРОВА К. В. (СПбГУ/ИЛИ РАН)	НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК М. В. ЛОМОНОСОВА (на примере хронологической отнесенности идиолекта ученого)	414
ПРИЛОЖЕНИЕ		
ВОЛЫНСКАЯ А. В. (ИЛИ РАН)	О КНИГЕ Б. ЗУБАКИНА «НОВОЕ И ЗАБЫТОЕ О ЛОМОНОСОВЕ»	427
	БИБЛИОГРАФИЯ (сост. Н. В. Ткачева)	437
	УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН (сост. А. А. Ветушко-Калевич, Е. М. Матвеев, М. Л. Сергеев, Н. В. Ткачева)	464
	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ (сост. Н. В. Ткачева)	478

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая коллективная монография продолжает серию научных изданий, подготовленных в ИЛИ РАН и предваряющих составление «Словаря языка М. В. Ломоносова». В этой серии, в частности, уже вышли в свет уникальный словарь рифм Ломоносова (Словарь рифм М. В. Ломоносова 2011) и первый исторический терминологический словарь (Минералогия М. В. Ломоносова 2010). Эти исследования, которые подготовлены участниками проекта, позволят включить в словарные статьи «Словаря языка Ломоносова» новые инновативные материалы, в том числе стиховедческую характеристику заголовочного слова или содержательное лингвистическое описание для научных терминов. «Словарь языка М. В. Ломоносова» — это комплексный филологический, лексикографический и образовательный научный проект, который в настоящее время осуществляется в Институте лингвистических исследований РАН. «Словарь языка Ломоносова», по замыслу авторского коллектива, будет представлять собой универсальный словарь тезаурусного типа, объединяющий в своем корпусе исторический толковый, исторический терминологический и историко-культурный словари, а также словарь собственных имен. Главная задача словаря — инвентаризация и системное представление с максимальной полнотой лексического и фразеологического состава, особенностей морфологии, синтаксиса и стилистики текстов М. В. Ломоносова как отражающих личность ученого и одновременно характеризующих эпоху русского Просвещения. Кроме того, «Словарь языка М. В. Ломоносова» уникален по материалу и объекту: он является описанием не только дискурса языковой личности XVIII в., дискурса человека передовой европейской науки (первый в истории русской лексикографии словарь идиолекта ученого), но и дискурса русского полилингва, для которого речевая деятельность в разных социальных сферах (семья, научная работа, преподавание, профессиональное общение и пр.) часто осуществлялась не на родном языке.

Именно поэтому по настоянию академика Н. Н. Казанского были расширены традиционные границы «авторского» или «писательского» словаря: в результате эмпирическую базу составили тексты Ломоносова на русском, латинском и немецком языках, что позволит эксплицитно показать интеллектуальный, нравственный, эмоциональный потенциал М. В. Ломоносова как истинного патриота России, мыслителя национального масштаба, великого русского Просветителя, энциклопедиста, «который все испытал и все проник» (Пушкин 1949: 28) и одновременно как гражданина «мировой республики ученых», личности, глубоко познавшего и интериоризировавшего культуру античности и культуру Европы Нового времени.

Работа над «Словарем языка М. В. Ломоносова» началась почти 10 лет назад. Сначала задача казалась довольно простой: нужно только собрать «непонятные» и «необычные» слова в текстах Ломоносова, снабдить их пояснениями, подобрать удачные примеры — и дело сделано, словарь готов. Можно даже сказать, что в начале своего существования проект мыслился как некое дополнение или приложение к известному энциклопедическому (2001). Однако составление пробных слов к словарю «М. В. Ломоносов», составленному Э. П. Карпеевым рных материалов к ключевым словам «*orbis mentalis*» Ломоносова (*академия, академический, атмосфера, воздух, материя, пар* и мн. др.) или к отдельным тематическим группам его идиолекта (в частности, прилагательным-наименованиям цвета, глаголам изменения состояния, грамматическим терминам и пр.), затем последующее обсуждение этих материалов с лексикографами Санкт-Петербургского университета или на семинаре по авторской лексикографии Института русского языка РАН привело к пониманию того, что без глубокого исследования филологического «мировоззрения» Ломоносова, погружения в мир его языка (можно сказать, его «внутреннюю филологию»), а также без понимания «устройства» и «организации» идиолекта Ломоносова задачи составления «Словаря» вряд ли могут быть успешно решены. Кроме сказанного, значимыми для составления словаря также представляются сведения, расширяющие наши знания об историко-культурном контексте создания филологических трудов М. В. Ломоносова, в том числе

о подготовке в этот же период Академией наук ряда грамматик для изучения живых иностранных языков.

«Как можно рассуждать о целом, когда мы частей его не знаем» (АПСС I, 160) — записал Ломоносов в 1743 году. Действительно, возможно ли исследование и лексикографическое описание языка Ломоносова без понимания, так сказать, внутренней связи, отношения и взаимодействия его главных «слагаемых» или «функциональных частей»? Можно ли объективно оценивать вклад Ломоносова в формирование русского литературного языка без тщательного исследования роли и позиций Ломоносова в созидании как «слога» этого языка, так и великолепных, изысканных образцов его употребления? Уже более полутора веков назад редакция «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 года, возглавлявшаяся таким блестящим для своей эпохи филологом, как А. Х. Востоков, весьма определенно высказалась по этому поводу: «Ломоносов привел в порядок нестройное смешение языка, определил грамматические его правила и положил основание слогу, представив образцем собственные произведения в стихах и прозе» (Сл. 1847: I, VI).

*
* * *

Роль М. В. Ломоносова в истории русской филологии, так же как и место, занимаемое филологическими штудиями в его столь поразительной по многообразию деятельности (поразительной особенно для России), вряд ли могут быть преувеличены. Более того, в целом можно сказать, что как раз филологическое его наследие (наряду с поэтическим творчеством) принадлежит к самым бесспорным достижениям его таланта; среди других научных занятий Ломоносова филологические работы устарели, возможно, в наименьшей степени. Это обусловлено во многом тем особенным типом филолога, который являет собою Ломоносов.

С одной стороны, он филолог как исследователь языка, причем исследователь разных его аспектов: полем языковедческих научных наблюдений Ломоносова становились грамматическая структура («Российская грамматика», 1757); историческое

развитие русского языка и его дальнейшие перспективы («Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», 1757); лексическая система и обуславливающие речевое поведение стилистические стратегии (то же, «Предисловие...»); разные типы и формы актуализации языка в системе речевых жанров и определяющие их риторические установки, принципы, правила и приемы («Краткое руководство к риторике...», 1743; «Краткое руководство к красноречию...», 1748); типы ритмической организации текста («Письмо о правилах российского стихотворства», 1739) — во всех этих областях филологического знания он достиг весьма впечатляющих успехов, часто поражая углубленной сосредоточенностью мысли и ясной отчетливостью построений, нередко кажущихся удивительно свежими и соответствующими будущим филологическим концепциям.

С другой же стороны, Ломоносов — филолог в совсем другом значении, в значении любителя слова, даже не просто любителя русского слова или радетеля о его красоте, а и непрестанного его совершенствователя. Не только отвлеченными рассуждениями о русском языке определил он многое в будущих его судьбах, но и явленными им культуре воплощениями языковых потенций в конкретные речевые произведения (совсем разных типов). Эти воплощения оказывались блистательно убеждающими демонстрациями различных возможностей русского языка, демонстрациями, которые в очень существенной степени (чтобы не сказать — полностью) соответствовали ломоносовским теоретическим положениям, тем самым внося вклад не в одно функционирование русского языка, но и в его изучение. Можно сказать, что словесное творчество Ломоносова оборачивалось как бы проверкой верности его теорий, своеобразным лингвистическим экспериментом¹, значимость которого крайне обостряет тот исторический момент, на который пришлось его деятельство: момент, когда, собственно говоря, и начинается формирование русского литературного языка в современном виде.

¹ В несколько другой связи, имея в виду преимущественно «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», об этом писал А. А. Алексеев (1992: 339–358).

Надо сказать, что сам Ломоносов эту сторону собственных трудов, судя по всему, осознавал вполне ясно и высоко оценивал. Об этом, например, свидетельствуют такие его слова: «На природном языке разного рода моими сочинениями, грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высоких наук надлежащими физическими, химическими и механическими, стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражениям идей трудных» (АПСС 10, 352), где как раз и подчеркивается филологическая во втором ее значении направленность ломоносовских научных занятий.

Современное исследование филологического наследия М. В. Ломоносова, как представляется, не может игнорировать только что сказанное, напротив, оно должно в той либо другой степени учитывать подобное двуединство Ломоносова-филолога; соображениями именно такого рода и обуславливается структура коллективной монографии, ныне предлагаемой вниманию читателей. В ней ломоносовское филологическое наследие как раз и рассматривается в двух взаимодополняющих друг друга ракурсах: предметом нашего совместного изучения являются, во-первых, филологические концепции Ломоносова, выраженные в его сочинениях соответствующего профиля, а во-вторых, ломоносовский язык, его идиолект, который увиден как очень своеобразная и одновременно крайне выразительная часть его филологического наследия, как некая форма проецирования в речевую деятельность его теоретических взглядов.

В соответствии с этим монография состоит из двух частей, архитектурно не выделенных, но композиционно, содержательно сразу же заметных. Первая из них посвящена как непосредственно филологическим работам Ломоносова, так и тому научному пространству, в котором сперва формировались, а затем уже и резонировали его филологические идеи. Проблематика, связанная с последним (т. е. с научным контекстом ломоносовских филологических теорий), преобладает в первой части книги: в разделе, обращенном к риторике, ей посвящены главы, написанные А. Д. Куриловой, М. Трофимуком и А. А. Ветушко-Калевичем, в «грамматическом» же разделе

абсолютное большинство глав направлены на описание лингвистического и социокультурного контекста, в который «погружено» грамматическое учение Ломоносова: это работы Е. П. Ивановой и К. В. Дрязговой, Н. В. Каревой и М. Л. Сергеева, А. С. Смирновой, Б. А. Дюбо. Выбор первостатейным объектом исследования именно контекста далеко не случаен и, как представляется, вполне оправдан: филологические произведения Ломоносова изучены в значительно большей степени, нежели аналогичные труды его современников — как старших, так и младших; вместе с тем, без них нельзя составить адекватное научное представление о значении Ломоносова в истории гуманитарных наук; по тем же основаниям самое пристальное внимание уделяется и иностранному окружению ломоносовских филологических построений.

Первая часть коллективной монографии, в свою очередь, включает в себя два раздела: «М. В. Ломоносов и риторическая традиция» и «М. В. Ломоносов и формирование грамматической теории в России XVIII века» — риторике и грамматике посвящены самые значительные ломоносовские филологические сочинения — «Краткое руководство к красноречию...» и «Российская грамматика», и, несмотря на внушительное число исследований, рассматривающих их, многие вопросы здесь еще требуют дальнейшего изучения.

Как явствует из оглавления, редакционная коллегия в первый раздел первой части вынесла работы, связанные с риторическими проблемами; грамматические исследования составляют второй раздел. Такая композиция, казалось бы, противоречит логической последовательности данных дисциплин — риторика представляет вторую по сравнению с грамматикой ступень осмысления речемыслительной деятельности; такое их соотношение, кстати сказать, было закреплено в последовательность предметов тривиума (грамматика — риторика — диалектика). Однако подобная композиция хронологически соответствует обращению Ломоносова к риторике и грамматике: вначале он оформил свои риторические представления в двух трактатах 1740-х годов — «Кратком руководстве к риторике...» и «Кратком руководстве к красноречию», а затем, уже в 1750-е годы

обратился к грамматике. Конечно, именно такая последовательность, скорее всего, вызвана случайными причинами биографического свойства, и, вместе с тем, она все-таки заслуживает известного внимания со стороны исследователя, тем более что к написанию «Краткого руководства к красноречию» он готовился несколько лет и это время, возможно, служило также для накопления и осмысления грамматического материала.

Вторая часть настоящей книги направлена на изучение филологического наследия Ломоносова в том широком и одновременно специфическом понимании его содержания и пределов, о котором говорилось выше; входящие в эту часть главы анализируют разные стороны ломоносовского идиолекта. Они имеют более, так сказать, лингвистическую направленность, нежели многие главы первой части с их историко-филологическим пафосом. Однако при этих естественных различиях, части коллективной монографии не противоречат друг другу, но, напротив, одна другую дополняют, обнаруживая многочисленные и разнообразные точки взаимопересечений; достаточно назвать работу Е. М. Матвеева «Проблема описания тропов в поэтическом языке М. В. Ломоносова», имеющую самое прямое и непосредственное отношение к ломоносовскому индивидуальному поэтическому стилю, т. е. к идиолекту, а также исследование А. А. Бурькина, отмеченное явно историко-филологическими акцентами.

Вообще следует сказать, что, несмотря на широкий спектр затрагиваемых в отдельных главах тем, они, в конечном счете, образуют некое, пусть и не эксплицированное, но монографическое единство, что обуславливается рядом моментов. Во-первых, авторы, погружаясь в изучение нередко далеких друг от друга проблем, не упускают из виду конечную задачу книги: дать характеристику филологического наследия Ломоносова и его места в развитии европейских и русских гуманитарных наук, исходя из интенций, методов и принципов современной филологии. Во-вторых, в книге заметно центростремительное действие нескольких исследовательских сюжетов, более того, в ней достаточно легко обнаруживаются определенные смысловые точки исследования. Это филологические трактаты как объекты изучения (трактаты как самого Ломоносова,

например, «Краткое руководство к красноречию...», так и других авторов, прежде всего — «Грамматика французская и русская», которой посвящены три из пяти глав грамматического раздела) или же отдельные научные проблемы — в первую очередь здесь надо указать не проблему многоязычия Ломоносова: и его непосредственного многоязычия как речевой личности, и многоязычия в несколько более опосредованном варианте, так сказать — культурного многоязычия. Наконец, в-третьих, большинство конкретных исследований осознанно учитывают основные контексты филологического наследия Ломоносова — и теоретические (т. е. контексты русского и европейского гуманитарного знания) и непосредственно языковые. В-четвертых, все исследования гармонично объединяются одной харизматической личностью XVIII века — личностью М. В. Ломоносова. Это в совокупности и определяет внутреннюю цельность нашего совместного труда.

Весомый вклад в рассмотрение совокупности проблем, связанных с трудами М. В. Ломоносова по филологии, внесла научная конференция «Филологическое наследие М. В. Ломоносова», приуроченная к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова и состоявшаяся в Институте лингвистических исследований РАН 25–26 октября 2011 года. В ее работе приняли участие более пятидесяти специалистов, среди них — сотрудники ИЛИ РАН, ИРЛИ РАН, Библиотеки Российской академии наук, Музея антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербургской кафедры иностранных языков Академического университета, СПбГУ, МГУ, РГПУ им. А. И. Герцена, Астраханского государственного университета, Череповецкого государственного университета. На конференции было прочитано более 20 научных докладов²: эти доклады, дополненные и расширенные по материалам обсуждения, легли в основу настоящей коллективной монографии.

*П. Е. Бухаркин,
С. С. Волков*

² См. об этом: Карева, Матвеев 2013: 3–5.

**М. В. ЛОМОНОСОВ
И РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ**

С. С. Волков
(ИЛИ РАН/СПбГУ)¹

**СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК
«РИТОРИКА
М. В. ЛОМОНОСОВА»:
ИСТОЧНИКИ И ТЕКСТЫ**

Ключевые слова: лексикография, словарь, источник словаря, риторический трактат, словарная статья, М. В. Ломоносов, филология, терминология, история науки.

В главе рассматриваются проблемы ломоносовской текстологии и источниковедения, объектом внимания автора выступают источники словаря риторических трактатов Ломоносова, составление которого началось в ИЛИ РАН в 2012 году. Получают определение термины «лингвистический источник» и «источник словаря», предлагается описание античных, западноевропейских и русских риторик, которые вошли в число источников Словаря.

1. Основа каждого словарного проекта — корпус его источников. Выдающийся русский лексикограф Ю. С. Сорокин, 100-летие со дня рождения которого отмечалось в 2013 году, считал вопрос об источниках «существеннейшим» для каждого типа словаря (Сорокин 1999: 36). Объем, состав, жанры, конкретные особенности источников и даже их недостатки определяют в словарном проекте многое — словник, метаязык, организацию словарной статьи, макроструктуру словаря и мн. др. Качество самого словаря, степень его объективности и научности тоже, безусловно, определяются источниками.

¹ Сергей Святославович Волков, канд. филол. наук, зав. отделом «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН, доц. кафедры прикладной и математической лингвистики филологического факультета СПбГУ.

Значение термина «источник словаря», который впервые, по имеющимся данным, появился в начале XX века в связи с подготовкой «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» проф. С. А. Венгерова, в современной лингвистике и лексикографии можно оценить только как *диффузное* и *амбивалентное*. Во-первых, отсутствует принятое большинством исследователей и кодифицированное определение термина; во-вторых, не существует даже самой примитивной классификации источников (например, *первостепенные* — *второстепенные*, *основные* — *неосновные*, *частотные* — *единичные* — *уникальные*², *вербальные* — *невербальные*, *письменные* — *устные*, *исторические* — *современные*, *источники иллюстративных материалов*, *источники справочных материалов*, *источники разделов или «зон» словарной статьи* и под.); в-третьих, можно было бы разработать весьма оригинальную типологию словарей на основе их источников. Не решена проблема, как обращаться с «псевдоисточниками» — теми источниками, которые учитывались при составлении словарной статьи, но непосредственно в ней не упомянуты, неясно, следует ли разделять «источники картотеки» и «источники словаря». Термин, если доверять данным «Национального корпуса русского языка», не является широко распространенным (корпус содержит только один пример), он отсутствует во многих справочниках. Большинство авторов современных словарей представляют в изданиях тщательно подготовленную библиографию источников, но не дают объяснения того, какое содержание они вкладывают в термин «источник»; своеобразным «общим местом» многих новых словарных проектов стало эмоциональное утверждение того, что «их источники хороши, а наши еще лучше». Часто предлагается только общая характеристика источников, например, «письменные памятники», «записи устной речи», иногда перечисляются основные жанры или разряды текстов:

² Часто в предисловиях к словарным изданиям встречаемся с клише «словарь <...> основан на уникальных источниках».

«разнообразные типологически, в жанровом и стилистическом отношении, а также по своему функциональному назначению и тематической ориентации памятники письменности и литературы» (Проект 1977: 11), «памятники частно-деловой письменности (духовные, купчие, кабальные и другие грамоты, челобитные, памятники вотчинно-поместной переписки: указы феодалов, отписки старост); семейная и дружеская переписка» (СОРЯ 1, 6). Иногда авторы избегают использования термина «источник», см., например: «Словарь рифм М. Ю. Лермонтова составлен по всем стихотворным произведениям (стихи, поэмы и стихотворные драмы). В качестве адреса указывается том (римской цифрой) и страница (арабской цифрой) сочинений М. Ю. Лермонтова в шести томах (М.; Л., 1954–1956)» (Словарь рифм Лермонтова 1981: 664), что следует понимать как утверждение о том, что текст собрания сочинений М. Ю. Лермонтова — источник словаря рифм.

Не вызывает сомнения тот факт, что для современной лингвистики не существует «плохих» и «хороших», «правильных» и «неправильных», «достойных» и «недостойных» источников: любой текст, микротекст, фрагмент текста может служить источником для лингвистического исследования. Так, ограничение употребления субстандартных лексических единиц современной литературной нормой не означает ограничения их изучения и лексикографизации как лингвистических единиц: подтверждением этого служат многочисленные словари просторечия, жаргонов, бранной лексики, прозвищ и под., появившиеся за последнее десятилетие. Однако это утверждение истинно только для синхронии — когда имеющиеся лингвистические данные постоянно и энергично проверяются актуальным языковым сознанием лингвиста (составителя словаря), «чувством языка», интуицией, существующими языковыми нормами. Субъект текста и субъект изучения текста в подобных ситуациях действуют в одном языковом состоянии.

В диахронии дело обстоит иначе: филолог становится историком. Язык постоянно изменяется во времени и «полностью

отвлечься от этой нестабильности невозможно» (Плунгян 2008: 10). При отборе текстов для изучения прошлых языковых состояний, т. е. для исторического словарного проекта приобретают особое значение не только глубинное понимание языковых структур, фразеологии в широком понимании, наличие базовых фоновых знаний, владение реалиями и под.; актуальными становятся принципы лингвистического, прикладного источниковедения, в том числе метатекстовая информация: кем создан текст, когда создан текст, в каких условиях и где создан текст, с какой целью создан текст, где впервые опубликован или остался в рукописи: вспомним здесь уже ставшую крылатой фразу Б. В. Томашевского:

«В первую очередь всякому занимающемуся вопросами текста необходимо точно знать природу книги» (Томашевский 1928:13).

Произвольность отбора источников, отражающих прошлые языковые состояния для словаря, их неполнота, текстологическая или эддиционная ущербность, непонимание или невнимательность к системе имманентных связей и отношений между текстами-источниками неизбежно приводит к болезненным изменениям в словнике исторического словаря, появлению мифологических представлений об содержании лексико-семантических групп, форме заголовочного слова, вариативности слова, семантике, сочетаемости и пр., а в итоге — к искаженному представлению о языковом состоянии прошлого (представлению, которое и так является условным, гипотетическим). Источник словаря, отвечающий перечисленным выше характеристикам — безусловно «плохой» или «недостойный» источник. Тенденциозный подбор источников может безнадежно скомпрометировать, а то и погубить словарный проект; история лексикографии такие примеры знает.

Какую дефиницию можно было бы предложить для лексикографического термина «источник словаря»? Можно признать

историческим источником всё, что содержит историческую информацию, любое «явление», которое может быть использовано для познания прошлого. В «Большом энциклопедическом словаре» исторические источники — это «все объекты, непосредственно отражающие исторический процесс и дающие возможность изучать прошлое человеческого общества, т. е. все созданное человеком, а также результаты его взаимодействия с окружающей средой; предметы материальной культуры, памятники письменности, обычаи, обряды и др. Количество исторических источников безгранично, но число сохранившихся от различных исторических периодов неодинаково» (БЭС 1998: 467). В науках об обществе *источник* — любой оригинальный документ или сообщение, дневник, анкета, личные бумаги, магнитофонная запись и проч., которые предоставляют данные для научного анализа. В «Литературном энциклопедическом словаре» указывается, что «источниками служат тексты самих литературных произведений, окончательные и ранние <...> Источниками оказываются также переписка писателей, дневники, записные книжки, личные библиотеки писателей, цензурные материалы, переписка и воспоминания современников» (Литературный энциклопедический словарь 1987: 139). Следовательно, рабочим определением, которое предложим для настоящего исследования можно принять следующее:

Источник словаря — представленное дискретно подмножество аутентичных текстов, которое задается предметом словаря. При этом количество текстов, выступающих в качестве источника для словарного проекта, может варьироваться от одного до бесконечного множества.

2. В настоящее время в отделе «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН (Санкт-Петербург) интенсивно идет работа по составлению трехязычного толково-энциклопедического «Словаря языка М. В. Ломоносова», словаря «М. В. Ломоносов и культура Германии XVIII века» и словаря «Риторика

М. В. Ломоносова». Соответственно определению источником «Словаря языка М. В. Ломоносова» будет служить весь корпус известных письменных текстов М. В. Ломоносова (они, как известно, собраны в Академическом полном собрании сочинений Ломоносова в 11 томах, 1950–1959, 1983 гг.), источником словаря «М. В. Ломоносов и культура Германии XVIII века» — корпус немецких текстов М. В. Ломоносова, а для «Словаря риторических трактатов М. В. Ломоносова», объектом описания которого станет *терминосистема риторики в середине XVIII века*, источниками должны стать риторические тексты Ломоносова, точнее — два его главных риторических трактата: «**Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия**» (1743) и «**Краткое руководство к красноречию**» (1748), из которых мажоритарное положение занимает, безусловно, второй.

Казалось бы, сказанное выше существенно упрощает все вопросы, связанные с выбором источников словарей языка Ломоносова. Однако есть серьезные причины, которые все же дают основание говорить о *научных проблемах*, связанных с выбором источников, и шире — о зависящей от выбора источников объективности и научной достоверности словаря. Среди этих проблем укажем на следующие:

- ◆ отбор филологически корректных текстов М. В. Ломоносова;
- ◆ создание «инвариантного» текста;
- ◆ дополнительные («вторичные») источники словарного проекта.

2.1. Проблема отбора корректных текстов М. В. Ломоносова

Еще в начале работ над «Словарем языка М. В. Ломоносова» редакционной коллегией словаря было принято решение, что источником словаря станет Академическое полное собрание сочинений в 10 (11) томах (1950–1959, 1983 гг.), так как это собрание сочинений по сравнению с предшествующими изданиями обладает весьма весомыми преимуществами.

- ◆ Это самое полное из существующих изданий: благодаря исследованиям ученых-архивистов, особенно Г. А. Князева и Л. Б. Модзалевского (1937), в него включены многие, ранее не опубликованные тексты М. В. Ломоносова, его неоконченные произведения, переводы, заметки, автобиографические и служебные документы, существовавшие ранее только в виде архивных единиц хранения. Тем не менее заметим, что авторство Ломоносова для некоторых включенных в АПСС текстов *сомнительно* и эти тексты могут быть представлены только в разделе «*spuria* и *dubia*» — например, атрибуция Ломоносову перевода главы из романа Франсуа Фенелона, опубликованного в 11-м томе, опровергнута чл.-корр. РАН С. И. Николаевым (1988).
- ◆ В АПСС включены тексты М. В. Ломоносова на латинском и немецком языках, эти тексты не модифицировались и не модернизировались, сохраняя, таким образом, многие особенности языка, характерные как для XVIII века, так и для Ломоносова, его идеограммы — например, написание сочетания *ss* вместо *ß* (нем. *Eszett*), фонетические написания «как услышал» — ср. *Degen-Gehenck* ‘*перевязь шпаги*’ (АПСС 10, 369), правильно — *Degengehäng* и пр.
- ◆ Все тексты перед опубликованием прошли сверку с прижизненными изданиями или рукописями Ломоносова, хранящимися в архивах России.

Тексты АПСС уже давно и, скажем, уверенно служат задачам ломоносововедения и ломоносовской лексикографии. В 2001 году вышла в свет персональная энциклопедия, охватившая разные аспекты деятельности Ломоносова (Карпеев 2001; 2009);

эта энциклопедия основывается на текстах АПСС. Уже 11 лет энциклопедия, как говорится, находится в научном обиходе, она размещена в сети Интернет на авторитетном портале «Федеральная электронная библиотека “Русская литература и фольклор”» (<http://feb-web.ru/feb/lomonos/default.asp?feb/lomonos/lomenc/kes.html>) и нисколько не вызывает недобрых чувств со стороны тех, кто занимается изучением как жизни, так и творчества Ломоносова. В 2007 году группа авторов под руководством проф. К. Р. Галиуллина (филологический факультет Казанского государственного университета) подготовила и опубликовала словарь-справочник «Язык писем М. В. Ломоносова» — первый *завершенный* лексикографический справочник по текстам М. В. Ломоносова (ЯПЛ 2007). В научно-издательском проекте «Материалы к «Словарю языка М. В. Ломоносова»» тексты из АПСС по минералогии и химии стали источником для вышедшего из печати в 2010 году словаря-справочника «Минералогия М. В. Ломоносова», поэтические произведения М. В. Ломоносова — для подготовленного в ИЛИ РАН уникального словаря рифм (Словарь рифм М. В. Ломоносова 2011). Можно привести и многие другие примеры.

По одному, но самому важному параметру тексты АПСС совершенно неудовлетворительные, филологически некорректные: при подготовке издания тексты Ломоносова были в значительной степени модернизированы. Вот как, например, выглядит фрагмент знаменитого рассуждения Ломоносова о риторике (§ 2) в издании трудов Ломоносова Московским университетом (1759 г.) и в АПСС:

<p>§. 2. Въ сей наукѣ предлагаются правила трехъ родовъ. Первьвыя показываютъ какъ изобрѣтать оное, что о предложенной материи говорить должно; другія учатъ какъ изобрѣтенное украшать; третьи наставляють, какъ оное располагать надлежитъ: и по сему раздѣляется Риторика на три части, на изобрѣтеніе, украшеніе и расположе- ние (Риторика 1759, 5)</p>	<p>§ 2. В сей науке предлагаются правила трех родов. Первые показывают, как изобретать оное, что о предложенной материи говорить должно; другие учат, как изобретенное украшать; третьи наставляют, как оное располагать надлежит, и по сему разделяется Риторика на три части — на изобретение, украшение и расположение (АПСС 7, 99).</p>
--	---

Правила модернизации текстов Ломоносова, которую А. А. Морозов в свое время назвал «бешабашной» (Морозов 1956: 169), а научный коллектив, подготовивший 2-ое издание, скромнее — «отдельными исправлениями» (АПСС² 2011: 1, 380), нигде не получили эксплицитного описания. По нашим наблюдениям, модернизация проводилась на основании пяти «подходов», или «алгоритмов».

♦ **Графический:**

1) замена букв, отмененных реформами 1918 г. (ять, фита, ижица, и десятиричное) и 1710 года, буквами современного алфавита, в том числе и в составе флексий: въ умь — в уме; 2) замена щ на сч в начале слова: щастие — счастье; 3) отмена твердого знака в конце слов, оканчивающихся на согласный и внутри слова, ср. предъидущий — предыдущий; 4) отказ от выделения слов курсивом: «Идеи суть простыя или сложенныя» (Риторика 1759: 6) в АПСС выделение отсутствует; 5) полный отказ от ирифтовых актуализаций Ломоносова — написание некоторых обладающих особым значением слов прописными буквами, написания слов с прописной буквы (например, М. В. Ломоносов всегда пишет Риторика, а не риторика, Риторический, а не риторический). Н. В. Перцов указывает по этому поводу:

«Не верно, что все подобного рода прописные написания были простой орфографической условностью. Можно предположить, что прописная буква в начале слова была в прежнее время наделена гораздо более явной индивидуализирующей функцией, чем ныне» (Перцов 2008: 48).

♦ **Акцентологический:**

ударения, которые находим, например, в тексте «Риторики 1759», в АПСС устраняются: «милость, любовь, кротость и прочія суть вѣды» (Риторика 1759, 7), «свѣйство» (там же). Данные ударения, безусловно, имеют нормоустанавливающий характер.

♦ **Пунктуационный:**

нигилистическое отношение к оригинальной пунктуации текста, «которая гораздо более чувствительна к интонационно-мелодической стороне речи, чем современная» (Перцов 2008: 50). Все знаки пунктуации в АПСС расставлены в соответствии с современными правилами.

♦ **Морфемно-грамматический:**

замена современными морфемами морфем, отмененных реформой 1918 г.: флексий -аго, -яго; -ой, -ья, префиксов из-, без-, воз- перед глухими согласными и пр. Заметим, что М. В. Ломоносов совершенно четко изложил свою позицию по последнему вопросу в § 127 «Российской грамматики»: «мне кажется, должно признаться, что для привычки перед мягкими з, воз, из, раз, перед твердыми с, вос, ис надлежит оставить» (АПСС 7, 435).

♦ **Лексико-орфографический:**

адаптация написания середины XVIII к современному, в том числе слитно-раздельных (дефисных) написаний, написаний с мягкими согласными, разного рода ассимиляций: например, горкий и горький, первый и перьвой, во перьвыхъ и во-первых, сперва и с перва, по Российски и по-российски, не лъзя и нельзя, сверьхъ и сверх, писмен и письмен, будто и бутто и мн. др.

Мало того, что модернизированные написания не соответствуют принятым во времена М. В. Ломоносова. В АПСС указанные выше «алгоритмы» орфографической модернизации применяются неуверенно, отсутствует унификация их внедрения. Для разных томов разными редакторами выбирался различный орфографический подход. Так, в «Материалах по русской грамматике» (том 7) не проведена модернизация согласно первому и четвертому «алгоритму», ср., например, в заметках М. В. Ломоносова: «Ежели для точнаго произношенія разныхъ иностранныхъ реченій вымышлять новыя писмена, то российская азбука вдвое прибудетъ, и людей занадобится снова грамотъ переучивать» (АПСС 7, 600) — сохранен даже твердый

знак в финалях слов на твердый согласный, или «Съ греческаго языка имѣемъ мы великое множество словъ русскихъ и славенскихъ, которыя для переводу книгъ сперва занужду были приняты, а послѣ въ такое пришли обыкновеніе, что будто бы они съ перва въ російскомъ» (АПСС 7, 609). Поразительно, но в «Материалах по русской грамматике» сохранены даже буквы ξ и ψ. См., например, Алеѣевъ (АПСС 7, 638), Алеѣинъ ('город') или џалтырь (АПСС 7, 620). В томе, содержащем поэтические произведения, ораторскую прозу и надписи (том 8) не проведена модернизация согласно четвертому и пятому «подходам» (см. об этом также (Поляков, Пильщиков, Бергельсон 2009)). Укажем здесь на написания *веръх* и *ниско* в «Стихотворениях из «Краткого руководства к риторике»:

Высокий Кедров веръх внезапный юг нагнул,
Отторгнул лист с плодом, коренья с мест свихнул.
Склоняясь ниско, Кедр едва насильство сносит,
То веръх свой клонит вниз, то оной к веръху взбросит.
Однако ярой вихрь свою умножил власть,
Принудил древа веръх на землю с треском пасть (АПСС 8, 124).

С уважением и пониманием участники ломоносовского проекта относятся к программным заявлениям московских текстологов, отстаивающих стилистическое значение, художественную значимость и смысловую нагрузку правописания (Шапир 1999; Перцов 2008), требующих сохранения в академических изданиях правописания оригинала. Следует признать, что, к большому сожалению, авторский коллектив словаря языка Ломоносова в какой-то степени лишен выбора и отчасти выступает «заложником» прежних решений.

Как «нейтрализовать» последствия модернизации и «сблизить» тексты словаря «Риторика М. В. Ломоносова» с оригинальными текстами XVIII века? Для того, чтобы показать подлинный «облик» слова Ломоносова, восстановить неповторимую ауру ломоносовского текста, в словарной статье словаря-справочника «Риторические трактаты М. В. Ломоносова»

предусмотрена специальная справочная «строка», содержащая информацию о форме и правописании заголовочного слова в «Риторике 1759», например:

АЛЛЕГОРИЯ (11), ж.

Греч. ἀλληγορία ‘иносказание’.

Лат. allegoria.

Нем. Allegorie.

Риторика 1759: аллегорія (129).

Заметим, что редакционная коллегия юбилейного второго «исправленного и дополненного» издания Полного собрания сочинений Ломоносова сохранила прежний текст АПСС (см. АПСС² 2011: 1, 380): в результате новые недостатки текста, к большому сожалению, наслоились на старые. Позиция авторского коллектива и редакционной коллегии относительно модернизации текста Ломоносова уже достаточно четко, как представляется, выражена выше; завершим этот раздел цитатой такого выдающегося русского мыслителя, как В. В. Розанов, весьма подходящей к этому случаю (он, правда, пишет о «Российской грамматике» Ломоносова, но суть дела от этого не меняется):

«Какое течение речи! Как его не заучивают в гимназиях? Почему для гимназистов не переиздается копировально, с рисуночками и сохранением типа бумаги и шрифта эта превосходная грамматика?» (Розанов 1915: 12).

2.2. Проблема неустойчивости текста

Общеизвестно, что текст произведения не бывает диахронически неизменным: по воле автора и при жизни автора текст может трансформироваться, дополняться, редактироваться. В результате этого появляются «редакции» текста. АПСС, следуя традиции академических изданий, стремится представить текст Ломоносова с учетом всех авторских вариантов (фонд

рукописей Ломоносова, как мы знаем, сохранился достаточно хорошо).

Авторский коллектив словаря-справочника «Риторические трактаты М. В. Ломоносова» хорошо осведомлен о колебаниях при установлении так называемого канонического, т. е. окончательного текста «Краткого руководства к красноречию» (издание 1764 года или издание 1759 года) и о полемике по этому поводу между ответственными редакторами тома «Труды по филологии» акад. В. В. Виноградовым, С. Г. Бархударовым и Г. П. Блоком, с одной стороны, и А. А. Морозовым, с другой. Не будем сейчас углубляться в детали этой дискуссии или пытаться определить правоту сторон, тем более, что этому вопросу имеется исследование проф. П. Е. Бухаркина (с. 34–69). Для нас важнее другое: издание «Краткого руководства к красноречию» в академическом собрании сочинений в достаточной степени *полное*, так как перед современным пользователем, собственно говоря, не один из вариантов, пусть даже текстологически самый лучший, а *инвариант*, этого текста — он представляет собой результат сложного филологического синтеза четырех текстов, осуществленного путем использования подстрочных примечаний, редакторских вставок в основной текст и конъектур. Были использованы следующие тексты:

- ◆ рукописи (Санкт-Петербургский архив Академии наук, фонд 20, опись 3, ед. хранения № 49, л. 1–140);
- ◆ исправления в корректурных листах первого издания, сделанных самим Ломоносовым;
- ◆ первое издание «Краткого руководства к красноречию...» 1748 года;
- ◆ второе издание «Краткого руководства к красноречию...» с «сочинительными исправлениями», вошедшего в книгу вторую «Собрания разныхъ сочинений въ стихахъ и въ прозѣ коллежскаго совѣтника и профессора Михаила Ломоносова», которое было издано Московским университетом в 1759 году (так называемое университетское издание).

Таким образом, при подготовке текста к изданию в составе АПСС был создан своего рода новый, никогда не существовавший ранее сводный текст: эта поистине колоссальная работа была сделана Г. П. Блоком и В. Н. Макеевой. Дополнения и вставки в тексте АПСС имеют эксплицитное языковое выражение; для них разработан особый метаязык (подстрочные примечания, прямые и угловые скобки, курсив и пр.) Следовательно, эти материалы обладают лексикографическим потенциалом и перспективой:

- ◆ их лексические компоненты могут быть представлены в Словаре в форме *заголовочных слов*;
- ◆ в Словаре они могут быть включены в число иллюстраций к заголовочному слову.

Сказанное, как нам представляется, делает возможным следующую вывод: текст «Краткого руководства к красноречию...» по материалам АПСС может быть использован как основной и единственный источник словаря риторических трактатов М. В. Ломоносова.

2.3. Проблема дополнительных источников словарного проекта (историко-проективный или справочный раздел)

В настоящее время форматы исторического словаря и авторского словаря подвержены прогрессивным системным изменениям. Поставленные задачи подготовки авторского исторического терминологического словаря-справочника (добавим — достаточно быстрой подготовки) требует в ситуации динамики жанра внедрения новых методов анализа и представления материала. Наряду с вполне традиционными методами исторической и авторской лексикографии «Словарь языка М. В. Ломоносова» будет использовать инновационный *метод ретроспективного описания* (впервые применен в диссертационном исследовании Н. В. Каревой (2011), см. также: (Волков 2012)). Этот метод позволяет показать историко-культурную «перспективу» термина, направленную от синхронии в диахронию, т. е.:

- ◆ *жизнь* и языковые *трансформации* термина в разных индивидуальных и субнациональных терминосистемах и формирующихся языках для специальных целей,
- ◆ *активность* термина в разных культурно-языковых и культурно-идеологических контекстах эпохи — см., например, риторические термины в шуточной опере Н. П. Николаева «Опекун профессор, или Любовь хитрее красноречия» (1782);
- ◆ *традицию* употребления термина в риторической словесности как до Ломоносова, так и после его кончины (вневременное и всечеловеческое (Мейерхольд) — конкретно временное-эпохальное).

Все это, с нашей точки зрения, позволит на конкретных примерах показать, какой из терминов представляет собой результат языкового творчества М. В. Ломоносова, что он, так сказать, «интериоризировал» у своих предшественников и учителей (подробнее об этом ниже), а что — у своих коллег по Академии наук. Обращение же к наиболее известным риторическим трактатам *после* Ломоносова позволит эксплицитно, в деталях показать влияние его трудов на риторическую традицию в России конца XIX — начала XX века, оценить вклад Ломоносова в русскую филологию. В итоге наш метод позволит эксплицитно огромный интеллектуальный и культурный потенциал М. В. Ломоносова как самостоятельного, подлинно национально-русского гения и одновременно как «гражданина мировой республики ученых», глубоко усвоившего ценности культур античности и Западной Европы Нового времени, сделавшего систему идей и знаний античной и европейской цивилизаций частью своей личности.

«Языковые изменения интересуют нас прежде всего потому, что только они дают возможность объяснить языковые явления» — писал Леонард Блумфилд (1968: 311). Эксплицитная, наглядная, детализированная демонстрация фактов (контекстов) применения риторических и, шире, филологических терминов (мы можем также назвать их терминами

словесности) с середины XVIII века по настоящее время будет, как нам представляется, весьма продуктивна для изучения сложных процессов сложения теории словесного искусства в XVIII–XIX веков и, следовательно, процессов сложения и функционирования терминосистемы гуманитарных наук в русском языке.

Какие тексты заслуживают включения в раздел «*история риторического (филологического) термина Ломоносова*»?³ Должен быть «изобретен» удобный и приемлемый для такой словарной работы принцип организации или группировки текстов (ad hoc принцип), так сказать, «сконструирована» удобная для составителей и пользователей словарная форма представления материалов. Для этого может оказаться полезной главная стратегия «Словаря языка М. В. Ломоносова» — антропоцентрическая стратегия,

в которой лексическая единица *всегда* анализируется в связи с биографией М. В. Ломоносова и на фоне историко-культурного контекста XVIII века. Рассматривая известные М. В. Ломоносову риторические трактаты (см. об этом, например: (Коровин 1961: 345–364; Каталог 2011: 68–160)), можно установить 3 основных «разряда» или «группы» текстов, соответствующих *когнитивным этапам* длительного процесса становления Ломоносова как ученого-филолога или, назовем их иначе, этапам становления (развития) *риторической компетенции* Ломоносова.

³ Участники проекта для краткости называют его «справочный раздел».

Москва. Славено-греко-латинская академия. Античные риторики		
1.1.	Аристотель: « <i>Artis Rhetoricae</i> »	Коровин 1961: 349.
1.2.	Цицерон Марк Туллий: « <i>Selectae orationes</i> »; « <i>De oratore</i> »; « <i>Brutus</i> », « <i>De optimo genere oratorum</i> », « <i>Orator</i> ».	Коровин 1961: 353
1.3.	Марк Фабий Квинтилиан: « <i>Institutio oratoria</i> »	Коровин 1961: 362

Москва. Славено-греко-латинская академия. Русские и восточноевропейские риторики		
2.1.	«Риторика» Михаила Усачева ¹	Аннушкин 2002
2.2.	Стефан Яворский «Риторическая рука»	Аннушкин 2002
2.3.	о. Порфирий Крайский: « <i>Artis Rhetoricae praecipua tres in libros divisa atque ad instruendum oratorem selectioribus Eloquentiae fundamentis ad elegantiam styli in omni genere dicendi tradita Moscoviae. Ex anno 1733 in annum 1734, Octobris 17</i> » или «Наставления по ораторскому искусству, разделенные на 3 книги и для обучения оратора избранным основам красноречия к изяществу стилия в разного рода риторике преподаваемые в Москве с 1733 по 1734 г., 17 октября» (рукопись РГБ)	Летопись 1961: 36

Марбург. Марбургский университет. Западноевропейские риторики		
3.1.	И. К. Готтшед « <i>Ausführliche Redekunst</i> »	Сухомлинов 1895: 3, 33–40 (втор. паг.); Коровин 1961: 359
3.2.	Бург И. Ф. « <i>Elementa Oratoria</i> »	Коровин 1961: 351
3.3.	Коссен Н. « <i>De eloquentia sacra et humana</i> » ²	Коровин 1961, 351
3.4.	Demetrius Phalereus « <i>De elocutione sive dictione rhetorica</i> »	Коровин 1961, 355
3.5.	Помей Ф. А. « <i>Candidatus rhetoricae</i> »; « <i>Novus candidatus rhetoricae</i> ».	Коровин 1961: 362.
3.6.	Vossius Gerhardus Johannes. « <i>Ars rhetorica</i> » (1623)	Каталог 2011: 112

Примечания к таблице

¹ В. И. Аннушкин считает, что Ломоносов взял из вступления к «Риторике» М. Усачева не только композицию параграфов и основную терминологию, но и в самих определениях «риторики» (1743 г.) и «красноречия» (1747 г.) перерабатывал определения Усачева (Аннушкин 2002: 80).

² М. В. Ломоносов на полях книги Н. Коссена «О духовном и светском красноречии» записал: «Фигуры [речи] разбираются им [автором] с эрудицией редкостной и доставляют наслаждение» (Каталог 2011: 93).

Для создания объективной истории филологических (риторических) терминов особый интерес представит анализ их употреблений в риторических трактатах, учебных пособиях и текстах, созданных *после* выхода в свет главного риторического трактата М. В. Ломоносова — «Краткого руководства к красноречию», т. е. в риториках второй половины XVIII — первой половины XIX века (называемых иногда пост-ломоносовскими риториками). Это позволит, как мы уже говорили выше, объективно оценить влияние филологических идей Ломоносова на русскую словесную культуру (отрицательные результаты тоже будут интересны) и, возможно, провести наблюдения за формированием восходящей к трудам М. В. Ломоносова *филологической традиции*.

В число таких «пост-ломоносовских» риторик можно было бы включить следующие:

- ◆ *Амвросий (Серебренников)*, архиепископ. Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. М., 1778;
- ◆ *Рижский И. С.* Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в Санкт-Петербургском горном училище. СПб., 1796;
- ◆ *Кошанский Н. Ф.* Общая риторика: 3-е изд. СПб., 1834;
- ◆ *Зеленецкий К. П.* Общая риторика. Одесса, 1849.

Для того чтобы полностью использовать те возможности, которые предоставляются жанром словаря-справочника, конструктивно было бы включить в «материю» словарной статьи данные современных лингвистических терминологических словарей и справочных изданий, например:

- ◆ *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: терминологический словарь. М., 2007;
- ◆ *Хаззагеров Т. Г.* Общая риторика: словарь риторических приемов. Ростов-на-Дону, 1999.

Выводы

В «Словаре риторических трактатов М. В. Ломоносова» словарная статья будет состоять из двух основных разделов. Первый раздел «посвящен» лексикографической интерпретации леммы — риторического термина, представляющего собой элемент терминосистемы риторик М. В. Ломоносова. Второй раздел будет иметь справочно-информационный характер и, как предполагает авторский коллектив, должен содержать контексты употребления леммы в античных, западноевропейских и русских риториках. *Задача* этого раздела — показать историческую перспективу употребления риторического термина, роль Ломоносова в развитии русской риторики. *Сверхзадача* раздела — показать движение русской филологической мысли, этапы развития терминологических систем гуманитарных наук в России. Предложенная модель словарной статьи в «Словаре риторических трактатов М. В. Ломоносова» позволяет говорить о существовании **корпуса** источников словаря, состоящего из двух групп **основных** источников: 1) оригинальных текстов М. В. Ломоносова (назовем их **источниками словаря** или **текстами**); 2) текстов античных, западноевропейских и русских риторических трактатов на греческом, латинском, немецком и русском языках (назовем их **справочно-информационными** источниками или источниками **по истории термина**). Тексты источников XVIII–XIX веков будут использованы в словаре в полном соответствии с подлинниками, т. е. без какой-либо модернизации.

S. Volkov. The dictionary of Lomonosov's rhetorical treatises: linguistic sources.

The chapter brings up a question of a textual criticism and text study of Lomonosov's writings. Author draws attention to the sources of the "Dictionary of Lomonosov's rhetorical treatises", having been compiled at the Institute for Linguistic Studies (St. Petersburg, Russia) since 2012. The term "source of a dictionary" is discussed, the account of the texts to be used as the sources of the dictionary is provided.

П. Е. Бухаркин¹
(СПбГУ/ИЛИ РАН)

**«КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО
К КРАСНОРЕЧИЮ...»
М. В. ЛОМОНОСОВА:
ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТАТУС
И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ**

Ключевые слова: риторика, филология, текстология, основной текст, творческая история, комментарий, стих, проза, античность, литературная культура.

Глава посвящена выяснению литературного статуса «Краткого руководства к красноречию...» М. В. Ломоносова и рассмотрению некоторых важных проблем его филологического изучения, среди которых особое место занимают текстологические вопросы, однозначное решение которых в настоящее время представляется затруднительным.

1

То, что поэтические произведения М. В. Ломоносова являются собою одно из высших достижений русского слова XVIII столетия, вряд ли нуждается в аргументации или может быть подвергнуто сомнению. Так же как и бесспорный эстетический статус его ораторской прозы, признанный уже его современниками. Но не меньшей языковой выразительностью отмечены и ломоносовские научные труды: они интересны не только выражаемыми в них научными идеями, но и в не меньшей степени своей речевой фактурой, которая делает ученые трактаты Ломоносова в некотором роде феноменами русской словесности,

¹ Петр Евгеньевич Бухаркин, д-р филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы СПбГУ, ведущ. науч. сотр. отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН.

важными не для одних историков науки, то также историков русского литературного языка и даже русской литературы².

Подобная культурная ситуация была обусловлена обстоятельствами достаточно разного свойства; далеко не последнюю роль играла среди них эпоха, к которой Ломоносов принадлежал, — эпоха рефлексивного традиционализма³. Эта грандиозная (как по временной протяженности, так и по оставленному культурному наследству) эпоха охватывает VII–V века до Р. Х. — XVIII век по Р. Х. При всей естественной вариативности доминирующих мировоззренческих систем и духовно-идеологических интенций ей были присущи некие константы, в частности, цели и смысл познания осознавались носителями рефлексивного традиционализма в общих чертах одинаково. Они в конечном счете заключались в обнаружении некоей сокровенной основы бытия, трансцендентной по отношению к отдельному человеческому сознанию; даже лишь приоткрытая человеку, эта основа, заключая в себе истину, способна привести его к счастью, включающему в себя благо, справедливость и красоту. Процессы воплощения результатов такого умопостижения истины в слове, что было необходимо для передачи постигнутого другим людям, регулировались риторикой, которая недаром определялась не просто как искусство красноречия (понимая его, по Квинтилиану, как *ars bene discendi* или же как *ars ornandi*; впрочем, такие толкования не противоречили одно другому и между собою могли вполне мирно уживаться), но и как искусство *правильной* жизни, *правильной* в смысле ее соответствия истине. Причем в различных

² Укажу в связи с этим на книгу А. В. Чичерина «Очерки по истории русского литературного стиля» (Чичерин 1977), в которой научная проза Ломоносова рассматривается в качестве одного из высших достижений прозаического стиля XVIII века.

³ Понятие рефлексивного традиционализма было предложено С. С. Аверинцевым (1996). А. В. Михайлов, подойдя к этой же эпохе с точки зрения функционирования литературного слова, определил ее как культуру «готового слова» (Михайлов 1997).

речевых жанрах доминировали в чем-то разные составляющие риторики: в сочинениях научных (научных вообще, вне зависимости от конкретной науки, к чьему ведению они относились) на первый план выходили логико-аналитические начала, в поэзии (т. е. в художественной литературе) — языковые, позволяющие явить истину как красоту. Эти доминанты, разводя науки и поэзию, вместе с тем не разрывали их внутренней связи: в конечном счете поэзия и наука стремятся к одному — к обнаружению истины, которая начиная с христианизации античной мысли понималась как величие Божие; такое осмысление истины сохранялось в постгуманистическое время, к которому принадлежал Ломоносов.

Конечно, родственность науки и поэзии вовсе не означала их полной идентичности; слово науки близко, однако не тождественно поэтическому слову. Первое стремится к ясности, при всем великолепии и пышности, при несомненной восторженности ломоносовского научного стиля он, в целом, ясен и прозрачен; смысл ученого трактата обычно складывается непосредственно из прямого значения составляющих его слов, при всей своей эстетической заряженности он, скорее, статичен. С поэтическим произведением дело обстоит сложнее: его семантическое поле гораздо менее определено, границы такого поля размыты, а главное, оно само подвижно, в нем действуют уже не статические, но динамические смыслообразующие силы. Динамика эта образуется прежде всего сложным взаимодействием внутри его смыслового пространства прямого лексического значения составляющих его слов с другими содержательными стратегиями, связанными в первую очередь с поэтической формой (Бухаркин 2011: 101–128).

Семантической сложности такого уровня научные сочинения Ломоносова лишены. Но все же они, хотя и существенно иначе, решают те же конечные задачи, что и поэзия, — посредством слова, причем слова по возможности эстетически совершенного. Именно поэтому Ломоносов так беспокоился

о стилистической безукоризненности ученых своих трактатов; он совершенно отчетливо осознавал их *литературные* достоинства, в частности их значение для созидания ему желаемого и им самим создаваемого литературного языка.

«На природном языке разного рода моими сочинениями, — писал он в прошении на высочайшее имя о своем увольнении (1762), — грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высоких наук надлежащими физическими, химическими и механическими, стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражениям идей трудных» (АПСС 10, 352).

Точные («высокие») науки, науки гуманитарные, поэзия, т. е. важнейшие плоды интеллектуальных усилий человека, кроме решения своих собственных задач, преследуют и общую для всех них цель — совершенствование языка. И это, естественно, их предельно сближает, делая в известных отношениях размытыми границы между ними. Прозрачность границ усиливается окружающим словесное творчество Ломоносова литературным контекстом, даже шире, теми общими принципами отношения к слову, которые определяли речевое поведение человека в его эпоху. Риторическая культура не предполагала жесткой и обязательной связи между тем, что мы называем художественной литературой, и вымыслом; эстетическая ценность текста определялась не выразительностью мимесиса, а красотой, прихотливостью, необычностью сочетания слов друг с другом, она была связана в первую очередь с актуализацией тех имманентных возможностей, которые были заложены в самой структуре слова. Эти качества могли (хотя и с неодинаковой интенсивностью) проявляться как в фикциональном (т. е. придуманном) словесном мире, так и в жанрах, направленных на прямое описание окружающего мира, в частности, в естественнонаучных сочинениях. В случае с Ломоносовым так и происходило, поэтому его произведения, вне их принадлежности к научному

или же поэтическому дискурсу, в известной мере становились литературными фактами, причем такими, какие в самой существенной степени воздействовали на развитие языка. Только что приведенные слова Ломоносова показывают, что сам он это ясно осознавал и придавал этой стороне своей деятельности особое значение.

Подобное отношение к научным сочинениям делает их отчасти и литературными произведениями, что, в свою очередь, требует филологического подхода к ним, в частности, обращения к их текстологическим проблемам. Риторические трактаты Ломоносова в данном отношении, естественно, не составляют исключения; более того, их значение как необходимых объектов филологического исследования значительно усиливается еще двумя обстоятельствами, отсутствующими в отношении ломоносовских естественнонаучных трудов. Первое из них, впрочем, в равной мере затрагивает все его филологическое наследие, «Российскую грамматику» или «Предисловие о пользе книг церковных...» в несколько не меньшей степени, чем «Краткое руководство к риторике» или «Краткое руководство к красноречию...». Все они, будучи выразительными фактами научной мысли, одновременно представляют собою феномены русского языка в его попытках собственного самоосознания. Можно сказать, что в «Кратком руководстве к красноречию...» (так же как в «Российской грамматике» и прочих филологических трудах Ломоносова) посредством ломоносовского интеллекта, выполняющего в данном случае функцию некоего органа выражения рефлексий языка над самим собой (своей природой, способом воздействия на мир и путями развития), русский язык явил самое себя в наиболее совершенных своих образцах, равно глубоких осмыслением внутренних языковых законов и блестящих совершенством их речевого выражения. Такое обстоятельство придает филологическим сочинениям Ломоносова совершенно особый статус и требует предельного внимания — в том числе — и к структуре их текста.

Второе из упомянутых обстоятельств уже касается только «Краткого руководства к красноречию...». Оно связано с известной двуприродностью этого произведения, соединяющего в себе высокоученый риторический трактат и собрание литературных примеров; свои положения и определения Ломоносов неизменно иллюстрирует прозаическими или поэтическими произведениями, являющимися конкретным воплощением в литературной практике отвлеченных правил. Иллюстраций этих много, одних стихотворных текстов насчитывается около семидесяти; некоторые из них невелики по объему, однако встречаются и достаточно внушительные стихотворения: басни, анакреонтическая ода «Ночною темнотою...», перевод «Eхegi monumentum...» Горация («Я знак бессмертия себе воздвигнул...»), переложения 14-го и 145-го псалмов, «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» и др. К поэтическим примерам надо присовокупить и образчики прозаических сочинений; особенно богата ими третья книга — «О расположении». Здесь встречаются обширные и вполне законченные произведения, такие как перевод диалога Эразма Роттердамского «Утро» (§ 221), или же «Разговоры в царстве мертвых» Лукиана (между Александром и Ганнибалом). Велико по размеру и завершено по смыслу и замечательное рассуждение, предложенное в § 271 в качестве иллюстрации следующего силлогизма: «Ежели что из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет, оное от разумного существа устроено. Но видимый мир из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет. Следовательно, видимый мир от разумного существа устроен» (АПСС 7, 319). Рассуждение это лучше всего определить как «маленький трактат, где автор говорит о природе и о человеке, о живых процессах бытия, о единстве ясно и верно познаваемой материальной действительности» (Чичерин 1985: 207). «В нем, — по верным словам М. И. Сухомлинова, —

выражается основная мысль Ломоносова, высказанная им в нескольких сочинениях и заключающаяся в том, что изучение творения ведет к познанию Творца» (Сухомлинов 1895: 521 (2 паг.)). Использование разных источников (Цицерона, Иоанна Златоуста, Г.-В. Лейбница, Х. Вольфа) (Сухомлинов 1895: 521–531 (2 паг.)) не препятствует самостоятельности: Ломоносов лично захвачен тем, о чем пишет, перед нами не холодное упражнение изошренного в риторических правилах ума, а ответственный поступок человека, переживающего свою мысль как жизненную позицию.

Встречаются прозаические фрагменты — и не так уж редко — и в других книгах «Краткого руководства к красноречию...» Это примеры рассуждений (§ 82), описаний (§ 58), афоризмов (§ 41) и, конечно же, отрывки из эпидейктических речей — Демосфена, Цицерона, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского. Жанровый спектр высокой прозы (а она одна и заслуживала признания в глазах людей середины XVIII столетия) представлен в ломоносовской риторике едва ли не во всей полноте⁴.

Конечно, риторический трактат классической эпохи (т. е. всего грандиозного периода рефлексивного традиционализма) по своей природе предполагал включение в себя разнообразных примеров: отвлеченные рассуждения — для того, чтобы быть сперва усвоенными, — нуждались в своеобразном разъяснении, которое и представляли собой литературные фрагменты; классическая риторика учила построению правильных текстов двойным способом: с помощью правил, экспликация которых составляла, так сказать, «теоретическую» часть риторического трактата, и с помощью образцов, заимствовавшихся (в виде фрагментов разного объема) у наиболее авторитетных авторов. Поэтому, начиная с «Риторики» Аристотеля (впрочем, как раз

⁴ Мной были указаны далеко не все из даваемых Ломоносовым жанровых образцов и тем более из приводимых им конкретных примеров.

в данном отношении не очень интересной — по части примеров Аристотель был крайне скуп), метариторические классические трактаты (античные, средневековые, гуманистические, постгуманистические, т. е. барочные/классицистические), как правило, включали в себя достаточно внушительную хрестоматийную часть — естественно, не оформленную как композиционно самостоятельный раздел. Подобная практика была распространена и в восточнославянской словесности XVII — первой половины XVIII века, которая в своих элитарных (как в социальном, так и в интеллектуальных аспектах) регистрах, европеизируясь, активно усваивала риторiku. Восточнославянские латиноязычные трактаты включали в себя авторитетные поэтические (в широком смысле, т. е. художественно-литературные) иллюстрации к заключенным в них теоретическим моделям. Пожалуй, наиболее выразительный пример в этом отношении дает «*De arte rhetorica*» Феофана Прокоповича⁵, наполненная отсылками к сочинениям весьма разнообразных авторов — как античных, так и раннехристианских. В одних случаях — это именно отсылки, ограничивающиеся простым перечислением образцов: так, 11-й раздел («О похоронной речи») 8-й книги «О эпидейктической или украшенной речи» обширного этого лекционного курса завершается пунктом 8, озаглавленным «Примеры»; в нем указаны наиболее значимые, по мнению Феофана, сочинения подобного рода — Григория Назианзина, Григория Нисского, Амвросия Медиоланского, Иеронима. В других случаях автор дает свой пересказ нужного ему отрывка — например, в 12-м разделе («О надгробных надписи или epitaphii и про другие краткие речи, также и про остроты») той же 8-й книги находим, в частности, изложение фрагментов «Панегирика Траяну» Плиния Младшего. В третьих случаях Феофан предлагает собственные вариации

⁵ «*De arte rhetorica*» представляет собою лекционный курс, прочитанный Феофаном в Киево-Могилянской академии в 1706–1707 годах на латинском языке.

авторитетного текста: заключая этот же 12-й раздел 8-й книги примером, он дает свой вариант части речи Цицерона «В защиту закона Манилия», адресованной Помпею, предваряя его следующим комментарием: «...предлагаю тут коротенькое слово про великого Помпея, которое удалось создать на основе речи Цицерона „В защиту закона Манилия“» (Феофан 1979: 406). Наконец, в четвертых случаях (их — большинство) приводятся прямые цитаты: например, в 3-м разделе («О чувстве любви, стремления, заботы и тревоги») 5-й книги («О рассмотрении страстей») обильно цитируются Овидий, Корнелий Непот, Сенека, Марциал, Вергилий.

На таком фоне литературная составляющая «Краткого руководства к красноречию...» М. В. Ломоносова на первый взгляд не кажется ни необычной, ни тем более выдающейся. Однако это не так; некоторые — и весьма весомые — моменты придают литературным иллюстрациям ломоносовского трактата совершенно особый смысл, во всяком случае, в границах русской культуры. Во-первых, литературные примеры обильны (если говорить о восточнославянской словесности доломоносовского времени) прежде всего в латиноязычных риторических трактатах, метариторические сочинения на русском языке в данном отношении несоизмеримо скромнее — это относится и к «Риторике» митрополита Макария, и к «Риторике» М. Усачева, и к переводу «Риторической руки» Стефана Яворского Ф. Поликарповым, и к выговским старообрядческим риторикам. Подобная ситуация легко объяснима: русская словесная культура просто не обладала необходимыми литературными ресурсами — собственная литературная традиция казалась в этом случае неподходящей, включение латинских (тем более греческих) фрагментов в русскоязычный трактат представлялось неуместным (по ряду причин, в том числе и чисто дидактических), а к переводу таких фрагментов авторы, вероятно, были не готовы. Поэтому риторические трактаты на русском языке были в литературно-иллюстративном отношении весьма бедными; в них упоминаются те или иные образцы

(без этого риторический трактат обойтись все же не мог), но или в виде простых упоминаний, или же как неопределенный пересказ, причем совсем лишенный всяких претензий на сохранение риторического совершенства образца. В «Кратком руководстве...» дело обстоит совершенно иначе: его многообразные поэтические иллюстрации (как стихотворные, так и прозаические) передают риторические образцы именно как образцы для упражнений на *русском языке*. Для этого они должны были быть совершенными, и Ломоносов прилагает все огромные свои литературные силы для достижения искомого совершенства, — как правило, с несомненным успехом; ничего подобного в восточнославянской риторической теории до этого не знала.

Правда, в общеевропейском культурном контексте данный факт уже не кажется совершеннейшим исключением; в западноевропейских риторических трактатах — во всяком случае в постгуманистическую эпоху — можно обнаружить нечто подобное. Так, Б. Грациан в своем риторическом компендиуме «Остроумие или искусство изощренного ума», как правило, снабжал приводимые примеры переводом, часто сопровождавшимся комментирующими пояснениями (Штейн, Брагинская 1977: 635). Но его переводы-толкования прилагались к оригиналам, что в самой существенной мере меняло их статус по сравнению с тем, что обнаруживается у Ломоносова: соседство античного подлинника снижало образцовость его воплощения на новоевропейском языке, перевод, несомненно, демонстрировал поэтические возможности последнего, но все-таки высшая авторитетность при этом сохранялась за словом античности, а не Новой Европы. Ломоносов, как известно, оригиналы опускает, предлагая исключительно русский вариант, который силой собственной единичности (т. е. отсутствия латинского/греческого подлинника) приобретает статус окончательного и достаточного для литературного сознания образца, не требующего подкрепления авторитетом оригинала. Стоит обратить внимание в связи с этим на похожую параллель, но теперь в границах русской словесности середины XVIII века — имею

в виду многочисленные стихотворные фрагменты из античных авторов в переводе «Истории» Ш. Роллена — Кретье⁶, выполненным В. К. Тредиаковским на протяжении почти трех десятилетий — с конца 1730-х по конец 1760-х годов; работа Ломоносова над «Кратким руководством к красноречию...», таким образом, по времени совпадает с колоссальным предприятием его старшего современника и главного с ним соревнователя — она захватывала 1740-е, а если иметь в виду поправки, внесенные им в текст трактата при подготовке издания Московского университета 1757–1759 годов, то и 1750-е годы. Тредиаковский включает в свой исторический труд переводы античных поэтов, конечно, в совсем иных видах, нежели Ломоносов; собственно говоря, это было даже не вполне его решение: он непосредственно следовал за подлинником, поэтическая его воля определялась замыслом оригинала. Но все же его переводы, особенно стихотворные (а Тредиаковский переводил античных поэтов во многих случаях и прозой) имели несомненное поэтическое значение, что позволяет сопоставить их с литературными примерами «Краткого руководства к красноречию...»⁷. Такое сопоставление сразу же обнаруживает различия между переводами двух авторов в интересующем нас сейчас отношении: переводческие стихотворные опыты Тредиаковского (которые он делал с подлинным увлечением, в ряде случаев отказываясь от тех или

⁶ Под условным названием «История» Роллена — Кретье я имею в виду переводы двух многотомных сочинений самого Ш. Роллена: «Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках» (Роллен 1749–1762) и «Римская история от создания Рима до битвы Актийская, то есть по окончании Республики...» (Роллен 1761–1767) и труда ученика Роллена Ж.-Б. Л. Кретье «История о римских императорах с Августа по Константина...» (Кретье 1767–1769).

⁷ Художественные аспекты стихотворных фрагментов в переводе Роллена — Кретье были рассмотрены А. А. Дерюгиным (см. Дерюгин 1985). В настоящее время эта сторона литературной деятельности Тредиаковского в разных аспектах исследуется А. Н. Семихиной, которую я благодарю за консультации и предоставление ряда сведений.

иных фрагментов Роллена, иногда же добавляя самостоятельно выбранные из римлян отрывки) неизменно сопровождалась латиноязычными оригиналами, отсутствие же их у Ломоносова заметно смещало акценты: приводя примеры исключительно на русском языке, Ломоносов, тем самым, полностью устранял момент соревновательности — русский язык сам по себе способен к порождению идеальных художественных образцов.

Второй момент неразрывно связан с только что сказанным. Весомость «литературной» составляющей «Краткого руководства к красноречию...», вдобавок ко всему многократно усиливалась поэтическим гением Ломоносова: художественные иллюстрации в трактате принадлежали перу (как оригинальные произведения, так и переводы) великого поэта. Пожалуй, после Цицерона европейская литература классического типа не знала подобного примера (с некоторыми оговорками здесь можно назвать также Грациана): фундаментальный риторический труд был создан не просто выдающимся интерпретатором речевой деятельности, но и гениальным творцом. Это усиливало идею совершенства русского языка, способного к порождению высших форм поэтической авторитетности, усиливало за счет своеобразной персонификации данного совершенства — оно не просто потенциально содержится в русском языке, оно уже выражено в произведениях самого автора риторического трактата, т. е. Ломоносова, который, тем самым, становится основным (а в действительности — единственным) литературным авторитетом, соответствующим самым неоспоримым авторитетам как древней, так и новоевропейской словесности.

Как известно, Ломоносов был очень сдержан, во всяком случае, в «Кратком руководстве к красноречию...», в отношении национальной литературной традиции (коренным образом отличаясь здесь от В. К. Тредиаковского, весьма ценившего многих своих предшественников и старших современников), однако его собственные литературные иллюстрации были призваны свидетельствовать о том, что традиция эта к настоящему моменту уже обладает совершенными художественными

достижениями и — что, возможно, еще значимее — образцовым автором. В той литературной ситуации, в которой создавался ломоносовский трактат, это приобретало дополнительный — и крайне важный — культурный смысл. С известной долей преувеличения, но можно сказать, что центральные литературные деятели эпохи — А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, чуть позднее А. П. Сумароков — предлагали каждый свой в чем-то особый вариант новой русской литературы в ее отношениях к собственному прошлому и литературам западным; эти концептуальные предложения были разработаны, естественно, с разной степенью подробности и совсем по-разному были донесены до публики (в случае с А. Д. Кантемиром они вообще не были преданы гласности). Наиболее полной формой выражения подобных концепций оказались собрания сочинений, сама идея которых родилась в сознании В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова почти одновременно — на рубеже 1740–1750-х годов⁸. Однако еще до этого публикацией в 1748 году «Краткого руководства к красноречию...» Ломоносов отчасти пытается решить ту же задачу: благодаря своим литературным примерам, ломоносовский риторический трактат оказывается одновременно и своего рода

⁸ Надо сказать, что хотя Ломоносов опередил Тредиаковского, выпустив «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе» в 1751 году («Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» В. К. Тредиаковского появились на следующий год, в 1752г.), однако Тредиаковский в своих «Сочинениях и переводах...» действительно предлагает обширную программу русской словесности, в то время как «Собрание разных сочинений...» Ломоносова, не пошедшее далее первого тома, в этом отношении несравненно менее выразительно. С «Сочинениями и переводами...» сравним, скорее, второй ломоносовский опыт в этом роде — изданное при Московском университете в 1757–1759 годах двухтомное «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе г. коллежского советника и профессора Михаила Ломоносова... 2-е изд. с прибавлениями», для которого, в частности, было написано программное «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке». О «Сочинениях и переводах...» Тредиаковского в указанном аспекте см.: (Алексеева 2009: 446–494).

первым в русской литературной культуре опытом авторского собрания сочинений и переводов — фрагментарного, но, тем не менее, несущего в себе определенную концепцию дальнейшего развития русской литературы.

3

Подобная литературная «нагруженность» «Краткого руководства к красноречию...» заставляет отнести к нему как во многом особому литературному феномену, требующему филологического своего исследования. Применение же к ломоносовскому сочинению филологического аналитического инструментария, в свою очередь, неизбежно влечет за собою критику его текста: как наука, направленная на понимание того или иного словесного произведения, филология первоочередной своей задачей считает установление основного текста изучаемого произведения, а затем разъяснение его «темных» мест, т. е. комментирование. Без предварительных операций такого рода невозможно перейти к дальнейшим этапам филологического исследования⁹. Поэтому рассмотрение «Краткого руководства к красноречию...» в филологических аспектах предполагает прежде всего обсуждение возникающих в связи с ним текстологических вопросов. А их немало, можно сказать, что все три важнейшие составляющие текстологии — установление канонического (основного) текста, творческая история произведения, объясняющий комментарий — оказываются, пусть и в несколько разной степени, актуальными для «Краткого руководства к красноречию...»¹⁰.

⁹ В понимании целей и задач филологии я следую за ее характеристиками, данными в русской науке Ф. Ф. Зелинским, Г. О. Винокуром, С. С. Аверинцевым, А. Б. Муратовым, которые, при всех весьма значительных отличиях, сходятся в своих главных концептуальных положениях. См.: (Зелинский 1902: 811–816; Муратов 1993: 95–100; Муратов 1996: 89–99; Винокур 2000: 452–562).

¹⁰ См. о центральных текстологических проблемах, применительно к новой русской литературе: (Винокур 1927; Томашевский 1959; Лихачев 1964; Рейсер 1978).

Первая из проблем, первая как по порядку, так и по значимости, — установление основного текста — сопровождается применительно к ломоносовской риторике еще и дополнительными трудностями: по отношению к самому авторитетному академическому изданию сочинений Ломоносова — Полному собранию сочинений в 11 томах, начатому под общим руководством С. И. Вавилова в 1950 году (АПСС) — достаточно острым оказывается вопрос о языковой идентичности публикуемых в нем текстов орфографическим, пунктуационным и грамматическим принципам их первоначальных изданий, в конечном счете соответствующих языковым представлениям самого Ломоносова¹¹. В основу лингвистической стратегии воспроизведения ломоносовских текстов издателями АПСС, по их собственным словам, были положены «Правила издания исторических документов», изданные в 1955 году Институтом истории Академии наук СССР, Главным архивным управлением и Историко-архивным институтом (Виноградов, Бархударов, Блок 1956: 469) и предлагающие передавать словесные произведения, в частности XVIII века, следуя правилам современной орфографии. Вместе с тем формальное применение подобных правил к классическим текстам таит в себе и немалые опасности, которых не избежали — при всей своей несомненной филологической авторитетности и высоком профессионализме — и редакторы академического издания: «При издании филологических трудов Ломоносова приведена бесшабашная модернизация текста, вдобавок осложненная небрежностью. Редакторы сплошь и рядом игнорируют индивидуальные особенности морфологии, синтаксиса, орфографии Ломоносова, отражающие существенные моменты в историческом развитии русского литературного языка <...>» (Морозов 1956: 169)¹².

¹¹ Эта проблема в нашей монографии оказывается и в поле исследовательского внимания С. С. Волкова («Словарь-справочник “Риторика М. В. Ломоносова”: источники и тексты»), рассматривающего ее в связи с кругом общих лексикографических проблем.

¹² Надо сказать, что вопрос о принципах модернизации текстов авторов XVIII века — именно научный вопрос, требующий дальнейших

При всей заостренной категоричности этой оценки, данной изданию А. А. Морозовым, очень во многом с ним трудно не согласиться.

Здесь, кстати, уместно вспомнить, что многие выдающиеся знатоки текстологических проблем новой русской литературы, в их числе Б. М. Эйхенбаум и С. А. Рейсер, сами занимавшиеся языковой модернизацией классических литературных текстов, вместе с тем видели таившиеся в ней опасности и против нее предостерегали; приведу весьма характерное суждение Б. М. Эйхенбаума: «Уничтожение <...> следов живого языка равносильно его фальсификации; это некультурно и антиисторично» (Эйхенбаум 1962: 80; Рейсер 1978: 23–24). В случае же с Ломоносовым общие трудности увеличиваются существенной разнородностью его произведений, образующих не только оппозицию «стих — проза», но и «научный — художественный тип речи»; хотя выше говорилось об относительности противопоставления науки и поэзии в сознании и творческой практике Ломоносова, вовсе игнорировать такое противопоставление тоже не следует — языковая ткань его, с одной стороны, художественных произведений, а с другой, произведений научных все же существенно разнится. Надо сказать, что редакторы АПСС вполне осознали связанные с этим сложности и предложили при издании собственно художественных произведений (к которым относятся не только поэтические произведения, но и панегирическая проза, и проекты фейерверков и иллюминаций, соединяющие в себе стихотворную и прозаическую речь) во многом отступить от принципов публикаций текстов в предшествующих томах и с большим вниманием отнестись к сохранению как орфографии Ломоносова, так и устаревших грамматических форм (что особенно важно применительно

размышлений. В качестве существенной вехи на пути этих размышлений, уже весьма удаленной от нас во времени, можно указать на статью: (Лотман, Толстой, Успенский 1981: 312–324).

к стихотворным текстам). Подобное решение, при всей своей несомненной оправданности и продуктивности, вместе с тем уязвимо, причем сразу по нескольким причинам. Во-первых, применение разных принципов к изданию произведений одного автора, хотя и освещено в русской филологической практике высокими текстологическими авторитетами, представляется логически несколько уязвимым: несмотря на глубокие различия между отдельными ветвями творчества, словесный мир автора являет свою некую, пусть относительную, но несомненную целостность; поэтому воспроизведение отдельных фрагментов этого мира при помощи разных текстологических принципов в пределах единого целого, которое составляет (при всем естественном многообразии) собрание сочинений, не может не вызывать известные сомнения. Во-вторых, это общее соображение в случае с Ломоносовым усиливается особой языковой выразительностью всех его — а не только прямо литературных — произведений; как уже говорилось выше, грань между его художественными (выражаясь языком XX века) и нехудожественными сочинениями достаточно зыбка; язык последних также насыщен эстетическим содержанием, что делает применение к ним других публикационных стратегий не вполне мотивированным. В-третьих, ряд произведений, не вошедших в 8-й том академического издания, в частности исторические труды Ломоносова, несколько не уступают своей литературностью его панегирикам, недаром В. О. Ключевский видел в главном ломоносовском историческом опусе — «Древней Российской истории от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года...» (опубл. в 1766 году) — плод скорее поэтического, а не научно-го вдохновения: Ломоносов «хотел мгновенным вдохновением уловить дух русской истории. Это, очевидно, прием оратора или поэта» (Ключевский 1989: 197). Публикация этого текста по другим правилам, нежели публикация, скажем, «Слова похвального Ея Величеству Государыне Императрице Елисавете

Петровне» (1749), в связи с этим кажется мотивированной в явно недостаточной степени. Тем более это следует сказать при сопоставлении «Древней Российской истории...» с программами фейерверков и иллюминаций, воспроизводящимися с большим сохранением индивидуальной манеры Ломоносова.

Приведенные выше факты можно было бы преумножить: например, совсем неясно, почему «Явление Венеры на Солнце, наблюденное в санктпетербургской императорской академии наук мая 26 дня 1761» (особенно имею в виду финал этого сочинения, где Ломоносов не только с совершенной отчетливостью выражает свое представление о смысле и целях человеческого познания вообще, но и создает прозаический гимн человеку и мирозданию) в меньшей мере заслуживает сохранения своей лингвистической аутентичности, нежели, к примеру, «Слово благодарственное Ея Императорскому Величеству на освящение Академии художеств, именем Ея говоренное» (1764). Однако и сказанное представляется достаточным, чтобы увидеть в принципах лингвистического воспроизведения текста, положенных в основу академического издания проблемы, явно нуждающуюся в дальнейших научных рассмотренных. Острота этой проблемы значительно усиливается и тем, что принципы воспроизведения текста АПСС были без всяких пояснений и комментариев повторены в исправленном и дополненном воспроизведении АПСС в 2011 году (АПСС²).

Однако, как отмечалось, вопросом о языковой аутентичности ломоносовских текстов в двух последних академических изданиях проблема основного текста «Краткого руководства к красноречию...» совсем не исчерпывается; этот вопрос создает лишь дополнительные трудности, сама же проблема расположена в иной, собственно текстологической плоскости. Эта проблема была выявлена в ходе дискуссии, состоявшейся в середине 1950-х годов.

В 1956 году, через несколько лет после выхода (в 1952 году) 7-го тома АПСС (редакторы — В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов

и Г. П. Блок), включающего в себя труды по филологии, такой глубокий (хотя и весьма пристрастный и не вполне принадлежащий к твердой академической научной традиции) знаток ломоносовского творчества, как А. А. Морозов, выступил с принципиальной и далеко не лишённой язвительности критикой издания — и не всего филологического тома, а только лишь входящего в него «Краткого руководства к красноречию...». А. А. Морозов обратил внимание на то, что избранное редакторами 7-го тома в качестве основного текста «Краткого руководства к красноречию...» издание 1765 года, признанное ими выражением последней авторской воли, вряд ли является таковым. Приведя ряд обоснованных (хотя и высказанных не без запальчивости) аргументов, он квалифицировал издание 1765 года не как последнее авторское издание, но как простую перепечатку первой публикации «Краткого руководства к красноречию...» (1748), причем перепечатку по дефектному экземпляру. Ломоносов к этой публикации отношения не имел, и посему считать ее выражением последней авторской воли вряд ли следует. Основным текстом «Краткого руководства к красноречию...» следует, по мнению А. А. Морозова, считать издание 1759 года, представляющее собой 2-й том «Разных сочинений в стихах и в прозе господина коллежского советника Михаила Ломоносова», изданных Московским университетом, участие в котором автора несомненно: на это, в частности, указывает титульным лист 2-го тома — «второе издание с сочинителевыми исправлениями». Текст имеет ряд разночтений с изданием 1748 года, перепечатанным в 1765 году и положенным в основу текста, помещенного в АПСС (Морозов 1956: 167–168). В сочетании с модернизацией текста и отдельными небрежностями текстологического описания выбор неправильного варианта в качестве основного делает 7-й том АПСС, точнее — помещенный в нем текст «Краткого руководства к красноречию...», весьма уязвимым с точки зрения филологической критики текста.

Такова первая текстологическая проблема «Краткого руководства к красноречию...». Как видим, она включает в себя два во многом самостоятельных вопроса; первый из них — о возможностях и пределах языковой модернизации классического текста — в последнее время неоднократно ставился, причем применительно к авторам различных исторических периодов. Однако его постановка — насущно необходимая для дальнейшего уяснения самых существенных текстологических задач — все же не перешла в строго научное, взвешенное и многостороннее обсуждение; отчасти поэтому традиционная филологическая конвенция не была опровергнута. И осознавая все существенные трудности, возникающие в ходе реализации этой конвенции, а также несомненные потери, несомые классическим текстом, в настоящее время вряд ли возможно от нее отказаться; хотя совершенно очевидна также необходимость хотя бы частичного пересмотра доминирующих ныне правил и поисков более адекватных способов воспроизведения языковых особенностей текстов XVIII века; их — в первую очередь¹³. Пока же, очевидно, следует удовлетвориться выявлением этой проблемы как требующей дальнейших аналитических размышлений; в конце концов сам факт констатации нерешенного вопроса важен для науки и продуктивен для ее дальнейшего развития.

Второй вопрос об окончательном тексте «Краткого руководства к красноречию...» — выбор одного из вариантов в качестве канонического — такого рода сложностей, казалось бы, не вызывает; однако при современном состоянии науки о Ломоносове и ее решение становится во многом затруднительным. Дело в том, что статья-рецензия А. А. Морозова, вызвав ответ редакторов 7-го тома АПСС — В. В. Виноградова,

¹³ Об особой остроте данной проблемы применительно именно к литературным произведениям XVIII века см.: (Лотман, Толстой, Успенский 1981).

С. Г. Бархударова и Г. П. Блока (1956: 469–472), — резкость которого, заметим мимоходом, вполне соответствует резкости морозовской статьи, в дальнейшем не стала предметом научного обсуждения. В связи с этим вопрос об основном тексте «Краткого руководства к красноречию...», едва возникнув, оказался вытесненным из поля научных интересов специалистов по филологическому наследию Ломоносова. В частности, его обходят вниманием и авторы наиболее солидных пособий по истории русской риторики — В. П. Вомперский (1988¹) и В. И. Аннушкин (2003). Более того, возникшая проблема, как уже отмечалось, не нашла себе места и при переиздании 7-го тома в новом варианте АПСС² (2011). Вместе с тем, при всей своей убедительности, аргументы А. А. Морозова требуют как проверки, так и систематизации. Несмотря на то, что ответ ему со стороны редакторов 7-го тома в целом вряд ли может быть признан убедительным — как раз морозовская аргументация против издания 1765 года как содержащего основной текст «Краткого руководства к красноречию...» в нем почти обходится — для решения вопроса требуется дальнейшее кропотливое сравнительное исследование имеющихся прижизненных вариантов текста, которое так и не проводилось, несмотря на истекшую с момента инициированной А. А. Морозовым полемики половину с лишним века. Выборочную работу такого рода — на материале третьей («О тропах речений») и четвертой («О тропах предложений») глав второй части «Краткого руководства к красноречию...» («Об украшении») — проделал К. Н. Лемешев¹⁴. По его заключению, разночтения между университетским изданием 1759 года и публикацией 1765 года не затрагивают концептуальной основы трактата; вместе с тем они относительно многочисленны и в некоторых случаях связаны с достаточно серьезными изменениями текста. Наибольший интерес представляют (из отмеченного К. Н. Лемешевым)

¹⁴ Благодарю К. Н. Лемешева, любезно разрешившего мне воспользоваться результатами своих наблюдений.

следующие расхождения между двумя изданиями: во-первых, в § 189, которым открывается глава 4, в издании 1759 года находим: «...от которых <тропов — П. Б.> получает слово **знатное** возвышение и великолепие, а особливо от четырех первых» (Ломоносов 1759: 129), в издании же 1765 года — «от которых <тропов. — П. Б.> получает слово **особливое** возвышение и великолепие, а особливо от четырех первых» (АПСС 7, 249–250). Во-вторых, в § 192, заключающем в себе загадки и пословицы как примеры аллегии, в издании 1759 года приводится перевод четырех стихов (104–107) из Вергилия (Эклога 3), разделенных ломоносовским пояснением:

Скажи, в каких землях, то будешь ты мне Феб,
Не больше трех локтей открыты небеса

И о цвете Гиацинта, родившемся от Агисовой крови:

Где именем царей украшены цвета?
Как скажешь, то владей Филлидою один
(Ломоносов 1759: 130).

Издание же 1765 года ограничивается только первым двустишием (АПСС 7, 251). Существенно отличаются и приводимые пословицы.

Издание 1759 года:

Гворенное слово серебро, а умолчание золото.
Молебен пет, а польги нет.
Где тонко, тут и рвется (Ломоносов 1759: 130–131).

Издание 1765 года:

И всяк спляшет, да не так, как скоморох.
Молебен пет,
А польги нет.
Либо полон двор,
Либо корень вон (АПСС 7, 251).

В-третьих, в § 193, при характеристике аллегорического стиля, в издании 1759 года находим: «Умеренно употребленная аллегория слово украшает и возвышает, а без меры часто в слово внесенная оное помрачает и обезображает. Иногда служит к возбуждению страха и в сем случае ночи подобна, ибо потаенное страшит больше, нежели явно» (Ломоносов 1759: 131). В издании 1765 года перед вторым предложением появляется слово «однако»: «Умеренно употребленная аллегория слово украшает и возвышает, а без меры часто в слово внесенная оное помрачает и обезображает. **Однако** иногда служит к возбуждению страха и в сем случае ночи подобна, ибо потаенное страшит больше, нежели явно» (АПСС 7, 252). Наконец, четвертое разночтение (из представляющихся наиболее показательными) обнаруживается в § 195: описывая различные варианты эмпфазиса, в качестве одного из примеров Ломоносов приводит перевод 62–63 стихов из VI Эклоги Вергилия, в издании 1759 года звучащих следующим образом:

Обводит дерскаго корой сестр Фаетонта
И ольхи на земли высокия рождает (*Ломоносов 1759: 133*).

В издании 1765 года находим:

Корой обводит сестр продерзка Фаетонта
И ольхи на земли велики производит (АПСС 7, 251).

Приведенные примеры разночтений между изданиями 1759 года и 1765 года показывают существенные различия между этими двумя вариантами, причем они взяты всего из двух глав ломоносовского трактата, состоящего, как известно, из 21 главы. В настоящее время интерпретировать эти отличия более чем затруднительно: разночтения между двумя редакциями не дают еще оснований видеть в издании 1759 года окончательный авторский текст.

Поэтому само по себе текстологическое сопоставление двух изданий, скорее всего, не сможет стать окончательным аргументом для решения вопроса о статусе одного из них как содержащего основной текст ломоносовского риторического трактата; во всяком случае, имеющиеся сейчас в нашем распоряжении факты не позволяют это сделать. В частности, нельзя полностью отвергнуть возможность видеть в отказе от поправок 1759 года проявление сознательной авторской воли (как полагают редакторы 7-го тома АПСС), отражающей предпочтение первоначального варианту позднему; подобное представляется маловероятным, но все же возможным. В некоторых случаях именно первый вариант, т. е. издание 1748 года, повторенное в 1765 году, а не издание 1759 года представляется более соответствующим поэтической практике и стилистическим установкам зрелого Ломоносова; особый интерес тут имеют уже приводившиеся выше варианты перевода 62–63 стихов VI Эклоги Вергилия, помещенные как пример эмфазиса в § 195.

Текст 1759 года:

Обводит дерсаго корой сестр Фаетонта
И ольхи на земли високия рождает

сложной инверсией первого стиха, напоминающей затрудненный стихотворный язык В. К. Третьяковского, а если говорить о Ломоносове, то стилистику его первых од, в частности, «Оды на взятие Хотина...», кажется противоречащим общей эволюции ломоносовского поэтического стиля, в то время как издание 1765 года, повторяющее вариант 1748 года

Корой обводит сестр продерзка Фаетонта
И ольхи на земли велики производит

данной эволюции вполне отвечает и выглядит естественным в контексте ломоносовской поэзии второй половины 1740–1760-х годов.

Вместе с тем в других случаях изменения, внесенные автором в текст «Краткого руководства к красноречию...» при публикации 1759 года явно улучшают его стилистические показатели и позволяют точнее выразить авторскую мысль; среди разночтений, в связи с этим можно указать на характеристику аллегорического стиля в § 193. Поэтому и второй аспект проблемы установления основного текста «Краткого руководства к красноречию...» — выбор той или другой редакции в качестве проявления последней авторской воли — ныне не поддается, как представляется, однозначному решению. В настоящее время нам остается только констатировать существование этого важнейшего текстологического вопроса и, исследуя данное сочинение, не упускать его из виду.

5

Вторая текстологическая проблема, возникающая в связи с «Кратким руководством к красноречию...» — воссоздание его творческой истории — лишена трудностей подобного рода: ход работы Ломоносова над риторическими его сочинениями, сопровождающие эту работу биографические подробности, отзывы о ней современников — все это неоднократно описывалось в научной литературе и включалось в комментарии к академическим изданиям ломоносовских сочинений. Собственно говоря, проблемный характер имеет лишь один вопрос, встающий в связи с творческой историей этих трактатов — о соотношении между «Кратким руководством к красноречию...» и риторическим трактатом 1744 года, т. е. «Кратким руководством к риторике», да и то он прежде всего связан с семантическими оттенками текстологической терминологии. Дело в том, что в отношении двух риторических трактатов Ломоносова обычно применяется слово «вариант»¹⁵. Вместе с тем в строго

¹⁵ См., напр.: (Аннушкин 2003: 201–202) и др. Особенно существенно, что понятие «вариант» употребляется и при комментировании риторических трактатов Ломоносова в АПСС, где требуется

текстологическом смысле вряд ли возможно определить «Краткое руководство к красноречию...» как вариант — пусть значительно расширенный — «Краткого руководства к риторике»; хотя термин «вариант» употребляется в текстологии в несколько разных значениях и отличается известной размытостью, он вместе с тем остается все же термином. Так, Б. В. Томашевский определяет вариант как «ограниченные объемом различия текстов одного и того же произведения» (Томашевский 1959: 106) по существу в подобном же значении используют понятие «вариант» и Д. С. Лихачев и С. А. Рейсер, вообще считавший (в отличие от Д. С. Лихачева) «вариант» синонимом «разночтения» (Лихачев 1962: 134, 138, 161; Рейсер 1978: 35–40); во всех случаях речь идет о разновидностях (причем не очень значительных) одного произведения, более того — одного текста. Использованию данного термина к взаимоотношениям «Краткого руководства к красноречию...» и «Краткого руководства к риторике» препятствуют некоторые факторы весьма существенного свойства.

Во-первых, объем второго риторического трактата не просто значительно превышает объем «Краткого руководства к риторике», он превышает его настолько, что количественный показатель приобретает здесь несомненный проблемно-содержательный смысл: «Краткое руководство к красноречию» превосходит «Краткое руководство к риторике» почти в пять раз; такие количественные различия уже сами по себе заставляют усомниться в том, что «Краткое руководство к риторике» и «Краткое руководство к красноречию...» представляют собою разновидности одного и того же текста. Во-вторых, — и это представляется более сущностным — между двумя ломоносовскими сочинениями по риторике обнаруживаются

(по самой природе издания) текстологическая терминологическая точность. См.: Блок, Макеева 1952: 790, 792; Блок, Макеева, Сазонова 2011: 671.

и значительные композиционные различия. Дело здесь не ограничивается теми сразу же бросающимися в глаза моментами, такими как четырехчастное деление первого трактата (состоящего из разделов «Изобретение», «О украшении», «Расположение» и «О произношении») и трехчастная структура второго («О изобретении», «О украшении», «О расположении») или же перечнем глав и параграфов: 12 главам и 140 параграфам «Краткого руководства к риторике» (последняя часть — «О произношении» — на главы не делится и соответственно может быть приравнена к главе) отвечают 21 глава и 326 параграфов «Краткого руководства к красноречию...»¹⁶. Гораздо важнее различия в содержательном наполнении параграфов, на что указывали, например, Г. П. Блок и Н. В. Макеева, отмечавшие значительные композиционно-содержательные отличия между обоими риторическими трактатами и пришедшие к следующему заключению:

«Многие параграфы нового текста сходны по содержанию с параграфами старого <...>, но именно только сходны: дословного совпадения нет нигде. Весь вообще текст второго варианта, являясь плодом коренной кропотливой переработки первого, написан Ломоносовым заново» (АПСС 7, 811).

Различия композиционного типа между двумя ломоносовскими риторическими произведениями ощущал и М. И. Сухомлинов¹⁷, но он все же существенно преувеличил степень зависимости второго трактата от первого.

¹⁶ Хотя и за этими, казалось бы, внешними отличиями скрываются глубоко содержательные проблемы; так, именно в части «О произношении» Ломоносов высказывает «интересные наблюдения над интонацией» (Кузнецов 1953), естественно отсутствующие в «Кратком руководстве к красноречию...».

¹⁷ Некоторые из параграфов почти дословно сходны между собой в обеих Риториках. В иных параграфах — те же мысли, в той же последовательности и такие же примеры, так что вся разница состоит в замене одних слов другими, подобными. Иногда — те же мысли, но в другой последовательности. Нередко в одном параграфе Риторики

В-третьих, следует иметь в виду, что результатами «коренной и кропотливой» переработки текста «Краткого руководства к риторике» в текст «Краткого руководства к красноречию» были значительные изменения концептуального характера: общая риторическая концепция 1747 года была у Ломоносова, вероятно, несколько иной, нежели тремя годами прежде. Судить об этом позволяет исследование К. Н. Лемешева (2013), в заключении которого автор рассматривает изменения в понимании силлогизма, приводящие к появлению в «Кратком руководстве к красноречию...» оригинального по отношению к источникам (риторическим трактатам Н. Коссена, Ф.-А. Помея, И. К. Готтшеда, М. Усачева, лекционному курсу Порфирия Крайского) и нового по отношению к «Краткому руководству к риторике» осмыслению силлогизма, связанному с четким разделением логического и риторического аспектов и их последовательным композиционным распределением по разным частям трактата: логическая составляющая силлогизма рассматривается в первой части — «О изобретении» (глава V «О изобретении доводов»), риторическая — в третьей — «О расположении» (глава III «О расположении по силлогизму»). Таким образом обнаруживаются принципиальные композиционные отличия между двумя риторическими трактатами Ломоносова не только в плане архитектоники и стилистического оформления, но и в аспекте общей риторической концепции.

Наконец, в-четвертых, «Краткое руководство к красноречию...» отличается от первого риторико-теоретического опыта Ломоносова не просто количеством иллюстративного материала и его объемом, но и качеством: сказанное в начале статьи о литературном значении ломоносовской риторики относится исключительно ко второму его риторическому сочинению —

1744 года заключается, в самом сжатом виде, то, что гораздо страннее изложено в двух, трех и даже четырех параграфах Риторики 1748 года и т. д. (Сухомлинов 1895: 3, 20 (втор. пар.)).

«Краткое руководство к риторике» не может быть определено ни как некое собрание образцовых сочинений, ни даже как «первоклассная литературная хрестоматия» (Западов 1979: 151).

Все это в совокупности и делает весьма сомнительным употребление слова «вариант» по отношению к двум теоретическим описаниям риторики, созданным Ломоносовым. Конечно, как уже отмечалось, речь идет во многом о терминологическом обозначении, однако использование понятия «вариант» невольно приводит к представлению о текстовом единстве интересующих нас книг, о том, что они являются разновидностями одного и того же текста. А это совершенно не так: «Краткое руководство к риторике» и «Краткое руководство к красноречию...» представляют собою два самостоятельных сочинения, различающихся многими своими сторонами — и формальными, и содержательными. В связи с этим реконструкция риторической теории Ломоносова на основании сразу обоих трактатов (как это делал, например, В. П. Вомперский (1988¹: 134–170)¹⁸) представляется не вполне корректной; каждый из них требует отдельного исследования и комментирования, в том числе описания взаимоотношения ломоносовских текстов с их источниками — эти взаимоотношения, очень возможно, были различными; об этом приходится говорить в сослагательном наклонении в связи с малоизученностью проблемы именно в таком аспекте. Причем не вызывает сомнений, что не первая (оставшаяся известной крайне небольшому числу читателей и не оставившая следа¹⁹), но вторая книга — «Краткое руководство к красноречию...» — наиболее полно отражает риторическую концепцию автора, будучи, одновременно с этим, выдающимся явлением словесности середины XVIII века.

¹⁸ Следует сказать, что в работе В. П. Вомперского риторические взгляды Ломоносова вообще растворяются в его стилистических и общеязыковых концепциях.

¹⁹ Напомню, что «Краткое руководство к риторике» впервые было опубликовано М. И. Сухомлиновым в 3-м томе «Сочинений» М. В. Ломоносова.

Не менее важной, чем вопросы об основном тексте «Краткого руководства к красноречию...» и о его творческой истории, оказывается и проблема его комментирования, в первую очередь связанная с установлением источников и определением принципов соотношения с ними ломоносовского текста. Конечно, только этим аспектом объем комментирования «Краткого руководства к красноречию...» ни в коей мере не исчерпывается, однако именно он имеет первостатейную важность.

Некоторые, наиболее явные источники риторической теории Ломоносова были выявлены уже в XIX столетии; первым, как известно, о них заговорил митр. Евгений (Болховитинов) в «Словаре русских светских писателей» (Сухомлинов 1895: 3, 286 (втор. паг.)); значительный вклад в их установление и систематизацию внесли редакторы трех научных академических изданий этого трактата: М. И. Сухомлинов, Г. П. Блок и В. Н. Макеева, Л. И. Сазонова (Сухомлинов 1895: 3, 18–562 (втор. паг.); Блок, Макеева 1952: 790–800, 805–838; Блок, Макеева, Сазонова 2011: 645–658, 662–718); этот вопрос естественным образом попадал и в поле зрения как историков русской риторики (например, Г. Грассхофа, Р. Лахманн, В. П. Вомперского, Г. Кайперта, В. И. Аннушкина и др.), так и исследователей творческого наследия Ломоносова (Н. Я. Данько, А. В. Западова, И. З. Сермана, А. А. Морозова и мн. др). Однако при несомненной значимости уже проделанной работы многое здесь остается не вполне проясненным и, соответственно, требует дальнейших исследовательских усилий.

Л. И. Сазонова в своей глубоко содержательной преамбуле к исправленным и расширенным ею комментариям Г. П. Блока и В. Н. Макеевой выделила некоторые из возникающих в ходе аналитического комментирования «Краткого руководства к красноречию...» задач. Так, при выявленности основных источников «Краткого руководства к красноречию...» в целом

неясным остается вопрос о степени ориентации Ломоносова именно на них: во многих случаях «полные или частичные совпадения между сопоставляемыми фрагментами не обязательно свидетельствуют об их прямой генетической связи, но могут объясняться принадлежностью к общей риторической традиции» (АПСС² 7, 673). В недостаточной мере изучена и проблема заимствования Ломоносовым примеров для своего риторического трактата — «вопрос о том, из каких источников он исходил <...> остается открытым» (АПСС² 7, 673). Очевидно и то, что могут (и должны) искажаться еще не известные науке источники ломоносовского сочинения; несомненно требуется более пристальное и последовательное его рассмотрение в контексте русской риторической традиции²⁰. К этому надо добавить, что требует не просто изучения, но и правильной научной постановки и выработки соответствующих ей аналитических принципов проблема переосмысления полученных Ломоносовым от европейской риторической традиции концепций и положений.

Решение — хотя бы частичное — этих и других, подобных им, комментаторских задач может состояться лишь при усвоении уже сделанного. А это — среди прочего — предполагает обращение к общим принципам комментирования, особенно комментирования академического: опыт подготовки академических изданий Ломоносова отчетливо обнаруживает крайне значительную разность возможных здесь подходов. Дело в том, что пять томов «Сочинений» М. В. Ломоносова, подготовленных М. И. Сухомлиновым, отличаются от академического издания, начатого под руководством С. И. Вавилова, не только объемом комментариев, но и — главное — их основополагающими принципами. Данная проблема была рассмотрена в свое время

²⁰ Рассмотрение этой проблемы В. И. Аннушкиным, имеющее во многом предварительный характер, демонстрирует открывающиеся здесь возможности. См.: (Аннушкин 2003: 197–210).

на материале томов, включающих в себя поэтическое наследие Ломоносова (соответственно 1, 2 и 3 томов «Сочинений» Ломоносова, подготовленных М. И. Сухомлиновым в 1891–1895 годах и 8-го тома АПСС, 1959 год), И. Ю. Пимановой, любезно разрешившей мне воспользоваться ее наблюдениями. В самом общем виде главные различия между ними сводятся к следующим двум моментам: во-первых, комментарии М. И. Сухомлинова носят, так сказать, более литературный характер; как правило, они замкнуты преимущественно в пределах собственно поэтических проблем; комментарии же 8-го тома, общие принципы которых были определены Г. П. Блоком, несравненно большее внимание уделяют научному, идеологическому и историческому контекстам ломоносовских стихотворений, а также реальному комментарию. Конечно, встречаются исключения, например, сухомлиновский комментарий к «Хотинской оде» (занимающий 72 страницы!) наряду с литературно-культурными материалами включает в себя и материалы историко-политические, причем весьма обширные, так приводится «журнал компании», напечатанный в «С-Петербургских ведомостях», объемом в 13 страниц мелкого шрифта (Ломоносов 1891: 1, 79–92 (втор. паг.)), но это те исключения, которые лишь подтверждают правило.

Во-вторых, — и это расхождение более существенно, — комментарий М. И. Сухомлинова прежде всего направлен на создание достаточно широкого литературного контекста, позволяющего представить место ломоносовского произведения в литературной культуре, т. е. его своеобразии на фоне предшествующей традиции, воздействие на последующую литературную историю и его рецепцию современниками и потомками. Несомненно, в основе и подобного комментария лежит некая концепция поясняемого им текста, но именно — лежит в основе, не эксплицируясь в последовательную нарратацию. Благодаря этому комментарий не навязывает своего понимания, но побуждает читателя, исходя из содержащегося в нем материала,

самому выстраивать концептуальное осмысление ломоносовского произведения.

Комментарии к 8-му тому АПСС организованы по-другому: они представляют собою сюжетно организованную нарратацию о комментируемом тексте, комментарий формирует определенное концептуальное его восприятие, тем самым не только поясняя смысл произведения, но и его интерпретируя; в некоторых случаях комментатор и прямо выносит весьма определенные суждения по поводу семантических доминант толкуемого текста (например, выражения вроде «такова основная идея оды» (АПСС 8, 875)).

При комментировании «Краткого руководства к красноречию...» такое несходство между двумя комментаторскими стратегиями несколько смягчается, но все же не исчезает вовсе; принципиальным здесь становится следующее отличие: М. И. Сухомлинов при непосредственном и последовательном комментировании параграфов ломоносовского риторического трактата (которое следует — как во всех подготовленных Сухомлиновым томах — за списком разночтений и относительно небольшой преамбулой, во многом посвященной рецепции «Краткого руководства к красноречию...»), по существу, ограничивается приведением параллельных мест из достаточно большого числа трактатов — античных, новоевропейских и русских — как указанных им (в примечаниях к «Краткому руководству к риторике») в качестве прямых источников Ломоносова, так и выходящих за их пределы (например, Цицерон, Квинтилиан, Хр. Вольф и др.). При этом приводятся относительно обширные фрагменты, достаточные для определения степени соответствия ломоносовского текста предшествующим ему риторическим сочинениям. Однако выводы по каждому конкретному случаю предлагается делать читателям комментария: как и в случае со стихотворным наследием, комментатор ограничивается созданием некоего открытого контекста, всячески избегая подмены пояснения истолкованием.

Комментарий Г. П. Блока и В. Н. Макеевой строится совершенно иначе. И он — в отличие от комментариев к художественным произведениям Ломоносова в 7-м томе — носит пояснительный, а не интерпретирующий характер, однако стратегия этих пояснения совсем другая, нежели у Сухомлинова: они направлены в первую очередь на разъяснение реалий и на указание конкретных источников примеров. Общего контекста — как контекста риторической теории, так и контекста репрезентативной для этой теории европейской литературной традиции — эти комментарии не создают. Отсутствуют в них и упоминания последующих откликов на ломоносовскую риторику, которые — в единичных случаях — все-таки встречаются у Сухомлинова; из них едва ли не наибольший интерес представляет комментарий к § 58, где, рассматривая способы распространения слова, Ломоносов характеризует соловья и павлина. В первом случае его источником служит «Естественная история» Плиния Младшего (пример, заимствованный из трактата Н. Коссена), во втором — Лукиан. Приведя ломоносовские претексты, М. И. Сухомлинов далее солидаризируется с мнением Я. К. Грота, полагавшего, что данный параграф ломоносовского трактата мог послужить импульсом к созданию Г. Р. Державиным стихотворений «Павлин» и «Соловей» (Сухомлинов 1895: 3, 339–341 (втор. паг)). Тем самым сухомлиновский комментарий, как и в случае пояснения поэтических произведений, предоставляет материал для осмысления роли Ломоносова (его риторического наследия) в истории русской литературы, он предоставляет материал, избегая общих суждений, не подкрепленных конкретными примерами.

Сказанное выше никак нельзя понимать как критику комментариев Г. П. Блока и В. Н. Макеевой; они в ряде случаев значительно дополняют сухомлиновские примечания, комментаторы 7-го тома АПСС в высшей степени ответственны и основательны в своих пояснениях. Речь идет о другом — о разных филологических стратегиях комментирования.

Поэтому объединение этих комментариев в некий синтез вряд ли возможно. Конечно, можно (и нужно) использовать конкретные наблюдения одного комментатора для обогащения другого. Но именно и только для обогащения фактической стороны, не меняющего общей комментаторской стратегии. Так и произошло при подготовке «Краткого руководства к красноречию...» для второго издания АПСС² в 2011 году — Л. И. Сазонова включила многие сведения, заимствованные из примечаний М. И. Сухомлинова, в обновленный ею комментарий Г. П. Блока и В. Н. Макеевой, что, тем не менее, не изменило его общих принципов; он остался комментарием поясняющим, но все же не дающим импульсов к дальнейшим разысканиям, не формирующим филологического исследовательского контекста. Вместе с тем как раз создание такого исследовательского поля в настоящее время становится одной из самых важных задач научного комментирования, все более сдержанно относящегося к нарративным структурам, в своей жесткости неизбежно заключающих определенное насилие над свободой рецепции. «Нарративная форма изложения уже мало убеждает» (Грабович 1997: 7) — эти, достаточно давние, слова Гр. Грабовича, к комментариям применимы едва ли не в первую голову. Данное обстоятельство заставляет искать такие формы комментирования, которые, продолжая развивать исследовательские стратегии комментариев М. И. Сухомлинова, одновременно с этим соответствовали бы как новым потребностям филологической науки, так и ее современным возможностям. Одной из таких форм может стать — при благоприятствовании многих условий — особого вида лексикографическое описание ломоносовского трактата.

Как явственно следует из вышеизложенного, глава имеет прежде всего описательный, в старом значении этого слова — реферативный, характер; ее цель состояла в выявлении существующих в связи с текстом «Краткого руководства к красноречию...» проблем, в характеристике уже предложенных наукой решений и в констатации возникающих трудностей. Думается, и такой подход имеет право на существование — движение вперед невозможно без предварительного подведения итогов.

«Краткое руководство к красноречию...», безусловно, требует дальнейшего изучения: и как литературное предприятие, и как словесный текст сложной структуры, и как систематически оформленное выражение риторической теории, и как памятник русского литературного языка; интересно оно и во многих других аспектах. И приступая к такому изучению, надо ясно представлять текстологические проблемы, возникающие в связи с этим словесным памятником — без этого любое филологическое к нему обращение будет отчетливо неполным и, более того, уязвимым.

P. Bukharkin. «Brief Guide to Rhetoric...» of by M. V. Lomonosov: Literary status and some problems of philological research.

The chapter focuses on the literary status of the M. V. Lomonosov's "Brief Guide to Rhetoric". Some problems of its philological research are analysed, among them — a few ambiguous textological problems.

Д. Н. Чердаков
(СПбГУ)¹

**«ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ
КНИГ ЦЕРКОВНЫХ»
В ВОСПРИЯТИИ РУССКОЙ
ФИЛОЛОГИИ XVIII —
НАЧАЛА XIX ВЕКА**

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», филология, языковедение, риторика, теория словесности, теория трех стилей, церковнославянский язык, русский язык, «славенский язык», «славенороссийский язык», А. С. Шишков.

Теоретическая новизна «Предисловия» в отношении темы славяно-русского языкового синтеза состоит в сопряжении риторической и историко-лингвистической проблематики, выполненном с отчетливыми элементами эстетизации. Русская послеломоносовская риторика и теория словесности, регулярно воспроизводя «учение о трех стилях» как минимум до середины XIX в., в его изложении ориентируется на общеевропейскую традицию, а к собственно ломоносовскому варианту этого учения, предполагавшему насыщение традиционной риторической рамки национальной историко-лингвистической проблематикой, равнодушна. Вместе с тем послеломоносовская филология в трактовке историко-лингвистической темы или отказывается, вопреки Ломоносову, от ее внедрения в риторический контекст, или, формально следуя Ломоносову, выстраивает теорию таким образом, что ее собственно риторический аспект становится неактуальным (А. С. Шишков). Таким образом, эстетизированное теоретическое решение Ломоносова не порождает никакой существенной теоретической традиции и ни к какой традиции не примыкает, оставаясь в истории русской филологии изолированным и уникальным явлением.

Цель главы — уточнение того места, которое занимает «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758) см.: (АПСС 7, 585–592), взятое в его лингвистических аспектах, связанных прежде всего с ломоносовским

¹ Дмитрий Наилевич Чердаков, доц. каф. русского языка СПбГУ.

вариантом теории трех стилей, в развитии русской филологии XVIII — начала XIX в. «Предисловие» обстоятельно изучено с различных сторон: в разное время споры велись об отношении ломоносовского текста к традиции и о его новизне; о степени его связи с реальными эволюционными литературно-языковыми процессами и соответственно его умозрительном или практически-регулятивном характере; об его проспективной или ретроспективной (констатирующей) направленности; его внутренних смысловых акцентах и имплицитном оценочном модуле, приложенном к тем или иным разновидностям русско-славянского языкового пространства².

В отношении избранной темы важно то, что в целом в науке, за редкими исключениями (см., напр.: (Исаченко 1968)), преобладает представление о существенной, пусть по-разному интерпретируемой, значимости «Предисловия» для истории русского литературного языка и истории русской филологической мысли. Даже Р. Пиккио, который склонен видеть в работе М. В. Ломоносова религиозно-политический манифест преимущественно антикатолической и антипольской направленности (Пиккио 1992), а не лингвистическое сочинение, подчеркивает его авторитетность для последующего развития русской культуры. Широкая известность «Предисловия», открывавшего собрание сочинений Ломоносова и неоднократно издававшегося в XVIII — начале XIX в., несомненна. Важен в этом отношении и неоднократно отмечавшийся композиционный

² Необходимо подчеркнуть, что далее речь пойдет исключительно об особенностях филологической рефлексии. За пределами рассмотрения остаются особый, давний и до конца не проясненный вопрос о соотношении эволюции литературного языка и художественной речи XVIII в. со стилистической теорией Ломоносова (Левин 1964: 11–114; Виноградов 1982: 102–163; Хабургаев 1983; Алексеев 1992; Пильщиков, Шапир 2006), вопросы литературной теории, связанные с жанровой классификацией, предложенной Ломоносовым, а также важная, но самостоятельная тема влияния ломоносовской теории на стилистическую стратификацию слов в лексикографической практике XVIII в.

фактор: открывая собрание сочинений, текст претендовал на статус программного, предлагая читателям своего рода стилистическую самохарактеристику автора. Популярность «Предисловия» подтверждается, в частности, тем, что прямые или скрытые цитаты из него регулярно встречаются в различных филологических сочинениях эпохи, в том числе ключевых. Так, еще М. И. Сухомлинов указывал, что «повторялись не только мысли, но и слова “великого учителя” с полным сознанием их безусловной справедливости» (Сухомлинов 1898: 246) и приводил в подтверждение этому отрывок из предисловия к «Словарю Академии Российской», содержащий три тезиса, перефразирующих фрагменты ломоносовского текста. А. С. Шишков (1824: 3) цитирует «Предисловие» в самом начале своего «Рассуждения о старом и новом слоге». Ссылки на «Предисловие» вносят свой вклад в формирование монументально-мифологизированного образа Ломоносова в русской культуре, что видно, например, в надписи В. Г. Рубана 1776 года к «Церковному словарю» П. А. Алексева: *Церковныхъ пользу книгъ, въ нихъ важность слова Россовъ, / Пространно доказалъ великій Ломоносовъ <...>* (Алексеев 1815: без пагинации, после 298), где небольшое ломоносовское сочинение отчетливо гиперболизируется. В связи с безусловной общераспространенностью текста «Предисловия» любопытно рассмотреть, какие именно ломоносовские идеи оказались востребованными ближайшей русской филологической традицией.

Сегодня, когда общий филологический вектор елизаветинской эпохи обстоятельно описан, можно с уверенностью утверждать, в каких аспектах ломоносовский текст не был оригинальным. К таковым, в частности, относятся сама идея субстанционального сближения русского и славянского языков, представление о важности славянского компонента для высоких литературных жанров, требование стилистической равенности текста, как, впрочем, и пафос присвоения русскому языку через древность славянского и его смежность с византийской культурой античного достоинства. Эти мысли

значительно раньше высказывал В. К. Тредиаковский (а до него И.-В. Паус), отчасти А. Д. Кантемир и А. П. Сумароков (Алексеев 1982; 1992; Успенский 1985; Живов 1996: 216–418; Живов, Кайперт 1996). Между тем именно на фоне филологического контекста новизна «Предисловия» выявляется отчетливо. Как кажется, в ломоносовском тексте впервые в русской науке тема славенско-русского языкового синтеза получила не декларативную, а теоретическую лингвистическую интерпретацию³. Иначе говоря, был впервые дан ответ на вопрос, как теоретически может быть обосновано сопряжение двух языков в составе одного⁴. Этот ответ Ломоносовым был найден простым и совершенно неожиданным способом: объединением двух различных филологических сфер — историко-лингвистической⁵ и риторической. Важно подчеркнуть, что «Предисловие» в своем внешнем тематическом контуре эксплуатировало традиционные компоненты именно риторики, относящиеся к разделу об украшении, а именно к разделу о стиле (или слоге), и в некотором роде являлось восполнением ломоносовского «Краткого руководства к красноречию», где развернутое учение о стиле отсутствовало. Риторической рамкой здесь было не только широко известное учение о трех стилях⁶, но и основной

³ Ср., впрочем, мнение А. А. Алексеева, который отказывает «Предисловию» как раз в теоретической значимости, полагая, что цель Ломоносова состояла в том, чтобы предложить оправдание собственной художественной практике (Алексеев 1992).

⁴ Даже если видеть подобную теоретическую значимость в трактовках Пауса и Тредиаковского, следует признать, что аргументация Ломоносова носит принципиально иной характер.

⁵ Это обозначение — условное: речь идет о взаимоотношениях русского и славенского языков в истории и современности. Оно не вполне точно применительно прежде всего к самому тексту Ломоносова. Мы используем его для удобства изложения.

⁶ Самому Ломоносову оно было известно со времени обучения в Славяно-греко-латинской академии. Об источниках и истории создания ломоносовского «Предисловия» см.: (Кадлубовский 1908; Вомперский 1970; Вомперский 1988²).

посыл «Предисловия», отраженный в заглавии: утверждение о пользе чтения книг — это традиционный фрагмент раздела риторики по источникам хорошего стиля. Наполнение привычной риторической рамки неоригинальными на конец 1750-х годов историко-лингвистическими и культурно-историческим тезисами дало, однако, оригинальный теоретический результат, и только в этом соединении «Предисловие» обретает свое теоретическое значение. В кратком виде оно может быть охарактеризовано так. Следует различать двух субъектов национальной культуры: человека читающего и человека пишущего. В первом случае актуальные языковые характеристики определяются культурно-исторически — в максимально широком объеме отечественной славяно-русской письменной традиции (в этом смысле большое значение имеют обнаруженные Г. Кайпертом (1995) интертекстуальные связи «Предисловия» с памятниками церковно-книжной культуры, а именно с Острожской и Елизаветинской Библией, а также с «Симфонией на Псалтырь» Кантемира⁷). Во втором случае они определяются риторически, и именно через постулаты риторики, в том числе через такие традиционные риторические категории, как чистота и ясность стиля, обеспечивается речевое единство современного русского текста. Изначально генетически разнородное, будучи переведено в риторический план, обретает гомогенность здесь-и-сейчас говорения. При этом важно, что генетические целостности (славянский и русский языки) соотносятся с целостностями риторическими (стилями) не напрямую, а проходя через процедуру аналитического лексического дробления и последующего амальгамного лексического синтеза, и в этом новом риторическом качестве они перестают

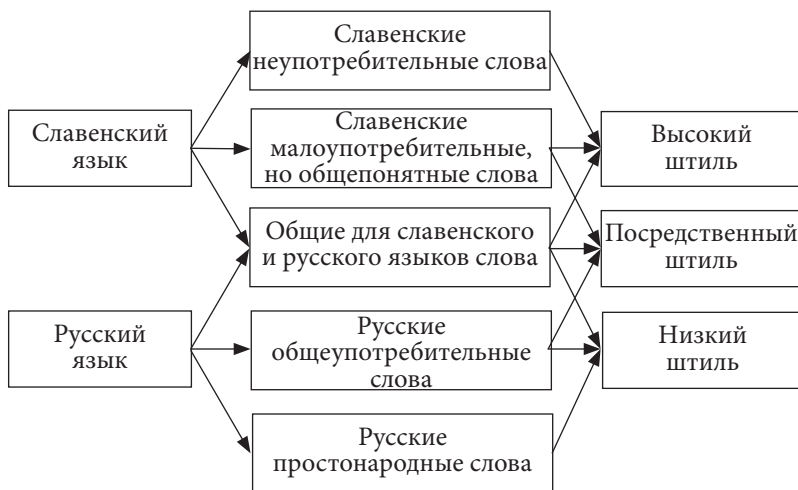
⁷ Кайперт скептически относится к традиционной для русской филологии трактовке «Предисловия». По его мнению, «якобы чисто «лексикологическая» классификация словарного фонда, на которой строится так называемая теория трех штилей, оказывается <...> совершенно конкретным вкладом в понимание текста Псалтыри на Руси» (Кайперт 2008: 81).

существовать. Для осознания принципиальности этого преобразования важны количественные несоответствия: два языка у Ломоносова преобразуются в три стиля.

Предложенная схема несла на себе отпечаток определенной эстетизации. Это проявляется в едва ли не намеренно реализованном в ней принципе полной симметрии: славенский и русский язык абсолютно симметричны по отношению к стилевой структуре, как и стили абсолютно симметричны по отношению к выявленным лексическим разрядам. При этом каждый из языков частично присутствует в каждом из стилей, но в то же время ни один из языков не в состоянии самостоятельно обеспечить полноценную стилевую структуру русского литературного языка (см. схему на с. 78).

Содержательная ценность такого решения проблемы славенско-русского синтеза обусловливается тем, что окончательное сложение русского литературного языка позднейшая (в том числе современная) филологическая наука описывает с помощью именно тех теоретических ходов, которые предложил Ломоносов. Русская научная традиция в целом довольно единодушна в том, что функциональное единство генетически гетерогенного современного русского литературного языка было обеспечено именно в рамках текстовой реальности. Однако формирование этого единства принято относить чуть к более поздней эпохе — пушкинской, а объединяющим принципом считать не жанрово-стилистическую систему классицизма (где единство и «ровность» стиля задано объектом описания), а романтически ориентированную позицию субъекта художественной речи (где единство, но не «ровность» стиля обеспечено точкой зрения автора)⁸, но сама идея о синтагматически-

⁸ Ср., например: «Стилистическая окраска слова, данная в его собственных исторических судьбах, а не в искусственной системе стилистических слоев классической иерархии, является для Пушкина источником характеристики героев, рассказчика и даже самых идей, на столкновении которых строится лирическое движение» (Томашевский 1956: 164).

Абсолютная симметрия в соотношении языков, разрядов слов и стилей

стилистической основе создания единого языка близка принципам ломоносовской теории.

Исходя из соображений о тематической структуре ломоносовского учения о трех стилях, можно было бы ожидать рефлексов «Предисловия» в двух филологических сферах: риторической и историко-лингвистической. В отношении риторической сферы материалом наших наблюдений послужили печатные труды по риторике и теории словесности, изданные в России в послеломоносовское время вплоть до середины 1830-х годов⁹, в которых были рассмотрены разделы по стилю или слогу. Основные выводы из этих наблюдений таковы.

Теория стиля (слога) — популярный раздел в русских руководствах по риторике и теории словесности указанного периода. Работы, вообще не содержащие классификации стилей, немногочисленны (Касторий 1780; Феоктист 1790; Ювеналий

⁹ Библиографические обзоры литературы см. в работах В. И. Аннушкина (2002; 2003).

1804)¹⁰; стили могут не рассматриваться отдельно, но освещаться в связи с общеэстетическими категориями (Малиновский 1816). Разделы по характеристике стиля, в риторических руководствах и близких к ним по теме сочинениях существенно отличаются по объему; лаконичность некоторых контрастирует с гипертрофированной пространностью других. Для нашей темы важно, что учение о трех слогах в рамках русской послеломоносовской риторической и околориторической традиции регулярно воспроизводится вплоть до самых поздних времен (вызывая, впрочем, как и риторика в целом, начиная с 1820-х годов, раздражение литературной критики). Оно в тех или иных вариантах обнаруживается в подавляющем большинстве обследованных источников, в частности в: Муравьев 1783 (написано в 1777); Амвросий (Серебренников) 1791 (1-е изд. 1778); Никольский 1790; Подшивалов 1796; Рижский 1796; Никольский, 1817 (1-е изд. 1803); Никольский 1809 (1-е изд. 1807); Борн 1808; Мерзляков 1809; Левитский 1812; Якоб 1813; Малиновский 1815; Толмачев 1815; Могилевский 1817; Греч 1819; Остолопов 1821; Кошанский 1830 (1-е изд. 1829); Галич 1830; Плаксин 1832; Давыдов 1837; Сперанский 1844 (написано в 1792).¹¹ Учение о трех слогах в этих руководствах соседствует и пересекается с иными классификациями стилей, вступая с ними в сложные и разнообразные отношения: родо-видовые (в таком случае трехчастное деление выступает как наиболее

¹⁰ Важен в этом случае, естественно, жанр сочинения: теория слога представлена прежде всего в курсах, в той или иной степени претендующих на систематичность изложения, чаще всего учебного характера. В рассуждениях общего характера (см., напр.: (Язвицкий 1810)) ее появление менее вероятно.

¹¹ Мы здесь отвлекаемся от некоторых деталей репрезентации этого учения. Скажем, у Муравьева и Сперанского его нет в целостном виде, обсуждается, в основном, сам принцип соответствия слога изображаемой материи и особенности высокого слога; Я. В. Толмачев (1815), вслед за Х. Блером (1791), критически оценивает деление слога на три традиционные разновидности, наполняя трехчастное членение другим содержанием (слога рассудка, воображения, страсти).

общее, прочие характеристики являются его разновидностями) или, что чаще, отношения рядоположенности. Представлены различные классификационные основания и многочисленные характеристики слогов: по типам и жанрам сочинений, коммуникативным качествам речи, эмоционально-экспрессивной окраске текста, целевым установкам, «качествам писателя», национально или культурно-ареально ориентированным особенностям и др. Признаки стилей исчисляются десятками¹², что в конечном итоге размывает функциональную ценность классификации. Эволюция теории слога связана с разграничением характеристик словесного выражения и мыслительно-эмоционального содержания речи, вербальных и эстетических категорий, вниманием к человеческой индивидуальности и идиостиллю писателя, переосмыслением жанрово-стилистических соответствий, однако переоценивать темпы и качество этой эволюции, вероятно, не стоит: опорные точки построения риторической теории остаются неизменными, большая часть используемых классификационных оснований известна из антично-европейской традиции.

При желании можно было бы приписать такое, не вполне соответствующее изменившимся общекультурным ориентирам эпохи деление учения о трех слогах в русской риторической традиции влиянию ломоносовского авторитета (напомним, что ломоносовское «Предисловие» — первое печатное изложение этого учения на русском языке). Показательно, однако, другое. В целом можно полагать, что русская послеломоносовская риторика и теория словесности к собственно ломоносовскому варианту учения о трех стилях равнодушна и ориентируется в его изложении на общеевропейские каноны¹³. Согласно этим

¹² Ср.: «...нахожу невозможным исчислить и объяснить все имена слогов, коих насчитывал я более полуторы тысячи» (Толмачев 1815: 5 прим.).

¹³ Европейские риторические руководства в печатном виде представлены в переводах на русский язык начиная с 1780-х годов (теорию слога находим, напр., в: Гальен де Сальморан 1785; Детская

канонам, берущим начало в античности, стилям дается общериторическая характеристика, лишенная какой-либо собственно языковой конкретики и апеллирующая к эмоциональной окраске речи, степени ее фигуративности и близости к «естественной» речи, степени употребительности используемых слов и т. п.¹⁴

Впрочем, мы встречаем в русских руководствах отдельные и довольно редкие упоминания о том, что славянский язык — лексический ресурс высокого слога, иногда с указанием на Ломоносова (Рижский 1796: 350; Толмачев 1815: 204–205; Никольский 1817: 69; Кошанский 1830: 105–107; Плаксин 1832: 77)¹⁵, но этот тезис, как уже было сказано, к новаторскому

риторика 1787; Блер 1791; Краткая риторика 1801; Мейнерс 1803); у Блера, впрочем, учение о слоге оригинально, трехчастной классификации в нем нет), но это не столь важно, поскольку антично-европейская интерпретация теории трех стилей была хорошо известна русской образованности из других источников: так, в 1777 г., когда в печати на русском языке не существовало еще ничего, кроме «Предисловия» Ломоносова, что было посвящено трем стилям, двадцатилетний М. Н. Муравьев начал свое рассуждение о слоге довольно усталым заявлением: «Нет ничего известнее преподаваемого риторам учения о степенях слога» (Муравьев 1783: 1).

¹⁴ Приведем в качестве примера типичный образец подобной характеристики: «Вообще слог разделяется на низкий, средний и высокий».

1) В низком слоге употребляются выражения простые, общепонятные, не требующие в читателях большого образования и действующие вообще на всякого здравомыслящего человека, не воспламеняя при этом его воображения.

2) Средний слог занимает воображение, но не в превосходной степени. Выражения и обороты в нем отборнее и живее; в нем говорит не один холодный рассудок, но и чувство.

3) Высокий слог сильно действует на воображение, представляет смелые и разительные картины, отвергает обыкновенные обороты, употребляет новые и смелые выражения и пр.» (Греч 1819: 48–49).

¹⁵ Показательно в том числе, что подобные замечания встречаются в трудах разного времени, хотя с начала XIX в. деятельность Ломоносова все чаще оценивается в ретроспективном ключе и уже не

характеру «Предисловия» имеет весьма далекое отношение¹⁶ и с начала XIX века выдвигается, возможно, под влиянием уже не только Ломоносова, но и А. С. Шишкова.

В то же время ломоносовское решение в его целостном виде: насытить учение о стиле национальной историко-лингвистической проблематикой, определять стили на входе через историко-генетические лексические параметры — решение, не свойственное риторической традиции, русской риторикой было проигнорировано. (При этом следует учитывать, что проблема взаимоотношений русского и славянского языков, если и была решена к концу XVIII века практически, то оставалась теоретически и общественно значимой вплоть до конца 1810-х годов.) Исключение составляет «Краткое руководство к оратории российской» Амвросия (Серебренникова) 1778 года, где автором предпринята попытка механически внедрить ломоносовские тезисы в рамки традиционной для риторики схемы описания стилей. Серебренников воспроизводит одну из разветвленных классификаций стиля, где в отношении темы различаются стили высокий, посредственный, низкий, богословский, философский, исторический. Первые три лексически характеризуются с помощью ломоносовских тезисов и со ссылкой на Ломоносова, остальные три, как и все прочие стили, выделяемые на других основаниях, никакой лексической характеристикой

осознается как актуальное филологическое событие. Это свидетельствует о том, что фактор временной удаленности от ломоносовской эпохи не является в отношении указанных особенностей интерпретации теории трех стилей однозначно определяющим.

¹⁶ При этом утверждения, формально-терминологически восходящие к «Предисловию», могут не соответствовать решениям, предложенным Ломоносовым: «... Чистые славянские слова и славяно-русские слова имеют место в одних только высокого рода творениях; напротив сего чистые российские свойственны таким сочинениям, которые по содержанию своему близки к обыкновенным в общежитии разговорам...» (Рижский 1796: 12). У Рижского, как можно видеть, утрачена основная ломоносовская идея соприсутствия языков в различных стилях.

не наделяются, что производит впечатление случайности и незавершенности классификации (Амвросий 1791: 163–176). Это как раз тот случай, когда исключение подтверждает правило. Он показывает, что учет ломоносовской трактовки теории трех стилей в рамках риторики в принципе был возможен, и в то же время демонстрирует неестественность внедрения ломоносовских тезисов в контекст риторической традиции, чуждой точной лексической параметризации стиля.

Если риторика не приняла историко-лингвистической составляющей ломоносовского учения о слоге, то послеломоносовское развитие самой этой историко-лингвистической темы, вопреки Ломоносову, в значительной степени освобождается от ее связи с риторическим контекстом и соответственно с ключевыми идеями «Предисловия». Представление о единстве русского и славянского языков и некоем сложном, славянорусском, составе русского языка стало в екатерининское время общим местом. В этих условиях активно усваиваются патриотические тезисы ломоносовского «Предисловия» (особое место русского языка в кругу европейских языков: обширность занимаемого пространства, слабая изменчивость во времени, наличие цельнооформленного высокого слога). При этом рассуждения о единстве русского и славянского языков совсем необязательно были связаны с техникой конструирования текста как риторически организованной целостности и двуипостасностью национальной словесной культуры, различающей восприятие и порождение речи. Тем самым нарушалась ломоносовская аргументация, разъяснявшая основания объединения двух начал в составе современного русского языка. Место этой аргументации занимала другая, собственно историко-лингвистическая (Светов 1779), последовательно провести которую филологическое знание второй половины XVIII века было еще не в состоянии. Ярким примером этого стали теоретические основания концепции «Словаря Академии Российской». Принято считать, что эта концепция ориентируется на ломоносовское понимание единой природы славянорусского языка. Между тем

отличия взглядов составителей словаря от идей, заложенных в «Предисловии», выявляются отчетливо. Составители выдвигают концепцию славенороссийского языка¹⁷, употребляя, однако, при этом и обозначения «славенский язык» и «российский язык» (САР¹ I, V–XV). Какие явления действительности стоят за этими обозначениями, в каких отношениях находятся эти три языка и какими теоретическими положениями следует эти отношения обосновывать, остается не вполне ясным. Хронологические, генетически-диалектные, культурно-исторические, стилистические факторы составителями смешиваются, и с теоретической точки зрения объект описания теряет определенность. Составители заявляют о решении не включать, за рядом исключений, в словарь устаревшую лексику (декларативно следуя постулатам «Предисловия»), но при этом «славянская лексика в Словаре представлена в таком объеме, который значительно превышал круг славянских слов (и значений), реально функционировавших в высоком и среднем слоге русской письменности» (Кутина 1980: 76).

Туманные теоретические представления о характере современного русского языка в его отношениях к праславянскому, старославянскому, древнему и новому церковнославянскому, древнерусскому полностью унаследованы деятелями культуры начала XIX века, вступившими в полемику «о старом и новом слоге». Собственно говоря, сам факт этих споров, разгоревшихся спустя почти полвека после появления «Предисловия», лучше всего свидетельствует о том, что ломоносовские идеи оказались плохо или односторонне поняты. В этом отношении наиболее примечательна и в то же время сложна для интерпретации лингвистическая позиция Шишкова. Шишков, несмотря на анахроничность своей лингвистической подготовки, единственный, пожалуй, осознал тему ломоносовского

¹⁷ В отличие от Ломоносова, который обозначение «славенороссийский» употребил в «Предисловии» только однажды в сочетании «речения славенороссийские» (АПСС 7, 589), имея в виду общий словарный фонд русского и церковнославянского языков.

«Предисловия» не только как актуальную культурную, но и как теоретическую филологическую проблему. Показательно в этом смысле, что его ключевые сочинения воспроизводят принцип, избранный Ломоносовым, а именно — риторическую рамку наполняют историко-лингвистическим содержанием. Эта риторическая составляющая отражается прежде всего в заглавиях работ Шишкова, в представлении эпохи отчетливо отсылающих к риторической тематике: «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803), «Рассуждение о красноречии Священного Писания» (1810), «Разговоры о словесности» (1811), — здесь употреблены ключевые риторические термины рубежа веков. В этом смысле Шишков — полноправный преемник Ломоносова¹⁸. В то же время по своему внутреннему лингвистическому смыслу теория Шишкова носит антиломоносовский характер. Предлагая полностью отказаться от генетической характеристики языковых явлений в пользу характеристики стилистической¹⁹ (тем самым следуя одному из аспектов ломоносовской теории), Шишков, однако, решил распространить этот принцип на весь объем мыслимого славяно-русского материала вне каких-либо временных ограничений. Для Шишкова ценность слова определялась этимологически и словообразовательно в исторической ретроспективе — идея, которая Ломоносова в целом не очень занимала. Актуализация церковнославянского и собственно русского лексического наследия в их этимологическом единстве и максимальном, панхроническом объеме обесмысливала собственно риторическую реализацию данной теории, поскольку могла иметь только словарное, парадигматическое, но не текстово-синтагматическое воплощение. Неудивительно

¹⁸ Об отношении к Ломоносову и осмыслении ломоносовского наследия в начале XIX в. см., напр.: (Виноградов 1935: 28–44; Кочеткова 1987; Сахаров 1987; Смолицкий 2008).

¹⁹ Ср., напр.: «Итак, не славенский язык, отделяя от русского, презирать; не слова онога на славенские и русские разделять; но какое слово какому слогу прилично, знать надлежит» (Шишков 1825: 61).

поэтому безразличие Шишкова к собственно ломоносовской теории трех стилей. Шишков, многократно прибегая к анализу произведений Ломоносова как образцовых, а также отдельных его высказываний по языковым вопросам, никогда не обсуждает содержания «Предисловия» в интересующем нас аспекте. Если в «Рассуждении о старом и новом слоге» Шишков еще несколько раз бегло упоминает о традиционных высоком, среднем и простом слогах, то в дальнейшем полностью отказывается от такого членения. Привычную трехчастную схему он наполняет неожиданным содержанием романтического толка, предлагая различать три русские словесности: древние исконные церковно-книжную и народную и новую заимствованную светскую (Шишков 1825: 139–141). Все остальные его теоретические построения воспроизводят не ломоносовские стили, т. е. новые риторические целостности, лексически-амальгамно преобразованные из исходного материала, а напрямую присваивают риторическое качество двухкомпонентной схеме «славенский — русский». В этом отношении Шишков вполне следует общей, внеломоносовской, традиции, поскольку бинарное построение «славенский — русский» как «высокая — обычная (низкая)» разновидности единого языка не только характерно для теоретических воззрений, например, Третьяковского, но и в целом соотносится с позднедревнерусским осмыслением русской языковой ситуации. В том или ином виде оно же свойственно взглядам деятелей культуры эпохи «Словаря Академии Российской».

Таким образом, несмотря на популярность «Предисловия о пользе книг церковных», его теоретическое своеобразие, заключающееся в сопряжении историко-лингвистической и риторической сфер, не было воспринято русской филологией XVIII — начала XIX века как целое. Эти сферы в восприятии русской образованности оказались разведены. Особенности рецепции «Предисловия», безусловно, связаны с эволюцией общекультурных, общеэстетических принципов, как и с эволюцией актуального литературно-языкового материала (утверждение мировоззренческого принципа историзма, возрастающее

осознание значимости индивидуальной стилистики и т. д.) — это в той или иной степени очевидно. Следует, однако, подчеркнуть, что само построение ломоносовской теории оказалось для русской филологии чуждым. В известном смысле оно отвечало рецептам самого Ломоносова по «изобретению витиеватых речей», где «подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым странным, необыкновенным или чрезъестественным образом» (АПСС 7, 204–205): историко-лингвистическое «подлежащее», если так можно сказать, у Ломоносова неожиданно сопрягалось с риторическим «сказуемым». Это эстетизированное теоретическое решение не порождает никакой существенной теоретической традиции и, насколько можно судить, ни к какой традиции не примыкает, оставаясь в истории русской филологии изолированным и уникальным явлением.

D. Cherdakov. «Predislovie o pol'ze knig cerkovnych» by M. V. Lomonosov in perception of russian philology of the 18th century — beginning of the 19th century.

Theoretical innovation of «Predislovie...» as for the subject of synthesis of Slavic and Russian languages lies in integration of rhetorical and historico-linguistic problems carried out with a touch of aestheticization. Lomonosov's views didn't belong to any fundamental theoretical tradition and didn't form any tradition; they remain in the history of russian philology of the 18th century — beginning of the 19th century as an isolated phenomenon.

Е. М. Матвеев
(ИЛИ РАН/СПбГУ)¹

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ТРОПОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ М. В. ЛОМОНОСОВА

Ключевые слова: троп, художественный (поэтический) язык, риторика, метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха, ирония, перифраза, антономазия, гипербол, литота, аллегория, миф.

В главе рассматриваются проблемы описания тропов в художественном (поэтическом) языке М. В. Ломоносова, в частности, создания релевантного для поэтического языка М. В. Ломоносова перечня тропов, разграничения художественной и языковой метафоры, дается характеристика смежных с тропами семантических явлений (олицетворения, аллегория, миф).

О художественном (поэтическом) языке М. В. Ломоносова написано немало. Фундаментальные исследования, посвященные языку, поэтическому стилю, стиху М. В. Ломоносова — это в том числе работы таких авторитетных ученых, как С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Г. А. Гуковский, В. М. Живов, Ю. М. Лотман, Л. В. Пумпянский, И. З. Серман, Ю. Н. Тынянов и мн. др. Большинство имеющихся работ представляют собой исследования *литературоведческие*, и сосредоточены они на анализе поэтического языка центральных жанров ломоносовской поэзии — торжественной и духовной оды (см., напр.: (Серман 1966; 1973; Тынянов 1977; Чичерин 1977; Погосян 1997; Пумпянский

¹ Евгений Михайлович Матвеев, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН, ст. преп. кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ.

2000; Гуковский 2001; Алексеева 2005; Бухаркин 2011 и др.)). Вполне закономерно, что такого рода исследования не обходят стороной анализ особенностей лексической семантики в поэзии М. В. Ломоносова, в частности, проблему тропов, которая в наибольшей степени рассматривалась в работах И. З. Сермана. В книге «Поэтический стиль Ломоносова» исследователь обратился к анализу важнейшего конструктивного признака ломоносовской оды — метафоризации поэтического стиля. Делая вывод о том, что «переворот, произведенный Ломоносовым в русской поэзии, в ее стилистической природе, заключался в том, что он сделал метафору и метафоризацию образного строя од основным поэтическим принципом стиля оды» (Серман 1966: 103), И. З. Серман опирается на ряд выразительных репрезентативных «фрагментов» поэзии М. В. Ломоносова. Подобный подход, основанный на анализе отдельных ярких языковых фактов, а не на целостном лингвистическом анализе языка всего корпуса поэтических произведений М. В. Ломоносова, ощутим в большинстве вышеупомянутых литературоведческих работ по проблемам его поэтического языка. Не случайно авторы «классических» работ зачастую давали поэтическому языку и стилю «русского Пиндара» полярно противоположные характеристики: так, например, Г. А. Гуковский подчеркивал такие его особенности, как алогичность и искусственность (Гуковский 2001: 46–48), а Л. В. Пумпянский, напротив, — абсолютную гармоничность (Пумпянский 2000: 52–56).

Несмотря на серьезную разработанность проблем художественного языка М. В. Ломоносова, следует признать, что выводов большинства литературоведческих исследований оказывается недостаточно для целостного представления о поэтическом языке главного русского поэта середины XVIII века. Помочь получить подобное представление может фронтальное *словарное* описание лексики, встречающейся в поэтических текстах М. В. Ломоносова. В 2011 году в отделе «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований

РАН началась исследовательская работа по описанию и изучению одной из важнейших характеристик художественного языка М. В. Ломоносова — тропов (слов в переносном значении)². Учитывая общепризнанное новаторство М. В. Ломоносова именно в области поэтического словоупотребления, а также глубинные связи поэтического творчества М. В. Ломоносова с русской и европейской риторической традицией, изучение риторических основ поэтического языка М. В. Ломоносова и включение в Словарь языка М. В. Ломоносова как количественных, так и качественных характеристик переносных значений оказывается абсолютно необходимым. Кроме того, тропы М. В. Ломоносова представляют собой «сильные места» его поэтического дискурса. Следовательно, их изучение открывает новые исследовательские возможности для описания ментального лексикона поэта.

К настоящему моменту разработаны основные принципы описания тропов в поэзии М. В. Ломоносова и в соответствии с этими принципами выработана модель семантической разметки поэтических текстов М. В. Ломоносова.

² В проекте принимают участие М. Г. Маматова, Е. М. Матвеев, А. С. Смирнова. Работа осуществляется при поддержке Совета по грантам президента Российской Федерации (грант МК-3364.2012.6 «Риторические основы поэтического языка М. В. Ломоносова», рук. Е. М. Матвеев). Научными консультантами проекта выступают П. Е. Бухаркин и С. С. Волков.

Работа по описанию и изучению тропов — это очередной этап серии исследований, направленных на комплексное изучение поэтического языка М. В. Ломоносова, проводимых в отделе «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН. В 2009–2011 гг. силами отдела в сотрудничестве с семинаром «Стихovedение» (филологический факультет СПбГУ) под руководством Е. В. Хворостьяновой было предпринято комплексное исследование поэтического языка М. В. Ломоносова со стиховедческой точки зрения. Были подготовлены и опубликованы метрико-строфический справочник к произведениям М. В. Ломоносова (Лалетина, Хворостьянова 2010) и словарь рифм (Словарь рифм М. В. Ломоносова 2011).

<i>Лексема</i>	<i>Контекст</i>	<i>Троп/риторический прием</i>	<i>Комментарий</i>

Разметка производится в приведенной выше таблице и включает две основные операции: 1) отбор и описание тропов и 2) отбор и описание некоторых смежных с тропами семантических явлений.

I. Отбор слов в переносном значении (тропов) и определение принципов переноса значения

Одна из базовых проблем, возникающих при работе с тропами, — это проблема их классификации. На первый взгляд, было бы логично, исследуя поэтический язык М. В. Ломоносова, обратиться к перечню тропов, предложенному самим Ломоносовым. В своем главном риторическом трактате — «Кратком руководстве к красноречию» (1748) — Ломоносов выделял две группы тропов: «тропы речений», к которым он относил метафору, синекдоху, метонимию, антономазию, катахресис и металепсис (АПСС 7, 245), и «тропы предложений», представленные такими явлениями, как «аллегория, парафразис, эмфазис, гипербола, ирония» (АПСС 7, 249). Внимательное рассмотрение ломоносовской классификации приводит к выводу о том, что подход Ломоносова к тропам принципиально неприменим для решения задач проекта, связанного с риторическим исследованием художественных текстов. Причина этого состоит в фундаментальном различии между нормативной классической риторикой, в рамках которой созданы риторические трактаты М. В. Ломоносова, и научной неориторикой XX века, вне парадигм которой невозможно в настоящее время рассматривать теорию тропов и фигур. Классическая риторика, адресованная создателям речевых сообщений (авторам), предлагает некий свод подробных рекомендаций (в частности, перечни тропов и фигур), пользуясь которыми можно убедительно и красиво выразить мысль.

Ср. определение риторики в «Кратком руководстве к красноречию»: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению» (АПСС 7, 91). Литературная же неориторика во всех ее разновидностях имеет совсем иную цель — анализ художественного текста, поэтического языка и способов формирования при помощи этого языка проблематики текста (Авеличев 1986: 16–22; Безменова 1991: 122). Этими задачами обусловлено стремление неориторики сформировать научную классификацию тропов, позволяющую свести все многообразие «частных случаев», тщательно дифференцируемых классической риторикой, к ряду «базовых» тропов. Среди же ломоносовских «тропов речений» такие «частные случаи» имеют место. Так, катахриси́с, определяемый автором «Краткого руководства» как «перемена речений на другие, которые имеют близкое к ним знаменованье, что бывает ради напряжения или послабления какого-нибудь действия или свойства, например: для напряжения — *бояться* вместо *ждать*; *бежать* вместо *итти*; *бранить* вместо *выговаривать*; *лукав* вместо *хитр*; *скуп* вместо *бережен*; *нахален* вместо *незастенчив*; для послабления — *ждать* вместо *бояться*; *итти* вместо *бежать*; *выговаривать* вместо *бранить*; *хитр* вместо *лукав*; *незастенчив* вместо *нахален*» (АПСС 7, 249), с точки зрения принципов переноса значения, сводим к таким тропам, как гипербола и литота. Металепсис, представляющий собой «перенесение слова через одно, два или три знаменования от своего собственного, которые одно из другого следуют и по оному разумеются: *Как десять жатв прошло, взята пространна Троя*» (АПСС 7, 249), по сути — частный случай метонимии. Кроме того, ряд явлений, описываемых Ломоносовым в главах «Краткого руководства к красноречию» о тропах, с позиций современного анализирующего художественный текст сознания также интерпретируется совершенно иначе. В качестве примера можно рассмотреть одну из разновидностей синекдохи. По Ломоносову, «синекдоха есть троп, когда речение переносится

от большего к меньшему или от меньшего к большему» (АПСС 7, 246), что, в частности «бывает <...> когда известное число полагается вместо неизвестного: *там тысячи валяются вдруг* вместо *множество валится*» (АПСС 7, 246). М. В. Ломоносов приводит в качестве примера фрагмент собственной «Оды на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации». Приведем контекст, в котором появляется данный пример:

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж Готфскими полками
Бежит ярься из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух;
Там тысячи валяются вдруг.
Но естли хочешь видеть ясно,
Коль Росско воинство ужасно,

Взойди на брег крутой высоко,
Где кончится землею понт;
Простри свое чрез воды око,
Коль много обнял Горизонт;
Внимай, как Юг пучину давит,
С песком мутит, зыбь на зыбь ставит,
Касается морскому дну,
На сушу гонит глубину
И с морем дождь и град мешает:
Так Росс противных низлагает (АПСС 8, 89–90).

Из контекста видно, что количественный принцип переноса, позволяющий акцентировать внимание на интенсивности описываемых действий, здесь безусловно доминирует, и слово «тысячи» оказывается вовсе не синекдохой, а гиперболой.

Помимо базового различия подходов к тропам, демонстрируемых классической риторикой и анализирующей научной неориторикой, следует указать еще две причины, которые делают неприменимой для нашего исследования классификации

тропов М. В. Ломоносова. Во-первых, само разделение тропов на «тропы речений» и «тропы предложений», которого придерживался Ломоносов, не соответствует принятому сегодня в науке представлению о тропах как о явлении лексическом, состоящем в изменении основного значения конкретного слова (в противовес фигурам речи как явлению синтаксическом)³. Во-вторых, некоторые понятия классической риторики, перешедшие сегодня в разряд лингвистических и литературоведческих терминов, получили иные научные определения. Примером такой трансформации может служить термин «аллегория». По Ломоносову, аллегория «есть перенесение предложений от собственного знаменования к другому стечением многих метафор, между собою сродных и некоторую взаимную принадлежность имеющих» (АПСС 7, 250). Из определения следует, что для Ломоносова «аллегория» есть не что иное, как развернутая метафора. В современных же определениях аллегории ее главным структурообразующим признаком называется замена обозначаемого абстрактного понятия конкретным образом (см., напр.: (Хаззагерев, Ширина 1994: 125; Томашевский 1999: 61; Лагутина 2003: 27)).

С учетом всего вышеперечисленного, а также того обстоятельства, что общепринятой современной риторики-лингвистической классификации тропов не существует (Москвин 2007: 40–41), в исследованиях по риторическому анализу текста возникает необходимость сформировать адекватный исследуемому материалу набор тропов. Для нужд проекта был создан специальный рабочий перечень тропов (не являющийся классификацией), релевантный для поэтического языка М. В. Ломоносова. Этот перечень включает девять

³ Такое противопоставление отчетливо реализовано, в частности, в книге Б. В. Томашевского «Теория литературы. Поэтика», в которой имеется два раздела: «Поэтическая лексика» с подразделом «Поэтическая семантика. Тропы» и «Поэтический синтаксис». Во втором подразделе речь идет о тех явлениях, которая классическая риторика относил к фигурам речи (Томашевский 1999: 333).

основных тропов: метафору, олицетворение, метонимию, синекдоху, иронию, перифразу, антономазию, гиперболу и литоту. Рассмотрим каждый троп подробнее, обращая внимание на проблемы, возникающие в процессе описания некоторых из них.

1. **МЕТАФОРА** — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношениях сходства, аналогии. Например:

Дела Петровой Дщери **громки** (АПСС 8, 102).
громкий ‘широко известный, знаменитый, славный’

Одна из самых значительных трудностей, возникающих при описании переносных значений слов в художественном тексте, — проблема разграничения языковой и художественной метафоры. Поскольку на материале русского XVIII века типология метафоры не разрабатывалась, на первоначальном этапе исследования фиксируются как языковые (отмеченные историческими словарями⁴), так и поэтические (оригинальные) метафоры Ломоносова.

Отграничить первый тип метафор от второго сложно, в частности, потому, что существующие словари русского языка XVIII века при описании переносных значений во многом опираются именно на поэзию М. В. Ломоносова⁵, а системного описания метафорической лексики доломоносовского времени

⁴ Сл. XVIII в., САР¹, САР², Сл. 1847. Поскольку наиболее авторитетный на сегодняшний день Сл. XVIII в. не существует в полном объеме, языковым «фоном» для описания переносных значений М. В. Ломоносова было решено считать САР¹, отражающий языковое сознание эпохи, близкой самому Ломоносову. В ходе семантической разметки наличие переносного значения в САР¹ отмечается в графе «Комментарий».

⁵ По подсчетам М. И. Сухомлинова, в Словаре Академии Российской М. В. Ломоносов цитируется 883 раза, Сумароков — 30 раз, Петров — 13 раз, Херасков — 11 раз (Сухомлинов 1887: 28).

(первой трети XVIII века) не существует. Кроме того, решение фиксировать все метафоры представляется правомерным еще и потому, что риторическая культура⁶, носителем которой был и М. В. Ломоносов, вообще не знала разграничения понятий «языковая метафора» и «художественная метафора». Наиболее употребительные в эту эпоху метафоры можно считать «риторическими метафорами», т. е. метафорами, «не обладающими индивидуальностью, употребляемыми многими авторами <...> своего рода “художественные штампы”, клише» (Склярёвская 2004: 41)⁷.

2. **ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ** — разновидность метафоры, перенос свойств предметов или явлений одушевленного мира на предметы или явления мира неодушевленного. Например:

Там тучи разных птиц летают,
Что пестротой превышают
Одежду нежных весны (АПСС 8, 205).

Особую разновидность олицетворения составляют метафоры, наделяющие животных качествами человека⁸. Например:

⁶ О понятии риторической культуры как культуры «готового слова» см.: (Михайлов 1997: 116–117). О глубинных связях М. В. Ломоносова с риторической культурой см.: (Бухаркин 2011: 51–52).

⁷ О понятии «риторическая метафора» см. также: (Бельский 1954: 286). В ряде исследований подчеркивается, что риторическая метафора представляет собой «механическое соединение схематических образов» (Бельский 1954: 286) и поэтому предполагает ослабление или утрату образного элемента или эстетического потенциала (см.: Склярёвская 2004: 41). Можно предположить, что в текстах риторической эпохи ситуация все же иная и использование типичных для этой культуры «метафор-штампов» никак не связано с утратой образа и эстетической нагруженности.

⁸ Ср. широкое понимание олицетворения в следующем определении: «Олицетворение — присущее мифологическому сознанию свойство перенесения на неодушевленные вещи и явления черт живых существ (антропоморфизм, анимизм) или животных (зооморфизм), а также надделение животных качествами человека» (Токарев 1988: 252).

В луга, усыпанны цветами,
Царица трудолюбных пчел,
Блестящими шумя крылами,
Летит между прохладных сел (АПСС 8, 217).

Одна из конструктивных особенностей поэтического языка М. В. Ломоносова — антропоморфизм в изображении частей света (Азия), стран и регионов (Россия, Кавказ), рек (Нева), явлений природы (заря), абстрактных понятий (тишина) и т. д. В таких олицетворениях, не представляющих собой собственно тропы, отсутствует явление лексического переноса значения (все слова употребляются в прямом значении), а антропоморфизация осуществляется за счет широкого аллегорического и мифологического контекста ломоносовской поэзии. В большинстве случаев подобные олицетворения развернутые. Например:

Коль ныне радостна **Россия!**
Она, **коснувшись** облаков,
Конца не **зрит** своей державы,
Гремящей **насыщенна** славы,
Покоится среди лугов <...>
Седит и **ноги** простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой **обращает**
И вокруг довольства исчисляет,
Возлегли локтем на Кавкас (АПСС 8, 221–222).

Выделенные в этом примере слова, создающие антропоморфизацию изображаемого, употреблены в прямом значении. Однако в целом высказывание представляет собой иносказание: здесь говорится о том, что Россия — это огромная процветающая империя.

Ср. аналогичные примеры:

Не **ад** ли тяжки узы **рвет**
И **челюсти** **разинуть** **хочет**? (АПСС 8, 19)

Полна веселья там *Нева*,
Венцем, порфиною блистает,
Покрыта лаврами **глава** (АПСС 8, 224).

И се уже **рукой** багряной
Врата **отверзла** в мир **заря**,
От **ризы сыплет** свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря,
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем, и в тверди скрыться (АПСС 8, 138).

С способными ветрами **споря**,
Терзать да не **дерзнет борей** (АПСС 8, 216).

Для целей практического описания олицетворений в ходе семантической разметки поэтических текстов М. В. Ломоносова были выработаны следующие принципы.

- ◆ Олицетворения-тропы и олицетворения, служащие целям антропоморфизации изображаемого и не являющиеся тропами, не разделяются, поскольку провести такое разделение не всегда возможно.
- ◆ Жирным курсивом в приводимом контексте выделяются «олицетворяемые слова» («герои» ломоносовской поэзии, ср. в приводимых выше примерах: ***Россия, ад, Нева, заря, борей***);
- ◆ Жирным прямым шрифтом выделяются слова, с помощью которых происходит олицетворение (антропоморфизация).

3. **МЕТОНИМИЯ** — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношениях смежности, связаны логически (при этом прямое значение сочетается с переносным). Например:

И **огнь**, и **меч** да удалится
От стран Твоих, и всякий вред (АПСС 8, 216).
огнь и меч ‘война’

Но больше мирною **рукою**
Ты целой удивила свет (АПСС 8, 220).
рукою 'политикой, правлением'

В ломоносовской поэзии обнаруживается значительное число случаев переносов, которые можно интерпретировать двояко — как метонимии и как олицетворения. Например:

Пред Росской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь **Хотин** своих.
Но что? В стенах ли может сих
Пред сильной устоять Царицей? (АПСС 8, 27)

С одной стороны, образ Хотина, имея в виду контекст («стесняет», «может устоять»), а также с учетом ломоносовской тенденции к антропоморфизму, о которой шла речь выше, является олицетворением. С другой стороны, этот образ можно интерпретировать как метонимию (**Хотин** 'защитники Хотинской крепости').

Ср. аналогичные примеры:

Петрополь по Тебе терзался,
Когда с Тобюю разлучался
Еще в зачатии Твоем (АПСС 8, 63).

Россию, грубостью попанну
С собой возвысил до небес (АПСС 8, 200).

В описании подобных случаев приводятся обе возможности риторической интерпретации (олицетворение / метонимия).

4. **СИНЕКДОХА** — разновидность метонимии, в которой используются отношения количественного характера (например, часть вместо целого, единственное число вместо множественного, множественное число вместо единственного и др.). Например:

Мяжкой вместо мне перины
Нежна, зелена трава;
Сладкой думой бес кручины
Веселится **голова** (АПСС 8, 11).
голова ‘человек’

Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их **око**, слух нечует (АПСС 8, 23).
око ‘глаза’

Основная проблема описания этого тропа связана с критериями разграничения синекдох и метонимий. В ходе семантической разметки было решено опираться на критерий, сформулированный в одном из современных авторитетных словарей тропов и риторических фигур:

«Граница между многими разновидностями метонимии (человек — его одежда, человек — орудие, предмет, человек — часть его тела, внешности) очень условная. По-видимому, в чистом виде синекдоха встречается только тогда, когда сопоставляемое и сопоставляющее настолько однородны в качественном отношении, что различия между ними воспринимаются в основном как количественные (больше — меньше)» (Хазагеров, Ширина 1994: 159).

5. **ИРОНИЯ** — троп, в котором переносное значение слова противоположно или резко противопоставлено по смыслу прямому. Например:

Мышь некогда, любя **святыню**,
Оставила прелестной мир,
Ушла в глубокую **пустыню**,
Засевшись вся в галланской сыр (АПСС 8, 769).
святыня (о еде, сыре)
пустыня (о месте, изобилующем едой)

6. **ПЕРИФРАЗА** — троп, описательно выражающий одно понятие с помощью нескольких (группа слов выражает семантику обозначаемого понятия). Например:

В стенах Петровых протекает
Полна веселья там Нева,
Венцем, порфиною блистает,
Покрыта лаврами глава (АПСС 8, 224).
стены Петровы 'Петербург'

О коль велика добродетель
В Петровых **нежных днях** цветет! (АПСС 8, 62)
нежные дни 'юность'

7. АНТОНОМАЗИЯ — троп⁹, к которому относится:

⁹ Ср. трактовку термина «антономазия» в специальном исследовании: «Антономазия может быть определена как средство языковой номинации, включающее в себя различные виды одновременной реализации предметно-логического и назывного значений, в результате чего объекту присваивается имя, находящееся на пересечении нарицательного и собственного имен, прямо или косвенно указывающее на свойства объекта, и, таким образом, помимо идентифицирующей функции выполняющее информативную функцию. При одновременной реализации данных двух типов лексических значений в одних случаях предметно-логическое значение оказывается главным, а назывное значение контекстуальным, в других случаях наоборот — назывное значение главное, а предметно-логическое контекстуальное. Так как назывное значение присуще именам собственным, а предметно-логическое значение присуще именам нарицательным, то в зависимости от того, какое значение является основным, выделяются два основных типа антономазии:

1) Антономазия, построенная на переносном использовании имени собственного (антономазия первого типа). В ней назывное значение является основным, а предметно-логическое возникает в контексте, т. е. имя собственное частично переходит в нарицательное.

2) Антономазия, построенная на переносном использовании имени нарицательного (антономазия второго типа). В ней основным является предметно-логическое значение, а назывное возникает в контексте, т. е. имя нарицательное частично переходит в собственное.

Этот тип антономазии делится на подтипы в зависимости от отношений, устанавливающихся между оригинальным именем объекта и создаваемым именем:

А) Собственно антономазия, в частности как стилистический прием. Представляет собой окказиональное замещение оригинального имени объекта или явления создаваемым именем.

а) употребление имени собственного в значении нарицательного:

Пускай в Германии Герой ваш <Карл XII в Польше. — Е. М.>
успекает,
Отверсты города свободно протекает,
В рожденной счастьем кичливости своей
Низводит с высоты и взводит Королей;
Пусть дерзостно спешит, как буйный ветер, к востоку
И приближается к предписанному року
Не найдет **Дария**, чтоб **Александром** стать (АПСС 8, 729)
Дарий 'проигравший'
Александр 'победитель'

б) употребление имени нарицательного в значении имени собственного:

Блеснул горящим вдруг лицом,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, **Герой** открылся (АПСС 8, 22).
Герой 'Петр Великий'

Как ежели на Римлян злился
Плутон, являя гнев и власть,
И естли **Град** тому чудился,
Что Курций, видя мрачну пасть,
Презрел и младость, и породу,
Погиб за Римскую свободу (АПСС 8, 90).
Град 'Рим'

В) Клички и прозвища. Представляют собой частотное замещение оригинального имени объекта или явления создаваемым именем. Иногда кличка или прозвище в тексте употребляется чаще, чем оригинальное имя, однако последнее никогда не вытесняется полностью.

С) Говорящие имена. К ним относятся имена и названия, которые сами являются оригинальным именем объекта или явления. Однако предметно-логическое значение остается в них на первом плане, и, таким образом, информативная функция преобладает.

Д) Ласкательные имена.

Е) Пейорация» (Арутюнян 2010: 164–165).

в) употребление антропонима в значении другого антропонима:

С **Сотином** — что за вздор? — **Аколаст** примирился!

(АПСС 8, 659)

Сотин (от имени «Тресотинуус» — от фр. *très sot* ‘очень глупый’) ‘В. К. Тредиаковский’

Аколаст (от греч. ἀκόλαστος — ‘необузданный, дикий, наглый’) ‘А. П. Сумароков’

В последней группе антономазий фиксируются и случаи использования антропонимов в составе перифраз. Например:

Возносят грады там в веселии главы;
О как красуетесь, Балтиски бреги, вы,
Тритоны с Нимфами там громко восклицают
И **Амфитриты** путь **Российской** прославляют (АПСС 8, 802).
российская Амфитрита ‘Екатерина II’

В классификациях тропов антономазия приводится не всегда, так как этот троп сводим либо к метафоре («Ахиллес» в значении «непобедимый воин»), либо к метонимии («галилеянин» в значении «Иисус Христос»)¹⁰. Случаи антономазии фиксируются нами отдельно ввиду частотности семантических преобразований имен собственных в поэтическом языке М. В. Ломоносова.

¹⁰ Ср. описание отношения антономазии к двум «базовым» тропам — метафоре и метонимии — в цитируемой выше диссертации: «Между крайними точками зрения на антономазию, отождествляющими антономазию либо с метонимией, либо с метафорой, принимается компромиссная точка зрения на антономазию как на метонимию, осложненную отношением сходства, хотя в отдельных случаях характер и основания переноса имени максимально сближают антономазию с метафорой» (Арутюнян 2010: 165).

8. **ГИПЕРБОЛА** — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношении «большее ~ меньшее» (преувеличение какого-либо качества или признака). Например:

В середине сердца мне **геенну** воспалил (АПСС 8, 484).
геенна 'сильное волнение, потрясение'

9) **ЛИТОТА** — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношении «меньшее ~ большее» (уменьшение какого-либо качества или признака).

Мечи твои <войны. — Е. М.> и копьа вредны
Я в плуги я в серпы скую;
Пребудут все поля **безбедны**,
Отвергнув люту власть твою (АПСС 8, 99).
безбедный 'богатый, процветающий'

II. Отбор и описание некоторых смежных с тропами семантических явлений

Наряду с тропами, в поэтическом языке М. В. Ломоносова обнаруживаются иносказания, связанные с фигуральным использованием языка, но не являющиеся собственно тропами (словами в переносном значении). Можно выделить три основных типа такого рода явлений.

1. ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ, НЕ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ТРОПАМИ (СМ. ВЫШЕ)

2. **АЛЛЕГОРИЯ** — «одна из форм иносказания, в которой конкретный образ используется для выражения отвлеченного понятия или суждения» (Лагутина 2003: 27). Аллегория не является тропом, поскольку в ней отсутствует лексический перенос (все слова употребляются в прямом значении), а иносказательность возникает только в контексте, причем понимание иносказания невозможно без учета историко-культурных

реалий, на которых строится образ. К характерным чертам аллегории также обычно относят ее условность¹¹, однозначность (в отличие от символа), тяготение к визуальному воплощению, тяготение к развернутой форме.

Пример аллегии (жирным прямым шрифтом выделяются все слова, формирующие аллегорический образ):

Лев ныне токмо зрит **ограду**,
Чем путь ему пресечен к **стаду** (АПСС 8, 219).
Лев 'Швеция'.

Общий смысл аллегорического иносказания следующий: шведы не смеют пересечь русско-шведскую границу, которая в соответствии с мирным договором 1743 г. была отодвинута далеко на запад.

3. МИФ

По мнению Т. Е. Абрамзон, одическая поэзия М. В. Ломоносова представляет собой реализацию определенной культурной (поэтической) мифологии¹², причем поэтическая ми-

¹¹ Об этом, в частности, писал А. Ф. Лосев, приводя убедительный пример сатиры Сенеки «Отыквление божественного Клавдия»: «Свое произведение он назвал “Отыквление”, поскольку тыква считалась символом глупости. Однако <...> это не символ глупости, но аллегория глупости, потому что ни глупость совершенно не имеет отношения к тыкве, ни тыква к глупости <...> В аллегии отвлеченная идея, ее предмет не имеет ничего общего или имеет очень мало общего с обратной стороной изображаемого предмета» (Лосев 1995: 136).

¹² «Культурными мифологиями, в отличие от мифологий архаических <...> и религиозных <...> принято называть системы коллективных представлений, функционирующие аналогично архаическим и религиозным мифологическим представлениям, но в иных исторических условиях, сформировавшихся в секуляризованных западных обществах Нового времени, а также в обществах, ориентированных на западные модели цивилизации. Такие представления выражаются прежде всего в различных формах словесного творчества» (Абрамзон 2007: 5).

фология «включает в себя элементы древних мифологий <...> в качестве риторических фигур <...> составляющих основу художественного языка панегирической и эпической поэзии» (Абрамзон 2007: 24). Античная мифология как неотъемлемый элемент европейской культуры Нового времени и русской европеизированной культуры XVIII века (Живов, Успенский 1984) оказывается исключительно важным компонентом поэтического языка М. В. Ломоносова.

В поэзии М. В. Ломоносова обнаруживается большое количество мифологических имен¹³ в контекстах, представляющих собой иносказание. При этом, наряду с иносказательно-аллегорическим смыслом, такие контексты, как правило, сохраняют и прямое значение мифологического имени.

Например (жирным шрифтом выделены слова, формирующие мифологический образ):

Монархиня, кто Россов знает
И ревность их к Тебе внимает,
Помыслит ли противу стать?

Что **Марс** кровавый **не дерзает**
Руки своей **простерти** к нам,
Твои он силы **почитают**
И власть, подобну небесам (АПСС 8, 219).

Марс — это римский бог войны, который оказывается таким же героем ломоносовской оды, каким и императрица

¹³ Согласно наблюдениям Т. Е. Абрамзон, «корпус античных богов, упоминаемых и действующих в одическом пространстве Ломоносова (двадцать од), представляет собой единство персонажей греческой и римской мифологии с доминированием последней. Количество употреблений имен богов таково: Марс — 10 употреблений, Диана и Минерва — 4, Флора — 3, Беллона, Нептун, Орфей, Фазтон и Борей — 2, Феб, Аврора, Антей, Ахилл, Венера, Геркулес (Алцид, Алкид), Атлас, Ермий (Гермес), Плутон, Афина, Атлант, Цереса (Церера), Урания — по 1 разу» (Абрамзон 2007: 43–44).

Елизавета Петровна; в то же время в этом образе можно усмотреть аллегория войны, воинственности¹⁴.

Такая двойственность интерпретации является неотъемлемой чертой мифа как вида поэтического иносказания, при котором некая общая идея мыслится в виде живого существа (Лосев 1995: 174). А. Ф. Лосев отмечал, что в мифе, как и в символе, «идейная образность действительности <...> дана вместе с самой действительностью <...> Миф отождествляет идейную образность вещей с вещами как таковыми и отождествляет вполне субстанционально» (там же: 166–167).

С учетом вышесказанного было принято решение в ходе семантической разметки поэтических текстов М. В. Ломоносова описывать использование мифологических персонажей с помощью пометы «миф» (имея в виду под этим особый тип художественного иносказания).

E. Matveev. The problems of M. V. Lomonosov's poetic tropes description.

The chapter focuses on problems of M. V. Lomonosov's poetic tropes description, such as the list of tropes relevant for M. V. Lomonosov's poetics, distinction between language metaphor and artistic (poetic) metaphor, analyses of figurative language phenomena which are not tropes (some types of personification, allegory, myth).

¹⁴ Ср. несколько сходных примеров: «В полях кровавых *Марс* страшился, / Свой меч в Петровых зря руках, / И с трепетом *Нептун* чюдился, / Взирая на Российский флаг» (АПСС 8, 200); «И се *Минерва* ударяет / В верьхи Рифейски копием, / Серебро и золото истекает / Во всем наследии Твоем. / *Плутон* в расселинах мятется, / Что Россам в руки предается / Драгой его металл из гор» (АПСС 8, 205–206); «Сходящей с поль златых *Авроры* / Рука багряна сыплет к нам / Брильянтов, искр, цветов узоры, / Дает румянный вид полям, / Светящей ризой мрак скрывает / И к сладким песням птиц возбуждает» (АПСС 8, 124); «Великая Петрова Дщерь / Щедроты отчи превышает, / Довольство *Муз* усугубляет / И к щастью отверзает дверь» (АПСС 8, 202; Музы: а) богини, покровительницы наук и искусств; б) аллегория наук).

*А. А. Ветушко-Калевич
(ИЛИ РАН / СПбГУ)¹*

**«ПОЛИГИСТОР»
ДАНИЭЛЯ МОРХОФА
О РИТОРИКЕ**

Ключевые слова: Даниэль Георг Морхоф, история риторики, новая латынь, библиографические справочники.

В главе рассматривается риторический раздел в монументальном библиографическом труде Даниэля Георга Морхофа (1639–1691) «Полигистор», до сих пор остававшемся без внимания как российских, так и, по большей части, зарубежных исследователей.

Шведский филолог Ханс Хеландер написал статью о значении и перспективах новолатинских исследований. Говоря об основных новолатинских трудах, отражающих прогресс человеческого знания и соответственно развитие латинской терминологии в Новое время, он удивляется странному невниманию со стороны исследователей к «Полигистору» Даниэля Морхофа (Helander 2001: 17)². В этом труде на 1882 страницах (если брать последнее издание) отражена, да еще и с комментариями, современная автору библиография по всем областям человеческого знания, что делает его настоящим кладом как для неолатиниста,

¹ Арсений Анатольевич Ветушко-Калевич, магистрант кафедры классической филологии СПбГУ, лаборант ИЛИ РАН.

² Хеландер, в частности, обращает внимание на то, что в знаменитом “Companion to Neo-Latin Studies” Йозефа Эйзевейна «Полигистор» лишь коротко упомянут (Ijsewijn 1977: 129; Ijsewijn, Sacré 1998: 198).

так и для любого желающего ознакомиться с историей развития той или иной научной дисциплины в XV–XVII веках. Разумеется, автор этой энциклопедии не обходит вниманием и риторику, но об этом — чуть позже; сначала несколько слов о нем самом³.

Даниэль Георг Морхоф родился в Висмаре 6 февраля 1639 года. Получив начальное образование в Висмаре, а затем в Штеттине, в марте 1657 года Морхоф поступил в университет Ростока, чтобы в соответствии с желанием отца изучать юридические науки. Он жил в доме юриста Хайнриха Ранена, который познакомил его с поэтом Андреасом Чернингом, что способствовало развитию у Морхофа интереса к поэзии. После смерти Чернинга в 1660 году Морхоф занял его место в качестве профессора красноречия и поэзии Ростокского университета. Перед вступлением в эту должность Морхоф совершил учебную поездку в Голландию и в Англию, посетив, в частности, Лейден и Оксфорд, и на обратном пути получил во Франекере (Нидерланды) степень доктора права. В 1665 году, когда герцог Кристиан Альбрехт основал Кильский университет, Морхоф стал одним из его первых профессоров, а в дальнейшем четырежды становился ректором университета. В 1670 году он предпринял еще одну поездку в Голландию и Англию, во время которой встречался в Утрехте с Греффе, в Гааге с Хейнсом, Гюйгенсом-старшим и Маркардом Гуде, а в Англии с Робертом Бойлем и Исааком Фоссом. В 1673 году Морхоф получил в Ростокке должность профессора истории, а в 1680 — главного университетского библиотекаря. Скончался Морхоф 30 июля 1691 года в Любеке.

Среди произведений Морхофа (основную массу которых составляют небольшие научные исследования и письма коллегам, а также немецкие и латинские стихи) выделяются два. Первое из них — «Учение о немецком языке и поэзии», впервые опубликованное в 1682 году. Эта книга делится на три части: первая посвящена истории языка, вторая — истории

³ Биографические сведения приводятся по соответствующим статьям в ADB и KNTL.

литературы, а третья — теории поэзии. Наиболее важной в наши дни считается вторая часть, благодаря которой автора часто называют первым историком мировой литературы. Морхоф заменяет простые библиографические описания элементами критического взгляда на литературные памятники, а также стремится не только дать обзор истории немецкой литературы, но и поместить ее в контекст истории других европейских литератур — французской, итальянской, испанской, английской и голландской. Кроме того, в книге Морхофа впервые описывается история скандинавской поэзии, в которую он включает также финскую и саамскую. Историю немецкой литературы Морхоф разделил на три периода: первый период — от упомянутых Тацитом германских песен до Карла Великого, второй период включает в себя древневерхнемецкую, средневерхнемецкую и раннюю нововверхнемецкую литературу, третий период начинается с Мартина Опица и продолжается во время жизни самого Морхофа. Наиболее выдающимся из немецких поэтов своего времени Морхоф называет Пауля Флеминга.

Второе из двух важнейших произведений Морхофа — энциклопедия по истории науки и литературы под названием “Polyhistor literarius, philosophicus et practicus”. Энциклопедия эта является гигантской компиляцией, посвященной всем ученым занятиям автора за время его работы в университетах, распадающейся в соответствии с названием на три части — “Polyhistor literarius”, “Polyhistor philosophicus” и “Polyhistor practicus”, причем сам автор успел издать только две из семи книг первой части, вышедшие в Любеке в 1688 году. Из них первая, “Liber Bibliothecarius”, о манускриптах, библиотечных каталогах, запрещенных и анонимных книгах, книгах по мистике и алхимии. Во второй книге, “Liber Methodicus”, рассматриваются различные взгляды на воспитание и образование. Третью книгу первой части уже после смерти Морхофа издал в 1692 году Хайнрих Мюле; она называется “Liber παρασκευαστικός” — о нахождении и отборе стилистических примеров с целью их дальнейшего применения

в устной и письменной речи. Книги с четвертой по седьмую (“Liber Grammaticus”, “Liber Criticus”, “Liber Oratorius”, “Liber Poeticus”), а также вторая (по философии, естественной истории, физике, магии, логике, математике) и третья (где рассматриваются этика, политика, историография, теология, юриспруденция, медицина) части были изданы в 1708 году на основании конспектов слушателей Морхофа. Четвертое полное издание «Полигистора» с добавлениями Иоганна Альберта Фабрициуса, вышедшее в 1747 году, в последний раз было издано репринтом в 1970 году.

Для истории риторики основной интерес в «Полигисторе» представляет шестая книга первой части — “Liber Oratorius”, точнее, первая ее глава — “De scriptoribus rhetoricis”. Здесь дается перечисление наиболее выдающихся древних и новых риторов (несколько десятков имен) с краткой характеристикой и, что особенно ценно, библиографическими данными. Когда речь идет о древних, перечисляются также основные комментарии и латинские переводы греческих риторов, причем Морхоф не скупится на резкие слова в адрес наиболее некачественных из этих переводов.

Риторический обзор Георга Даниэля Морхофа (как, разумеется, и его обзоры по ряду других дисциплин) представляется интересным в двух отношениях:

1) это важный библиографический справочник по риторике XVI–XVII веков;

2) это довольно интересный взгляд современника на риторику XVI–XVII веков — конечно, не единственный, несколько поверхностный и местами довольно субъективный, но очень ценный благодаря фантастическому кругозору автора — одного из образованнейших людей своего времени.

Повествование начинается с Аристотеля. Он назван крупнейшим греческим ритором, который в трех небольших книгах объял всю необъятную риторику, за исключением фигур. Комментариев к «Риторике» Аристотеля уже ко времени жизни Морхофа существует множество, и он указывает наиболее важные из них.

За Аристотелем следует Деметрий Фалерский. В XVII веке как раз начинается бурная полемика о том, действительно это Деметрий или нет; Коссен и Исаак Фосс, сообщает Морхоф, отрицают авторство Деметрия. Перечислив другие труды, приписываемые Деметрию, Морхоф тут же указывает тематически близкие им труды своих современников.

За коротким параграфом, посвященным Дионисию Галикарнасскому, следует утверждение о том, что Гермоген и Лонгин в риторике стоят выше его. Несмотря на то, что Гермоген, в соответствии с его жизнеописанием у Флавия Филострата, был среди мальчиков стариком, а среди стариков мальчиком, его книги относятся к основным сокровищницам риторики. Приводится цитата из иезуита Андре Схотта, ставящего Гермогена выше Аристотеля и Цицерона, но сам Морхоф считает, что Гермоген уступает и Лонгину. В главе о Лонгине мы встречаем самое длинное у Морхофа перечисление удачных и неудачных, и даже несостоявшихся, переводов на латынь. Сомнений же в авторстве Лонгина, разумеется, еще нет, поскольку они появятся только в XIX веке.

Затем кратко перечисляются прочие греческие риторы — Аристид, Менандр Ритор и др. Завершается греческая часть параграфом про Афтония, чья книга представляет из себя популярные упражнения в красноречии для начинающих, но страдает ориентированностью на софистов.

О древних латинских риторах сказано на удивление мало. Главным среди них назван, разумеется, Цицерон. Тут же упомянут современный Морхофу компендий под названием «Туллиола», где в сжатом виде собрано все риторическое учение Цицерона.

На втором месте после Цицерона стоит Квинтилиан; Морхоф утверждает, что без знакомства с ним невозможно здраво рассуждать о риторике. Затем следует очень краткое перечисление изданий прочих древних латинских риторов, а после него — неожиданный скачок в XVI век.

Риторы XVI–XVII веков расположены в более или менее произвольном порядке, о чем говорит и сам Морхоф в § 9. Начинает Морхоф с балеарца Антония Луллия, которого призывает не путать с его более знаменитым предком Раймундом Луллием. Антоний Луллий ориентируется, в основном, на Гермогена. Его книгу Морхоф характеризует как очень добросовестно написанную и отмечает, что Луллием часто пользовался при написании своего трактата Фосс-Младший.

Затем перечислены несколько уроженцев Италии. Это, во-первых, Франческо Робортелло, открывший рукопись Лонгина. Он вернул учение о фигурах к истокам и вслед за Аристотелем прояснил различия между поэтическим и ораторским слогом. Робортелло принадлежит каталог всех фигур из греческих и латинских авторов, однако принципы составления этого каталога Морхофу не ясны. Робортелло — единственный автор, о котором Морхоф пишет еще и как о человеке, отмечая его надменность и даже рассказывая анекдот из его жизни: дескать, Робортелло, произнося похвальное слово почившему Карлу V, остановился на вступлении, забыв всю дальнейшую подготовленную речь.

Робортелло — консерватор; ему противопоставляется Франческо Патрици, бывший новатором почти во всех науках; однако его «Диалоги о Риторике» Морхоф сам не видел. Здесь же упомянут другой новатор — Томмазо Кампанелла; но все странности этого человека, говорит Морхоф, описывать в данном контексте неуместно. Завершается итальянская часть упоминанием Паоло Бени, преподававшего в Падуе.

Любопытно отметить, что ни один из перечисленных итальянцев не относится к XV веку, т. е. ко времени расцвета итальянского гуманизма. Возможно, стоит приписать это желанию Морхофа поставить Италию как бы на одну доску с Германией; однако естественнее, как кажется, будет предположить, что дело в «прикладных» целях Морхофа: он хочет описать наиболее новую и доступную литературу по каждому предмету —

в данном случае по риторике — а не пишет историю науки ради истории науки.

Из немцев первым назван Иоганн Штурм, самый влиятельный немецкий педагог в свое время, т. е. в конце XVI века. Его книги не потеряли, по словам Морхофа, своей актуальности, однако его ученик Мельхиор Юнг «своей основательностью превзошёл усердие учителя» и больше Штурма годится для начинающих. Юнг собирал речи из греческих и латинских историков и издавал их с риторическими предисловиями. Морхоф перечисляет сразу несколько полезных трудов этого ученого, тратя на него почти страницу; параграф про Юнга — один из самых длинных в риторическом обзоре Морхофа.

Августу Бухнеру принадлежит труд “*De commutata ratione dicendi*”; в основном там говорится о грамматических, а не о риторических фигурах речи. Письма Бухнера — образец как прекрасной цицероновской латыни, так и риторического искусства. В противоположность ему Валентин Тилон хорош только как теоретик, но не как практик. Этот человек издал пособие с речами из Курция Руфа и написал еще несколько книжек, которые Морхоф прямо называет «посредственными».

Далее следует относительно большой раздел, начинающийся с фразы: «Как во всех науках, так и в риторике нашлось несколько толковых иезуитов». Из них Морхоф очень хвалит Луи Крезоля, выделяя, в частности, его книгу “*Vacationes Autumnales*” — об использовании жестов и тона, иначе говоря, об искусстве, которое древние называли «актёрским».

О Николае Коссене сказано очень коротко — три строчки. Более удобным в употреблении Морхоф называет Якоба Мазена, однако у Мартена дю Синя изложение более упорядочено, чем у Мазена. В книге дю Синя, отмечает Морхоф, проведен риторический анализ всех речей Цицерона.

Альберто Альберти непригоден в качестве учебника; он пытается указать на недочеты современных ораторов, но при этом сам злоупотребляет красноречием. Ещё один обличитель современности — Франциск Вавассёр, который резко выступает

против новейших плебейских тенденций в ораторском искусстве и в отличие от Альберти производит на Морхофа положительное впечатление. Однако Вавассёр не отучил других иезуитов от излишнего новаторства, ярким примером чего является Франсуа Помей. Его книга называется “*Novus Rhetoricae Candidatus*”, но содержательно нового, вопреки названию, в ней почти ничего нет, зато с методологической точки зрения она изобилует неудобствами. Морхоф явно очень внимательно прочитал Помея и яростно и пространно его критикует. «Хотелось бы посмотреть, — говорит Морхоф, — каков на практике будет оратор, учившийся только по этой книге». Основные недостатки Помея связаны с преподаванием искусства говорить без подготовки; более положительные примеры по этой части оставили Жан-Сесиль Фрэ и Михаэль Радау. Наконец, коротко и нейтрально упомянуты иезуиты Сигизмунд Лауксмин и Жак Юг. «Среди прочих иезуитов, — заключает Морхоф, — скольконибудь выдающихся очень мало».

Далее в изложении Морхофа трудно выделить уже не только порядок перечисления, но и просто какие-либо группы авторов.

Риторика Георгия Трапезундского, издававшаяся многократно, — прекрасный синтез учений Аристотеля и Гермогена. В то же время Георгию Трапезундскому ничуть не уступает Хуан Луис Вивес, который, по словам Геснера, «так соединил красноречие с премудростью, что всякий образованный человек признает, что из их чтения почерпнул ту или иную пользу».

Нельзя забывать, говорит Морхоф, и о “*De copia verborum et rerum*” Эразма Роттердамского: эта книга всем известна, но ее мало кто читает.

Далее совсем коротко упомянуты Якоб Омфал, Иоганн Бенц, Иоганн Шеффер и другие авторы, писавшие об отдельных разделах риторики. За перечислением этих людей, спохватывается вдруг Морхоф, мы чуть не забыли о тех, кто писал о риторике в целом; и среди них главное место занимает Герхард Иоганн Фосс. Его важнейший труд — “*Oratoriae institutiones*” — демонстрирует исключительную начитанность Фосса в древних риториках и многократно переиздавался во всей Европе.

Далее следует Педро Хуан Нуньес, которого упоминавшийся уже в связи с Гермогеном Андре Схотт считает главным испанским ритором. Однако «Риторику» Нуньеса Морхоф никогда не видел, в отличие от его знаменитого словаря Цицероновских эпитетов. Тут же перечисляются издатели других словарей языка Цицерона: еще одного словаря эпитетов, словаря наречий, словаря синонимов, словаря антитез (!). Продолжая разговор о синонимах, Морхоф рекомендует прекрасный словарь латинских синонимов Вольфганга Шёнследера под названием “*Apparatus Eloquentiae*”.

Затем кратко упомянуты риторические труды Иоганна Тесмара и Марка ван Боксгорна; между тем, в наши дни последний известен в первую очередь как создатель индо-скифской языковой теории, т. е. как один из важнейших предтеч современной индоевропеистики.

Морхоф язвительно и довольно пространно критикует Мельхиора де ла Серда и особенно Иоганна Майфарта, всячески обыгрывая названия их трудов («Поля красноречия» и «Ораторская пасека» соответственно). Майфарта Морхоф вдобавок называет *magnum puerorum delictum*, «большая забава отроков».

Достается от Морхофа и Иоганну Кларку, собравшему формулы риторических переходов. Морхоф недоумевает, зачем после лондонского издания эту книгу еще и переиздали в Германии. Нет ничего хорошего и в маленьком «Риторическом и ораторском указателе» Томаса Фарнаби, а риторическое пособие Шарля Пажо (издавшего, между прочим, французско-латинский словарь) — заурядная компиляция.

Далее перечисляются риторические пособия по жанрам, отличным от ораторской прозы: Карло Сигонио написал книгу о том, как сочинять диалоги, а Себастьяно Маччо — о том, как писать историю; то же проделал Агостино Маскарди, но по-итальянски. Наконец, в качестве финального курьеза упоминается книга Льва Аллация о речевых ошибках великих людей.

Последняя страница обзора посвящена риторикам на национальных языках — французском и немецком. Морхоф

хвалит трактат «Размышления о красноречии» Рене Рапена (более известного своим латинским дидактическим эпосом о садоводстве), а также «Французскую риторику» Рене Бари и различные книги Доминика Буура. Из попыток написать риторику по-немецки самую удачную предпринял Кристиан Вайзе; кроме него как пионеры в этой области упомянуты еще Рудольф Заттлер и пресловутый Майфарт.

Приведем текст риторического обзора с переводом⁴. В латинском тексте сохранены орфография, пунктуация и курсивы последнего издания (1747), но — отчасти благодаря сверке с предыдущими изданиями (1708, 1714, 1732) — исправлен ряд опечаток; каждое исправление отмечено в сносках.

⁴ Перевод выполнен А. А. Ветушко-Калевичем. На русском языке публикуется впервые (*прим. ред.*).

1. Ex quo de *Grammaticis Criticisque* Scriptoribus, et, quos his anneximus, *Antiquariis*, actum a nobis est, nihil magis concinnum, quam ut ad RHETORES nunc vel ORATORES progrediamur; videlicet quorum ars, si velit esse alicujus momenti, Grammaticen Criticenque haud dubie praerequirit: quum sine judicio, et Antiquitatum cognitione, infelix plane Orator sit, nedum Grammatices scientia destitutus eum in censum venire ullo modo queat. Contra subactus probe iis artibus animus magno se in Oratoria arte adjumento esse levatum, longeque felicius, quam si careret, progredi posse sentiet.

2. Ut autem communis omnis sapientiae Artiumque omnium fons e Graecia arcessendus est: ita sane Eloquentiae flumen haudquam ex alia regione profluit: sed inde potius hausisse sua Latinos magnos etiam et incomparabiles Oratores cernimus, atque ea unda totos prolii sese passos, quotquot uspiam clari Rhetores extiterunt. Sed vero inter Graecos etiam Rhetores late regnum tenet optimus maximusque eloquentiae magister, ARISTOTELES, quo Viro nemo plenius, in ista brevitate, subtiliusque artem Oratoriam tradit, quam exigua trium librorum mole fere omnem exhaustam cernas: excepta solum figurarum doctrina, quae ab ipso non est exculsa; neque Characterum diversitas, in quibus ceteri post Aristotelem praeclaram operam posuerunt. Extat vero in Rhetoricos illius libros integra *Commentatorum* sylva, quos Israëli Spachius, in Nomenclatore Scriptorum Philosophicorum, recenset. Graecorum veterum ἀνωνύμων Volumen Paris. 1539. in fol. publicavit Conr. Neobarius. E recentioribus M. Ant. Majoragius, Ant. Riccobonus, Pet. Victorius, ceteris meliores sunt; et praesertim praestat postremus, Florent. 1579. apud Juntas in fol. excusus: sed, si usum spectes, omnibus antecellit Christoph. Schraderus, Professor Helmstadiensis, cujus extat Commentarius in Aristotelis Rhetorica uberrimus Helmstadii 1674. in 4. editus. Solet alias objici Aristoteli aridum dicendi genus, et quod nihil minus, quam eloquentiam prae se ferat. Attamen, et eloquentem illum fuisse, et male tantum ab interpretibus acceptum, defendit Leon. Aretinus Epist. lib. IV. p. 177.

1. После того как мы рассмотрели писателей грамматических и критических, присовокупив к ним знатоков древностей, нет ничего более уместного, чем перейти теперь к риторам или ораторам, ведь чтобы их искусство имело какое-то значение, несомненно требуется знакомство с грамматикой и критикой, ибо без способности к рассуждению и без знания древностей оратор совершенно никуда не годится, и тем более никак не может быть причислен к ораторам тот, кто лишен познаний в грамматике. И наоборот, ум, порядочно подкованный в этих искусствах, почувствует, что обеспечен для ораторского искусства великой подмогой и что может развиваться гораздо успешнее, чем если бы был этой подмоги лишен.

2. Подобно тому, как общий источник всей премудрости и всех искусств следует искать в Греции, так, конечно, и река красноречия проистекает именно из этой земли, а уже оттуда, как видим, почерпнули свое искусство также великие и несравненные латинские ораторы, и этой влагой везде омывались все знаменитые риторы, сколько их ни было. А среди греческих риторов господствующее место занимает превосходнейший и величайший учитель красноречия, Аристотель; никто полнее сего мужа, при всей его краткости, и точнее его не преподает ораторское искусство, которое он, как можно увидеть, в трех небольших книгах охватил почти целиком, за исключением разве что учения о фигурах, которым он не занимался, и различия стилей, над которыми замечательно потрудились после Аристотеля другие. К книгам его «Риторики» существует целый лес комментариев — их перечисляет в «Номенклатуре философских писателей» Израэль Шпах. Том старинных анонимных греческих комментариев издал Конрад Необар (Париж, 1539, ин-фолио). Из новейших комментаторов лучше других Маркантонио Майораджо, Антонио Риккобано и Пьетро Веттори; особенно превосходен труд последнего (Флоренция, Джунти, 1579, ин-фолио); но в отношении удобства использования из всех выделяется хельмштедтский профессор Кристоф Шрадер, которому принадлежит подробнейший комментарий к «Риторике» Аристотеля (Хельмштедт, 1674, ин-кварто). Многие обвиняют Аристотеля в сухом слоге и в том, что сам он никаким красноречием не обладает. Однако Леонардо Аретино («Письма», т. IV, с. 177), настаивает, что он вполне красноречив и только плохо переведен.

3. Proximus ab Aristotele Rhetor, cujus scripta nostram aetatem attigerunt, est DEMETRIUS PHALEREUS, si modo genuinus ille Auctor libri περὶ ἐρμηνείας, *de Interpretatione*, seu, ut alii vertunt de Elocutione, quem, sub Demetrii nomine, primus edidit Aldus Venet. Graece in fol. An. 1508. et quem non solum Fred. Morellus Paris. 1555. in 8. recudit, sed et quem suis Commentationibus illustrandum sumserunt Viri doctissimi, Petrus Victorius Florent. An. 1562. Stanislaus Ilovius Basil. 1557. Franc. Panigarola, paraphrasi Italice scripta, cui titulus: *Il Predicatore, overo Parafrase all libro dell' Elocutione di Demetrio Falereo*: Venet. 1609. Joh. Caselius, aliique. Panigarola etiam inprimis in eo occupatus est, ut praecepta Demetrii ad sacram Elocutionem applicet. Sed tamen non desunt interim rationes, quae falso adscribi Demetrio illum librum persuadeant: quas inter inprimis eminet illa, quod Auctor libri Demetrii testimonio in tertia persona utatur. Ob hanc, et alias, Nic. Causinus, in libro de Elocutione, Demetrio foetum illum abjudicat. Et, quamquam Gaddius, T. I. de Scriptoribus Non-Eccles. p. 155. affirmativam adversus Causinum tueatur: male tamen id fieri, perperamque tribui Demetrio librum, qui Dionysii Halicarnassei sit, Is. Vossius de Poëmatum cantu p. 91. monet. Ceterum extant praeterea quaedam opuscula Demetrii, quibus praecepta continentur de membris et incis: de periodo ejusque partibus; de componendis Epistolis, et de Characteribus dicendi: quae Latine apud Rob. Winter in 4. ex interpretatione M. Antonii Antimachi, Basileae edita sunt: et, ob egregie monstratam periodorum rationem, legi omnino debent. Jungi iis possunt, ob vicinitatem materiae, e recentioribus Strebaeus de Electione verborum; Jovita Rapicius^a, Brixianus de Numero Oratorio: Sigism. Lauxmin in Praxi Oratoria: Joh. Sturmius et Val. Erythraeus de Periodis: Pascutius de dignitate, copia, pedibus in oratione servandis: Joach. Fortius de formis dicendi et periodis: etc. sed de quibus paulo fusius infra.

^a Jovianus Rapita *edd.*

3. Ближайший к Аристотелю ритор, произведения которого дошли до наших дней, — Деметрий Фалерский, если только это настоящий автор книги *περὶ ἑρμηνείας*, «Об истолковании», или, как переводят другие, «О стиле», которую под именем Деметрия первым издал Альд по-гречески (Венеция, 1508, ин-фолио). Его не только переиздал Фредерик Морель (Париж, 1555, ин-октаво), но и снабдили своими комментариями ученым мужи Пьетро Веттори (Флоренция, 1562), Станислав Иловский (Базель, 1557), Франческо Паникарولا — с итальянским переложением под названием «Проповедник, или Переложение книги Деметрия Фалерского о стиле» (Венеция, 1609) — Иоганн Кессель и другие. Паникаролу также весьма заботит применение указаний Деметрия к церковному красноречию. Между тем, имеются поводы думать, что эта книга приписывается Деметрию ложно; важнейший среди них заключается в том, что автор книги пользуется свидетельством Деметрия в третьем лице. По этой и другим причинам Николя Коссен в книге «О стиле» отказывает Деметрию в авторстве этого произведения. И хотя Гадди («О нецерковных писателях», т. I, с. 155), защищает, вопреки Коссену, его подлинность, Исаак Фосс («О пении поэм», с. 91) указывает на то, что это делается напрасно и Деметрию ошибочно приписывается книга, написанная Дионисием Галикарнассским. Кроме того, существуют малые произведения Деметрия, в которых содержится учение о членах и звеньях, о периоде и его частях, о сочинении писем и о стилях речи. Они были изданы в латинском переводе Маркантонио Антимако (Базель, Роберт Винтер, ин-кварто) и благодаря прекрасному разъяснению теории периодов заслуживают неперменного прочтения. В силу близости предмета из новейшего можно присовокупить к ним «О выборе слов» Жака Луи Стребе, «Об ораторском ритме» Джовиты Равиццы Брешианского, «Ораторскую практику» Сигизмунда Лауксмина, «О периодах» Иоганна Штурма и Валентина Эритреуса, «О соблюдении в речи достоинства, изобилия, ритма» Пасколи, «О формах речи» и «О периодах» Иоахима Штерка а также другие, о которых немного пространнее будет сказано ниже.

4. Is vero DIONYSIUS HALICARNASSAEUS, cui librum περὶ ἔρμηνείας, Demetrio male adscriptum, deberi paulo ante e Vosio monebamus, aliis quoque scriptis editis de Rhetorice praeclare meruit. Prostat enim *Ars* ejus *Rhetorica* de compositione orationis, elocutione, praeceptis orationis panegyricae, nuptialis, natalitiae, etc. quam Graece primus excudit Aldus Venet. 1508. Latine postmodum transtulit M. Anton. Antimachus, et Basil. 1539. in 4. publicavit. Extat ejus de Compositione Verborum^a liber scriptus ad Rufum, editusque Graece, una cum Arte Rhetorica Paris. 1547. apud Rob. Stephanum nitidissime. Extant *Iudicia de priscis Oratoribus, eorumque Characteribus*, qui liber eruditione multa et iudicio inprimis refertus est, separatim editus Venetiis An. 1513. apud Aldum. Pertinet quoque huc libellus περὶ συνθέσεως ὀνομάτων, de *nominum collocatione*^b, Argentorati a Joh. Sturmio, in ejus libello de Periodis publici juris factus. Ut adeo non historici minus, quam clarissimi Rhetoris Criticique, nomen doctissimis lucubrationibus sibi paraverit Dionysius.

5. Sed tamen superatur in Rhetorice tractanda, a duobus aliis, quos posterior aetas tulit, HERMOGENE, qui Marci Aurelii tempore clarus erat, et LONGINO, quem, Zenobiae in pretio habitum, interemit Aurelianus: uterque inter Rhetores magnum nomen. Et prior quidem ille plus valuit adolescens juvenisque, quam vir aut senex: quippe qui anno aetatis 15. tanto cum applausu docuit, ut Marcum quoque Aurelium Imp. ad se audiendum acciret, haberetque admiratorem: contra vero, 24. natus annos, omnem illam ingenii praecocis vim, miro naturae deliquio, absque morbi ullius vi, amisit penitus, et sibimet ipsi dissimillimus vulgaribus e plebe hominibus posthac accensus est: non sine salso Adversariorum scommate, qui Hermogenem *inter pueros senem, et inter senes puerum*, dictitabant: prout e Philostrato refert Suidas. Decimo octavo autem aetatis anno libros scripsit, qui et tunc probati omnibus una consensione sunt, et hodie superstites inter praecipua artis Rhetoricae κειμήλια

^a de Compositione Orationis *edd.*

^b collatione *ed. 1747.*

4. Дионисий Галикарнасский, которому, как мы, следуя Фоссу, чуть выше указали, принадлежит книга περὶ ἐριμυθείας, ошибочно приписываемая Деметрию, оказал риторике выдающиеся услуги также и другими изданными трудами. Ведь существует его «Риторическое искусство» о составлении речи, стиле, наставлениях по хвалебной речи, свадебной речи, речи в честь дня рождения и др., впервые напечатанное по-гречески Альдом (Венеция, 1508). На латынь его позднее перевёл Маркантонио Антимако (Базель, 1539, ин-кварти). Существует его книга «О сочетании слов», написанная для Руфа и великолепно изданная по-гречески Робером Этьеном вместе с «Риторическим искусством» (Париж, 1547). Есть у него и «Суждения о древних ораторах и их стилях». Эта книга, наполненная всяческой ученостью и хорошим вкусом, была издана в типографии Альда отдельно (Венеция, 1513). Сюда также относится книжка περὶ συνθέσεως ὀνομάτων, «О соположении имён»^а, опубликованная в Страсбурге Иоганном Штурмом вместе с его собственной книжкой «О периодах». Вдобавок благодаря своим ученейшим занятиям не меньшую славу, чем как выдающийся ритор и критик, Дионисий снискал себе в качестве историка.

5. А в рассуждениях о риторике его превзошли двое представителей последующей эпохи — Гермоген, знаменитый во времена Марка Аврелия, и Лонгин, которого ценила Зенобия и убил Аврелиан. Оба они — великие имена среди раторов. Первый был более искусен в отрочестве и юности, нежели в зрелости и старости: на 15-м году жизни он учил с таким успехом, что даже император Марк Аврелий пришел послушать его и восхитился; и наоборот, в 24 года он в силу удивительной ошибки природы без какого-либо недуга совершенно растерял всю эту мощь преждевременного таланта и, совершенно не похожий сам на себя, в дальнейшем причислялся к простолюдинам, не без остроумной шутки соперников, которые поговаривали, что Гермоген «в мальчишках старик, в стариках мальчишка», как, следуя Филострату, сообщает Суда^б. А на восемнадцатом году жизни он написал книги,

^а В действительности речь идет о том же произведении, которое только что было упомянуто как «О сочетании слов». — *Прим. перев.* (здесь и далее).

^б Philostr. VS II.7.577–578; Suid. E 3046.

numerantur. Suntque illi; *liber de Statibus: de Inventione libri IV. et liber de Ideis*: quos primus Graece Aldus edidit Venet. An. 1508^a. tum Wechelus Paris. 1530. in 4to. Exin latine vertit, sed ineptissime et infelicissime (Conr. Gesnero in Bibliotheca annotante) Anton. Bonfinius, publicique juris fecit Lugduni in 8. An. 1538. apud Gryphium. Longe felicius vero, et vertit Hermogenem Latine, et Scholiis doctis illustravit Joh. Sturmius Argent. 1570. in 8. eo ipso anno, quo Franc. Portus Hermogenem^b Graece solum, cum scholiis Graecis, ediderat Genevae recensitum a se. Post hos tandem novis Hermogenem commentariis illustravit, emisitque Graeco-Latinum, Genevae 1614. in 8. Gasp. Laurentius. E vetustioribus supersunt quoque tres in Hermogenem Commentatores, Syrianus, Sopater et Marcellinus, quos, in Corpore Rhetorum veterum XII. Graecorum, Venetiis 1508. in fol. excudit Aldus. Hermogenis de Ideis libros tantopere laudat aestimatque Andr. Schottus; ut et methodum ejus Aristotelea ac Tulliana longe censeat subtiliorem, putetque, et olim fuisse paucos, et esse hodie, inter tot admiratores Hermogenis, ejusdem imitatores. *Praeter Dionysium enim Halicarnasseum (ait) in Rhetoricis^c, et Ulpianum, Graecum Demosthenis explanatorem, quotus eam^d quisque hoc seculo tractat? Trapezuntii olim talem Rhetoricam^e cum stupore vidit Italia: duos fortasse Germania numerarit^f, Sturmium et Erythraeum: Gallia Iul. Scaligerum libris de Poëtica: Hispania unum literis cognitum laudare potest, Pet. Nunesium, Rhetorem ac Philosophum, editis Rhetoricorum^g libris IV. Hermogenis quidem praeceptionibus et Aphthonii et Theonis; sed Tullianis exemplis. Haec ille in Prolegom. ad Photium, quem, Hermogenis methodo, ubique Auctoribus suam κρῖσιν addidisse observat.*

^a 1608 *edd.* 1732, 1747.

^b Herennium *edd.*

^c Rhetoricis *edd.* 1714, 1732, 1747.

^d eum *ed.* 1747.

^e Rhetoricum *edd.* 1714, 1732, 1747.

^f numeravit *edd.* 1714, 1732, 1747.

^g Rhetoricum *ed.* 1747.

которые и тогда снискали всеобщее признание, и сегодня, сохранившись, входят в число основных сокровищниц риторического искусства. Это книга «О положениях», «Об отыскании доводов» в четырех книгах и книга «О видах слога». По-гречески их первым издал Альд (Венеция, 1508), а затем Вешель (Париж, 1530, ин-кварто). Затем их перевел на латынь Антонио Бонфини (Лион, Грайф, ин-октаво, 1538), но, как отмечает Конрад Геснер в «Библиотеке», крайне бестолково и неудачно. Намного удачнее перевел Гермогена на латынь, снабдив его учеными схолиями, Иоганн Штурм (Страсбург, 1570, ин-октаво) в том же самом году, когда Франческо Порто в Женеве издал Гермогена по-гречески с греческими схолиями, самостоятельно подготовив текст. После них Гермогена снабдил новыми комментариями и издал греко-латинскую версию (Женева, 1614, ин-октаво) Гаспар дю Лоран. Из старинных комментаторов Гермогена дошли трое — Сириан, Сопатр и Марцеллин, которых в «Корпусе двенадцати древних греческих риториков» издал Альд (Венеция, 1508, инфолио). Книги Гермогена «О видах слога» настолько хвалит и ценит Андре Схотт, что и подход его находит намного утонченнее, чем у Аристотеля и Туллия, и полагает, что и в древности, и ныне среди стольких почитателей Гермогена немного найдется его подражателей. «Много ли в наш век таких, — говорит он, — кто следует ему^а в большей мере, чем Дионисию Галикарнасскому в «Риторике» и Ульпиана, греческого толкователя Демосфена? Италия некогда с восторгом увидела такую «Риторику» Трапезундца^б; двоих, наверное, насчитает Германия — Штурма^в и Эритреуса; Франция — Юлия Скалигера благодаря книгам «О поэтике»; Испания может прославлять одного только знаменитого ученого, ритора и философа Педро Нуньеса^г, за издание «Риторики» в четырех книгах, с наставлениями из Гермогена, Афтония и Феона, но с примерами из Туллия». Так он пишет в предисловии к изданию Фотия, который, как он отмечает, по манере Гермогена всюду добавляет к характеристике авторов свое суждение.

^а То есть подходу Гермогена.

^б См. § 19.

^в См. § 13.

^г См. § 23.

6. Etsi vero ita celebre Hermogenis nomen sit, cedit illud tamen DIONYSIO LONGINO CASSIO, cujus plane aureolus *περὶ ὕψους*, *de Sublimitate*, Commentarius ingens doctis omnibus desiderium excitavit reliquarum Viri in eloquentia et Philosophia incomparabilis lucubrationum, quae perierunt. Erat ille Malchi Porphyrii praeceptor; et Zenobiae, Orientis Reginae a consiliis, et in studio Graecae linguae magister: quem, quod superioris^a Epistolae, a Zenobia ad Aurelianum Imp. scriptae, Auctor praecipuus suo consilio extitisset, occidi imperavit Caesar gravi omnibus, ut Vopiscus refert, supplicio. Libellum, quem laudavimus, non minus accurata sublimitatis in oratione praecepta maximo lectorum bono suppeditantem, quam sublimi scriptione conditum ipsummet, primus e tenebris eruit, atque Graece evulgavit cum notulis, Basileae 1554. in 4. Franc. Robortellus, mox anno sequente Venetiis recusum. Inde An. 1569. recensuit librum, scholiisque Graecis illustravit Genevae in 8. Franc. Portus. Latinam ejus versionem suscepere quidem in se, promiseruntque, M. Ant. Muretus in Commentario ad Catullum, et Andr. Dudithius, cujus versionem Latinam Hermogenis Longini *περὶ ἐρμηνείας* (ita enim non satis accurate conjungit), inter impressa Dudithii opera, recenset Clar. Teissierius, Addit. ad Elogia Thuan. T. II. P. 133. sed rectius tamen puto Tanaq. Fabrum, tum Mureti, tum Dudithii, versiones sufflamatas, vel fato, vel alia causa, credere. Fueritque adeo primus, qui Longinum in sermonem Latinum haud infeliciter convertit, Gabriel a Petra, atque sic Graeco-Latinum Genevae 1612. in 8. notis suis instructum, edidit. Fuere quidem, praeter illum, nescio quis Paganus, aliusque Pizimentius, Latini interpretes Longini: quorum versiones etiam Versioni Petrae, et Graeco textui, junxit, suisque simul Auctorem praelectionibus illustrare conatus est Carolus Manolesius^b, Bononiae 1644. in 4. Enimvero adeo infelices interpretes illos judicavit Gallus interpres Boileavius, ut ne nominare quidem sustineat, scilicet, ne plus gratiarum reddere videretur incolis, quam merebantur. Et Tanaquil. Faber itidem, in Latio atque Graecia plane

^a superioris *edd.*

^b Malonesius *edd.*

6. Хотя столь славно имя Гермогена, однако оно уступает Дионисию Лонгину Кассию, трактат коего περὶ ὕψους, «О возвышенном», вызвал у всех ученых глубокую скорбь по остальным, погибшим трудам сего мужа, в красноречии и в философии несравненного. Он был наставником Малха Порфирия, а также советником Зенобии, царицы Востока, и ее учителем греческого языка. Поскольку он якобы был основным вдохновителем и советчиком при написании Зенобией гордого письма к императору Аврелиану, кесарь приказал казнить его, что, как сообщает Вописк, стало для всех тяжелым ударом^a. Упомянутую книжку, которая и предоставляет читателям полезные и тщательные предписания о возвышенном в речи, и сама расцвечена возвышенным слогом, первым добыл из мрака и издал по-гречески с небольшими примечаниями Франческо Робортелло (Базель, 1554, ин-кварто; Венеция, 1555). Затем книгу переиздал и снабдил греческими схолиями Франческо Порто (Женева, 1569, ин-октаво). Перевод ее на латынь брали на себя и обещали Марк Антуан Мюре в комментарии к Катутлу и Андрия Дудич. Его латинский перевод περὶ ἐριμείας Гермогена Лонгина (как он их небрежно соединяет) среди напечатанных трудов Дудича упоминает славнейший Тейсье («Дополнения к “Похвалам героям Ту”», т. II, с. 133), но прав, я думаю, Таннеги Лефевр, полагающий, что и переводу Мюре, и переводу Дудича воспрепятствовала смерть или иная причина. Так что первым, кто перевел Лонгина на латынь, и вполне удачно, стал Габриэле далла Пьетра, издавший греко-латинскую версию со своими примечаниями (Женева, 1612, ин-октаво). Кроме него на латынь Лонгина переводили некто Пагани и еще Пиццименти. Их переводы присовокупил к переводу Пьетры и к греческому тексту Карло Манолези, попытавшийся также объяснить автора при помощи своих замечаний (Болонья, 1644, ин-кварто). Однако Буало, автор французского перевода, счел этих переводчиков настолько бездарными, что не пожелал их даже упомянуть, дабы не показалось, будто он воздает этим людям большую благодарность, чем они заслуживали. Таннеги Лефевр, считая

^a Hist. Aug. Aurelian. 30.

hospites illos atque peregrinos judicans, totam editionem Bononiensem temnit, dignitate, ut ait, omnium postremam. Ipseque adeo potius apparavit novam cum Versione Petrae, et castigationibus notisque suis, Salmurii in 12. 1663. Promisit etiam notas uberiores: sed quas fato praeventus non dedit. [Splendidissima vero est et emendatissima Longini Editio, quam Jac. Tollio debemus, post omnes Virorum doctorum, qui praecessere, curas, e quinque MSS. codicibus eximie emendata, et notis illustrata eruditissimis uberrimisque. Ac, ne quid elegantiae deesset, adjuncta quoque est nitidissima Gallica versio celeb. Boileavii, antea Parisiis duplici vice, cum ejusdem Andr. Dacerii notis evulgata, sed et ipsa nunc novis notis Gallicis aucta a Tollio. Prodiit liber Ultrajecti 1694. in 4. maj.] Ceterum, quantopere praeclarissima illa de sublimitate praecepta inserviant Oratori, dici vix potest: neque id profano solum, sed et sacro, si quis ea commode applicare queat: ut adeo libellus, ob eximium plane usum, omnibus commendandus, omniumque terendus manibus sit. Solet a nonnullis quaeri, cur de eodem argumento scribentes, Longinus atque Hermogenes, idem tamen tam diversa et a se dissentiente ratione tractaverint? cui quaestioni Faber ita commodissime responderi posse putat, si dicatur, μέγεθος Orationis, de quo Hermogenes, et ὕψος, de quo Longinus, omnino a se invicem differre. Vid. ejus praefatio lectu dignissima, quam Longino praemisit.

7. Praeter hos vero, quos diximus, Graecos Rhetores, sunt et alii adhuc, quorum labores ad nostram usque aetatem pervenerunt, et quos, prioribus (si Longinum excipias) junctos, uno corpore e^a typographia sua ALDUS An. 1508. in fol. 2. voluminibus, Venetiis editis, complexus est. Videlicet Aristides de Civili Oratione, περὶ λόγου πολιτικοῦ, qui μελέταις Sophistarum, i. e. Scholasticis declamationibus opponebatur, et cujus ingens Lexicon ἀωνύμου Photius recenset Biblioth. cod. 148. Apsini de Arte Rhetorica praecepta. Sopatri Quaestiones de componendis declamationibus. Alexandri Sophistae de figuris sensus et dictionis liber. Menandri divisio causarum in genere demonstrativo: atque Cyrus sophista de

^a et *edd.* 1714, 1732, 1747.

их чужеземцами в Лации и Греции, тоже презирует всё Болонское издание, которое, как он говорит, достоинством уступает всем другим. Сам он даже подготовил новое издание — с переводом Пьетры и своими поправками и примечаниями (Сомюр, 1663, ин-дуодецимо), а также обещал издать более подробные примечания, но был достигнут смертью. [Самое блистательное и выверенное — издание Лонгина, которым мы обязаны Якобу Толлю, превосходно выверенное по пяти рукописям вдобавок к стараниям всех предшествующих просвещенных мужей и снабженное весьма учеными и подробными примечаниями. Для полной изысканности к ней также добавлен блестящий французский перевод достославного Буало, прежде дважды опубликованный в Париже с примечаниями Андре Дасье и теперь обогащенный также новыми французскими примечаниями Толля. Вышла эта книга в Утрехте в 1694 г. ин-кварто.]^a Едва ли можно описать, сколь полезны оратору эти замечательные наставления о возвышенном, и не только светскому, но и церковному, если надлежащим образом их применять. Так что эту книжку из-за ее выдающейся пригодности можно посоветовать всем, и всем следует ею пользоваться. Некоторые спрашивают: почему Лонгин и Гермоген, пишущие об одном и том же предмете, разбирают его столь различными и не согласующимися друг с другом способами? Лефевр полагает, что на этот вопрос правильнее всего можно ответить так: величественность речи, о которой говорит Гермоген, и возвышенное, о котором говорит Лонгин, совершенно несходны друг с другом. См. предисловие, предпосланное им Лонгину, — оно весьма достойно прочтения.

7. Помимо уже упомянутых греческих риториков есть и другие, труды коих дошли до нашего времени и коих вместе с другими (за исключением Лонгина) объял Альд в одном корпусе, выпущенном в его типографии в двух томах (Венеция, 1508, ин-фолио). Это: книга Аристиды «О гражданской речи» (περὶ λόγου πολιτικοῦ) — этот вид речи противопоставлялся упражнениям софистов, т. е. учебным декламациям, и огромный анонимный словарь к нему упоминает Фотий («Библиотека», кодекс 148); «Наставления

^a Добавление издателей Морхофа.

statuum differentiis. Aliam collectionem, seu, ut ipse vocat, *Excerpta varia Sophistarum et Rhetorum*, Graece et Latine LEO ALLATIUS Romae 1641. in 8. publicavit. Verum hi omnes, quanquam sua laude privandi non sint, ad priorum tamen illorum gloriam haudquaquam ascendunt. Erat quidem laudabile Sophistarum, i. e. Rhetorum aevi recentioris, studium in colenda et perpolianda, cui inprimis studebant, orationis suavitate et concinnitate periodorum ac veluti quadam modulatione. Sed id ipsum, dum in eo nimii essent, κακοζήλους effecit, et nimia figurarum affectataque frequentia ridiculos et elumbes: quod vitium cum jam olim multos tenuerit, haud injuria etiam a Longino et Quintiliano notatum est. E recentioribus vero nemo melius id explicuit Ludovico Cresollio, qui, in *Theatro Rhetorum* A. 1620. in 8vo. Parisiis edito, et progressus in illo cultu orationis, et vitiorum historiam, habet.

8. Inserta quoque conspiciuntur Corpori Rhetorum Aldino, quod diximus, APHTHONII Sophistae *progymnasmata*, seu Exercitamenta quaedam orationis, quibus tirones solent exerceri. Liber utilis, sed cujus non omnia eloquentiae studioso sunt necessaria: cum multa habeat ad sophisticas tantum declamationes excogitata: quibus repudiatis ea tantum servari ad imitationem par est, quae justae orationi inservire possunt. Vid. de iisdem Schefferus in *Gymnasio Styli*, qui de his progymnasmatum speciebus utilia multa annotavit. *Commentati* vero in Aphthonium sunt varii: quos recenset Spachius in *Nomenclatore*. *Editus* est cum notis a Joh. Maria Cataneo, Basil. apud Frobenium in 4. An. 1521. a Joach. Camerario Lipsiae 1570. in 8. et ab aliis, quos hic commemorare non vacat. Additur iis aliquando THEON Sophista, ipse etiam Progymnasmatum Auctor, a Joh. Scheffero etiam, una cum Aphthonio, Upsalae A. 1670. in 8vo. Graeco-Latine editus, et Notis illustratus brevioribus. Addi tandem et Rhetoribus Graecis meret ULPIANUS, Graecus Demosthenis explanator, cum quo et in Aldina et Basileensibus Editionibus Graecis, aut Graeco-Latinis, edi consuevit.

о риторическом искусстве» Апсина; «Вопросы составления декламаций» Сопатра; книга софиста Александра «О фигурах смысла и речи»; «Разделение причин в показательном роде красноречия» Менандра; «О различиях положений» софиста Кира. Другое собрание или, как называет его сам издатель, «Разные выдержки из софистов и риториков», опубликовал по-гречески и по-латыни Лев Аллаций (Рим, 1641, ин-октаво). Но хотя всех их не следует лишать заслуженной похвалы, они всё же не возвышаются до славы вышеупомянутых. Усердие софистов, т. е. риториков поздней эпохи, в обработке и оттачивании речи, к коему они стремились в первую очередь, в упорядочивании периодов и в некоей ритмизации, конечно, заслуживало похвалы, но оно же в силу неумеренности лишило их естественности, сделало смешными и беззубыми с их чрезмерной и манерной частотой употребления фигур. Этот порок уже давно охватил многих и потому небезосновательно клеймится Лонгином и Квинтилианом. А из новых авторов никто не рассказал о нем лучше Луи Крезолья^а, который в «Театре риториков» (Париж, 1620, ин-октаво) пишет и об успехах в этой заботе о красноречии, и об истории ее недостатков.

8. В Альдов «Корпус риториков» включены также «Прогимназмы» софиста Афтония, т. е. упражнения в красноречии, которые обычно выполняют учащиеся. Эта книга полезна, но не всё в ней обязательно для того, кто занимается красноречием, ибо многое там придумано только для софистических декламаций — это следует отбросить и сохранять для подражания только то, что может послужить настоящей речи. См. о них же «Гимнасий стилия» Шеффера, который сделал много полезных замечаний о таких разновидностях прогимназм. Комментарии к Афтонию писали разные люди; их перечисляет Шпах в «Номенклатуре». Издавали Афтония с примечаниями Джованни Мария Каттанео (Базель, Фробен, 1521, ин-кварто), Иоахим Камерарий (Лейпциг, 1570, ин-октаво) и другие, на перечисление коих здесь не будем тратить время. К ним порой добавляют софиста Феона — также автора «Прогимназм», который был издан Иоганном Шеффером вместе с Афтонием по-гречески с латинским переводом и краткими

^а См. § 17.

9. Inter Latinos Rhetores summus eloquentiae Magister, CICERO, principatum tenet. Noti sunt ejus *libri Rhetorici*, in quos multi multorum Commentarii sunt, ut jam supra dictum, et e Spachio luculentius liquet: Sebast. Corradus, Claud. Minos, Joh. Sturmius, Melch. Junius, praeferri ceteris debent. E Ciceronis praeceptis fusioribus Compendium elegans extruxit Guilh. Mechovius, cui titulum dedit *Tulliolarum*, Cellis 1678. in 8. Post Ciceronem Quintilianus est, cujus *Institutiones Oratoriae* uberiores^a sunt, quam ipsiusmet Ciceronis scripta. Sane, non potest quis solidum de oratione ferre iudicium, nisi etiam Quintilianum perlegerit, cujus sunt de quacunque dictione et caractere, et omni orationis parte, praecepta utilissima. Sed de illo aequè ac de Cicerone supra diximus: Succedunt Quintiliano *Rhetores illi antiqui*, quos uno Volumine collegit Pet. Pithoeus, editos in 4. Paris. 1599. Illa enim Editio auctior multo est pleniorque, quam quae prodiiit Basileae An. 1521. in 4. Sed sunt tamen alii adhuc plures Veterum Rhetorum, qui vel seorsim prodierunt, vel MSti adhuc in bibliothecis delitescunt. Edidit bis Leo Allatius Collectiones duas Rhetorum et Sophistarum antiquorum, quorum fragmenta servavit, et Latine vertit. Nos vero, missis nunc veteribus, ad recentiores sparsim enumerandos progredimur.

10. Occurrit inter hos primus ANTONIUS LULLIUS, Balearis: a Raymundo Lullio, extemporaneae istius loquacitatis intempestivo doctore, ut nemo non videt, plane alius. Scripsit *de oratione libros VII.* quibus non solum Hermogenes ipse totus, verum etiam quicquid fere a reliquis Graecis et Latinis de arte dicendi traditum est, explicatur. Magna cura scriptus liber est, quem adhibuit saepe Vossius in concinnandis suis institutionibus Oratoriis, saepe etiam refutavit. Editus est Basileae in fol. A. 1558. Extant alias ejusdem *de Exercitatione Grammatica* liber, aliusque *Progymnasmata Rhetorica* tradens.

^a Liberiorès *edd.*

примечаниями (Упсала, 1670, ин-октаво). Наконец, к греческим риторам заслуживает быть добавлен Ульпиан, греческий толкователь Демосфена, вместе с коим его обычно печатают и в альдовом, и в базельских греческих и греко-латинских изданиях.

9. Среди латинских риториков первенство принадлежит превосходному учителю красноречия Цицерону. Известны его риторические произведения, к которым существует великое множество комментариев, как уже было сказано выше и еще более очевидно из книги Шпаха: прочим следует предпочесть Себастьяно Коррадо, Клода Миньо, Иоганна Штурма, Мельхиора Юнга. Из слишком пространных наставлений Цицерона Вильгельм Мехов составил изящный компендий, которому дал название «Туллиолы» (Целле, 1678, ин-октаво). За Цицероном следует Квинтилиан, «Наставления оратору» которого подробнее, чем труды самого Цицерона. Конечно, нельзя иметь целостное суждение о красноречии, если не прочесть также Квинтилиана; его предписания о любом слоге и стиле и о всяком разделе речи чрезвычайно полезны. Но о нем, равно как и о Цицероне, мы сказали выше^а. Наследники Квинтилиана — те «древние риторы», которых в одном томе собрал Пьер^б Питу (Париж, 1599, ин-кварти). Это издание гораздо богаче и полнее, нежели вышедшее в Базеле (1521, ин-кварти). Однако есть и другие древние риторы, которые или были опубликованы отдельно, или доселе сокрыты в библиотеках в виде рукописей. Лев Аллаций дважды издавал два собрания древних риториков и софистов, фрагменты коих он сохранил и перевел на латынь. А теперь, оставив древних, перейдем к беспорядочному перечислению новых.

10. Среди них первым приходит в голову балеарец Антоний Луллий, не имеющий, как для всех очевидно, никакого отношения к Раймунду Луллию, злосчастному зачинателю пресловутого умения молоть языком без подготовки. Антоний написал «О речи» в семи книгах, в которых толкуется не только весь Гермоген, но и почти всё, что дошло от прочих греков и римлян об искусстве говорить. Книга написана очень добросовестно, и Фосс часто

^а Vol. I, lib. IV, cap. 11, § 7 (о Цицероне); cap. 13, § 3 (о Квинтилиане).

^б В действительности это сделал его брат-близнец Франсуа.

11. Eodem tempore clarus erat Rhetor Patavii FRANC. ROBORTELLUS, cujus beneficio extractum primo e tenebris Longinum nos debere supra indicabamus, Vir doctissimus, et eloquentia inprimis insignis. Scripsit varia ad Rhetoricen spectantia *de Rhetorica facultate* librum, Florentiae editum A. 1548. ut et alium *de artificio orationis*; in quo praecipue figurarum doctrina ad fontes et capita sua revocatur, et differentia oratoriae et Poëticae dictionis ostenditur. Instituit et Catalogum Figurarum omnium, ex omnibus Auctoribus Graecis et Latinis, et ad generales quasdam divisiones reduxit, secundum animi vel conceptus, vel motus. Memorabile est, quod de hoc Viro Joh. Imperialis refert in Museo Historico: eum, quum facundia longe plurimum valeret, ac saepissime publicis in solennibus perorasset, infelici tamen conatu Carolum V. Imperatorem defunctum oratione panegyrica laudare conatum vix Exordium absolvisse, cum memoria ipsum destituerit, ut recitandae Orationi par amplius plane non esset. Accusant in illo aliqui superbiam, nimiumque in exercendis adversus pares aut superiores inimicitiis fastum, quo Sigonium, Egnatium, Muretum, Manutium, H. Stephanum, aliosque contemptim habere, et ludibrio aliorum pro viribus exponere, veritus non sit. Verum haec non obstant, quo minus Rhetor ingeniosissimus dici haberique jure potuerit.

12. Quemadmodum vero Robortellus Veterum, quos magno studio sectabatur, placitis, et in arte Rhetorica praeceptis, ubivis insistere solebat: ita alia plane via incessit eruditissimus Italarum, FRANC. PATRITIUS, cujus Viri multa fuere circa singulas fere disciplinas nova. Neque vero contentus in Philosophia innovasse omni, in Rhetorice insuper et Poësi nova multa dedit. Prodierunt Italica lingua ejus *decem Dialogi della Rhetorica*, Venet. 1560. in 4. Sed quaenam praecipue illa sua scriptione intenderit, dicere nequeo, cum librum ipsum nunquam viderim. Addi vero meret Patritio THOM. CAMPANELLA, qui aequè ut in aliis rebus omnibus, ita et in Rhetorica, mirus novator est; prout e *Rhetoricis* ejus liquet, quae una cum *Dialecticis* et *Poëticis* suis edidit Paris. 1638. in 8. Neque tamen est hujus loci, recensere omnes Viri Paradoxologias. Ceterum eadem in Patavina Academia, in qua Patritius per annos

использовал ее при составлении своих «Наставлений оратору»^а, но часто и полемизировал с ней. Луллий был издан в Базеле в 1558 году ин-фолио. Кроме того, есть его же книга «Об упражнении в грамматике» и еще «Риторические прогимнасы».

11. В Падуе в это время жил знаменитый ритор Франческо Робортелло — муж ученейший и в красноречии совершенно исключительный, которому, как указано выше, мы обязаны спасением из мрака Лонгина. Он написал различные труды, относящиеся к риторике: книгу «О способности к риторике» (Флоренция, 1548), а еще «Об искусстве речи», где в первую очередь возвращается к своим истокам и основам учение о фигурах и показывается различие ораторского и поэтического слога. Он также составил каталог всех фигур у всех греческих и латинских авторов и возвел их к неким более общим подразделениям в соответствии то ли с замыслами, то ли с прихотями своего разума. Достопамятно то, что сообщает о сем муже Джованни Имперали в «Историческом музее»: будучи весьма силен в красноречии и часто произнося заключительные речи на торжественных собраниях, он, тем не менее, не преуспел в попытке почтить панегириком скончавшегося императора Карла V — едва он закончил вступление, как его подвела память и он оказался совершенно не способен продолжать речь. Некоторые обвиняют его в гордыне и чрезмерной надменности в распрях с равными или превосходнейшими, благодаря которой он не побоялся презирать и высмеивать Сигонио, Эньяцио, Мюре, Мануция, Анри Эстьена и других. Но это не мешает называть и считать его весьма талантливым ритором.

12. Насколько Робортелло повсюду отстаивал мнения и риторические предписания древних, коим усердно следовал, настолько иной оказалась дорога, по которой пошел образованнейший из итальянцев, Франческо Патрици: ему принадлежит много нового почти во всех предметах изучения. Не удовлетвовавшись новинками во всей философии, он вдобавок привнес много нового в риторику и в поэтику. На итальянском языке вышли его «Десять диалогов о риторике» (Венеция, 1560, ин-кварти). Но что явилось основным объектом сего

^а См. § 22.

aliquot publicum Philosophiae doctorem egit, Eloquentiam e prima sede, per annos 24. professus est PAULUS BENIUS, Eugubinus: cujus extant *Oratoriae Disputationes* seu Rhetoricae controversiae, in quibus cum Veterum multorum, tum imprimis etiam Aristotelis, praecepta explanantur, et cum Platone Ciceroneque conferuntur. Prodiierunt Venet. 1624. in fol.

13. E Germanis de Rhetorice nemo melius meruit JOHANNE STURMIO, quem Virum quanti in eloquentia aestimarit, et quantopere aliis antetulerit, Andr. Schottus, paulo ante monitum. Et fuit sane in oratoria facultate summus, suoque tempore communis fere scholarum per Germaniam moderator: cujus proinde longe plurimi sunt ad id studium libelli: de informanda juventute, de informatione Principum et nobilium: Epistolae classicae: liber de resolvendae linguae Latinae ratione (Argent. 1581. in 8.) In partitiones oratorias Ciceronis Dialogos duos composuit Argentorati, 1539. in 8. editas, una cum libro de amissa dicendi ratione, et quomodo ea recuperari possit. Liber ejus de Periodis, cum scholiis Valentini Erythraei, editus est ibid. 1567. in 8. Liber de imitatione prodiit A. 1576. Hi omnes in pretio habendi, iisque jungendi plures alii, quos qui nancisci omnes poterit, non parum Eloquentiae studium augebit.

14. E Sturmii schola prodiit MELCHIOR JUNIUS, orationis quidem facultate Sturmio inferior, sed praeceptis, ac artificio dicendi, non postponendus. Diligentia enim sua superavit magistri industriam; et tironibus eam ob causam aptior est, quod ad minutias se demittat, ad quas se Sturmius non demittit. Exstat ejus *Eloquentiae comparandae methodus*, Argentorati 1591. in 8. excusus liber, quo multa tradidit utilissima ad facultatem oratoriam sibi parandam, quae subsidio esse possunt, si quis exercere vires suas velit. Exstant *Scholae* ejus *Rhetoricae* de contexendarum Epistolarum ratione: utilissimus profecto liber, qui Ciceronis Epistolas, secundum omnia genera epistolarum, et singulorum generum argumenta, disposuit, adjecta semper imitatione. Recusus est ille liber, cum Commentario Phil. Horstii, Jenae in 8. et sub *Epistolographiae* titulo editus. Scripta insuper est a Junio Resolutio Orationum Ciceronis, secundum causarum genera, orationum partes et materias; unde praeclara pos-

труда, я сказать не могу, поскольку никогда не видел эту книгу. К Патрици заслуживает быть добавлен Томмазо Кампанелла, который в риторике, как и во всех других предметах, явился удивительным новатором. Это видно из его «Риторики», которую он издал вместе с «Диалектикой» и «Поэтикой» (Париж, 1638, ин-октаво). Однако здесь неуместно будет перечислять все странности сего мужа. А в Падуанской Академии, в которой Патрици несколько лет публично преподавал философию, учителем красноречия на протяжении 24 лет был Паоло Бени из Губбьо. Существуют его «Ораторские рассуждения, или Риторические прения» (Венеция, 1624, ин-фолио), в которых среди прочих древних разъясняется в особенности учение Аристотеля, сравниваемое с Платоном и Цицероном.

13. Из немцев никто не имеет бóльших заслуг перед риторикой, чем Иоганн Штурм. Насколько сего мужа ценил и превозносил над другими в красноречии Андре Схотт, показано чуть выше. Конечно, он был превосходнейшим в способности к ораторской деятельности и в свое время являлся руководителем почти всех школ в Германии. Потому есть очень много его книг, относящихся к этим занятиям: «О воспитании юношества», «О воспитании принцев» и «О воспитании знатных людей», «Классические письма», книга «О способе разъяснять латинский язык» (Страсбург, 1581, ин-октаво). Он составил два диалога об ораторских делениях Цицерона, изданные вместе с книгой «Об утрате принципов речи и способах их восстановить» (Страсбург, 1539, ин-октаво). Его книга «О периодах» со схолиями Валентина Эритреуса издана там же (1567, ин-октаво). Книга «О подражании» вышла в 1576 году. Все они заслуживают высокой оценки, и к ним следует добавить еще другие; кому удастся раздобыть их все, тот весьма преуспеет в изучении красноречия.

14. Из школы Штурма вышел Мельхиор Юнг, в способности к ораторской деятельности стоящий ниже Штурма, но не уступающий ему в наставлениях и искусстве речи. Ведь своей основательностью он превзошел усердие учителя и потому больше годится для учащихся, что снисходит до тех мелочей, до коих Штурм не снисходит. Существует его «Метод сравнения красноречия» (Страсбург, 1591, ин-октаво), в котором он изложил

sunt haberi orationis amplificandae subsidia, quacunq; in parte Orationis aut cujuscunq; generis versemur: nam Enthymemata, in singulis a Cicerone adhibita, diligenter notavit, quorum usus insignis esse potest, si quis in simili argumento occupetur. Adjectus est index utilissimus, ubi ὡς ἐν τύπῳ proponitur omnium Orationum atq; argumentorum summa et idea; Argentorat. 1594. in 8. Nec praetereundus hic ille Junii liber utilissimus, quem pro inveniendis argumentis Ethicis et Patheticis scripsit, et sub titulo: *Animorum conciliandorum ac movendorum rationis* in lucem emisit Montisbelgardi 1596. in 8. ubi singula illa capita tam morum, quam affectuum, ab Aristotele proposita, exemplis, non tantum e Cicerone, sed et e Graecis Auctoribus, illustrat: atq; adeo egregie inservit eloquentiae, sive sacrae, sive humanae, studiosis: quibus et aliis rebus multis esse commodo quaesivit: Collectione brevium orationum Politicarum, quas ex historicis, tam Graecis, quam Latinis, collegit, praefixa semper dispositione Rhetorica: congestionem Epistolarum: editione Orationum, sub ejus directione Argentorati habitatarum, quarum integri aliquot tomi prostant, et in quibus occurrunt pene omnia, quae sub argumentum orationis venire possunt. Tam diligens erat ille Vir, et in professione sua ornanda profecto, si quis alius, sollicitus.

много того, что весьма полезно для развития способностей к ораторской деятельности и может послужить опорой тому, кто хочет упражнять свои силы. Есть его «Риторические уроки» о способе составления писем; это, безусловно, весьма полезная книга, в которой распределены по всем родам писем и по темам в отдельных родах письма Цицерона, причем всюду добавлены примеры подражания. Эта книга была переиздана с комментарием Филиппа Хорста под названием «Эпистолагафия» (Йена, ин-октаво). Вдобавок Юнгом написан «Разбор речей Цицерона» по родам судебных дел, разделам и предметам речей — из него можно получить замечательную опору для усиления речи, с каким бы разделом и родом речи мы ни имели дело: Юнг тщательно отмечал энтимемы, применяемые Цицероном в каждой речи, и их польза может быть выдающейся для того, кто занят похожей темой. Вдобавок имеется весьма полезный указатель, в котором в общих чертах представлены содержания и планы построения всех речей и тем (Страсбург, 1594, ин-октаво). Здесь нельзя обойти и весьма полезную книгу Юнга, которую он написал по поводу отыскания этических и патетических тем и издал под названием «Способ привлекать умы слушателей на свою сторону и воздействовать на них» (Монбельяр, 1596, ин-октаво). В ней он снабжает все главы, в которых по Аристотелю представлены нравы и чувства, примерами не только из Цицерона, но и из греческих авторов и оказывает замечательную услугу занимающимся как церковным, так и светским красноречьем. Он старался помочь им и в других своих трудах: в «Собрании кратких политических речей», которые он собрал из греческих и латинских историков, постоянно предваряя их описанием риторического порядка; в собрании писем; в издании речей, произнесенных в Страсбурге под его руководством — оно состоит из нескольких томов, и там встречается почти всё, что может войти в тему речи. Столь основательным был сей муж, заботившийся об украшении своего предмета более, чем кто-либо другой.

15. Non minor illo, nisi aetate, sed eruditione etiam multo major Wittebergensis Eloquentiae Professor, AUGUSTUS BUCHNERUS, Orator atque Philologus celeberrimus, librum *de commutata ratione dicendi* scripsit Rhetoricum: in quo multa habentur egregia de figuris orationis: plerisque tamen Grammaticis, cum Rhetoricis non nisi parcius attingat. Prodiit ille libellus Witteb. 1665. in 12. Et post mortem Buchneri editae quoque sunt Epistolae ejus et Orationes, quae non solum styli Ciceroniani flumen, sed et artis sublimitatem, abunde docent.

16. Non idem judicium de VALENT. THILONE ferri potest, Rhetore potius, quam Oratore laudabili: cujus libri in argumento Rhetorico scripti non tamen usque adeo sperni merent. Extant ejus *Exercitia Oratoria*, per omnia causarum genera: in 8. Regiomonti 1645. excusa. *Curtius Orator*; quo tum resolvit Orationes Curtianas, tum, quomodo amplificari possint, ostendit: *Pathologia*, affectuum movendorum rationem exponens, una cum exemplis, eorumque ideis: *Topologia Oratoria*, seu praxis locorum Dialecticorum in Oratoriis, praeceptis, exemplis atque ideis illustrata: *Rudimenta Rhetorica* de periodis, amplificatione et connexionem: Quae omnia partim Regiomonti, partim Amstelodami, prodierunt, et e mediocrium classe sunt.

17. Ceterum, ut in omni scientiarum genere, ita et in Rhetoricis, gnavos se Jesuitarum aliqui praestiterunt, et eximie profuerunt publico. De LUDOV. CRESOLLIO dictum jam est, cum Theatrum ejus Rhetorum allegarem, atque, ut non satis laudari possit iste labor, narratum. Scripsit ille praeterea *Vacationes Autumnales de perfecta Oratoris actione et pronuntiatione*, libris III. Paris. 1620. in 4. editas, in quibus, e Scriptorum elegantium monumentis, gestuum et vocum rationes pulcherrima copia et varietate explicantur, et vitia in agendo notantur. Opus plenum varia doctrina, quodque artem illam, quam Veteres *Histrionicam* vocabant (ad hanc enim pertinebat formare vocem et gestum Oratoris, teste Aristotele,) luculente atque copiosissime exponit. Alius ex eodem Ordine, NICOLAUS CAUSINUS, *de Eloquentia sacra et humana libros XVI.* composuit, Paris. 1643. in 4. editos, in quibus prae ceteris magna cura diversitas Characterum ex-

15. Не ниже его — разве что по возрасту, а по образованности даже намного выше — виттенбергский преподаватель красноречия Август Бухнер, славнейший оратор и филолог, по риторике написавший книгу «Об изменившейся манере речи», в коей много превосходных сведений о фигурах речи, преимущественно, впрочем, грамматических, в то время как риторических он если касается, то довольно кратко (Виттенберг, 1665, ин-дуодецимо). После смерти Бухнера были также изданы его письма и речи, которые изобильно учат не только плавному течению Цицероновского слога, но и возвышенности искусства.

16. О Валентине Тилоне нельзя вынести то же суждение: он заслуживает похвалы скорее как ритор, чем как оратор. Однако его книги, написанные на риторическую тему, не заслуживают презрения. Существуют его: «Ораторские упражнения» по всем родам судебных дел (Кёнигсберг, 1645, ин-октаво); «Курций как оратор», где он разбирает речи у Курция и показывает, как их можно усилить; «Патология», где он объясняет способ воздействовать на чувства, приводя примеры и планы их построения; «Ораторская топология, или применение диалектических общих мест к ораторским», снабженная предписаниями, примерами и планами построения; «Основы риторики» о периодах, усилении и связи. Все эти книги вышли частью в Кёнигсберге, а частью в Амстердаме и относятся к разряду посредственных.

17. Кроме того, как во всяком роде наук, так и в риторике показали себя старательными и принесли обществу исключительную пользу некоторые из иезуитов. О Луи Крезоле и о том, что его книгу невозможно перехвалить, уже было сказано в связи с «Театром риториков». Кроме того, он написал «Осенние досуги, или О совершенной манере и произношении оратора» в трех книгах (Париж, 1620, ин-кварто), в которых на основании произведений изящных писателей весьма богато и пестро объясняются принципы телодвижений и произношения и отмечаются недостатки в манере выступления. Этот труд полон всяческой учености, и в нем искусно и пространно разъясняется то искусство, которое древние называли актерским (ибо к нему же, по свидетельству Аристотеля, относилось оттачивание произношения и движений оратора). Другой представитель того же ордена, Никола Коссен, составил

plicatur: allatis uberrime exemplis, tum ipsorummet Characterum, tum vitii in quovis stylo. Est tamen ad usum accomodatior JACOBI MASENII, Jesuitae, *Palaestra Oratoria*, Coloniae primo 1659. evulgata: in qua primum progymnasmata Eloquentiae, hinc Exercitationes Rhetorum propriae, ad lectionem simul et imitationem distribuuntur: adjicitur Resolutio et artificium Tullianarum Orationum. Scripsit et idem *Palaestram styli Romani*, Coloniae eod. A. 1659. editam, in qua et genera styli persequitur et Characteres, omniaque diligentissime, propositis semper exemplis, illustrat: addito in fine antiquitatum Romanarum Compendio. Masenio ordinatius distinctiusque procedit, adeoque illi^a me iudice praeferendus est, MARTINUS du CYGNE, in cuius *Explicatione Rhetorica* omnium Ciceronis Orationum habetur Analysis secundum partes, Enthymemata, Periodos, et figuras, cum notis ad singulas Orationes, earumque Characteres. Excusus est Coloniae An. 1670. in 8. liber ille, omnium in hoc genere optimus. Huic subjungimus ALBERTUM de ALBERTIS, Jesuitam alium, cui debemus *Thesaurum Eloquentiae sacrae et Profanae*, per actionem contra ejusdem corruptores, olim Mediolani 1639. postmodum Coloniae 1669. in 12. typis publicis exscriptum. Auctor praecipue invehitur in argutulos illos frigidisque affectatores, qui specie acuminum et sententiarum praepostere phaleratam orationem faciunt. Proponitur autem res omnis non methodo quadam didactica, sed singulari quadam atque insolita: ut mihi quidem videatur ipse Auctor Eloquentia ad notanda ejusdem vitia abuti. Occasione vero hujus incidit nomen FRANC. VAVASSORIS, qui, ut erat ipse etiam ex Ordine Jesuitarum, bonisque literis apprime tinctus, ita insolitum tale, et nudius tertius introductum, dicendi genus ferre non potuit. Scripsit ille inter alia de *Ludicra Dictione* elegantissimum librum, ad Balzacium, Paris. 1658. in 4. Totoque eo impugnat plebejum istum jocandi in scribendo suorum popularium morem, quem communi nomine *burlesque* vocant. Demonstrat vero Vavassor, nulli vel Veterum, vel Recentiorum, tale dicendi genus in mentem unquam venisse: simulque utilissima longe plurima, quae ad Rhetoricen faciunt, inspergit.

^a ille ed. 1747.

«О церковном и светском красноречии» в 16 книгах (Париж, 1643, ин-кварто), где сверх прочего с большой заботой объясняется различие стилей и в изобилии приводятся примеры — как самих стилей, так и недостатков, присущих каждому виду слога. Однако для практического использования больше годится «Ораторская палестра» иезуита Якоба Мазена (Кёльн, 1659), в которой сперва представлены «Прогимназмы в красноречии», а затем собственно «Упражнения риториков», одновременно для чтения и подражания; затем следует «Разбор Туллиевых речей и их техника». Он же написал «Палестру римского стиля» (Кёльн, 1659), в коей перечисляет и роды слога, и стили и объясняет всё тщательнейшим образом, всюду приводя примеры. В конце добавлены «Краткие сведения о римских древностях». Стройнее и яснее Мазена ведет повествование и потому, на мой взгляд, заслуживает предпочтения по сравнению с ним Мартен дю Синь, в «Разъяснении риторики» которого имеется разбор всех речей Цицерона по разделам, энтимемам, периодам и фигурам с примечаниями ко всем речам и стилям в них. Эта книга, лучшая в своем роде, была издана в Кёльне (1670, ин-октаво). К дю Синю добавим Альберто Альберти, еще одного иезуита, коему мы обязаны «Сокровищницей церковного и светского красноречия», изданной для борьбы с искажителями оного (Милан, 1639; Кёльн, 1669, ин-дуодецимо). Автор в первую очередь нападает на многословных и бездарных ревнителей, которые в виде острот и громких фраз придают речи неуместные прикрасы. Однако весь предмет излагается не как в учебнике, а неким особенным, необычным образом, так что автор, как мне кажется, клеймя пороки в красноречии, сам им злоупотребляет. По этому случаю вспоминается имя Франсуа Вавассёра, который, сам будучи из ордена иезуитов и набравшись опыта в изящной словесности, не смог терпеть этот неслыханный, третьего дня появившийся род речи и среди прочего написал изящнейшую книгу «О забавном слоге» (Париж, 1658, ин-кварто), обращенную к Луи де Бальзаку. На протяжении всей этой книги Вавассёр воюет с тем плебейским обычаем своих соотечественников шутить в письменных сочинениях, который принято называть «бурлеск». Вавассёр показывает, что такой род речи никогда не приходил в голову никому из древних и новых авторов, приправляя всё это множеством полезнейших указаний по риторике.

18. Neque tamen haec ingenui Veterum aestimatoris, doctissimi Vavassoris, auctoritas socios ejus movit, ut, misso novandi studio, vetera et ipsi sectarentur. Quin potius, quoties novus talis Orator in scenam prodit, toties novo ille, et a reliquis diverso habitu, incedit. Referendus est ad hanc novatorum classem FRANCISCUS POMEY, Jesuita, cujus prostat liber hoc titulo: *Novus Rhetoricae candidatus, altero se candidior*: editus Monachii, 1672. in 12. Instituit hic Rhetorices praecepta suo quodam ductu et genio: quanquam ut plurimum novi nihil afferat, sed plus interdum turbet, quam juvet. Diligens tamen est in figuris et amplificationis praeceptis; quae vero ipsa tradit, singularia plane et peregrina: quale est illud subsidium inveniendi argumenta amplificantia, quae progymnasmate VI. proponuntur: nam nullo artificio opus est, sed velut sorte quaedam capiuntur. Quam enim inane hoc est, ex iis, quae cadunt sub oculos, statim invenire argumenta: deinde e quibusvis substantivis et adjectivis, primo occurrentibus in Lexico; hos vero modos Auctor ille commendat. Non reddit, nisi inanes locutores, ista inartificialis methodus; cui similis est illa Lulliana loquacitas, quae etiam tamen aliquibus mirifice placet. Est certe quidem rerum omnium inter se analogismus, unde et deprehendere sagaci quadam connexionione praedicata nonnulla, qualicunque ratione subjecto suo convenientia, licet: sed tamen hic modus artem jam praesupponit. Ac viderem ego sane, quam bellam mihi orationem concinnaret, qui solis hisce praesidiis munitus, nec multa arte Rhetorica imbutus, prodiret Orator in publicum. Non nego tamen, exercitatis in dicendi arte Viris aliquando necessitatis tempore, cum deficit memoria, talia in subsidium vocari posse. Qualia sunt illa, quae commendat JANUS CAECIL. FREY Part. II. c. 1. Viae suae *ad scientias, linguas, sermones extemporaneos novae et expeditissimae*, Parisiis olim editae, postea recusae Jenae 1674. in 12. Tale est et illud subsidium, quo uti Concionatores alioquin solent, cum ultima vox periodi, substantiva inprimis, reflectitur ad novam periodum, ut connexionione sensuum in voce ultima quaesita tandem exurgat aliqua oratio. Extemporaneam elocutionem pro viribus etiam promotum ivit MICH. RADAU, in *Oratore Extemporaneo*, qui liber sub personati primum Auctoris, Georg. Beckeri, mox, sub

18. Однако влияние благородного и учнейшего почитателя древних Вавассёра не заставило его товарищей по ордену бросить стремление к новизне и самим также следовать за древними. Более того: каждый новый оратор, выходящий на сцену, делает это в новом и отличном от других облике. К этому разряду «обновителей» следует отнести иезуита Франсуа Помея, книга которого озаглавлена «Новый кандидат риторики, ослепительнее прежнего» (Мюнхен, 1672, ин-дуодецимо). Он построил риторические наставления по какому-то своему пути и духу. Впрочем, по преимуществу ничего нового у него нет, но иногда он скорее запутывает, чем помогает. Он тщателен в фигурах и наставлениях об усилении, но рассказывает о них совершенно странным и неслыханным образом. Таков, например, его способ находить усиливающие доводы, которые предложены в 6-й прогимнастике; нет, дескать, нужды ни в каком искусстве, но, напротив, некоторые из них выбираются словно бы случайно. Как это глупо — немедленно находить доводы в том, что попадает на глаза, и в любых существительных и прилагательных, которые встретятся в словаре! А именно такие способы советует автор. Этот безыскусный подход служит разве что для подготовки пустых болтунов. На него похожа та самая Луллиева говорливость^a, которая, однако, тоже на удивление нравится некоторым. Конечно, есть аналогия между всеми предметами, из которой с помощью какой-то премудрой связи можно даже извлекать некоторые сказуемые, так или иначе подходящие к своему подлежащему; но этот способ уже предполагает наличие искусства. А вот хотел бы я посмотреть, сколь прелестную речь учинит мне тот оратор, который выйдет в свет, вооружившись только этим щитом, а риторическому искусству поучившись не много. Впрочем, я не отрицаю, что мужам, поупражнявшимся в риторике, в случае необходимости, когда их подводит память, такие способы могут помочь. Таковы и рекомендации Жана-Сесилия Фрэ в 1-й главе 2-й части его «Новой простейшей

^a См. § 10.

vero ejus, qui scripsit, nomine prodiit. Unicum ejus opus est, sub varia epicherematum forma orationes extemporales formare. Sed, si verum fateri velimus, nequaquam est plus facultatis ex tempore perorandi in hac ratione, quam alia: omnes enim orationes praesupponunt argumenta: sive illa uno syllogismo, seu pluribus, comprehendantur: eodem res recidit. Interea tironibus eo modo non male consultum est; qui ad epicheremata elaboranda maturius, quam ad aliud progymnasmatum genus, praeparari debent. Chriae quoque ipsae nihil aliud, quam syllogismi et epicheremata sunt, quorum medii termini, ut in scholis vocant, locis quibusdam Dialecticis sunt illustrati. Atque huic etiam scopo praecipue inservit alius Jesuita, SIGISM. LAUXMIN, *Praxi Oratoria* sua Francofurt. A. 1665. in 12. excusa, qua illud potissimum intendit, ut doceat, periodos et enthymemata conficere, atque ex iis Orationes integras: exigua quidem, quod non diffitendum, opera, sed tironibus tamen non inutili, in rudimentis artis Rhetoricae per ἐπιχειρήματα ponendis. Nec defuit ex eadem Societate alius, qui connectendi ad transitionem artificium libello erudito ostenderet, JACOBUS HUGUES, cui titulum quoque fecit *Artificium Connexionum et transitionum*: Moguntiae primum edito, si recte memini, ac deinde Wittebergae, obstetricante G. C. Kirchmajero, A. 1657. recuso. Eo majorem vero laudem meruit, quo certius constat, primum illum connexiones formare docuisse per periodos, membra majora et minora, tam per particulas, quam per figuras et formulas, in prosa aequae et ligatae Oratione.

дороги к наукам, языкам, речам без подготовки» (Йена, 1674, ин-дуодецимо), ранее изданной в Париже. Таково же и средство, которым часто пользуются говорящие публично: последнее слово периода обращено к новому периоду, так что благодаря поиску в последнем слове связи мыслей в результате складывается какая-никакая речь. Умение говорить без подготовки по мере сил старался развивать Михаэль Радау в «Ораторе, говорящем без подготовки». Эта книга сначала вышла под ложным именем Георга Беккера, а позднее под именем истинного автора. Единственная его задача — в виде различных эпихирем составлять речи без подготовки. Но, признаться честно, этот принцип не лучше развивает способность говорить без подготовки, чем другие. Все речи предполагают наличие доводов; охватывает ли их один силлогизм или несколько — получается одно и то же. Между тем, таким образом оказана немалая поддержка учащимся, которые должны готовиться к оттачиванию эпихирем раньше, чем к другому виду прогимнасм. Также и сами хрии — не что иное, как силлогизмы и эпихиремы, коих средние термины, как их называют в школах, объясняются некоторыми диалектическими общими местами. И эту цель по преимуществу преследует также другой иезуит, Сигизмунд Лауксмин, в своей «Ораторской практике» (Франкфурт, 1665, ин-дуодецимо), где он стремится прежде всего научить составлению периодов и энтимем, а из них — целых речей. Следует признать, что труд этот крошечный, но учащимся он не бесполезен при изложении основ риторики через эпихиремы. Был и другой член того же ордена, Жак Юг, который в ученой книжке, озаглавленной им «Искусство связок и переходов» — впервые, если я правильно помню, изданной в Майнце, а затем переизданной в Виттенберге (1657) заботами Георга Каспара Кирхмайера — объясняет искусство нахождения связок для перехода. Он заслужил тем бóльшей похвалы, что первым, как известно, научил составлять связки по периодам, большим и малым членам при помощи как частиц, так и фигур и формул, равно в прозаической и поэтической речи.

19. Praeterimus Jesuitas alios: cum, qui supersunt, praeter eos, quos diximus, in Rhetorica arte clari, pauci admodum sint. Sunt vero et ante illos ponendi alii, quorum nomina praetereunda non duco. Quam splendide de GEORGIO TRAPEZUNTIO senserit Andr. Schottus, atque ut eum recentioribus prope omnibus praeferat, et suo merito doctis admirationi fuisse dicat, supra jam, cum de Hermogene diceremus, indicatum est. Et quid mirum, *Rhetoricen* ejus magni habitam, jamque olim *perpulchram* a Trithemio judicatam; cum ex optimis Aristotelis Hermogenisque praeceptis tota coaluerit, suppletumque ex alterutro habeat; quod alteri deest. Prodiit ea Rhetorica Trapezuntii, post alias editiones, emendatius Basileae 1522. in 4to, ibid. 1538. et Venet. 1560. in 4to.

20. Haudquaquam Trapezuntio minor JOH. LUDOV. VIVES intra paucos annos (erat enim ὀψιμαθής) nobilissimas aliquot lucubrationes, docte prorsus et accurate conscriptas, edidit: in quibus, ut ait Gesnerus, eloquentiae sapientiam ita conjunxit, ut nemo eruditus non cum aliquo fructu earum se lectionem hausisse fateatur. Sunt vero lucubrationes illae, quae ad institutum istud nostrum pertinent, praeter librum *de conscribendis Epistolis*, qui in pretio habetur, *Commentarii de ratione studii legendi interpretandique: De ratione colligendi exempla: Latinae linguae exercitatio*. Inprimis vero spectat ad h. l. *Rhetorica*, seu de ratione dicendi libri III. ac *de consultatione liber*; quos conjunctim Rob. Winter Basileae A. 1537. in 8. excudit. Pertinet quoque huc, ex aureo de tradendis disciplinis opere liber Quartus, qui *de corrupta Rhetorica* agit, eique restituendae subsidia undique conquirat.

19. Пропустим других иезуитов: из остальных, кроме уже упомянутых, очень немногие добились славы в риторическом искусстве. Но и эти упомянутые уступают другим, чьи имена, на мой взгляд, не стоит пропускать. Сколь высокого мнения о Георгии Трапезундском был Андре Схотт, предпочитающий его почти всем позднейшим риторам и говорящий, что он своими заслугами вызвал восхищение ученых людей, мы уже указали выше, когда вели речь о Гермогене. Нет ничего удивительного в том, что его «Риторика» высоко ценима и уже давно названа Тритемием «прекраснейшей», поскольку она вся сложилась из лучших указаний Аристотеля и Гермогена и в каждом из них восполнила на основании другого то, чего ему недоставало. Эта «Риторика» Трапезундца после прочих изданий вышла в наиболее выверенном виде в Базеле (1522, ин-кварто; 1538) и в Венеции (1560, ин-кварто).

20. Ничуть не менее значителен, чем Трапезундец, Хуан Луис Вивес, который за несколько лет — ибо учиться он стал поздно — издал несколько славнейших трудов, написанных с большой ученостью и тщанием. В них, как говорит Геснер, он так соединил красноречие с премудростью, что всякий образованный человек признает, что из их чтения почерпнул ту или иную пользу^а. К нашему предмету из них относятся, помимо высоко ценимой книги «О написании писем», «Записки о принципе учения, чтения и толкования», «О принципе собирания примеров»^б, «Упражнение в латинском языке». Однако в первую очередь сюда относится «Риторика, или О манере речи» в трех книгах, а также книга «О рассуждении». Их вместе издал Роберт Винтер (Базель, 1537, ин-октаво). Сюда также относится четвертая книга блестящего труда «О преподавании наук», в которой речь идет об искажении риторики и разыскиваются разнообразные меры для ее восстановления.

^а С. Gesnerus. Bibliotheca Universalis. Tiguri, 1545. P. 431.

^б В действительности автор последних двух работ — Эразм Роттердамский.

21. Neque hic silentio praetermittendus ERASMI ROTERODAMI *de copia verborum et rerum* libellus utilissimus, notior nomine, quam usu frequens: et qui tamen optimas profecto dat orationis ornandae atque amplificandae regulas. Edidit illum, cum Commentario et Exemplis, Joh. Micraelius anno, ni fallor, 1655. in 8. EDMUNDI RICHERII librum *de figurarum arte, et causis eloquentiae*, Paris. 1605. in 8. editum, etiam nominandum arbitror, quippe in quo figuras Grammaticas egregie explanavit, sed non aequè Rhetoricas. Edidit tamen librum alium *de arte et causis Rhetoricae*^a, quo methodum quoque monstrat eam ad usum vitae civilis revocandi, Paris. 1629. in 8. De Elocutionis imitatione ac apparatu JACOBUS OMPHALIUS, Jctus, edidit Opusculum non contemnendum: nam et optimas imitandi regulas proposuit, et formularum conficiendarum rationem dedit. Adjunctae sunt ejus Epistolae familiares in usum tironum, Paris. 1579. Col. 1602. in 8. Transeo JOH. BENZII^b *de figuris* libros, Argentorati 1606. editos in 8. qui nihil aliud, quam figurarum Catalogum, et applicata iis magno numero ex Oratoribus et Poëtis exempla continet. Neque admodum isthuc pertinet NICOL. SUSII *Lima Ciceroniana*, quo libro generalia quaedam de caractere et stylo praecepta continentur. Prodiit Antwerpiae 1620. in 8vo, et, cum Nic. Vernuleji *Rhetorica*, Jenae 1631. in 12. Magis adhuc sollicitè de stylo agit vir doctissimus, JOH. SCHEFFERUS, in *Gymnasio styli*, Upsaliae An. 1657. et 1665. primo, mox et Jenae 1670. edito. Multa enim inibi de hoc themate, tum et de progymnasmatibus Sophistarum et orationum variis characteribus, utilissima collectanea et praecepta traduntur. *De numero Oratorio* libros quinque scripsit, et hanc doctrinam singulari cura explicatam dedit JOVITA RAPICIUS, Brixianus. Elegans ejus editio prodiit Venetiis in fol. 1554. Recusus postmodum liber ille in Germania Coloniae A. 1632. in 8vo, comitem nactus est JAC. LUDOV. STREBAEI *de Electione et oratoria verborum collocatione* librum, qui olim A. 1540. prodierat; et in quo, quae ad numerum linguae Latinae, tam in prosa, quam in ligata

^a De arte et Rhetorica *edd.* 1714, 1732; De arte Rhetorica *ed.* 1747.

^b BENZII *edd.*

21. Здесь нельзя также обойти молчанием полезнейшую книжку Эразма Роттердамского «Об изобилии слов и предметов», которая более известна по названию, нежели употребляется на практике, хотя дает поистине прекрасные правила украшения и усиления речи. Ее издал с комментарием и примерами Иоганн Люткешвагер, если не ошибаюсь, в 1655 году ин-октаво. Также следует, как мне кажется, упомянуть книгу Эдмона Рише «Об искусстве фигур и основаниях красноречия» (Париж, 1605, ин-октаво), в которой замечательно объяснены грамматические фигуры, чего не сказать о риторических. Однако он издал и другую книгу, «Об искусстве и основаниях риторики», в которой также показывает способ вернуть это искусство в употребление в гражданской жизни (Париж, 1629, ин-октаво). Заслуживающий уважения труд «О подражании стилю и прикрасах в нем» издал иезуит Якоб Омфал: он предложил и прекрасные правила подражания, и принцип составления формул. В его издание (Париж, 1579; Кёльн, 1602, ин-октаво) включены также «Письма близким», предназначенные для использования учащимися. Я пропускаю книги Иоганна Бенца «О фигурах» (Страсбург, 1606, ин-октаво), которые содержат не что иное, как каталог фигур и иллюстрирующие их многочисленные примеры из ораторов и поэтов. Не очень большое отношение к нашему предмету имеет и книга «Цицеронов резец», в которой содержатся некоторые общие указания о стиле и манере письма (Антверпен, 1620, ин-октаво; Йена, 1631, ин-дуодецимо — вместе с «Риторикой»). С еще большей заботой о стиле рассуждает учёнейший муж Иоганн Шеффер в «Гимнасии стиля» (Упсала, 1657, 1665; Йена, 1670). Там дано много полезнейших сведений и наставлений по этой теме, а также о прогимнасах софистов и различных стилях речей. Джовита Равицца Брешианский написал в пяти книгах «Об ораторском ритме», с исключительной заботой преподав это учение. Изящное издание этой книги вышло в Венеции (1554, ин-фолио), а позднее она была переиздана в Германии (Кёльн, 1632, ин-октаво) вместе с книгой Жака Луи Стребе «О выборе и ораторском расположении слов», ранее опубликованной в 1540 году. В последней излагается то, что относится к ритму латинского языка — как в прозаической речи, так

oratione, spectant, exponuntur. Est alias iste Strebaeus inter Cicero-
nis Commentatores, in cuius scilicet libros de Arte Rhetorica et de
Perfecto Oratore scripsit.

22. Dum vero ita de iis agere instituimus, qui per partes solum
artem Rhetorum pertractant, pene dememinisse videri possumus
Virorum doctorum, qui artem integram magno conatu, neque mi-
nus felici, tradunt. Atque hic primum sibi ante alios omnes locum
vindicat GERHARDUS JOH. VOSSIUS, cuius non solum *de Natura
et Constitutione Rhetorices* liber, et subjuncta illi Tractatio de antiquis
Rhetoribus, Sophistis ac Oratoribus, quam calluerit Vir ille magnus
artem lectissimam et quanta cura e veteribus collegerit, notum facit;
sed luculentius adhuc operosae et plenissimae *Oratoriae Institu-
tiones*, Opus mira diligentia concinnatum, et quod in Veterum Rhet-
torum lectione illum longe fuisse versatissimum demonstrat, quos
etiam nisi habuisset antesignanos, vix adeo feliciter in hoc argumen-
to versatus fuisset. Recte interim iudicavit Buchnerus, lib. de Com-
mutata Rat. dicendi p. 444. Vossio neminem †temere†, post Aristo-
telem, orandi artem uberius et accuratius tradidisse. Multoties, tum
in Belgio, tum in Germania, variisque formis, excusum recusumque
Oratorium istud Opus Vossianum. Inter primas *editiones* ea est, quae
An. 1606. prodiit in 8. sed optima, quae Lugduni Batav. 1643. in 4.
lucem adspexit. Liber de natura Rhetorices iterata Editione auctior
editus Hagae Com. 1658. in 4. Reliquit et *de imitatione Oratoria* li-
brum, suo Auctore non indignum: et *Rhetoricam contractam*, quae
in usum scholarum foederati Belgii scripta est, et ita Compendium
Rhetoricae majoris sistit, ut exemplis aliis utatur.

23. Vossium sequatur Hispanus PETRUS JOH. NUNNESIUS,
magni nominis apud suos Vir, et quem, uti supra dictum, Andr.
Schottus ex Hispanis noverat, inter claros Rhetores nominandum.
Nec putandum est, amicitiae hic aliquid dedisse Schottum, quam
cum Nunnesio arctiorem coluit: sed fuisse id commune Hispano-
rum suffragium, inde discas, quod ingenti stipendio a Barcinonen-
sibus ad docendam ibi Eloquentiam Graecamque linguam evocatus
est, referente de Scriptor. Sec. XVI. Miraeo, c. 139^a. *Rhetoricam* ejus,

^a 133 *edd.*

и в поэтической. А еще этот Стребе вошел в число комментаторов Цицерона, написав о его книгах «О риторическом искусстве» и «О совершенном ораторе».

22. Начав таким образом рассуждать о тех, кто разбирает искусство риториков только по частям, мы, как может показаться, почти забыли об ученых мужах, которые с великим усердием успешно преподают всю риторику целиком. И здесь первого места более всех других заслуживает Герхард Иоганн Фосс. Не только его книга «О природе и составе риторики» и примыкающее к ней «Рассуждение о древних риториках, софистах и ораторах» показывают, насколько этот великий муж владел изысканнейшим искусством и с какой заботой он делал выписки из древних — еще яснее это становится по добросовестно написанным и подробнейшим «Наставлениям оратору», труду, составленному с удивительным усердием, который показывает, что чтением древних риториков он занимался намного больше, чем кто-либо еще; а не будь они его предводителями, едва ли был бы он так успешен в этом предмете. Между тем Бухнер в книге «Об изменившейся манере речи» (с. 444) верно отмечает, что после Аристотеля никто не преподавал ораторское искусство подробнее и тщательнее, чем Фосс. Этот труд Фосса многократно в разном виде печатался и перепечатывался как в Бельгии, так и в Германии. Среди первых изданий — вышедшее в 1606 ин-октаво, но лучшее — то, которое увидело свет в Лейдене (1643, ин-кварто). Книга «О природе риторики» во втором, дополненном издании вышла в Гааге (1658, ин-кварто). К его наследию относятся и книга «Об ораторском подражании», вполне достойная своего автора, и «Сокращенная риторика», которая написана для школ Соединённых провинций (совр. Нидерланды — *перев.*) и представляет собой компендий большой «Риторике» с использованием других примеров.

23. Вслед за Фоссом назовем испанца Педро Хуана Нуньеса, который знаменит среди земляков своих и которого, как было сказано выше, Андре Схотт счел нужным назвать в числе славных риториков в качестве представителя Испании. И не стоит думать, что Схотт поступил так в силу своей тесной дружбы с Нуньесом: о том, что таков был бы и общий выбор самих испанцев, можно понять по тому, что жители Барселоны позвали

cujus meminit Andr. Schottus, nunquam vidi: sed tantum *collectionem Epithetorum*, quorum in amplificandis periodis magnus usus est, e Cicerone: qui liber, post plurimas Germanas atque Gallicas Editiones, Coloniae quoque 1571. prodiit. Scripsit alias de Epithetis etiam *Sebast. Figulus*: ast quo melior est Nunnesius. Similis ferme labor est, quem de Adverbiis epithetorum vicem haud raro explentibus, sibi sumsit *Hubertus Susannaes*, qui Connubium Adverbiorum Ciceronianorum edidit; quod et seorsim, et cum Steph. Doleti formulis linguae Latinae simul, Argent. 1585. in 8. prodiit. Et quoniam semel scriptoribus hujus quoque generis indulgere coepimus, nominabimus quoque *Stephanum Ubelium*, qui Synonyma Ciceroniana edidit, collectis nimirum vocibus illis, quae apud Ciceronem et alios conjunctim ponuntur vel vere vel apparenter synonymae. Vehementer facit ille labor ad periodum concinnandam. Prodiit Leovardiae 1607. in 8. Et ne quid genus vocum absque illustratione maneret; en tibi festivum libri titulum: *Antithetorum amica simultas, arbitris Plauto, Terentio, Cicerone, Caesare*. Scripsit illum *Augustinus Gambarella*, et collegit inibi voces, quaecunq; sibi aliqua saltem ratione opponuntur: ut sic eo faciliorem vocum proprietatem redderet addiscendam. Mediolani 1606. in 4. Videntur quidem Auctores, quos modo recensuimus, magis ad Grammaticum Polyhystorem, et caput de Collectoribus phrasium, pertinere: nolimus tamen, cum occasio se offerret, hic quoque eorum recensionem omittere, praesertim cum ad Rhetoricen suo etiam modo spectent.

24. Hinc temperare nobis non possumus, quin adhuc addamus WOLFFGANGUM SCHOENSLEDERUM, *Apparatus Eloquentiae*, Monachii primo 1630. in 8. et saepius alibi, evulgati, Auctorem: quo libro, dum Synonyma sub titulis generalibus collegit, optime omnino de eloquentia meruit, nullusque et ad usum accomodatior liber, quam ille: adeo optima semper ex Auctoribus, non quibusvis, sed praecipuis, magno judicio collegit. *Phil. Paraei* minimam^a Calligraphiam, simili in arena currentem, longo post se intervallo relinquit, quae merum chaos est, ac mira titulorum confusione summa imis miscet. Dolendum vero, non prodiisse Schoenslederi partem alteram, qua^b

^a minimum *edd.*

^b quo *edd.* 1732, 1747.

его за огромное жалование преподавать у себя красноречие и греческий язык, как сообщает ле Мир («О писателях XVI века», гл. 139). Его «Риторику», о которой упоминает Андре Схотт, я никогда не видел; а видел только «Собрание Цицероновых эпитетов», от коих велика польза при усилении периодов. Эта книга после множества изданий в Германии и во Франции вышла, среди прочего, в Кёльне в 1571. Еще об эпитетах писал Себастиан Тёпфер; но Нуньес лучше его. Похож на указанные также труд о наречиях, нередко играющих роль эпитетов, который взял на себя Убер Сузано, издавший «Свадьбу цицероновых наречий». Эта книга выходила и отдельно, и вместе с «Формулами латинского языка» Этьена Доле (Страсбург, 1585, ин-октаво). А раз уж мы завели речь о писателях такого рода, назовем также Стефана Убея, который издал «Цицероновы синонимы» (Леуварден, 1607, ин-октаво), собрав слова, которые у Цицерона и других используются вместе и при этом или истинно, или внешне синонимичны. Труд сей чрезвычайно полезен для упорядочивания периодов. А дабы никакой род слов не оставался без описания, вот забавный заголовок: «Соперничество, дружественное антитезам, на суде Плавта, Теренция, Цицерона, Цезаря». Эту книгу написал Агостино Гамбарелло; там собраны слова, которые хоть в каком-то отношении противопоставлены друг другу, что облегчает освоение точных значений слов (Милан, 1606, ин-кварто). Авторы, которых мы только что перечислили, скорее, кажется, относятся к «Грамматическому Полигистору», а именно к главе «О собирателях фраз»^a; однако, раз уж представилась возможность, нам захотелось перечислить их хотя бы здесь, тем более что они некоторым образом относятся и к риторике.

24. Далее мы не можем удержаться от того, чтобы добавить еще «Прикрасы красноречия» Вольфганга Шёнследера, впервые опубликованные в Мюнхене (1630, ин-октаво) и неоднократно издававшиеся в других местах. В этой книге, собирая синонимы под обобщающими заголовками, составитель оказал красноречию прекрасную услугу, и для практического использования нет книги более пригодной, чем эта: Шёнследер всюду с большой

^a Vol. I, lib. IV, cap. 9, § 20.

collecturus erat locos communes rerum: absolutissimos haud dubie, quantum ex hoc Opere judicare licet, daturus. Sed nunc revertimur ad Rhetoricarum Scriptores.

25. JOH. TESMARUS, Rhetoricae in Bremensi schola Professor, scripsit *Rhetoricarum Exercitationum libros VIII*. Amstelodami apud Elzevir. 1657. in 8. publici juris factos: quorum priores quinque sunt analytici, resolventes oratiunculas historicorum, poëtarum, etc. secundum genera causarum: reliqui tres proponunt ideas Orationum, Epistolarum, Carminum. *Ideas Orationum* edidit quoque MARC. ZUERIUS BOXHORNIIUS, civilium plerorumque argumentorum, quorum in civili vita usus praecipuus est Politices et Jurisprudentiae studiosis. Liber editus est aliquoties in Belgio, et semel 1661. Lipsiae recusus: in eo tantum reprehendi meret, quod artificium orationis non satis distincte exprimat: in quo longe magis sollicitus est *Christoph. Schraderus* in specimine Orationum Livianarum et Sleidanianarum, quae itidem hujus sunt argumenti, et civilis eloquentiae studiosis commendandae. Ineditas aliquot ejusdem Boxhornii possideo.

26. Extant MELCHIORIS *de la CERDA*, cujus mentionem supra, inter Ordinis socios Jesuitas, facere dememinimus, *Campi eloquentiae*, Coloniae 1637. in 8. impressi; sed me judice, pleni ruris: nam nihil uspiam selecti: descriptiones vagae et variae sine inventione ac ordine. Adjungo de la Cerdae similis farinae Scriptorem, sed magnum tamen puerorum delictum, JOH. MATTH. MAYFARTUM, scripsit ille *Mellificium Oratorium*, in quo Eloquentiae flores e variis Oratorum viridariis defracti, et in suas velut areolas sunt digesti. Tres vel quatuor ejus Tomi Lipsiae prodierunt A. 1633. et seq. in 8. Non placet Viri istius labor: nam paucissima habet ex Cicerone, unde tamen mellificium suum locupletare unice potuisset. Tum et inter recentiores delectum non habet, sed promiscue e quibusvis colligit, cum praeferendi fuissent probatiores. Denique nec ordo, nec ratio colligendi bona est. Longe distinctius et ordinatius procederet negotium, si quis secundum seriem vel thesium, vel rerum, vel argumentorum et enthymematum, collectanea talia institueret: nec formulas cum rebus ipsis misceret, uti factum a Mayfarto, cum rectius seorsim

взыскательностью подбирает лучшие примеры из авторов, и не каких попало, а главнейших. Крошечную книгу «Каллиграфия» Филиппа Венглера, бегущую на том же ристалище, он оставляет далеко позади себя: она представляет собой сущий хаос, в котором благодаря удивительной путанице в заголовках всё перевернуто вверх дном. В то же время достойно сожаления, что не вышла вторая часть Шёнследера, в коей он намеревался собрать общие места — несомненно, в наиболее совершенном виде, насколько можно судить из его труда. Но теперь вернемся к составителям риторик.

25. Иоганн Тесмар, профессор риторики в Бременской школе, написал «Риторические упражнения» в 8 книгах (Амстердам, Эльзевир, 1657, ин-октаво). Первые пять из них — аналитические: в них делается разбор речей у историков, поэтов и др. по родам предметов речи. В остальных трех показаны планы построения речей, писем, стихотворений. «Планы построения речей» издал также Марк Зуерий ван Боксгорн. Они посвящены большинству гражданских тем, которые в основном полезны в гражданской жизни изучающим политику и юриспруденцию. Эта книга несколько раз издавалась в Бельгии, а один раз (1661) была переиздана в Лейпциге. Упрека она заслуживает только за то, что там недостаточно четко показана техника речи, о которой гораздо больше заботится Кристоф Шрадер в «Образчике речей Ливия и Шлейдена», которые также посвящены этой теме и которые можно посоветовать изучающим гражданское красноречие. У меня есть несколько неизданных речей того же ван Боксгорна.

26. Существуют «Поля красноречия» (Кёльн, 1637, ин-октаво) Мельхиора де ла Серда, упомянуть коего мы забыли выше среди его товарищей по ордену иезуитов. Но эти «Поля», по моему суждению, насквозь пропахли деревней: нигде в них не проведен необходимый отбор, а описания, расплывчатые и пестрые, лишены выдумки и порядка. К де ла Серда я добавлю писателя из похожего теста, большую забаву отроков — Иоганна Маттеуса Майфарта. Он написал «Ораторскую пасеку, в которой цветы красноречия сорваны из садов различных ораторов и распределены словно бы по своим клумбам» в трех или четырех томах (Лейпциг, 1633–34, ин-октаво). Труд сего мужа мне не по душе, ибо из Цицерона он взял

poni secundum omnes orationis partes debuissent: quod consilium sibi proposuerat *Joh. Starckius*, qui specimen ejus dedit elegans in *Locis Communibus formularum Epistolicarum*: sed labor iste in oratoriis praematura optimi viri morte intercidit.

27. Aequae spernendae sunt ac de la Cerdae et Mayfarti labores *Transitionum Rhetoricarum formulae*, a JOH. CLARCKIO^a collectae, editaeque Londini 1628. in 8. quas miror etiam in Germania recusas. Etenim parum omnino bonae frugis habet totus ille liber: et male faciunt, nec intelligunt linguam Latinam, qui eum pueris obtrudunt: totus enim ineptis quibusdam argutiis plenus est, vel ex ingenio suo, vel ex vernaculi sermonis adhaerente vitio, confictis. Ut non possit adeo frugis quicquam ex eo libro meti: et infelices sane sunt, qui tirocinium suum in quisquiliis istiusmodi terere coguntur. Idem esto iudicium de THOMAE FARNABII *Indice Rhetorico et Oratorio*, Libello exiguo, Amstelod. 1659. in 12. edito, in quo Formulas quasdam, in Orationibus et Epistolis obvias collegit, sed, ut in porta cantherius, defecit, Henr.^b Arningio, et Ivaro Petri Adolpho, et quibus Formulae itidem sunt congestae, palmam relinquens. Tale quoque est *Tirocinium Eloquentiae*, seu *Rhetorica Nova* (si DIS placet), CAROLI PAJOT, qui, cum multa promittat, nihil omnino habet praeter vulgaria artis praecepta, summatim ex aliis auctoribus, sive excerpta, sive descripta. Editum est misellum *Compendium Duderstadii*^c 1673. in 8vo.

^a STARCKIO *edd.*

^b Henn. *edd.*

^c Dauderstadii *edd.*

очень мало, хотя только там мог обогатить свою пасеку. Неразборчив он и в отношении новых авторов, набирая всё вперемешку, от кого попало, в то время как предпочесть следовало наиболее уважаемых. Наконец, неудачны и порядок, и принцип собирания материала. Дело шло бы гораздо четко и упорядоченнее, если бы такое собрание было учинено в соответствии с рядом общих вопросов, предметов, доводов или энтимем, а формулы не смешивались с самим содержанием, как у Майфарта; ведь правильнее было бы расположить их отдельно по всем разделам речи. Такой замысел был у Иоганна Штарке, и изящный образчик исполнения этого замысла был явлен им в «Общих местах формул, используемых в письмах»; но такой же труд уже применительно к ораторскому искусству был прерван безвременной кончиной этого превосходного мужа.

27. В той же мере, что и труды де ла Серда и Майфарта, заслуживают презрения «Формулы риторических переходов», собранные Джоном Кларком (Лондон, 1628, ин-октаво) — странно, что их переиздали и в Германии. Ведь толку от этой книги очень мало, и те, кто навязывает ее отрокам, поступают дурно и не понимают латинский язык. Вся она полна каких-то нелепых острот, составившихся то ли по вине собственного ума автора, то ли из-за дурного влияния его родного языка. Так что никакой пользы из этой книги почерпнуть нельзя, и несчастны те, кто вынужден тратить время своего ученичества на подобного рода чепуху. Такое же суждение вынесем и о «Риторическом и ораторском указателе» Томаса Фарнаби (Амстердам, 1659, ин-дуодецимо), крошечной книжке, в которой автор собрал кое-какие формулы, встречающиеся в речах и письмах, но, словно кляча у ворот^a, утомился и уступил первенство Генриху Арнингу, Ивару Педерссёну Адольфу и другим собирателям формул. Такова и «Школа красноречия, или Новая риторика» (если так угодно богам) Шарля Пажо, который, несмотря на громкие обещания, не дает ничего, кроме обычных общих предписаний по этому искусству, где-то выбранных, а где-то переписанных из других авторов. Этот жалкий компендий был издан в Дудерштадте (1673, ин-октаво).

^a Ср. Erasm. Adag. I.5.78.

28. Pertinet quoque ad Rhetores CAROLUS SIGONIUS, cujus non solum inter Antiquarios Scriptores mentio cum honore facta est, sed et tum, cum eum consolationem Ciceroni supposuisse diximus, et inferius inter Oratores forte recurret. Is ipse igitur librum *de Dialogo* scripsit, Venet. 1562. in 4. editum, in quo tradit praecepta Dialogi scribendi. Hanc vero scribendi rationem omnino ad eloquentiam pertinere, vel illud argumento est, quod ab eloquentissimis viris Graecis et Latinis frequenter fuerit adhibita, ut testantur Platonis et Ciceronis scripta.

29. Spectat quoque ad Rhetoricen scriptio Historiarum. Rhetoris enim est, praescribere, quo caractere historia sit scribenda: quod argumentum diligenter admodum persequitur SEBAST. MACCIUS, Philosophus, Theologus, et Jctus, Eques et Comes Palatinus, in libris tribus *de Historia scribenda*, quos Venet. 1613. in 4. publici juris fecit. Idem argumentum postea fusius deduxit AUGUSTINUS MASCARDUS libro elegantissimo Italica lingua scripto *della arte Historica*, Venet. 1655. in 12. Est et Casp. Scioppii iudicium de stylo historico, quod editum cum ejus Infamia Famiani, Sorae 1658. in 12.

30. Peculiare sibi et plane elegans argumentum e Rhetoricis pertractandum sumpsit Vir πολύγραφος admodum, et aliis e scriptis notissimus, LEO ALLATIUS, scripta *de Erroribus Magnorum Virorum in Dicendo Dissertatione* Historica, ad Slingelandum, Protonotarium Apostolicum: Romae An. 1635. in 8. Censuram illic instituit in Autores tum veteres, tum recentiores, monstratque, ubi illi defecerint in orationis Caractere idoneo exprimendo. Veterum pleraque hausit ex Claud. Verderii stulta Auctorum censura, non apposito interdum illius nomine. Et sane Leo Allatius non valuit isto iudicio, ut censuram sibi in re tanta sumere potuisset: aliis plane hic ingeniis opus est.

28. К риторам также относится Карло Сигонио, коего мы почтительно упомянули и среди знатоков древностей^а, и тогда, когда сказали, что он сочинил «Утешение», приписывавшееся Цицерону^б, да и ниже среди ораторов он, может быть, встретится^в. Так вот, он же написал книгу «О диалоге» (Венеция, 1562, ин-кварти), в которой дает указания по написанию диалога. То, что такое творчество напрямую относится к красноречию, доказывается, например, тем, что им часто занимались самые красноречивые из греческих и латинских авторов, как свидетельствуют произведения Платона и Цицерона.

29. К риторике относится и историография, ибо учить тому, в каком стиле надлежит писать историю — дело ратора. Этим предметом усердно занимается Себастьяно Маччо, философ, теолог и иезуит, рыцарь и граф-палатин, в трех книгах «О написании истории» (Венеция, 1613, ин-кварти). Еще пространнее о том же предмете повествует Агостино Маскарди в изящнейшей книге «Об историческом искусстве», написанной по-итальянски (Венеция, 1655, ин-дуодецимо). Существует и «Рассуждение об историческом стиле» Каспара Шоппе, изданное вместе с его «Позором Фамиано» (Сорё, 1658, ин-дуодецимо).

30. Особенный и весьма изящный предмет из риторики взялся рассматривать Лев Аллаций, муж весьма плодовитый и известный по другим своим произведениям. Ему принадлежит «Историческое рассуждение о речевых ошибках великих людей, к ван Слингеландту, апостольскому протонотарию» (Рим, 1635, ин-октаво). Аллаций подвергает оценке древних и новых авторов и показывает, где им не удалось выразиться в надлежащем стиле. Большую часть материала по древним авторам он почерпнул из глупой «Оценки авторов» Клода дю Вердые, местами не упоминая его имени. И Лев Аллаций оказался не слишком силен в этом своем суде и попытке взять на себя роль оценщика в столь трудном предмете: тут нужны совершенно другие умы.

^а Vol. I, lib. V, cap. 2, § 7.

^б Vol. I, lib. IV, cap. 11, § 3.

^в Не встретился.

31. Talia vero ubere proventu ferre inprimis hodie Gallia consuevit, in qua pulcherrimorum librorum, ad Rhetoricen facientium, et vernaculo scriptorum sermone, magna satis copia est, inprimis postquam optimatum favore istiusmodi^a ingenia provocantur. Est, qui Rhetoricam Aristotelis in Gallicum transtulit sermonem, et eximiis insuper commentationibus illustravit. Aristotelem enim e veteribus unum acu rem tetigisse haud abs re judicant, nec ab eo facile recedunt: quorsum et RENATUS RAPINUS legi meret in elegantissimis suis de Eloquentia cogitationibus: *Reflexions sur l'Eloquence*: quae Miscellaneis ejus operibus, ad juvandas bonas literas scriptis, insertae sunt. Est alias et ANONYMUS quidam, qui duobus libris Rhetoricam tradidit: quorum prior vocatur *de l'Art de Parler*; alter *de l'Art de Persuader* 1676. in 12. Non quidem differunt ejus Viri praecepta a communibus; sed occurrunt tamen aliqua commatis non vulgaris, fuitque Vir sine dubio doctissimus, et iudicii non contemnendi: distinxit autem artem persuadendi ab arte dicendi, et priore illo agit de inventione enthymematum; altero de variis characterum generibus, figuris, ceterisque ad orationem ornandam pertinentibus. Taceo Renatum Bary, consiliarium et Historiographum Regium, qui librum edidit, sub titulo: *la Rhetorique Françoise*, Amstelod. 1669. inprimis, quod figuras spectat, non contemnendum. Ei dissertationem praeliminarem praefixit Joh. Franc. Grandis, quae intentionem Auctoris et Operis pluribus declarat. Dirigit autem omnia ad sermonis Gallici genium, cum alter ille magis in communi et abstracto Rhetoricam proponat. Multa vero egregia, ad Rhetorices explicationem, libellis variis in medium attulit DOMINICUS BOUHOURS, Jesuita Parisiensis, qui ut plurimum exemplis docet, quae ex antiquis aequae ac recentioribus scriptoribus hinc illinc collegit, et sua deinde κρίσει examinat illustratve. Estque inprimis commendandus ejus libellus, quem Rationem bene cogitandi inscripsit, *la Maniere de bien Penser dans les Ouvrages de l'esprit*: in quo summo studio τὸ περὶ τὰς νοήσεις ἀδρεπήβολον^b, ut Longinus vocat, sive sensuum sublime, examinat, variasque in classes distribu-

^a istiusmodi ed. 1747.

^b ἀδρεπήβολον edd. 1732, 1747.

31. А таковые в изобилии, особенно теперь, имеет обыкновение порождать Франция, в которой достаточно велико количество превосходных книг по риторике на национальном языке, особенно с тех пор как такого рода таланты стало поощрять благоволение знати. Кое-кто перевел на французский язык «Риторику» Аристотеля и снабдил вдобавок замечательными комментариями. Ведь небезосновательно считают, что Аристотель единственным из древних попал в самую точку, и от него не так просто отступить. В связи с этим заслуживают прочтения и изысканнейшие «Размышления о красноречии» Рене Рапена, которые включены в сборник его сочинений на разные темы, написанные для поддержки изящной словесности. Еще есть некий аноним, написавший учебник по риторике в двух книгах. Первая из них называется «Искусство говорить», вторая — «Искусство убеждать» (1676, ин-дуодецимо). Указания сего мужа не отличаются от общепринятых, однако встречается и кое-что необычной чеканки; автор был, без сомнения, чрезвычайно ученый, и его суждение не следует оставлять без внимания. Он отличает искусство убеждать от искусства говорить и в одной книге рассуждает об отыскании энтимем, а в другой — о различных родах стиля, фигурах и других вещах, относящихся к украшению речи. Промолчу о Рене Бари, королевском советнике и историографе, издавшем книгу «Французская риторика» (Амстердам, 1669). Она заслуживает внимания в первую очередь в том, что касается фигур. Жан Франсуа ле Гран предпослал этой книге вводное рассуждение, в котором пространно разъясняет замысел автора, сводя всё к духу французского языка, в то время как сам Бари излагает учение о риторике более общо и отвлеченно. Парижский иезуит Доминик Буур в различных книжках дал много выдающихся указаний по объяснению риторики. В основном он учит при помощи примеров, которые собрал как из древних, так и из новых авторов и подверг своему суду. В первую очередь можно посоветовать его книжку под названием «Способ здраво размышлять в духовных произведениях», в которой он с величайшим усердием исследует то пер

tum ita egregie, allatis ubique plurimis exemplis, pertractat, ut non minorem fructum, quam delectationem, afferat. Editus est libellus secunda vice Amstelodami 1688. in 12. cui et in vicem partis secundae additus libellus alius, sub titulo: *Pensées ingénieuses*: in quo itidem longe plurima ejus generis, et jucunda et utilia, occurrunt. Sunt et plures adhuc Gallici Eloquentiae magistri, sed quos nunc quidem recensere non vacat.

32. In Germanica lingua artis Rhetoricae laborem in se suscipit CHRISTIANUS WEISIUS *im politischen Redner*. Diu fuit ante ipsum desideratus talis labor: in quo tentavit tamen aliqua RUDOLPHUS SATTLER^a *in seiner Teutschen* Rhetorica, et Meyfartus: neque displicuit mihi Sattleri^b labor: qui, in Orthographia et Phraseologia sua Germanica, alio libro, monstravit veram contexendi Germanicas periodos rationem. Alioquin plerique Scriptores illi plus artis et eruditionis ostentare volunt in rebus ipsis, quam opus est. Et forte nimio cultu laborat Weisii institutio, nam multa immiscet orationibus suis, inprimis civilibus, ornamenta, vel poëtica, vel alia, quorum nullus in aula usus est.

^a SADELER *edd.*

^b Sadeleri *edd.*

τὰς νοήσεις ἀδρετήβολον, как называет это Лонгин^а, т. е. возвышенность чувств, и, разделив ее на разновидности и всюду приводя множество примеров, рассматривает столь выдающимся образом, что приносит и пользу, и усладу. Во втором издании этой книжки (Амстердам, 1688, ин-дуодецимо) в качестве второй части к ней добавлена другая, под названием «Остроумные мысли», в коей также можно найти великое множество приятного и полезного в том же роде. Есть и другие французские учителя красноречия, но не будем теперь тратить время на их перечисление.

32. Труд написания риторики на немецком языке взял на себя Кристиан Вайзе в «Политическом ораторе». Потребность в таком труде существовала задолго до него, и кое-какие попытки предпринимались Рудольфом Заттлером в его «Немецкой риторике» и Майфартом. Труд Заттлера пришелся мне по душе. В другой своей книге, «Немецкой орфографии и фразеологии», он показал правильный способ составления периодов по-немецки. В остальном же большинство таких писателей хотят показать больше, чем нужно, искусства и образованности в самой сути дела. Наставления Вайзе, пожалуй, страдают излишней изысканностью: он примешивает к своим речам, в первую очередь гражданским, много поэтических и прочих украшений, от коих в зале нет никакой пользы.

A. Vetushko-Kalevich. The rhetorical section in the D. G. Morhof's "Polyhistor".

The chapter deals with the rhetorical section in the "Polyhistor" — a monumental bibliographical source composed by Daniel Georg Morhof (1639–1691) that was virtually neglected by scholars so far.

^a Longin. VIII.1.

*М. С. Трофимук
(Львовский Национальный
университет им. Ивана Франко)¹*

**РОЛЬ АНТИЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
В ФОРМИРОВАНИИ ТЕОРИИ
ЛИТЕРАТУРЫ В УКРАИНЕ
XVII–XVIII ВВ. (на материале
курсов словесности Киево-
Могилянской Академии)**

Ключевые слова: Риторика, поэтика, античная литература, постренессансная теория литературы, метрика, барокко, неолатинистика, Киево-Могилянская академия, Феофан Прокопович, Митрофан Довгалевский.

В главе кратко проанализировано влияние античного литературного наследства на формирование курсами поэтики и риторики XVII–XVIII вв. постренессансной теории литературы на восточнославянских землях.

1

Уже хрестоматийной стала истина, что украинское литературное барокко было следствием синтеза нескольких традиций, которые практически равноправно сосуществовали на территории Украины на протяжении столетий: традиции, базировавшейся на автохтонном литературном процессе (как высокой, детерминированном символикой Священного Писания, так и фольклорной), и античного наследия, имплантированного в украинский культурный процесс учебными курсами поэтик и риторики.

¹ Мирослав Степанович Трофимук, историк литературы, неолатинист, переводчик, лексикограф, член Национального союза журналистов Украины, член Ассоциации украинских писателей, доцент Львовского национального университета им. Ивана Франко, канд. филол. наук. Автор монографии «Поэтика эпохи Мазепы» (Львов, 2009), соавтор Латинско-украинского словаря (Львов, 2001, 2012), соавтор переизданий творческого наследия Филиппа Орлика, статей, переводов с латинского, польского, немецкого языков.

Еще с 1632 г. — со времени организации Киево-Могилянского коллегиума — в Украине в течение двух веков протекал процесс составления курсов словесности — обязательных учебных дисциплин. Каждый преподаватель читал лекции, исходя из своего понимания предмета этих дисциплин; в то же время существовал определенный стандарт объема информации, выработанный на протяжении столетий. Неверно, конечно, утверждать, что украинцы начали знакомиться с античной риторической доктриной лишь с 1632 года: участие населения украинских земель в культуротворческих процессах Европы фиксируется по меньшей мере с XVI в.; об этом можем прочесть хотя бы в основательном исследовании Зофьи Флорчак «Udział regionów w kształtowaniu się piśmiennictwa polskiego XVI wieku: studium z zakresu socjologii pisarstwa» (Florczak 1967). Известно, что подавляющее большинство выходцев из украинских земель получали образование сначала в иезуитских коллегиумах или братских школах, потом совершенствовались в близлежащих высших учебных заведениях (Замойской академии, Краковском университете), а позднее продолжали этот процесс в признанных университетах Европы. Далее перед ними оставалось несколько путей: работать в университетах Западной Европы или Речи Посполитой; искать место при дворах магнатов в качестве секретарей, надворных учителей и под.; возвратиться на родину и принять участие либо в образовательном процессе, либо делать политическую карьеру. Вот эти люди, приезжая на родину, и читали лекции во всех учебных заведениях на территории Украины. Понятно, что на содержание изложения конкретного преподавателя влиял его собственный опыт, приобретенный во время получения образования. Вместе с тем преподаватели и авторы руководств по поэтике и риторике активно пользовались и печатными западноевропейскими изданиями, такими, как учебник Якова Понтана (Pontanus 1615).²

² Одно из многочисленных изданий этого учебника использовано также автором главы для сравнительного анализа содержания отдельных постулатов украинских руководств по теории литературы.

Рукописные курсы поэтик и риторик, которые сохранились до нашего времени, отображают процесс зарождения в Украине филологических дисциплин. Сущность этого многолетнего труда состояла в том, чтобы приспособить достижения ренессансной филологии к украинской традиции и ее нуждам, к потребностям украинского литературного процесса XVII–XVIII веков. В процессе написания этой главы мы использовали несколько рукописей и публикаций курсов риторик и поэтик Киево-Могилянской Академии. Это: «Liber artis poeticae scriptus per me, Andream Starnowiecki, sub recensione M. Kotozowski anno Domini 1637» (Крекотень 1981); «Fons Castalius in duplicis rivulos solutam scilicet et ligatam orationem Kijovo-Mohileanis musis consecratus felici suspicio emanavit anno Domini 1685» (Fons Castalius 1685); поэтика Феофана Прокоповича «De arte poetica libri III ad usum et institutionem studiosae juventutis Roxolanae dictati Kioviae in Orthodoxa Academia Mohyleana anno Domini 1705» (Прокопович 1961) и курс риторики этого же автора: «De arte rhetorica libri X. Pro informanda Roxolana iuventute utriusque eloquentiae studiosa Bono Religionis et Patriae a Reverendissimo P. Theophane Procopovicz traditi Kioviae in celebri et orthodoxa Academia Mohylaeano Anno 1706» (Прокопович 1979), а также поэтика Митрофана Довгалевського «Hortus poeticus legendi gratia flores et fructus ligatae et solutae orationis in alma Kijoviensi Academia Mohylozaborovsciana in maius alimentum Roxolano abdolonimo eiusque orthodoxae patriae penes Jordanicum et marianum pontum pastinatus Anno quo eXIMle LeCta Vrbs gLaDIIs OzoV IVssIt Vt³ Anno Calendis 8bris 1 1736» (Довгалевський 1973)⁴.

Ряд ученых XIX века не видели ценности и значения этих курсов, но в исследованиях последнего времени (XX–XXI вв.)

³ Митрофан Довгалевский в титуле своего курса указывает дату начала чтения лекций, используя для этого хронограмму во фразе: «...pastinatus Anno quo eXIMle LeCta Vrbs gLaDIIs OzoV IVssIt Vt...» (года, когда особо почтенный город дал приказ разорить Азов). Сумма римских цифр (MDCLLXVVVlllllll) составляет число 1736.

⁴ При цитировании ссылки сделаны на публикации переводов на украинский и российский языки.

ситуация изменилась. В них изложены некоторые аспекты становления теории литературы в Украине XVII — первой половины XVIII века и соответствующей этому процессу новой системы жанров в литературном процессе этого времени⁵. Синтез художественных средств античности, средневековья и автохтонного литературного процесса, свойственный постренессансным эпохам и художественным течениям — барокко, классицизму, маньеризму — привел не только к образованию новой жанрово-видовой системы литературы и отображению этого процесса в теоретических трактатах, а в первую очередь к применению этой новой системы для выражения нового мировосприятия, новых категорий мышления. Это было определено не только развитием местной культуры, но и необходимостью межгосударственной и межэтнической, межнациональной коммуникации: в роли главного средства этой коммуникации выступал латинский язык, а содержание литературных произведений должно было сигнализировать о национальном своеобразии конкретной культуры — участника общеевропейского культурного процесса.

Результатом работы гуманистов-филологов эпохи Возрождения стала реанимация античного литературного наследия. Европа обрела хороший учебный материал. Этим материалом были произведения античных авторов с их богатством метрических форм, жанров, философских систем и риторической доктриной, которая стала универсальным средством упорядочения предлагаемого реципиенту материала. Главное, что было заложено в хорошо сбалансированной системе античной риторики — это единство понимания автором и реципиентом назначения средств и способов изложения. Для этого нужным было школьное обучение, корни которого находятся в пятом веке до н. э. — в древнегреческой школе; если даже античной культуре требовалась образованность для знакомство

⁵ Это монографии (Сивокінь 1960; Маслюк 1983; Трофимук 2009) и большой массив публикаций Дмитра Наливайко.

с собственной литературой, то тем более это обучение было необходимо европейцам XVI–XVIII веков, которые считали античность колыбелью своей истории, своими культурными корнями, но тем не менее не знали этого материала.

Сводя проблему анализа развития теоретических проблем риторической доктрины в контексте литературного процесса в восточной Европе на протяжении трех столетий (XVI–XVIII вв.) к упрощенному ее решению, рискну выделить триаду проблем, связанную с влиянием античной литературы на пост-ренессансный период развития культуры:

- а) отношение к литературе образцов, т. е. к античным авторам;
- б) параметры воплощения тем и идей, т. е. система жанров;
- в) уровень литературной формы воплощения тем и идей, т. е. понимание теоретиками/практиками совершенства фиксированного текста как категории изящной словесности.

2

Если говорить о популярности античных авторов, т. е. об их востребованности теоретической мыслью Украины анализируемого периода, то самыми цитируемыми из них в курсах словесности, созданных в Киево-Могилянской Академии оказываются Платон, Аристотель, Гермоген, Гораций (в первую очередь «Послание к Пизонам»), Цицерон и Фабий Квинтилиан, а также Афтоний (на материале его дидактических курсов построена почти вся вторая книга Феофана Прокоповича); ссылки на отдельные произведения, криптоцитаты и парафразы высказываний этих авторов встречаются повсеместно в тексте киевских курсов. Кроме этих писателей необходимо, конечно, назвать имя Публия Вергилия Марона. Автор «Энеиды», «Буколик» и «Георгик» — произведений, близких душе не только простого римлянина, но и Октавиана Августа, который заметил в произведениях Вергилия поддержку своего политического курса, — был «*poeta laureatus*» Рима. Причем и христианские мыслители позитивно воспринимали творчество Вергилия, ведь в четвертой эклоге содержался намек на приход Мессии — без

сомнения, как им казалось, Иисуса Христа. Ренессанс, выдвинув эпопею на главенствующее место среди литературных видов и жанров, тоже смотрел на Вергилия с удивлением и пietetом. Именно его произведения, а не Гомера, анализируют гуманисты-комментаторы, из «Энеиды», а не из «Одиссеи» или «Илиады» черпают образцы метрики, словесного декора, законы композиции эпического произведения. «Энеиде» подражают ренессансные и барочные поэты, доходя до цитирования общих мест и использования имен Вергилиевых персонажей.

Что касается Гомера, встречаем только две цитаты из его произведений в поэтике Феофана Прокоповича и то в латинских переводах. Размышляя об изысканной инвокации — начале эпического произведения — Прокопович цитирует первые стихи «Одиссеи» в переводе Горация:

Dic mihi, Musa, virum, captae post tempora Troiae
qui mores hominum multorum vidit et urbes
(Прокопович 1961: 389).

Второй раз Феофан цитирует латиноязычную парафразу цитаты из «Одиссеи» („Quod scilicet dixerit solem ex nuntio rescivisse, devoratos esse suos boves a sociis Ulyssis indecore...“ [XII, 374 et seq.]), возможно, заимствованную из трактата Юлия Цезаря Скалигера. Цитата приведена в контексте рекомендаций начинающим поэтам относительно неукоснительного соблюдения принципа стилистического соответствия; здесь же украинский теоретик обосновывает мысль о превосходстве Вергилия перед Гомером (Прокопович 1961: 384).

Кроме того, из древнегреческих авторов встречается и Гесиод; Митрофан Довгалецкий цитирует в своем курсе оба произведения Гесиода: «Теогонию» (два раза) (Довгалецкий 1973: 82, 84) и дидактический эпос «Труды и дни» (1 раз) (Довгалецкий 1973: 84), как вполне авторитетный источник информации по античной мифологии.

Но, несмотря на наличие этих цитат из произведений древнегреческих авторов, авторы нормативных курсов словесности

Киево-Могилянской Академии в первую очередь обращаются к творческому наследию римских авторов (о чем свидетельствует приведенный выше перечень наиболее популярных писателей). Заимствования и цитаты из сочинений Вергилия, Горация, Овидия, а также Марциала, Плавта и Теренция, Сенеки и многих других, которые используют украинские ученые для иллюстрации своих обобщений, можно условно поделить на четыре группы: данные греко-римской мифологии, сведения о жанрах, особенности метрики, а также — и эта группа самая многочисленная — примеры применения словесного декора: стилистической обработки текстов, особенности индивидуального стиля римских авторов. Кроме того, в разных контекстах встречаем еще имена, цитаты из произведений и парафразы высказываний Энния и Тибулла, Клавдиана и Лукреция, Катутла и Плутарха, Квинта Курция Руфа и Тита Ливия и др.

Второй по количеству цитат в курсах красноречия Киево-Могилянской Академии — Квинт Гораций Флакк. И не удивительно, ведь вторым по значению литературным трактатом, в котором разрабатывались проблемы в первую очередь поэтического языка, сюжетопостроения и стилистики, было «Послание к Пизонам» Горация — произведение в форме письма, названное Фабием Квинтилианом «*De arte poetica*» («О поэтическом творчестве»). В этом произведении поэт-теоретик высказывает много практических советов и теоретических обобщений, которые касаются изображения характеров, развития сюжета, специфики метрических структур. Особое внимание Гораций обращает на связь авторской индивидуальности и произведения, которое «должно вырастать из души поэта»: «*si vis me flere, dolendum est/ primum ipsi tibi...*» [«Послание к Пизонам», 102–103]. Кроме того, он настаивает на необходимости тесной связи между «*ars*» (искусство, технические, формальные навыки) и «*ingenium*» (талант).

Кроме того, Гораций всю свою жизнь стремился достигнуть совершенства в формальной сфере, что сближает его с эллинистической поэзией. Он придал законченную форму поэтическим жанрам, которые заимствовал из греческой литературы.

Очень разнообразна стилистическая палитра поэта: от возвышенной молитвы и до разговорных интонаций. Нотки патриотизма и собственная, неповторимая мировоззренческая система воплотились в своеобразном звучании его произведений. Несмотря на многочисленные заимствования достижений греческой литературы, Гораций — творец новой римской поэзии. Современники высоко ценили его творчество. Гораций был известным и в Средние века, но преимущественно как автор сатир. Петрарка открыл его оды и с того времени его литературное наследие станет для новой Европы репрезентацией античной лирики. Его творчеству подражают новолатинские авторы, а «Послание к Пизонам» на несколько столетий стало теоретико-практическим каноном поэзии. Под его влиянием развиваются лирические жанры новоевропейских национальных литератур.

Несмотря на большую популярность Публия Овидия Назона, его произведения в меньшей мере использованы в украинских дидактических пособиях. Это можно объяснить тем фактом, что преподаватели Киево-Могилянской Академии, преимущественно духовные особы, предвзято смотрели на наследство античных авторов, которые не были христианами. Очевидно, причину этой предвзятости можно видеть и в специфике тем, свойственных «певцу любви», «Метаморфозы» которого считались «библией язычества», и в особенностях его поэтического языка: богов он описывал с юмором, а сюжеты любовной тематики излагал с долей цинизма. Феофан Прокопович критикует Овидия в своем курсе поэтики наряду с Плавтом, Катуллом и Марциалом за «очень непристойные произведения» (Прокопович 1961: 342). Правда, в другом месте, в разделе «О пристойном», оценка Феофана иная:

«Овидий талантом равный Марону, он уступает ему в отношении вкуса, но все-таки всегда придерживается чувства меры» (Прокопович 1961: 427).

В курсе риторики Феофан так оценивает поэтическое мастерство римского поэта:

«Овидий, если бы столь не увлекался талантом, был бы равным Марону, и многие даже считают, что его надо ставить на второе место после Вергилия» (Прокопович 1979: 157)⁶.

Эта цитата свидетельствует о старании авторов курсов поэтики и риторики оценить и разместить в определенной иерархии наследие античных авторов.

3

Отношение к литературному творчеству было вовсе не такой простой проблемой, как может казаться. Исходя из риторической доктрины и законов поэтики, создание литературного произведения выглядело скорее трудом искусного ремесленника, нежели спонтанным творческим актом. В связи с этим знание латинского языка, риторических канонов, клише жанровых форм — особенно в области эпистолярных жанров, этикетного стихосложения — было мотивированным для питомцев различных школ, академий и университетов, не только потому, что давало возможность сделать бюрократическую карьеру, но и потому, что давало необходимые навыки для литературного труда. Вместе с тем для развития «чистой» науки и для культивирования литературного процесса жизненно необходимым был и некий пиетет к объекту творчества. Как раз это — изменение отношения к литературному творчеству — стало в свое время главной заботой ренессансных гуманистов и, уловив этот нюанс, большинство авторов киевских поэтик и риторик начинают свое изложение от «реабилитации» литературного творчества как самостоятельного и своеобразного искусства.

Это достигалось посредством «мотивации древностью» и «философской мотивации». Под «мотивацией древностью»

⁶ Здесь и далее в случае украиноязычного издания или отсутствия перевода приводим цитаты в своем переводе на русский язык.

авторы киевских поэтик и риторик понимали теорию происхождения литературного творчества (поэзии) и соответственные высказывания античных авторов, что само по себе и было такой мотивацией. Понятно, что такая мотивация коренилась в практике цитирования Священного Писания как авторитетного — Боговдохновенного — источника; ренессансные гуманисты расширили эту практику и на произведения античных авторов. Это, в свою очередь, понудило ввести в нормативные курсы материал о проблеме соответствия.

Излагая свои взгляды на проблему происхождения поэтического творчества, Феофан Прокопович упоминает имена мифических поэтов Мусея и Орфея, которые творили еще до Гомера. Он указывает, что почерпнул эту информацию из «Энеиды» [VII, 661–662] (Прокопович 1961: 339). В том же контексте, говоря о природе поэтического творчества, он еще раз цитирует «Энеиду» [VII, 645] (Прокопович 1961: 341), считая, что здесь римский поэт выражает свое убеждение относительно способности муз инспирировать мнемонические задатки людей. Еще двумя цитатами из «Энеиды» Прокопович подтверждает свои парафразы высказываний Платона и Плутарха относительно природы поэтического творчества (Прокопович 1961: 340–341).

Заметим, что, невзирая на авторитет античных источников в системе ренессансной поэтики и риторики, украинские теоретики довольно своеобразно воспринимали информацию из области античной мифологии. Конкретные имена античных божеств и муз являются для них выражением категорий, присущих Богу. В частности, Прокопович пишет, что взгляд на поэтическое искусство как на порождение природных талантов человека — частицы природы — присущ всем древним поэтам, которые считали Юпитера отцом муз <т. е. поэзии. — М. Т.>, а Мнемозину — матерью. Далее он разъясняет свою мысль: таким способом античные поэты хотели доказать, что музы происходят от «творца природы». Это пример специфически барочного способа мышления: антропоцентризм ренессансных гуманистов сосуществует с христианским мировоззрением

авторов украинских поэтик. Проанализированное изложение Феофана — расширенная парафраза упомянутого стиха Вергилия («Энеида», VII, 645).

Подобным образом поступает и Митрофан Довгалеvский, однако он обращается к другим источникам: говоря об Юпитере, он цитирует «Буколики» (III эклога, 60) (Довгалеvский 1973: 82). Информация о Талии заимствована из «Буколик», VI, 2, информация о Полигимнии из сочинения «Цирис», 55, и лишь о Юноне — из «Энеиды» (I, 17; I, 46; IV, 166). А вот стихи, повествующие о Терпсихоре и Мельпомене, приписаны Вергилию ошибочно (Довгалеvский 1973: 82–83). Это свидетельствует о высоком авторитете римского эпика в глазах украинских теоретиков. Обращение же двух киевских авторов к разным произведениям римского поэта в процессе изложения аналогичного вопроса (несмотря на существующее представление о том, что Митрофан Довгалеvский использовал «Три книги о поэтическом творчестве» при написании своего курса) может быть доказательством того, что каждый из преподавателей Киево-Могилянской Академии использовал свой собственный опыт знакомства с античной литературой.

Содержание курсов поэтики и риторики отображает особую иерархию понятий, которые были присущи украинским теоретикам: поэзия считалась продуктом духовной деятельности человека, что соответствует воззрениям гуманистов. С другой стороны, украинские ученые XVII–XVIII веков считали и самого человека и поэтическое творчество — порождение человеческих возможностей, талантов — результатом Божественного творения.

Несмотря на критические замечания профессоров Киево-Могилянской Академии в адрес Овидия, они активно используют текст «Метаморфоз», черпая из «библии язычества» информацию о персоналиях греко-римского пантеона. Феофан с этой целью обращается к пятой книге «Метаморфоз», Митрофан же — к «Фастам» (характеристика Урании заимствована из пятой книги [V, 55–56], описание Геликона — из шестой [VI, 193]).

Другим очень важным для постренессансной литературы был вопрос о предназначении поэзии. В каждом из курсов встречаем во введении или в отдельных главах, специально отведенных для этой темы, классическую дефиницию целей и задач поэзии из «Послания к Пизонам»:

«Aut prodesse volunt aut delectare poetae/ aut simul et iucunda et idonea dicere vitae» [«Послание к Пизонам», 333–334].

Насколько известным было это изречение, свидетельствует тот факт, что никто из украинских авторов не приводит ссылки на заимствованный источник. В интерпретации Феофана Прокоповича это положение звучит таким образом: «Поэт возьмет для разработки то, что может принести пользу в человеческой жизни и будет стремиться таким способом вести изложение, чтобы доставить читателю наслаждение» (Прокопович 1961: 347). Авторы поэтики «Fons Castalius...» (Fons Castalius 1685: 46) убеждены, что предназначение поэзии — «учить, воодушевлять и развлекать посредством подражания человеческим действиям и сочинения стихов». Но украинские теоретики не ограничиваются классической триадой «учить, волновать и развлекать»; чтобы во всей полноте выразить свое понимание проблемы, они обращаются к авторитету «Поэтики» Аристотеля в поисках необходимого смысла. Митрофан Довгалецкий, повторяя вслед за Феофаном Прокоповичем, что «предназначение поэзии <...> бывает трех видов — учить, волновать и развлекать», настаивает на том, что главным заданием литературного творчества все-таки является «польза и исправление обычаев» (Довгалецкий 1973: 41), упоминая при этом имя Аристотеля⁷. Он продолжает изложение своей мысли: «Волнует поэт в том случае, когда поэтическим языком склоняет души слушателей <...> к разным чувствам, к полезным

⁷ Аристотель о воспитательной роле поэзии говорит в «Поэтике», в разделе VI [1449b-1450a], а также в разделе XVI [1453a-1454b].

и почтенным действиям» (Довгалевський 1973: 41). Именно такое понимание предназначения поэзии высказано и авторами первого дошедшего к нам курса Киево-Могилянской Академии «*Liber artis poeticae*» (1637). Хотя вступительные главы в сохраненном экземпляре изложены очень лаконично⁸, можно считать, что в нем излагается убеждение в том, что «благодаря поэтам смертные учатся всевозможному добру» (Крекотень 1981: 126). Изложение начинается риторическим вопросом «Что может быть благороднее поэзии?» Подразумевающийся ответ мотивирован следующим образом: «Ведь поэты — это толкователи слов и помыслов Бога, они раскрывают их сущность, учат людей священнодействию и богопоклонению...» (Крекотень 1981: 126). Интересно также, что тезис о предназначении поэзии «воодушевлять» Митрофан Довгалевский иллюстрирует панегириком своего авторства, посвященным Рафаилу Заборовскому. Именно в этом контексте Феофан Прокопович не удерживается от критики в адрес некоторых античных авторов. Приводя процитированное двустишие Горация, Прокопович использует возможность для обоснования своей позиции относительно Плавта, Катулла, Овидия, Марциала, которые погрешили против искусства, ибо «в своих нечистых писаниях осквернили поэзию и навредили моральности людей» (Прокопович 1961: 342). Феофан имеет в виду «непристойные» стихи на любовные темы, которые вышли из-под пера названных поэтов и были популярными на протяжении многих эпох.

Напрашивается следующий вывод. Аристотель разрабатывал эстетические проблемы оригинальной по форме и содержанию древнегреческой литературы. Гораций, одним из источников дидактического послания которого была «Поэтика» Аристотеля⁹,

⁸ Оригинальный текст этого курса считается утраченным. Публикация поэтики (Крекотень 1981) основывается на копии, сделанной 1910 г. О. С. Грузинским, поэтому не известно, имеем ли мы полный текст.

⁹ Один из переводчиков «Поэтики» Аристотеля на украинский язык Иосип Кобив считал, что Гораций не был знаком с поэтикой

изложил свой опыт, исходя из потребностей римской литературы. Поэтика Горация более прикладная, чем теоретико-литературная работа Аристотеля. Гуманисты, обратившись к наследию античности, заимствовали римский вариант теории и практики, который был им ближе и хронологически и духовно. Но они прекрасно понимали разницу между двумя течениями традиции, которую мы воспринимаем как единое целое — римским и древнегреческим. Украинские же теоретики, действуя в рамках гуманистической филологической традиции ренессанса, используют для своих разработок опыт и античности, и ренессансной филологии, но стремятся выработать собственную теорию, исходя из понимая местной традиции развития литературы, из особенностей местного самосознания и из развития и собственной культуры.

С вопросом происхождения поэзии тесно связана также проблема соотношения «ars» — «искусства стихотворного» и «ingenium» — таланта. Об этом речь уже заходила, но вернемся к этой проблеме вновь, чтобы рассмотреть ее подробнее и несколько в другом ракурсе. Прежде всего заметим, что этот вопрос был принципиальным в контексте «реабилитации» поэтического творчества как вида искусства. Выше уже упоминалось о понимании сущности поэтического творчества, изложенном в первом известном нам курсе Киево-Могилянской Академии «Liber artis poeticae»: «Ведь поэты — это толкователи слов и помыслов Бога, они раскрывают их сущность, учат людей священнодействию и богопоклонению...». Такое утверждение перекликается с воззрениями Платона. Он считал, что источником поэтического творчества является некая одержимость, безумство, а поэты схожи с пророками и творят согласно с божественной волей. В диалоге «Ион» читаем: «Поэт — существо легкое, крылатое и священное, он может творить лишь в том

Аристотеля: (1976: 31). Другие исследователи придерживаются иного взгляда (Słownik 1982: 248).

случае, когда становится вдохновенным и одержимым и, не проявляя [признаков] разума; до тех пор, пока у человека есть этот дар [разум], он не способен к творчеству и прорицанию». Аристотель же считал, что поэтическое творчество, скорее, дело таланта, нежели вдохновения¹⁰. Он полагал, что поэт должен сам переживать те события, которые намерен отобразить в произведении. Такие же взгляды на процесс поэтического творчества высказал в «Послании к Пизонам» и Гораций¹¹. Оба они — и Аристотель и Гораций — были убеждены, что талантливые поэты, которые способны перевоплощаться, вживаться в образ своего героя, лучше отобразят действительность, нежели вдохновенные, которые способны только к экзальтации.

Феофан Прокопович считал, что поэтическое творчество зиждется на таланте, но употребляет термин «одержимость»:

«Душу охватывает некое неистовство, которое и является зародышем поэтического замысла» (Прокопович 1961: 340).

Это утверждение он конкретизирует в разделе, посвященном обоснованию необходимости овладения поэтическим мастерством:

«По старинному взгляду, некое божественное и небесное вдохновение понуждает поэтов писать стихи и обычно принято даже говорить, что поэтом надо родиться, оратором же можно стать» (Прокопович 1961: 345).

Это отчетливая парафраза высказывания Цицерона из «Речи в защиту поэта Архия» (8, 18). Цицерон утверждает:

«Ведь мы узнали от выдающихся и образованнейших людей, что занятия другими предметами основываются на изучении, на наставлениях и на науке; поэт же обладает своей мощью от

¹⁰ Аристотель. «Поэтика», 1455а.

¹¹ «Послание к Пизонам», 66, а также 102–103.

природы, он возбуждается силами своего ума и как бы исполняется божественного духа»¹².

Соответственно поэтическое творчество представляется Феофану неотъемлемым качеством человека:

«Чувство человеческое в образе любви было первым творцом поэзии» (Прокопович 1961: 340).

Аналогичной позиции придерживается Митрофан Довгалевский. «Поэзия — божественное дело <...> которое, как некий бог, кует в людских душах переменчивые субстанции явлений» (Довгалевский 1973: 37). Но, говоря о возникновении поэтического искусства, Митрофан, как и Феофан, выражает несколько иной взгляд: поэзию, как и другие искусства и науки, «было изобретено чудесным гением и разумом людей» (Довгалевский 1973: 36).

Разные взгляды на процесс поэтического творчества можно объяснить разными критериями оценки художественного произведения. Платон учитывает два момента: соотношение искусства и личности (творец или реципиент), и соотношение реальности искусства и действительности; действительность же он понимает как универсальное, абсолютное знание. Человек способен выразить универсальную взаимосвязь мироздания лишь с «божественной помощью». Аристотель и Гораций, исходя из понимания своеобразия художественного отображения действительности, очень важным считают критерий правдоподобности.

Ренессансные поэтики, а вслед за ними и поэтики украинские рассматривают главные принципы литературного творчества в духе Аристотелевской теории, однако с целью воспитать в потенциальном авторе чувство творческого созидания,

¹² Приводим в переводе В. О. Горенштейна. Цит. по: Цицерон 1962.

пиетет к самому процессу творчества, используют и концепцию Платона. Этот синтез двух разных концепций античности в сочетании с идеей Божественного происхождения поэтического творчества и есть «философская мотивация» самостоятельности поэзии как вида искусства. Вместе с тем это был удачный педагогический прием, который внушал неотернику чувство необходимости овладения «ars» — всей суммой генологической информации. На необходимости овладения поэтическим мастерством как дополнения к природным данным, таланту настаивали многие античные теоретики, но, кажется, окончательно этот постулат сформулировал Гораций. Об этом может свидетельствовать хотя бы тот факт, что в соответствующих главах все без исключения киевские курсы словесности цитируют 408–411 стихи из «Послания Пизонам»: «...ego nec studium sine divite vena nec rude quid prosit video ingenium; alterius sic altera poscit opem res et coniurat amice».

Решая вопрос о соотношении таланта и мастерства в пользу таланта, но настаивая на необходимости овладения стихотворным мастерством, педагоги Киево-Могилянской Академии пытаются привить студентам мотивацию к углубленному изучению литературного наследства античных авторов, которые позиционировались как «классические» — достойные подражания. Вместе с тем ученые Академии ставили перед собой разные задачи. Одни, как, например, Митрофан Довгалецкий, утверждали, что прилежное изучение античных текстов способствует лучшему овладению латинским языком. Об этом свидетельствуют высказывания, помещенные в главе его курса «О пользе поэзии». Он пишет: «Польза поэзии состоит в том, что поэт, слушатель и читатель с ее помощью познают латинский язык <...> Во-вторых, благодаря поэзии читатель изучает латинский язык, когда учится узнавать омонимические слова <...> В-третьих, благодаря поэзии слушатель познает латинский язык, когда узнает о происхождении и значениях слов <...> В-четвертых, благодаря поэзии оратор хорошо усваивает

латинский язык, когда изучает свойства частей речи...» (Довгалевский 1973: 43–44). Понятно, что киевские профессора, подобные Довгалевскому, видели свое призвание в первую очередь в том, чтобы их студенты овладели латинским языком — средством науки и международного общения. Цель же курса Феофана Прокоповича, как нам кажется, была несколько иной: он стремился привить питомцам понимание направления развития литературного процесса своего времени и новые взгляды на задания и цель литературного творчества, сформировать в своих питомцах художественное сознание нового типа, учредить в Украине новое понимание литературы собственно как изящной литературы. Возможно, это уже было «программой максимум» поэтики и риторики.

4

О понимании литературы именно как изящной словесности свидетельствует и большинство примеров — образцов «школьных упражнений», включенных в украинские курсы, которые приводятся с целью показать возможные варианты интерпретации известных тем и сюжетов. Это уже «практическая» часть курсов поэтики (в литературоведческой терминологии — «прикладная поэтика», в противовес «общей поэтике») и риторики, где в первую очередь излагается генологическая теория — информация о видах и различных жанрах поэтических произведений. Теоретическим основанием для изложения этого материала послужили высказывания Аристотеля в его «Поэтике», где разграничены понятие литературы как вообще зафиксированного на письме текста и собственно литературное произведение, прозаическое либо стихотворное, но художественное по своей сути. Разные курсы по-разному излагают эти категории: одни вскользь, разбрасывая Аристотелевские высказывания или парафразы его утверждений по тексту в соответствующих местах, другие — как Феофан Прокопович — в конкретных главах, рассматривающих жанрово-видовую систему литературных произведений.

Надо заметить, что упомянутая система так и не была окончательно выработана на протяжении XVII века; причиной этого оказалось отсутствие единых критериев деления произведений на роды и жанры: разные теоретики делили совокупность литературных сочинений то согласно «материи», то согласно форме, то согласно стилю и др.

В «Liber artis poeticae...» (Крекотень 1981: 127–128) видим такой перечень родов литературных произведений: эпопея, комедия, трагедокомедия, трагедия, буколический, элегический, лирический, ямбический, сатирический роды, эпиграммы. В поэтике «Fons Castalius...» (1685) — шесть родов: героический, элегийный, сатирический, комический, буколический, земледельческий (Fons Castalius 1685: 47). Феофан Прокопович не излагает этого вопроса в своем курсе, но, разъясняя во вступлении порядок подачи материала, различает «более важные и величественные» произведения — героические и трагические, а также «меньшие размером, которые несравненно слабее указанных, как то оды, гимны, дифирамбы и вся лирическая поэзия со своими сродными видами: эпиграммами, эпифагиями, элегиями, буколическими эклогами и под.» (Прокопович 1961: 337). Митрофан Довгалецкий в своем курсе «Сад поэтический» вычленяет такие роды: эпопея, трагедия, комедия, земледельческая, буколическая, сатирическая, элегическая, лирическая и эпиграмматическая поэзия. В этом же курсе видим и другие возможные варианты систематизации литературных произведений: демонстративная, совещательная, судебная — согласно предмету (тут теоретик применил критерии, заимствованные из риторики); совершенная (где присутствует поэтический вымысел) и несовершенная (где вымысел отсутствует); природная поэзия и соответственно искусственная; кроме того, церковная, смешанная и светская (Довгалецкий 1973: 45–46, 172).

Подытоживая изложенное, можно сказать, что киевские теоретики, излагая жанровую теорию, осуществили интересную творческую компиляцию, которая не выходила — ибо

и не имела возможности выйти — за рамки гуманистических воззрений о поэзии, а также за рамки ренессансной доктрины о видах и жанрах литературных произведений. Главным источником литературной теории для украинских поэтик был учебник Якова Понтана, отдельные постулаты заимствованы из сочинений Юлия Цезаря Скалигера и Иеронима Виды, но видим также и материал, заимствованный из «Прогимнасмат» Афтония Софиста, ритора IV в. из Антиохи, который составляет значительную часть «Трех книг о поэтическом искусстве» Феофана Прокоповича. При этом украинские теоретики стремились и обновить содержание своих курсов, ввести в изложение собственные взгляды, выводы или хотя бы примеры риторических фигур, описаний, метрических клише. Самым распространенным случаем «обогащения» ренессансной теории была «дифференциация» понятий и категорий поэтики на многочисленные виды и подвиды и присвоение им названий.

Описывая каждый жанр, авторы курсов словесности Киево-Могилянской Академии начинают изложение с разъяснения этимологии названия каждой жанровой формы, следуя способу, принятому еще со времен Аристотеля. Затем идет описание тем, которые принято излагать в форме конкретного жанра и присущие ему метрические клише. Метрическим вопросам отведено довольно много места. Для демонстрации возможных вариантов построения стихотворной строки приводится множество примеров из произведений античных авторов. Отдельно рассматриваются примеры «качественных» стихотворных строк и параллельно — стихов, где тот или иной автор, по мнению киевских профессоров, допустил ошибки.

Учитывая, что курсы словесности Киево-Могилянской Академии не были «чисто теоретическими» трактатами, а предназначались для дидактических целей, мы повсеместно в контексте описания особенностей произведений различных жанров встретим массу советов студентам читать произведения античных авторов. В этом контексте становится понятным пристальное внимание авторов курсов к степени совершенства

конкретных произведений разных авторов и стремление разместить и самих авторов и созданные ими произведения в определенной иерархии. Цель этой, казалось бы, «игры в бисер» в самом деле была очень прагматичной: знакомясь с совершенными текстами «классических» — достойных подражания — образцов изящной словесности, которые входили в канон выработанной столетиями системы, любой изучающий латинский язык мог совершенствовать свое знание. Были образцы отдельного жанра (об этом уже шла речь в начале нашего изложения), как, например «Энеида» Вергилия, «Метаморфозы» Овидия, «Фарсалии» Лукана, были авторы, все литературное наследство которых могло служить образцом стихосложения либо риторического или ораторского таланта, как, например, тот же Вергилий, Гораций или даже Марциал, произведения которого, невзирая на критические оценки, а иногда даже и резкую критику, Феофан Прокопович советует студентам пристально изучать с целью освоить искусство написания изящных эпиграмм.

В качестве примечательного примера несовершенства стихотворной строки все авторы киевских курсов считают окончание гекзаметра шестисложным словом, как это встречается у Горация (сатира II, 3, 79): «*Quisvis luxuria tristive superstitione...*». Иногда авторы разных курсов высказывают контroversийные взгляды относительно того же материала, а иногда полемизируют со своими предшественниками. Так, Феофан критикует Сервия Мавра Гонората, римского грамматика конца IV в., автора комментариев к произведениям Вергилия за то, что Сервий считал случаи окончания гекзаметра одно- или многосложным (более трех слогов) словом следствием недостаточной обработки произведения. Феофан приводит 139-й стих из «Послания к Пизонам» Горация и еще три случая из «Энеиды» (I, 105; II, 249 и V, 481) как образцы мастерского написания стихов. Цитата из произведения Горация звучит: «*Partuerint montes, nascetur ridiculus mus*» — «Горы тужатся, а рождается смешная мышь». Прокопович убежден, что в этом случае окончание стиха односложным словом внушает реципиенту впечатление

уменьшения, чего и добивается поэт. В защиту своей позиции Феофан ссылается на курс Юлия Цезаря Скалигера, который также считает этот стих удачной находкой Горация (Прокопович 1961: 399). В этом контексте украинский теоретик обращает внимание студентов, что такие случаи завершения речевого периода конструктивны и в риторической практике, когда надо выразить некое психологическое состояние человека, как то гнев, раздражение и под. Совет Прокоповича, как видно из текста его курса, основывается на пристальном изучении риторической практики:

«Раскройте хотя бы речи Демосфена и вы там найдете сколько угодно подобных примеров! Измените ритмику речи — и трудно будет найти что-нибудь более бесформное» (Прокопович 1961: 399).

Красноречивый пример тесного переплетения в курсах поэтики стихотворного и ораторского, риторического опыта.

5

Что касается собственно эстетического плана художественного творчества, то особенно важными были те главы курсов словесности, где излагались элементы стилистической теории. В системе школьного образования дисциплины поэтики и риторики были окончанием базового курса; после них следовали года философского и — высшая степень — богословского обучения. В массе своей студенты довольствовались как раз базовым уровнем, то была обязательная программа, без которой человек Раннего Нового Времени не чувствовал себя образованным. Для получения же этого образования надо было, как уже упоминалось выше, читать произведения античных авторов, а, кроме того, пытаться писать произведения, подражая стилю кого-то из признанных в своем жанре авторов. Эти «школьные упражнения», как ни странно, временами являют нам полноценные образцы литературного творчества.

В «Трех книгах о поэтическом творчестве» Феофан Прокопович немало места отводит для характеристики возможных упражнений. Эти упражнения, по свидетельству самого автора поэтики, заимствованы из «Прогимнасмат» Афтония Софиста, о чем уже упоминалось выше. Этот материал составляет значительную часть поэтики Прокоповича — с 359 по 385 страницы печатной версии 1961 г. Феофан заимствует только описание упражнений, самостоятельно добывая иллюстративный материал и дополняя рекомендации Афтония собственными выводами и советами начинающим авторам. В этом контексте он рекомендует студентам придерживаться четырех принципов, которые способствуют улучшению изложения своих мыслей. Три из них заимствованы из трактата Фабия Квинтилиана, четвертый — из «Послания к Пизонам» Горация (Прокопович 1961: 349–350). Речь идет о выборе автором темы сочинения. Заметим, что эта — Гораціанская — рекомендация отсутствует в учебнике Якова Понтана. Акцентируя проблему выбора темы, педагог, как нам кажется, с самого начала настраивает студентов на культивирование собственно украинского литературного процесса, а не на подражание — «рабское копирование» — характерных для античных авторов сюжетов.

Один из основных моментов, на котором акцентируется внимание педагогом — научиться достигать ясности и лаконизма, краткости изложения. Возможно, эта проблема была актуальной во время доминирования в Украине стиля барокко, для которого характерно чрезвычайно пространное, гипертрофированно многоречивое изложение, щедро декорированное многочисленными амплификациями, сравнениями, антитезами и криптоцитатами. Речь об осторожном использовании риторического декора Прокопович ведет преимущественно на материале «описания» (Прокопович 1961: 359 и далее). Как именно надо описывать тот или иной предмет, явление, состояние человека, чтобы добиться максимального влияния на реципиента, автор поэтики иллюстрирует многочисленными цитатами, преимущественно из «Энеиды» Вергилия и «Метаморфоз»

Овидия; они занимают всю седьмую главу первой книги курса (Прокопович 1961: 363–368).

Важной разновидностью ученических упражнений в риториках и поэтиках была басня. Жанр басни имеет давнюю традицию в украинском и вообще восточнославянском литературном процессе, а в XVII–XVIII веках получил особую популярность; широкое распространение этот жанр имел и в последующие века. Нужно отметить, что в теории литературы XVII–XVIII веков термин «басня» обозначал не только определенную жанровую форму, но и был синонимом латинского «fabula» — сюжет. Высказывания авторов разных курсов словесности свидетельствуют собственно о становлении понимания этого термина как обозначения конкретного жанра. Риторическая доктрина античности и средневековья считала басню не самостоятельным жанром, а риторическим приемом, с помощью которого вводился соответствующий тезис. Поэтому материал о басне рассматривался преимущественно в курсах риторики. Лишь новые литературы, как утверждает В. Крекотень, начинают осознавать басню в качестве самостоятельного жанра (Крекотень 1963: 9). Курс Феофана Прокоповича демонстрирует этот дуализм отношения к басне: он заимствует материал о «басне-фабуле» из «Прогимнасмат» Афтония, помещает этот материал в главе, где рассматриваются различные виды упражнений и трактует ее собственно как упражнение, но в той же главе видим попытку сформулировать основные параметры басни как жанра.

Иллюстрируя свои дидактические и теоретические рекомендации, Феофан воспользовался излюбленным приемом лекторов курса словесности: приводит басню (fabula) о сельской и городской мышах в изложении Горация (138 стихов) и свою версию обработки этой фабулы (22 стиха). Вариант Горация (сатира II, 6, 80–117) больше объемом за счет речей действующих лиц, описи персонажей; басня Прокоповича написана, как утверждает он сам, «стилем Эзопа» — «в виде простого повествования» (в стихотворном виде) (Прокопович 1961: 380).

Интересен тот факт, что Прокопович не использует готовых оригинальных латиноязычных сочинений, а пишет свою версию, придерживаясь параметров ренессансного подражания. Таким образом он демонстрирует студентам возможности интерпретации фабулы, сюжета. Сравнивая оба варианта — Горация и Прокоповича — можно усматривать намерение педагога внушить питомцам мысль о свободе поэтического творчества и о свободе интерпретации темы в зависимости от цели написания произведения. Во всяком случае, Феофан акцентирует то, что главным аспектом творчества является не выбор темы самой по себе, а способы ее трактовки.

Многочисленные примеры обработки сюжетов античных авторов, которые помещены в курсах словесности Киево-Могилянской Академии, свидетельствуют, что украинские теоретики были сторонниками стиля барокко. Зачастую античные сюжеты в их интерпретации получают христианскую окраску, в большинстве случаев авторы сохраняют либо метрическое клише оригинала, наполняя его новым содержанием, либо подают свою интерпретацию сходной темы в иной стихотворной форме. В этом смысле интересным примером является элегия о блаженном Алексии. Анализ произведения и источников парафразы дано в исследовании Д. Л. Либуркина «Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII — первая половина XVIII века» (Либуркин 2000: 63–67). Это парафраза двух элегий Овидия («Тристии», I, 3; I, 4), согласно терминологии Прокоповича — «пародия». Прокопович сохраняет и стихотворные и стилистические особенности оригинала, но использует сюжет о блаженном Алексии.

Заметим также, что собственные сочинения авторов киевских курсов, рекомендованные студентам как образцы обработок сюжета, написаны на актуальные темы украинской истории и культуры. Выше уже упоминалось о панегирике Митрофана Довгалевского, адресованном Рафаилу Заборовскому; кроме описаний Днепра, Киева, а также Рима, эпиграмм «на случай», большинство стихотворений из курса Феофана —

это произведения церковной тематики. Кроме произведений, встречающихся в поэтиках, имеем большой массив латино-, украино-польскоязычных, а также макаронических произведений размером от двоестишия эпиграммы до поэм в несколько сот, а то и тысяч стихотворных строк, авторы которых использовали весь комплекс риторических и собственно поэтических средств выражения. Эти произведения не только являются красноречивыми и выразительными свидетельствами о культуре эпохи, но и средством имплантации в литературный процесс XVII–XVIII веков новых жанров и способов экспликации тем. Выразительный пример: ведь именно «пародией» бурлескной переработкой «Энеиды» Вергилия была «Энеида» Ивана Котляревского, которая по праву считается началом новейшей — современной — украинской литературы. Опыт обогащения литературного процесса указанной эпохи посредством изучения риторики и поэтики а в первую очередь чтения и анализа античных источников значительно повлиял на развитие литературы в последующие эпохи и не только в Украине, но и в других восточнославянских странах.

Вместо выводов к этой главе о роли и значении античной литературы в процессе развития риторик и поэтик, можно констатировать, что эта роль сводится, как минимум, к трем аспектам:

Docere — что мы наблюдаем хотя бы в определении Митрофаном Довгалеvским «пользы поэзии», а шире в «книжном почитании».

Movere — в этом случае можно подразумевать и стремление «реабилитировать» самоценность поэзии как искусства, и введение новых жанров в литературный процесс, и приобщение к великим литературным памятникам прошлого и применение совершенно новых средств выражения для новых чувств, понимание окружающего мира и самосознания человека XVII–XVIII вв.

Delectare — превращение литературы на восточнославянских землях в полноценное искусство — „красне письменство“ — «изящную литературу».

M. Trofymuk. The Role of Ancient Literature in the Formation of the Theory of Literature in Ukraine in the 17th and 18th Centuries (With principle Reference to Literature Courses in the Kyivan Mohyla Academy).

The chapter briefly analyzes the influence of the literary heritage of antiquity on shaping the courses of poetics and rhetoric in the XVII–XVIII centuries and the post-Renaissance theory of literature in the East Slavic lands.

*А. Д. Курилова
(Астраханский государственный
университет)¹*

ELOQUENTIA OFFICIOSA В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКИХ РИТОРИК XVIII ВЕКА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: риторика, рукопись, Россия XVIII века, речь, «любезное красноречие», *eloquentia officiosa*, панегирик.

В главе дается интерпретация особой группы речей, объединяемых понятием «*eloquentia officiosa*», в рукописных риториках XVIII века, созданных в России на латинском языке. Во всех речах этого рода должна была проявляться любезность к кому-либо или его почитание. «Любезное красноречие» рассматривается в контексте других жанров эпидейктической риторики, в частности, панегириков.

Наряду с формированием русской школы риторики в XVIII веке сохранялись и многовековые европейские традиции латинского красноречия. Как правило, учителя риторики в духовных и светских учебных учреждениях составляли собственные рукописные курсы, сочетающие теоретические правила, заимствованные с некоторой адаптацией из классических латинских учебников, с практическими упражнениями и примерами. Авторы российских рукописных руководств на латинском языке не просто повторяли устоявшиеся истины, но и пытались их интерпретировать в соответствии с собственными педагогическими задачами. Анализ различных рукописных риторик на латинском языке, составленных и применявшихся в учебной практике в России XVIII века, позволяет понять, как

¹ Анна Дмитриевна Курилова, канд. филол. наук, доц. кафедры литературы Астраханского государственного университета.

формировались представления о системе речевых жанров в русской риторике этого времени. В разных риторических руководствах выбор и номинация жанров имеет свои особенности.

Наиболее полную классификацию видов красноречия можно отметить в нижегородском курсе лекций по риторике (*Rhetorica* 1766). Античную классификацию автор нижегородской риторики находит устаревшей: «так как сейчас на народных собраниях уже не произносят законченных речей, и в суде (в Германии, во всяком случае) защитники не демонстрируют своего красноречия, а сохранившиеся торжественные панегирики обычно совершенно другого рода, чем древние, вполне ясно, что для трех родов, на которые опирается вся риторика древних, сейчас не осталось другого употребления, кроме как для лучшего понимания и разбора речей древних авторов» (*Rhetorica* 1766: 58об.). Нельзя не обратить внимания на то, что, говоря о современном упадке судебного красноречия, автор делает оговорку: «в Германии, во всяком случае». Это одна из деталей, позволяющих допустить предположение, что автор этой риторики, созданной в России на латинском языке, мог быть немцем. В пользу этого предположения говорит и наличие в тексте немецких сокращений.

Вместе с тем ритор отмечает появление нового рода красноречия: «когда же только в школах остались остатки латинского красноречия, школьные декламации не относились ни к одному из трех родов. Ученые изобрели новый вид речей, который имел отношение не столько к убеждению (*persuadendo*), сколько к поучению (*docendo*) и услаждению (*delectando*), и назвали его схоластическим (*didascalicum, scholasticum*) (*Rhetorica* 1766: 58). В результате автор предлагает следующую классификацию видов красноречия: «итак, в наше время красноречие может иметь схоластическое (или академическое), политическое, церковное или общее употребление (*usus vel scholasticus, vel politicus, vel ecclesiasticus, vel communis*)» (*Rhetorica* 1766: 58об.).

В других риторических рукописных руководствах авторы концентрируются лишь на некоторых, особенно необходимых, по их мнению, речевых жанрах.

Так, вологодский автор «Наставлений по риторике на примерах из латинских авторов» 1764 г. (Наставления 1764) рассматривает отдельные речевые жанры в разделе по расположению. Духовному красноречию в его руководстве отведен специальный раздел. Из светских речевых жанров автор выделяет панегирики и так называемые *orationes officiosae* (любезные или официальные речи).

Вологодский ритор с самого начала считает нужным защитить подобные речи, адресованные, как правило, высокопоставленным лицам, от обвинений в льстивости и раболепии. «Нет недостатка в тех, кто считает недостойным произносить любезные речи перед лицом какой-либо высокопоставленной персоны, и восклицает, что такого обычая никогда не было» (Наставления 1764: 95об.), — сетует он, отмечая недавнее появление традиции любезного красноречия. Он дает следующее определение любезной речи:

«Любезная речь есть та речь, в которой мы проявляем любезность по отношению к покровителям, выдающимся людям, друзьям и другим» (*Oratio officiosa est, qua officium in patronos, viros illustres, amicos et alios implemus*) (Наставления 1764: 95).

Далее автор уточняет, что любезные речи обычно используются, «когда мы поздравляем кого-либо <...> с присуждением высокого звания, с каким-либо большим праздником <...>, когда мы приветствуем гостя, либо, наконец, когда мы воздаем должное благочестивым усопшим, имеющим большие заслуги перед церковью и родиной» (Наставления 1764: 95об.). Таким образом, в пределах *eloquentia officiosa* выделяются поздравительные, приветственные и надгробные речи.

Согласно наставлениям вологодского ритора, «стиль этих речей должен быть цветистым, приятным, заключенным в правильные и слаженные периоды и, насколько возможно,

лаконичным; вся речь должна занимать, самое большее, две страницы» (Наставления 1764: 95об.). Несколько отличные рекомендации даны по написанию надгробных речей, стиль которых должен быть страстным, аффектированным и преисполненным печали; кроме того, надгробные речи могут быть пространнее, чем другие.

Понятие любезного красноречия (*eloquentia officiosa*) используется также и в смоленской риторике М. Базилевича (*Basilevicz* 1756). Мануэль Базилевич трактует «любезное красноречие» (*eloquentiam officiosam*) более широко. К нему он относит поздравительные речи по случаю получения каких-либо наград, принятия духовного сана, дня рождения, Нового года, Рождества Христова и Пасхи, а также речи приветственные, прощальные, просительные, благодарственные, свадебные, надгробные и другие (Базилевич 1756: 68об.). Интерес авторов разных риторических сочинений именно к этим речам ясно говорит о том, что этот вид речей более всего мог использоваться на практике.

Очевидно, что интерпретация понятия *eloquentia officiosa* требует уточнения. В дословном переводе с латинского это означает «любезное красноречие». Такое понимание латинского термина и позволило М. Базилевичу объединить в одну группу, например, поздравительные речи и прошения. Ведь, согласно его определению, во всех речах этого рода «выражена любезность по отношению к другому человеку или его почитание» (*exhibetur alteri personae officiositas aut honor*) (Базилевич 1756: 68об.). Интересно, что автор вологодской риторики не относит прошения к «любезному красноречию», а рассматривает их в главе по написанию писем, что вполне обоснованно.

М. Базилевич обстоятельно останавливается на том, как необходимо составлять «любезные речи». Так, всякое поздравление, согласно автору риторического руководства, строится по одинаковой схеме и включает такие части, как рассуждение, похвала и пожелание. Например, в речи по случаю Нового года

ритор рекомендует: 1) привести какое-либо рассуждение о начале нового года, например, рассказ о том, как счастливо прошел предыдущий год, и выражение надежды на то, что счастливые предзнаменования сбудутся в наступающем году и во многих последующих; 2) вознести похвалу тому, кому адресовано поздравление; 3) собрать должные пожелания и молитвы о том, чтобы всё сказанное сбылось (Базилевич 1756: 71об.).

В речи по случаю рождения ребенка автор риторического руководства считает необходимым сначала сказать о радости родителей и раскрыть причины этой радости. Похвала в подобной речи обычно касается самого младенца, ритор советует сказать о его красоте и здоровье и порассуждать о том, какими добродетелями он будет наделен в будущем. В конце речи необходимо выразить пожелание того, чтобы Бог исполнил сказанное в речи (Базилевич 1756: 68об.).

Поздравительную рождественскую речь М. Базилевич советует начать с изображения всеобщей радости и ликования всего мира. Для этого, по его мнению, хорошо использовать сравнения, сентенции, символы и т. д. Затем необходимо показать любовь новорожденного Христа к человеческому роду и привести рассуждения, что происходит от этой любви сейчас и что последует в будущем. Если поздравление адресовано меценату, нужно упомянуть о его благодеяниях. Безусловно, в такой речи должна присутствовать и молитва (Базилевич 1756: 70об.). Как видим, обязательные элементы поздравительной речи (рассуждение, похвала и пожелание) здесь должны быть выражены с некоторым своеобразием.

Поздравительные речи, как правило, подразумевают ответ виновника торжества, его содержание также регламентировано в риторическом руководстве. Ответ должен состоять из двух частей: «1) чувствуемый умаляет похвалу в свой адрес, говоря, что эта ноша превышает его силы, и ее надо нести более достойным; 2) он обещает всеми силами стараться оправдать пожелания, высказанные в поздравлении» (Базилевич 1756: 75об.).

Особым вариантом поздравительных речей являются свадебные речи. Интересно, что пример свадебной речи, произносимой после венчания, в латинской риторике М. Базилевича дается на русском языке. Такое смешение языков характерно не только для этой риторики, в которой нередки русские и польские примеры. В вологодских «Наставлениях...» также образец свадебной речи приводится на русском языке. По-видимому, оба автора были уверены, что на свадьбе речь должна быть произнесена на родном языке. Интересно, что примеры других поздравительных речей в обеих риториках приводятся на латинском языке, что дает основания предполагать, что речи, рассчитанные на образованных адресатов, подобало произносить на латыни.

Приветственные речи, по мнению М. Базилевича, по своему содержанию мало отличаются от поздравительных. Они должны включать: 1) изъявление или выражение радости от прихода того, кого приветствуют; 2) рассуждение о радости, почему радуются из-за прибытия гостя; 3) выражение готовности ко всяческим услугам, пожелания всего доброго, долголетия, счастья, мира, победы, благополучия и т. д. (Базилевич 1756: 76об.). Кроме того, ритор дает советы о том, как лучше начинать речь и как следует ее заканчивать. Так, начать речь рекомендуется с какой-либо сентенции, примера, апофтегмы, символа, сравнения. В заключение может быть помещена просьба к гостю о благосклонном принятии речи либо скромное преуменьшение приветствия, т. е. утверждение, что гость, безусловно, достоин гораздо лучшего.

Не менее важными представляются автору рукописной риторики и речи, содержащие какую-либо просьбу. Он подробно останавливается на их структуре. Итак, подобные речи должны начинаться со вступления, которое может включать либо признание щедрости адресата речи, либо преувеличение его заслуг, либо смирение просящего. Только после этого может следовать сама просьба, подкреплённая доводами. И завершить речь М. Базилевич рекомендует обещанием вечно помнить о благодеянии и заверениями в преданности.

В благодарственных речах должен быть рассказ о благодеянии, при этом ритор советует умалить заслуги получающего и преувеличить милость дающего, выражение благодарности должно быть искренним и униженным (*gratias agas humiles et sinceras*) (Базилевич 1756: 79).

Говоря о каждом виде речей, автор риторического руководства приводит различные подходящие к определенному случаю сентенции и интересные факты (*eruditiones*), которыми можно было бы украсить речь. Таким образом, ритор подготовил своеобразную коллекцию различных полезных цитат и сведений. Например, в параграф о речах по случаю рождения ребенка М. Базилевич включил восемь сентенций (среди них, например: «Для рода человеческого ничего нет прекраснее детей» (Ливий); «Разумный сын — радость отца» (Менандр)) и столько же занимательных сведений, среди которых — истории о рождении Александра Македонского, Перикла, Геракла (Базилевич 1756: 69–69об.). Для использования в речах-прошениях ритор рекомендует, в частности, сентенцию Цицерона «Гораздо прекраснее оставить память о благодеяниях, чем о трофеях» и ряд занимательных фактов, например: «Когда Александра Великого спросили, где он хранит сокровища, он указал на друзей и сказал: “Они — хранилище моей щедрости”», «Император Август больше всего ценил во власти то, что достиг той ступени, на которой можно оказать благодеяние всем» (Базилевич 1756: 78об.–79).

«Любезному красноречию» в риторике Базилевича отведено центральное, но не единственное, место среди речевых жанров. В отдельных небольших главах рассматриваются такие жанры, как предисловие, посвящение, панегирик, элогий (краткое стихотворение хвалебного содержания). Однако четкой классификации речевых жанров Базилевич не дает, рассматривая в одном ряду самые разнообразные речевые жанры, некоторые из которых (элогий, посвящение) не могут быть отнесены собственно к ораторским.

Важно отметить, что как в вологодской, так и в смоленской риториках в центре внимания оказываются различные жанры «любезного красноречия» и панегирик. Оба автора не относят традиционный эпидейктический жанр панегирика к «любезному красноречию», разграничивают эти понятия.

Панегирик трактуется вологодским ритором как «торжественная речь во славу какого-либо святого или знаменитого мужа, выполненная возвышенным стилем и произнесенная в блестящем собрании слушателей» (Наставления 1764: 91об.). Панегирические речи ритор считает подходящими для произнесения не только во время гражданских праздников, но также и праздников во славу Богородицы и святых. Что же касается двенадцати основных христианских праздников, там, по мнению автора, панегирики неуместны, а использоваться должны «речи догматические и нравственные» (Наставления 1764: 92). Основных гражданских праздников автор «Наставлений» насчитывает пять: день рождения монарха, именины, день, когда он принял власть, день, когда был помазан на власть и увенчан царским венцом, и день январских Календ (т. е. Новый год), хотя последний праздник называется отчасти гражданским, отчасти церковным.

Для написания панегирика требуются две вещи: история жизни и общие места (топосы, *loci communes*), которые, по мнению вологодского ритора, есть не что иное, как некое нравственное поучение (*doctrina quaedam moralis*) (Наставления 1764: 93об.). Сравнивая способы аргументации в панегириках и прочих речах, автор подчеркивает, что обычно аргументы располагаются в форме силлогизма или энтимемы, но в панегириках отдельные аргументы должны составляться из общего места и самой истории. Историю надо не просто излагать, а амплифицировать, а именно добавлять подходящие политические и моральные суждения, иллюстрировать сказанное различными сравнениями, примерами, свидетельствами, ведь в панегириках, утверждает автор, «не должно быть ничего, кроме блестящего, возвышенного, величественного» (Наставления 1764: 93об.).

Важно, что в качестве примеров панегириков привлекаются наряду с классическими античными образцами также речи российских риторов и прежде всего *illustris Theophani*, т. е. Феофана Прокоповича, которого ритор именует «блистательным Феофаном».

В «Наставлениях...» выделены отдельные разновидности панегириков в аспекте риторического расположения. Так, можно по пунктам описать жизнь какого-либо святого или знаменитого мужа. К таковым пунктам относятся происхождение, родина, родители, рождение, обучение искусствам и законам, духовные дарования (честность, справедливость, храбрость, кротость), телесные дарования (здоровье, красота, сила), дары судьбы, такие, как звания, богатства, власть, друзья. После этого можно рассказать о прекрасных деяниях, великих победах, высоких заслугах перед родиной и церковью. Такое построение панегирика соответствует жанровым принципам античной биографии.

Другой вариант расположения панегирика — перечисление и описание замечательных деяний в порядке их совершения.

Наконец, можно в начале речи изложить какие-либо сведения или правила этического или политического характера, а затем, словно ради иллюстрации, обратиться к личности выдающегося мужа, перейдя таким образом от общего к частному.

Во вступлении и заключении ритор предписывает возбуждать более сильные аффекты, чем может быть уместно в другого рода речах. С этой целью допустимо использование серmocинации, просопопеи, обращений, восклицаний и других эмоционально ярких фигур.

Особое внимание автор «Наставлений...» уделяет стилю панегириков, которому полагается быть «возвышенным, серьезным, острым, иногда страстным» (Наставления 1764: 93об.). Советуя остерегаться тех случаев, когда «заурядная персона возвеличивается высочайшими похвалами или когда достойнейшее лицо унижается неряшливым стилем», ритор приходит к выводу: «чем великолепнее персона, которую мы хвалим,

тем возвышенной и серьезней должен быть стиль» (Наставления 1764: 94). Плоский, сухой и скучный панегирик, лишенный топосов и аффектов, не соответствующий достоинству восхваляемой персоны, даже если и написан в соответствии с правилами, признается недостойным изысканного и блестящего общества.

Столь подробные наставления в написании панегириков, предлагаемые вологодской риторикой, безусловно, свидетельствуют о центральном месте этого жанра среди жанров устной публичной речи в России XVIII века. Не вполне понятной остается причина противопоставления панегирика, или похвальной речи, «любезному красноречию».

A. Kurilova. *Eloquentia officiosa in the interpretation of latin rhetorical books composed in eighteenth-century russia.*

The chapter focuses on a particular group of orations, united by a term of *eloquentia officiosa*, in hand-written Latin rhetorical books composed in eighteenth-century Russia. A courtesy to somebody or a honour of somebody must be manifested in all orations of this kind. “The polite eloquence” is considered in the context of other genres of epideictic rhetoric, in particular, of panegyrics.

**М. В. ЛОМОНОСОВ
И ФОРМИРОВАНИЕ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
В РОССИИ XVIII ВЕКА**

Е. П. Иванова
(СПбГУ)¹
К. В. Дрязгова
(СПбГУ)²

**К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКА
АВТОРА «ГРАММАТИКИ
ФРАНЦУЗСКОЙ
И РУССКОЙ»:
ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК
ТЕКСТА — КСЕНОЛЕКТ
ИЛИ РОДНОЙ ЯЗЫК?»³**

Ключевые слова: атрибуция, французский язык, русская грамматика, типология ошибок, носитель языка, опечатки, грамматические ошибки, ошибки перевода.

В главе изучается французский текст учебного пособия под названием «Grammaire Françoise et Russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce», изданной в 1730 году

в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук. Систематизация ошибок во французском языке, встречающихся в тексте, позволяет выдвинуть предположение о том, что автор грамматики, скорее всего, не являлся носителем французского языка.

¹ Екатерина Павловна Иванова, д-р филол. наук, проф. кафедры романской филологии СПбГУ.

² Ксения Витальевна Дрязгова, магистр лингвистики, кафедра романской филологии СПбГУ.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11-34-00355 «Формирование академической лингвистической традиции» (рук. Н. В. Карева), а также темы НИР СПбГУ № 31.38.99.2012 «Европейское Просвещение и формирование языка гуманитарных наук в России» (рук. К. А. Филиппов).

В первой половине XVIII века в России были созданы первые грамматические справочники и пособия по русскому языку, предназначенные для обучения иностранцев. Появление таких первых опытов грамматического описания русского языка знаменовало собой зарождение новой отечественной лингвистической традиции. Особую роль в этом процессе сыграло создание в 1724 году Санкт-Петербургской Академии наук, а также открытие при ней типографии и библиотеки. Именно там трудились первые русские филологи-переводчики — В. К. Тредиаковский, В. Е. Адодуров, И. С. Горлицкий, М. Шванвиц и другие. Среди русских грамматик первой половины XVIII века необходимо назвать «*Grammatik der russischen Sprache*» И.-Э. Глюка (Glück 1704), «*Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache*» И.-В. Пауса (Михальчи 1969), «*Compendium Grammaticae Russicae*» М. Шванвица, «*Anfangs-Gründe der Russischen Sprache*» В. Е. Адодурова (Unbegaun 1969), а также «*Grammaire Française et Russe*», о которой пойдет речь в настоящей главе.

В 1730 году в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук было напечатано учебное пособие под названием «*Grammaire Française et Russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce*». Грамматика французская и русская нынешняго языка сообщена съ малымъ Леѣикономъ ради удобства сообщества» (64 стр., 8°). Пособие можно назвать двуязычным: грамматика русского языка изложена в нем по-французски, а русским парадигмам именного и глагольного словоизменения даны французские аналоги. Помимо разделов по грамматике и фонетике «*Grammaire Française et Russe*» содержит словарь-справочник, в котором дан список слов, необходимых для быстрого овладения языком.

Поскольку труд был опубликован анонимно, до сих пор не решен вопрос о его авторстве, а также о том, была ли грамматика составлена носителем русского или французского языка⁴.

⁴ В настоящий момент при атрибуции анонимных и псевдонимных произведений успешно применяется метод распознавания

В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800» (СК XVIII в. 3, 486) указано, что автор — Ш. А. Декомбль, а переводчик — И. С. Горлицкий (1690–1777). Позже В. П. Вомперским (1969) была выдвинута идея о том, что И. С. Горлицкий — автор грамматики. Однако в последующих исследованиях было подвергнуто сомнению и это предположение (Власов, Московкин 2007). Вопрос остается открытым, так как в грамматике встречается ряд ошибок, причем как в русском, так и во французском языке, на что впервые обратили внимание С. В. Власов и Л. В. Московкин (2007).

Известны два экземпляра «Grammaire Française et Russe» — один хранится в Санкт-Петербурге в отделе редкой книги Библиотеки Академии наук (шифр 1730/2), другой — в Галле (Universitäts- und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt, Halle an der Saale). Хранящийся в Библиотеке Академии наук экземпляр грамматики и послужил материалом для нашего исследования.

Перед нами стояла задача систематизировать ошибки во французском языке, встречающиеся в тексте «Grammaire Française et Russe». Как мы предполагаем, систематизация ошибок позволит сделать некоторые выводы о том, являлся ли автор грамматики носителем русского или французского языка.

1. Опечатки в тексте «Grammaire Française et Russe»

К разряду опечаток мы отнесли незначительные ошибки, большинство которых, по нашему мнению, было допущено при наборе. Примеры опечаток достаточно многочисленны и могут быть разделены на следующие подкатегории.

образов, разработанный М. А. Марусенко на основе выделения формально-количественных параметров текста (Марусенко 1990). Однако применительно к исследуемому материалу методы математической лингвистики, неоднократно доказавшие свою эффективность на материале известных литературных мистификаций в истории русской и французской литературы, оказываются неприменимыми.

1.1. Диакритические знаки

Этот раздел наиболее богат примерами: опечатки такого рода встречаются практически на каждой странице. Система французской диакритики в «Grammaire Française et Russe» отображена как неустойчивая: имеют место как пропуски акцентов, так и их необоснованное употребление, замены одних диакритических знаков другими. Ограничимся несколькими примерами:

стр. 4. *une espece* вместо *une espèce*

стр. 12 *le prémier* вместо *le premier*

стр. 18 *la grace* вместо *la grâce*.

1.2. Отсутствие пробела

Такие опечатки также были допущены, видимо, по вине наборщика, поэтому не представляют особого интереса.

стр. 18 *voicila* вместо *voici la*

1.3. Наличие лишнего пробела

Противоположный предыдущему — случай допущения лишнего пробела.

стр. 26. *de la quelle* вместо *de laquelle*

à la quelle вместо *à laquelle*

Тем не менее в этом случае едва ли имеют место опечатки, так как орфография французского языка XVIII века в значительной степени отличалась от современной. Все встреченные в «Grammaire Française et Russe» примеры, относящиеся к данной категории, касаются составных форм относительных местоимений, которые структурно состоят из предлога, определенного артикля и вопросительного прилагательного. В XVIII веке допускалось раздельное написание, например, «le quel» вместо современного написания «lequel».

стр. 27. *avec la quelle* вместо *avec laquelle*

avec des quels вместо *avec desquels*

1.4. Пропуск буквы

К этой категории относятся ошибки, которые, вероятнее всего, были допущены при наборе. Так, слово *déclinaison* в «Grammaire Française et Russe» встречается как в правильном написании, так и с пропуском буквы.

стр. 29. *declinison*

стр. 18 *déclinaison*

Намного сложнее определить причину ошибки, если слово встречается в тексте грамматики только один раз, и нет возможности сравнить разные варианты его написания. Например:

стр. 40. *Ognon* вместо *oignon*

В ряде случаев пропущена буква «s», показатель множественного числа:

стр. 61. *Le Apotres* вместо *Les Apôtres* (с переводом «Апостолы»)

стр. 63 *De pomte* вместо *de pommes* (с переводом «яблок»)

стр. 63 *De pipe* вместо *de pipes* (с переводом «трубок»)

Поскольку каждый пример сопровождается переводом на русский язык, правильная форма может быть без труда восстановлена.

Также встречается пропуск буквы в глагольном окончании будущего времени:

стр. 46. *Tu aurs* вместо *tu auras* (с переводом «будешь имѢТЬ»)

Эта глагольная форма встречается один раз, однако формы будущего времени даются также и для других глаголов (*tu seras, tu iras* и т. д.), — следовательно, для случая с глаголом *avoir* можно сделать вывод о допущении ошибки при наборе.

1.5. Добавление лишней буквы

Противоположный предыдущему — случай добавления лишней буквы:

стр. 5. *toutte* вместо *toute*

стр. 63. *Chandellier* вместо *chandelier*

1.6. Перестановка букв

К ошибкам наборщика можно также отнести механическую перестановку букв:

стр. 33. *Jahis* вместо *je hais*

1.7. Замена одной буквы другой

Как и ошибки предыдущей подкатегории, замена одной буквы другой произошла, как мы предполагаем, по вине наборщика.

стр. 31. *Quant* вместо *quand*

стр. 31. *Moscau* вместо *Moscou*

Может показаться, что в слове *plurier*, не раз встречающемся в «Grammaire Française et Russe» (стр. 15, 25, 35), допущена орфографическая ошибка. Однако хотим отметить, что *plurier* — устаревший вариант современного *pluriel*.

2. Грамматические ошибки в тексте

«Grammaire Française et Russe»

Грамматические ошибки — наиболее интересная и значимая категория ошибок. Такие ошибки нельзя отнести к опечаткам, так как их появление в тексте «Grammaire Française et Russe» носит достаточно регулярный характер.

2.1. Настоящее время глаголов

Два глагола (*être*, *aller*) в «Grammaire Française et Russe» имеют в настоящем времени неправильные формы. Например, в качестве формы 2-го лица единственного числа для глагола *être* постоянно употребляется форма *tu est*:

стр. 46. *Tu est* вместо *tu es*

стр. 51. *Tu est alle* вместо *tu es allé*

Что касается глагола *aller*, то здесь имеет место постоянное чередование двух форм: *je vas* и *je vais*.

2.2. Глагольные формы *passé composé*

Современный вид форм *passé composé* установился уже к XVII веку, однако в «Grammaire Française et Russe» выбор

вспомогательного глагола не всегда соответствует грамматической норме. В нескольких случаях вспомогательный глагол *avoir* заменен на *être*, а именно:

стр. 50. *Ils sont peu* вместо *ils ont pu*

стр. 31. *Je suis été* вместо *j'ai été*

Можно было бы предположить, что ошибка была допущена автором грамматики. Тем не менее на стр. 46 приведена полная и верная парадигма спряжения глагола *être*. Таким образом, эту ошибку, вероятнее всего, следует отнести к разряду опечаток.

Наиболее интересным и показательным являются часто встречающееся в грамматике недопустимое для французского языка согласование причастия в прошедшем времени. Современные правила согласования причастия с дополнением устанавливаются примерно в XVI веке и окончательно признаются нормой в XVII веке (Сабанеева, Щерба 1990:154). Согласование причастия с подлежащим в случае спряжения глагола со вспомогательным *avoir* невозможно, однако в «Grammaire Française et Russe» примеров такого рода согласования достаточно много:

стр. 41. *J'ai couronnée* — я венчала

стр. 42. *J'ai lue* — я читала

Tu as lue — ты читала

Elle a lue — читала

стр. 43. *J'ai apprise* — я учила

стр. 45. *J'ai eue* — я имела

Обратим внимание на то, что для русского языка такое согласование вполне естественно и даже обязательно.

Выше были представлены случаи спряжения глагола со вспомогательным глаголом *avoir*. Не менее интересны и формы прошедшего времени для глаголов со вспомогательным глаголом *être*. В противоположность предыдущему случаю, согласование с подлежащим для таких глаголов обязательно, однако в «Grammaire Française et Russe» это правило не соблюдается:

стр. 51. *Tu est allée* — ты шёл, шла

Nous sommes allé вместо *nous sommes allés* (то же на стр. 52)

Vous êtes allé вместо *vous êtes allés*

Ils sont allé вместо *ils sont allés*

Возможно, эта особенность связана с тем, что для краткости в «Grammaire Française et Russe» формы мужского и женского рода даются иногда вместе:

стр. 51. *Tu est allée* — ты шёл, шла

2.3. Местоименные глаголы

В «Grammaire Française et Russe» нами были обнаружены нерегулярные формы повелительного наклонения от некоторых глаголов. Во французском языке при образовании повелительного наклонения опускается местоимение-подлежащее. У местоименных глаголов в этом случае сохраняется возвратное местоимение. Однако в исследуемом тексте встречаются местоименные формы от неместоименных глаголов:

стр. 43. *Lis-toy* вместо *lis*

Lises-vous вместо *lisez*

стр. 44. *Apprends-toy* вместо *apprends*

стр. 45. *Aime-vous* вместо *aimez*

стр. 53. *Rendés-vous* вместо *rendez*

стр. 55. *Comprends-toi* вместо *comprends*

Comprennés-vous вместо *comprenez*

стр. 56. *Devès-vous* (с переводом «ты должен»)

Помимо столь частых случаев добавления возвратного местоимения, в «Grammaire Française et Russe» имеет место также опущение данного элемента:

стр. 35. *Veus tu venir promener* вместо *Veux-tu venir te promener*

Заметим, что «процесс грамматикализации местоименной формы в залоговом значении возвратности действия закончился к XVI веку» (Сабанеева Щерба 1990: 173), то есть к моменту издания «Grammaire Française et Russe» этот процесс уже был завершен.

3. Ошибки перевода в тексте «Grammaire Française et Russe»

3.1. Отсутствие перевода

В некоторых местах слова даны без перевода. Например:

стр. 41. *Aportés moi a manger*

стр. 64. *Une coesse*

В первом случае перевод легко восстановить (*принесите мне поесть*), тем более что эта фраза дана в парадигме глагола *apporter*. Во втором случае, напротив, перевод практически не восстановим, так как на этой странице дается своего рода словарь. Можно предположить, что в этом случае имеется в виду не *coesse*, а *coeffe* или *coiffe* ‘чепчик’ (обе формы приводятся в академическом словаре французского языка в изданиях 1694 года и 1718 года) (Dictionnaire de l'Académie française 2001)⁵.

3.2. Неточности перевода

В «Grammaire Française et Russe» довольно большое количество ошибок или неточностей перевода:

стр. 33. *Je viens de la campagne* — «я иду из морской» вместо «я иду из деревни»

стр. 37. *Ûon peut dire* «благодарен» вместо «можно сказать»⁶

стр. 39. *Ton cheval* — «моя лошадь» вместо «твоя лошадь»

стр. 40 *Avec vous* — «с тобою» вместо «с вами»

Вместе с тем некоторые «ошибки» перевода вполне могут быть интерпретированы особенностями русского языка эпохи:

стр. 40. *Onguent* — «мур» вместо «мазь» (*мур* в русском языке XVIII века — это вариант слова *мура́ва*, т. е. специальная смесь, глазурь (Сл. XVIII в. 13, 75).

⁵ К тому же слово *coesse* дано в ряду слов, означающих предметы одежды.

⁶ Впрочем, в этом случае *Ûon peut dire* вполне можно отнести к метаязыку автора грамматики, он поясняет, что вместо «благодарствую мой господин» можно сказать «благодарен» (Успенский 1997: 446).

В некоторых словах пропущена буква, либо одна буква заменена другой. Тем не менее, хотя перевод и не передает верного значения, он вовсе не бессмысленный, что показывает, что такого рода неточности были допущены либо русскоговорящим наборщиком, либо франкоговорящим составителем, смешивающим значения русских слов. Например:

- стр. 16. *Le bain* — «башня» вместо «баня»
- стр. 40. *Radeau de bois* — «плод» вместо «плот»
- стр. 40. *Sentir* — «служить» вместо «чувствовать»
- стр. 64. *Des boucles* — «прачки» вместо «пряжки»
- стр. 64. *Un voleur* — «воры» вместо «вор»

Некоторые приведенные примеры — омонимы (*плод* — *плот*) или паронимы (*прачки* — *пряжки*), т. е. эти слова легко могли быть перепутаны иностранным носителем. Однако можно сделать аналогичное предположение и в отношении русскоговорящего носителя. В русском языке фонетический и орфографический облик таких слов, как *служить* и *чувствовать*, совершенно различен. В то же самое время французские эквиваленты (*sentir* — *servir*) отличаются всего двумя буквами.

Есть ошибки, связанные с неверной передачей глагольного времени:

- стр. 34. *Madame va a la cuisine* — «госпожа была в поварне» вместо «госпожа идет в поварню»
- стр. 35. *On a écrit* — «пишут» вместо «написали»
- стр. 51. *Je m'en vas* — «пойду» вместо «ухожу»
- стр. 31. *Je veux aller* — «я пойду» вместо «я хочу пойти»

В первом случае настоящее время заменено прошедшим, во втором — наоборот, прошедшее время заменено настоящим, в третьем — настоящее переведено будущим временем. Можно предположить, что в последнем примере имеет место смешение конструкции *aller* + *infinitif*, выражающей будущее время, с конструкцией *vouloir* + *infinitif*, выражающей желание совершения действия. В первом лице единственно числа эти глаголы имеют похожие формы *je veux* (или *je veus*) и *je vais* (совр. *je vais*).

Помимо ошибок перевода глагольных форм наблюдается замена в переводе женского рода мужским:

стр. 64. *Une amie* — «друг» вместо «подруга»

На стр. 22 и 23 приведены падежные парадигмы указательных местоимений этот/тот (*celui*) и эта/та (*celle*). Интересно отметить, что во французскую аналогичную парадигму мужского рода периодически закрадываются формы женского рода. Например, на стр. 22 после именительного падежа множественного числа для мужского рода (*ceux la* — *тѣ*) дана форма женского рода единственного числа (*de celle la* — *тѣхъ*), последующие формы даны в мужском роде. На стр. 23 вся французская парадигма мужского рода заменена на женский.

Как было отмечено выше, «Grammaire Françoise et Russe» скорее похожа на разговорник и построена по принципу «от французского языка к русскому», т. е. сначала дан французский перевод, а затем оригинальные русские лексемы или фраземы. Эта особенность отличает данный труд как от большинства двуязычных грамматик XVIII века, так и от современных работ такого жанра. Из-за этого, особенно в тех местах, где приведены столбцы слов, иногда теряется уверенность, какой язык стал предметом изучения, а какой — языком перевода. Может возникнуть предположение, что иностранный автор давал русские эквиваленты французским словам. Однако эта гипотеза рушится, когда речь заходит о падежных парадигмах — например, о падежных парадигмах местоимений в русском языке.

Русское *я* в именительном падеже соответствует сразу двум французским *je* и *moi*, из которых в «Grammaire Françoise et Russe» есть только ударная форма *moi*. То же самое можно сказать и о дательном падеже *мне* — *à moi* (без указания *moi*), винительном падеже *меня* — *тоу* (без указания *те*). Эти замечания существенны также и для местоимений 2-го лица единственного числа и для именительного и родительного падежей 3-го лица единственного и множественного чисел. Что касается винительного падежа, то в «Grammaire Françoise et Russe» также допущены неточности: указана ударная форма *lui* (вместо

le, стр. 21), *eux* (вместо *les*, стр. 21), *elle* (вместо *la*, стр. 21), *elles* (вместо *les*, стр. 22).

Как мы показали, значительное количество неточностей в тексте «Grammaire Française et Russe» было допущено при наборе. Однако на основании систематических ошибок, допущенных во французском тексте, из которых наиболее значительными мы считаем грамматические ошибки, представляется возможным сделать предположение о том, что автором грамматики был не носитель французского языка, а, вероятнее всего, носитель русского языка. Таким образом, гипотеза В. П. Вомперского, приписывающего авторство грамматики И. С. Горлицкому, кажется нам вполне правдоподобной.

E. Ivanova, K. Dryazgova. On the Language of the Author of «Grammaire Française et Russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce. The French and Russian Grammar of Contemporary Language with a Concise Vocabulary for Convenience» (St. Petersburg, 1730): is the French of the text his mastered language, or his native tongue.

This is an approach to a research of the language of «Grammaire Française et Russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce. The French and Russian Grammar of Contemporary Language with a Concise Vocabulary for Convenience» (St. Petersburg, 1730). A problem, whether the French of the textbook was its author's native tongue or foreign, is submitted for consideration. The article offers a tryout for a classification of the French mistakes which appeared in the text of «Grammaire Française et Russe». A considerable amount of mistakes in «Grammaire Française et Russe» were made in printing. Yet, judging by the systematic mistakes in the French text, of which we consider the grammar ones most outstanding, it appears possible to make a conclusion that the author was not French by origin, he was Russian and his French was acquired.

*Н. В. Карева
(ИЛИ РАН)¹
М. Л. Сергеев
(СПбГУ)²*

**«ГРАММАТИКА
ФРАНЦУЗСКАЯ И РУССКАЯ»
(1730) И ФОРМИРОВАНИЕ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИИ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XVIII В.³**

Ключевые слова: история русского языка XVIII в., грамматика русского языка 1700–1750-х годов, Академия наук.

В настоящей главе рассматривается одна из первых грамматик русского языка — «Грамматика французская и русская» (СПб., 1730), анализируется вопрос об авторстве грамматики, а также очерчивается круг ее возможных источников.

Созданию «Российской грамматики» М. В. Ломоносова предшествовало появление ряда грамматических руководств по русскому языку. Эти первые грамматические опыты были написаны на иностранных языках — немецком, латинском, фран-

¹ Наталья Владимировна Карева, канд. филол. наук, науч. сотр. отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН.

² Михаил Львович Сергеев, зав. сектором Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки СПбГУ.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11-34-00355 «Формирование академической лингвистической традиции» (рук. Н. В. Карева), а также темы НИР СПбГУ № 31.38.99.2012 «Европейское Просвещение и формирование языка гуманитарных наук в России» (рук. К. А. Филиппов).

цузском, шведском — и предназначались, по всей видимости, для обучения русскому языку иностранцев. Изданная в Петербурге в 1730 г. без указания имени автора «Grammaire Françoise et Russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce. Грамматика французская и русская нынешняго языка сообщена съ малымъ Лексикономъ ради удобства сообщества» (64 стр., 8°) также принадлежит к кругу так называемых доломоновских грамматик русского языка. Известны два ее экземпляра — один хранится в Санкт-Петербурге в отделе редкой книги Библиотеки Академии наук (шифр 1730/2; этим экземпляром мы пользовались в нашем исследовании), другой в Галле (Universitäts und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt. Halle an Saale).

«Грамматика французская и русская» не раз привлекала внимание исследователей. В первую очередь, этот интерес был связан с определением ее авторства. В. П. Вомперским, например, было высказано предположение, что И. С. Горлицкий являлся не переводчиком, а автором «Грамматики французской и русской» (Вомперский 1969). Атрибуция В. П. Вомперского была поставлена под сомнение Б. А. Успенским, который сопоставил «Грамматику французскую и русскую» с обнаруженными им в Британском музее фрагментами грамматических сочинений И. С. Горлицкого и не нашел между ними сходства (Успенский 1997: 441–446). С. В. Власов и Л. В. Московкин, рассмотрев предложенные ранее и некоторые новые гипотезы об авторстве «Грамматики французской и русской» и проанализировав характерные ошибки во французской и русской частях, предположили, что автором грамматики мог быть немец, сотрудник Петербургской Академии наук (Власов, Московкин 2007; Власов, Московкин 2008).

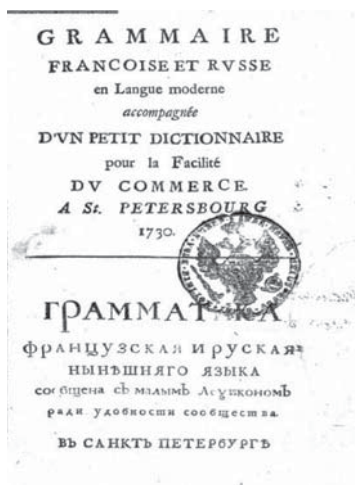
В нашей работе, не давая прямого ответа на вопрос о том, кто был автором «Грамматики французской и русской», мы добавим некоторые штрихи к его портрету. Описав структу-

ру грамматики, мы охарактеризуем лингвистическую компетенцию автора, степень его владения грамматической терминологией и теорией. Кроме того, обратившись к разделу *Abreviations de la Langue Russe* (список сокращенных написаний под титлами), мы сопоставим его с аналогичными разделами других грамматик русского языка первой половины XVIII в. Таким образом, в данной главе мы попытаемся дать ответ на вопрос об отношении автора грамматики к кругу преподавателей Академической гимназии и об использовании им при создании нового руководства более ранних грамматик русского языка.

1. «Грамматика французская и русская»: структура; неточности перевода; лингвистическая компетенция автора

1.1. Структура грамматики

Титульный лист «Граматики французской и русской» набран на двух языках (с. 2). Далее материал расположен двумя

столбцами: в левом находится французский текст, в правом — русский; предполагалось, что читатель-иностранец будет усваивать материал русского языка в соответствии со структурой французского. Соблюдение этой схемы в разделе об орфографии (с. 3–5), приводит к тому, что в «Грамматике французской и русской» не дан полностью русский алфавит. Вместо этого сначала приводятся русские соотвества французским буквам (А В С D E ... А Б Ц Д E ...),

а затем разъясняется произношение букв, не попавших в этот список (Ж, У, Х, Ч, Ш и др.). Далее следует список сокращенных написаний под титлами без французского перевода (с. 6–11)

и перечень слов, включающий в себя числительные, названия мер, месяцев и временных интервалов с переводом на французский (с. 11–14). Примечательно также отсутствие раздела, в котором были бы даны парадигмы склонения числительных. Очевидно, этот раздел (как и раздел о склонении прилагательных) был пропущен из-за того, что автор ориентировался на некое французское грамматическое пособие. Во французском языке у числительных и прилагательных нет падежного словоизменения, поэтому во французских грамматиках, например, в грамматике П. Ресто (Restaut 1730), нет отдельных разделов по этим частям речи или в них сообщаются сведения о семантике и словообразовании (Chiflet 1700: 21–26). Отсутствие этого материала в «Грамматике французской и русской» приводит к существенному пробелу в изложении морфологии⁴.

За перечнем лексики следуют парадигмы склонения существительных (с. 15–20). Автор «Грамматики французской и русской» делит существительные на два склонения: к первому относятся все существительные женского рода, здесь же дается парадигма склонения слов среднего рода на *-я*; ко второму — все существительные мужского рода и оставшиеся существительные среднего рода. До сих пор не удалось найти источников такой классификации; объединение в одном типе склонения слов женского рода на *-а* и *-ь* и среднего рода на *-я* встречается, кроме «Грамматики французской и русской», только в «черновой» рукописи грамматики Ф. Поликарпова (2000), но в других аспектах совпадений с классификацией Ф. Поликарпова нет.

⁴ Русские грамматики, как правило, присваивали склонению прилагательных порядковый номер, следующий за числом склонений имени существительного: в грамматиках М. Смотрицкого (1721), Г. В. Лудольфа (1696), Э. Копиевского (1706), Ф. Максимова (1723), В. Е. Адодурова (1731) это пятое склонение; у Ф. Поликарпова четвертое или пятое (в разных рукописях по-разному); в грамматике Ж. Сойе (1724) — склонения XI–XVII.

Вместе с тем, формулировка, вводящая парадигму среднего рода на -я, не предполагает ее отождествления с первым склонением: *Quoique j'aie dit que la lettre Я soit du Genre Feminin & de la premiere Declinaison, il s'en trouve cependant du genre Neutre* (с. 17).⁵ Возможно, парадигма склонения существительного *имя* была дана вслед за парадигмой склонения существительного *государыня* потому, что, по мнению автора, обучающемуся так проще было запомнить, что слова на -я могут изменяться по-разному.

Следующий раздел составляют парадигмы склонения местоимений (с. 20–27). Набор местоимений в «Грамматике французской и русской» — стандартный для грамматик русского языка XVIII в. Исключение составляют склонение местоимений *вашь* и *свои*, парадигмы которых, кроме «Грамматики французской и русской», даны только в грамматике М. Смотрицкого, и склонение местоимения *нѣкоторои quelqu'un* — последнее появляется в «Грамматике», видимо, под влиянием французских сочинений, где неопределенные местоимения традиционно выделялись в отдельный раздел (Restaut 1730: 66–68). Влиянием французской грамматической традицией объясняется также пропуск во всех парадигмах местоимений, кроме *moi* и *твои*, форм среднего рода, которого нет во французском языке.

После парадигм склонения местоимений представлены правила образования отыменных прилагательных (с. 28–30) и употребления предлогов (с. 30–37). Затем без какого-либо отступа или заголовка дан небольшой словарь (с. 37–39), включающий в себя фразы и словосочетания (например, *jay lu avec les dames deux heures читаль съ господами два часа*), и список *Equivoques* (с. 39–40) — специфический раздел грамматик для иностранцев: в нем перечислены сходные по написанию или произношению

⁵ Хотя я сказал, что буква Я относится с женскому роду и первому склонению, она обнаруживается и в среднем роде <перевод авторов>.

слова, которые легко перепутать (например, *мука* — *farine* и *мука* — *tourment*, *лукъ* — *огноп* и *лукъ* — *arc de flech*⁶).

Обширная часть «Грамматики французской и русской» о глаголе (с. 41–61) полностью лишена описательной составляющей и состоит из парадигм и небольшого словаря. Последовательность парадигм в «Грамматике» не дает представления о типах спряжения: *венчаю, читаю, учю, люблю, имею, есмь, хочу, могу, иду* и т. д., хотя авторы других известных нам грамматик этого периода четко разграничивали парадигмы на *-мь*, I и II спряжений. В словарной части для глаголов даны формы настоящего (для совершенного вида — будущего) и прошедшего времен, а также инфинитив. Отметим, что русские эквиваленты приведены в этом разделе то в совершенном, то в несовершенном виде (например, *estire пишу писаль писать*, но *mettre положу положил положить*). Так как в парадигмах и фразах автор легко справляется с видовыми различиями, видовую путаницу в этом разделе мы склонны объяснять отсутствием продуманного решения при переводе глагольных форм.

Завершает «Грамматику французскую и русскую» еще один словарный раздел: в нем представлена разнообразная именная лексика, преимущественно связанная с бытом (названия еды, одежды, столовых приборов и т. п.) Исходя из выбранной автором лексики, а также отсутствия раздела, связанного с синтаксисом, можно предположить, что учебник вряд ли предназначался для осваивающего языковой курс студента, — скорее он был адресован путешественнику, запоминающему отдельные грамматические правила и слова прямо перед поездкой или уже в дороге. О том, что «Грамматика французская и русская» рассчитана на быстрое обучение иностранца русскому языку говорит и последняя фраза: *можно эту граматку научиться читать в восемь дней* (с. 64).

⁶ Такого же рода примеры есть в «Grammatica russica» Г. В. Лудольфа, но не отдельным перечнем, а в тексте орфографического раздела: *пиешь bibis. быешь verberas, поль sexus. поль pavimentum* (Unbe-gaun 1959: 8).

1.2. Лингвистическая компетенция автора «Грамматики французской и русской»: степень его владения грамматической терминологией, теорией и языковым материалом

Исследователями не раз отмечался тот факт, что автор «Грамматики французской и русской» плохо ориентировался в грамматической терминологии (Durovič 1995, 54). В частности, флексии и предлоги он называл *буквами* (*lettres*), а суффиксы то *буквами*, то *словами* (*mots*). См., например:

la lettre Я soit du Genre Feminin & de la premiere Declinaison (с. 17); avec le Genitif il faut la lettre y Par exemple Je suis eté auprès ma femme я былъ у моеу госпожу (с. 30);

Pour faire les noms adjectives des noms propres appellatifs & des offices s'il sera le nom de la premiere Declinaison, comme par exemple Императрица ou дѣвица il se formera du Genitif du Singulier avec la lettre инъ (с. 28);

De quelques noms Substantifs de la seconde Declinaison l'on formera les Adjetifs (sic!) des Nominatifs ajoutant au Nominatif le mot скоу (с. 29).

В грамматиках М. Смотрицкого (1721) и Ф. Максимова (1723) для обозначения флексий и предлогов использовались термины *ωконченіе* и *предлогъ* (см., напр.: (Смотрицкий 1721: 28, 110 об.)), однако автор «Грамматики французской и русской», по всей видимости, был мало знаком с церковнославянской грамматической традицией. О теоретической несостоятельности автора косвенно свидетельствует также дословный перевод с русского на французский всех форм в парадигмах существительных, местоимений и глаголов⁷. См., например,

⁷ Отметим, что Ж. Сойе, автор другой написанной по-французски грамматики русского языка (1724), не переводит формы в парадигмах существительного, из местоимений снабжает переводом только личные, зато последовательно переводит все глагольные формы, значение которых могло быть неочевидным для француза (Успенский 1987). Впрочем, дословный перевод парадигм мы находим также в более поздней русско-французской грамматике Шарпантье (Charpentier 1795).

склонение существительного *царица* — *la reine* (с. 15) или спряжение в *passé composé* глагола *венчать* — *couronner* (с. 41):

<i>Singulier</i>	ЕДИНСТВЕННОЕ	<i>j'ai couronné</i>	я вѣнчалъ
<i>la Reine</i>	Царица	<i>tu as couronné</i>	ты вѣнчалъ
<i>de la Reine</i>	Царицы	<i>il a couronné</i>	онъ вѣнчалъ
<i>a la Reine</i>	Царицъ	<i>j'ai couronnée</i>	я вѣнчала
<i>la Reine</i>	Царицу	<i>tu as couronnée</i>	ты вѣнчала
<i>avec la Reine</i>	съ Царицею	<i>elle a couronnée</i>	она вѣнчала
<i>de la Reine</i>	о Царицъ	<i>couronné</i>	вѣнчало

Очевидно, автор «Грамматики французской и русской» не владел языком грамматического метаописания в достаточной степени, чтобы объяснить значения падежей и времен. Тем не менее его теоретическая несостоятельность не свидетельствует о плохом знании русского языка, как на это справедливо указал Л. Дюрович (Durovič 1995: 55).

В пользу предположения о том, что автор «Грамматики французской и русской» хорошо владел русским языком, говорит, например, следующее обстоятельство. В «Грамматике» даны парадигмы спряжения двадцати глаголов — значительно больше, чем в любой другой русской грамматике первой половины XVIII в. Лексика глагольных парадигм «Грамматики» практически не имеет совпадений (кроме очевидных *есть*, *имею*) с другими грамматиками 1730-х годов и более ранними сочинениями. Автор «Грамматики французской и русской» справляется с видовыми и временными различиями, не путает формы настоящего и будущего времен, дает примеры как аналитического, так и синтетического будущего времени (*буду венчать*, *буду читать* — *пойду*, *поеду* и др.)⁸. Таким образом, глагольные

⁸ Заметим, что авторы-иностранцы, писавшие грамматики русского языка, нередко путали глагольные виды. Г. В. Лудольф в своей «Grammatica Russica» относит формы *сожгу*, *возму*, *встану* и др. к настоящему времени (Unbegaun 1959: 35–36). Г. Кайперт обращает внимание на видовую путаницу у И. В. Пауса (Keipert 2004:

парадигмы не заимствовались автором «Грамматики французской и русской» из другой грамматики первой половины XVIII в., но были созданы им самим.

Выше мы отметили, что автор «Грамматики французской и русской» плохо владел лингвистической терминологией — мы предполагаем, что грамматическая теория была известна ему не многим больше.

Структура изложения материала (порядок описания отдельных частей речи, порядок форм в парадигмах) была, очевидно, заимствована им из какого-то другого сочинения. В исследованиях 1990–2000-х годов. «Грамматика французская и русская» была отнесена к кругу так называемых грамматик Академической гимназии⁹. Л. Дюровичем был обнаружен возможный общий источник этих грамматик — анонимные

6 GRAMMAIRE	
Abreviations de la Langue Russe	
Агъль	Ангель
аггаски	ангелски
архангъль	архангель
Арханггаски	архангельски
апъль	апостоль
апаски	апоспольски
богъ	богъ
божство	божество
бца	богородица
блаженъ	блаженъ
благвенъ	благословенъ
благнь	благодать
богблагшыми	богоблагдшыми
Влака	Владька
владца	владьчица
владество	владьчество
воскрите	воскресение
Гдъль	Господь
гдъство	господство

74). Шарпантье весьма односторонне оценивает значение приставочных и суффиксальных средств в образовании видовременных форм (Charpentier 1795: 79, 118–119).

⁹ Термин «грамматика Академической гимназии» был введен Л. Дюровичем: «...авторский характер любого из текстов ГАГ <грамматики Академической гимназии. — Н. К., М. С.> очень относителен <...> Скорее их можно считать текстами, возникшими в среде преподавателей одной школы, которые подлежат списыванию, заведомому варьированию или изменениям, распространению, переводу» (Durovic 1992: 174).

грамматические таблицы, датируемые 1706–1707 гг., напечатанные шрифтом Э. Копиевского и находящиеся в фонде Extranea Государственного архива в Стокгольме (Durovič 1987).

При исследовании «грамматик Академической гимназии» основное внимание справедливо уделялось грамматической части учебников. Однако помимо морфологии и синтаксиса, грамматики русского языка первой половины XVIII в. и, в частности, «Грамматика французская и русская» включают в себя ряд «периферийных» разделов — например, словарь, раздел по графике и другие — не менее интересных с точки зрения истории и преемственности этих текстов.

2. Список сокращенных написаний под титлами (Abreviations de la Langue Russe) в «Грамматике французской и русской»

Один из разделов, привлечший наше внимание, — это список сокращенных написаний под титлами (*Abreviations de la Langue Russe*, с. 6–11). Появление этого списка в «Грамматике французской и русской» несколько неожиданно, так как автор «Грамматики», по всей видимости, не ставил перед собой задачи хотя бы немного познакомить своего читателя с церковнославянским языком (в отличие, например, от И. В. Пауса). Как мы уже отметили, в «Грамматике французской и русской» не представлен алфавит (на с. 3 дан лишь список русских эквивалентов для букв латиницы) и не указаны числовые значения букв. При этом список сокращений в «Грамматике французской и русской» весьма обширен — он включает в себя 102 лексические единицы (аналогичный список в грамматике В. Лудольфа (1696) включает в себя 35 л. е.; список грамматики Э. Копиевского (1706) — только 15 л. е.).

Возникает вопрос: почему раздел *Abreviations de la Langue Russe* появился в грамматике, которая по характеру подачи материала в большей степени напоминает разговорник, нежели полноценное грамматическое описание русского языка? Мы предполагаем, что автор «Грамматики французской и русской» включил список сокращений в свое сочинение по традиции,

ориентируясь на другие известные ему грамматические труды первой половины XVIII в. Действительно, такой же список мы обнаруживаем во всех современных и предшествующих «Грамматике французской и русской» описаниях русского языка для иностранцев, начиная с «Grammatica russica» В. Лудольфа (1696) и заканчивая «Россійской грамматикой» М. Гренинга (1750)¹⁰. В грамматиках церковнославянского языка Л. Зизания, М. Смотрицкого и Ф. Максимова подобных списков не было — приводились лишь общие замечания о написаниях под титлами, особенно о сакральной семантике таких написаний (Смотрицкий 1721: л. 16 об.; Максимов 1723: 179–180; Німчук 1980: л. 13), однако списки сокращений имелись в многочисленных церковнославянских букварях, начиная с Львовской и Острожской азбук И. Федорова (1578)¹¹. Характерно, что перечень сокращений в букварях записывался в строку, и при сокращениях не давалось полного написания слов. По нашему мнению, именно из букварей списки сокращений попали в грамматики русского языка, созданные в первой половине XVIII в.

2.1. Списки сокращений под титлами в «Грамматике французской и русской» и в других «грамматиках Академической гимназии»: сходства и различия, наличие общей номенклатуры

Список сокращений в «Грамматике французской и русской» мы сопоставили с аналогичными списками в других грамматиках первой половины XVIII в. Нашей целью было определить, не было ли у академических грамматик 1730-х годов общего списка-архетипа, разработанного на основе букварей и затем видоизменявшегося? Нами были рассмотрены следующие грам-

¹⁰ Такого списка мы не находим в «Grammatik der russischen Sprache» И. Э. Глюка, однако в его грамматике вообще нет раздела по орфографии.

¹¹ Списки в этих азбуках (раздел «По ортографии») имеют двоякую функцию. Одновременно с перечнем сокращений, здесь даются образцы склонения и спряжения (Немировский 1983: 65–69; 1985: 153–156). Номенклатура этих списков существенно отличается от списков рассматриваемых нами грамматик.

матики русского языка: «Grammatica russica» В. Лудольфа (1696); «Руководение въ грамматику во славяноросіискую или Московскою» Э. Копиевского (1706); «Compendium Grammaticae Russicae» М. Шванвица (1731); «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В. Е. Адодурова (1731); рукописная «пространная» грамматика русского языка В. Е. Адодурова (вторая половина 1730-х годов) и генетически связанная с ней «Российская грамматика. Thet är Grammatica Russica» М. Гренинга (1750).

Отметим, что авторы «грамматик Академической гимназии» принадлежали к одному научному коллективу, активно общались между собой и были хорошо знакомы с материалами друг друга. Так, М. Шванвиц с 1725 году работал в Академической гимназии, где преподавал немецкий и русский языки; И. С. Горлицкий в 1725–1727 годы преподавал в Академической гимназии латынь; там же преподавал Ш. А. Декомбль. В 1726 году в Академическую гимназию перевелся В. Е. Адодуров, а в 1727 году он был зачислен в студенты Академического университета, где среди прочих предметов изучал латынь, немецкий и французский. И. С. Горлицкий и И. В. Паус с 1720-х годов работали переводчиками при Академии, с 1727 года и В. Е. Адодуров начал заниматься переводами. Таким образом, неудивительно, что даже поверхностный взгляд на сопоставительный материал позволяет увидеть значительное сходство между списками сокращений в «Грамматике французской и русской» (102 л. е.), «Compendium Grammaticae Russicae» М. Шванвица (86 л. е.), в грамматиках В. Е. Адодурова («Anfangs-Gründe der Russischen Sprache»: 88 л. е.; «пространной» грамматике: 83 л. е.) и «Російской грамматике» М. Гренинга (87 л. е.).

Список из «Грамматики французской и русской» (102 л. е.) — наиболее полный по сравнению с другими списками. В нем имеется девять слов, которых нет в других «грамматиках Академической гимназии» (здесь и далее лексика списков дается в упрощенной орфографии): *богоблагодатный, господство, евангелистъ, людский, рожественъ, ученицы, ученическъ,*

Христовъ, честенъ. В свою очередь, другие грамматики включают слова, отсутствующие в «Грамматике французской и русской». Так, М. Шванвиц в «Compendium Grammaticae Russicae» добавляет слова *господень, князь, Отче Нашъ, сынъ*; В. Е. Адодуров в «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» — слова *благо, глаголь, девка, денга, денегъ, князь, священныи, святыня*. Однако основной лексический корпус — общий для пяти грамматик. И в «Грамматике французской и русской», и в «Compendium Grammaticae Russicae», и в грамматиках В. Е. Адодурова, и в «Россійской грамматике» М. Гренинга имеется 61 лексема: *ангель, апостоль, Богъ, божество, богородица, блаженъ, благо-словенъ, благодать, владыка, Господь, государь, господинъ, госпожа, Давидъ, девица, девство, душа, день, евангелие, епископъ, Израиль, Иисусъ, Иерусалимъ, Крестъ, крещение, креститель, мудрость, милость, милосердие, милостыня, молитва, мати, Мариа, мученик, месяцъ, младенецъ, небо, небесныи, нашъ, ныне, Отецъ, отечь, преподобенъ, пророкъ, предтеча, присно, Рождество, святъ, солнце, сердце, страсть, Троица, троиченъ, учитель, ученикъ, Христосъ, царь, царица, церковь, человекъ, честь*.

Расхождения между списками касаются преимущественно включения производных форм, в том числе от перечисленных выше основ. В списках некоторых из перечисленных грамматик указаны такие слова, как *ангельски, архангель, архангельски, апостольски, владычество, воскресение, Духъ, духовныи, естество, епископство, израильски, любомудръ, отечество, отеческъ, Премудрость, пресвятъ, престоль, священникъ, смерть, слава, святитель, трисвятъ, трисвятое, христианинъ, царский, человеческий, честный*, тогда как другие грамматики некоторые из этих слов исключают. Г. Кайперт и А. Гутерер отметили общую тенденцию к устранению производных форм в более поздних версиях списка (Keipert, Huterer 2002: 75). Впрочем, расхождения касаются не только отыменных прилагательных *архангельски, апостольски, духовныи, епископство* и др., но и существительных *духъ, естество, любомудръ* и др.

При этом не всегда можно найти строгую последовательность в сохранении или пропуске производных форм автором той или иной грамматики. Если сравнивать списки в грамматиках В. Е. Адодурова со списком в «Compendium Grammaticae Russicae» М. Шванвица (хронологически более ранним), то можно заметить, что В. Е. Адодуров устраняет слова *апостольски*, *христианинъ*, *честныи*, но при этом добавляет такие слова, как *владычество* (при *владыка*), *отеческъ* (при *отецъ* и *отець*), *священныи* и *святыня* (при *святъ*), *царский* (при *царь* и *царство*).

2.2. О вероятном существовании списка-архетипа, общего для всех «грамматик Академической гимназии» и основанного на списке из «Букваря» Ф. Поликарпова (1701)

Рассмотрение списков сокращений под титлами в грамматиках В. Е. Адодурова, М. Гренинга и в «Грамматике французской и русской» привело Л. Дюровича к выводу об архаичности списка «Грамматики», который затем подвергся «чистке» в «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» (Durovič 1992: 187–189). По наблюдению Л. Дюровича, В. Е. Адодуров исключил около двадцати производных слов, имеющих в списке «Грамматики французской и русской». При этом некоторые исключенные в «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» сокращения из «Грамматики французской и русской» были впоследствии восстановлены в более поздней «пространной» грамматике В. Е. Адодурова и в «Российской грамматике» М. Гренинга. Таким образом, редакция учитывала предшествующие тексты той же традиции, а не только непосредственные источники. Интересна и другая тенденция: М. Гренинг, вслед за В. Е. Адодуровым, обосновывает пропуск в таблице производных слов, объясняя в отдельном параграфе правила их сокращенного написания (Unbegaun 1969, 65). Несмотря на это, некоторые словообразовательные гнезда с производными словами сохранены в его перечне: например, *владыка* — *владычица*, *милость* — *милостыня*, *небо* — *небесныи*, и др., что показывает высокую степень зависимости от традиции, ограничивавшую инновации авторов.

Наличие значительного объема общей номенклатуры и очевидного общего принципа редактирования списка (пусть и непоследовательно реализованного) позволяет предположить, что списки «грамматик Академической гимназии» образуют единую традицию и восходят к некому общему списку-архетипу. Мы предполагаем, что этот список основывался на перечне сокращений из «Букваря» Ф. Поликарпова 1701 года (Поликарпов 1701)¹², практически идентичном перечне из московского букваря 1704 года (Букварь 1704) или из другого издания, сохранявшего ту же номенклатуру. Предположение в качестве источника «Букваря славенскими, греческими, римскими писмены» Ф. Поликарпова привлекательно по следующим историческим соображениям: И. С. Горлецкий (один из возможных авторов «Грамматики французской и русской») и В. Е. Адодуров были учениками Славяно-греко-латинской Академии, где некоторое время преподавал Ф. Поликарпов и для которой, вероятно, предназначалось его пособие. Трехязычный тематический словарь, составляющий вторую часть «Букваря», представлял большой интерес для составителей грамматик и разговорников (Keipert 2004: 76–78; Keipert, Uspenskij, Zivov 1994: 38–40). И, наконец, наиболее существенные аргументы в пользу списка «Букваря» Ф. Поликарпова дает сопоставление его номенклатуры с номенклатурой академических грамматик 1730-х годов. Большинство сокращений из списка Ф. Поликарпова (99 из 114) мы находим в «Грамматике французской и русской» и в других «грамматиках Академической гимназии». 15 сокращений из списка Ф. Поликарпова отсутствуют во всех «грамматиках Академической гимназии» — мы считаем это результатом сознательной переработки, сделанной автором списка-архетипа. Если рассмотреть перечень слов, исключенных во всех «грамматиках Академической гимназии», нетрудно заметить, что

¹² По мнению М. Шмюкер-Брелоер, «Букварь» Ф. Поликарпова является источником списка сокращений в «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» И. В. Пауса и в «Grammatica Russica Hamburgiensis» (Schmücker-Breloer 2001: 36–37).

это — производные слова, преимущественно отыменные прилагательные: *архангели*, *божественный*, *Богородичень*, *господственный*, *Господи* (при сохранении в списке формы *Господь*), *Давидовъ*, *днесь*, *матерь* (при наличии параллельной формы *мать*), *мученичество*, *небомудренный*, *пророчица*, *сердечный*, *троическъ*, *ученицы*, *христианскій*. При этом исключение этих 15 лексем не вполне очистило список от производных слов: так, было исключено слово *мученичество* при сохранении слова *царство* (наряду с *царь*), исключено *сердечный* при сохранении *небесный* (наряду с *небо*) и т. п. Такое непоследовательное сокращение подтверждает нашу гипотезу о существовании общего списка-архетипа, так как вряд ли оно могло быть произведено несколькими авторами независимо друг от друга.

Говоря о существовании списка-архетипа, общего для всех «грамматик Академической гимназии», мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что у списков сокращений в «Букваре» Ф. Поликарпова и в «Грамматике французской и русской» есть девять особых соответствий. Это слова *богоблагодатный*, *господство*, *евангелистъ*, *людский*, *рождественъ*, *ученицы*, *ученическъ*, *Христовъ*, *честень* — их нет ни в одной другой академической грамматике 1730-х годов. В связи с этим можно было бы предположить, что список «Грамматики французской и русской» — хронологически наиболее ранней из «грамматик Академической гимназии» — послужил архетипом для более поздних описаний русского языка. Однако основной тенденцией предполагаемого архетипа было устранение из списка Ф. Поликарпова производных слов, а этой тенденции мы не находим у автора «Грамматики французской и русской». Отсутствие в списке «Грамматики французской и русской» слов *архангели*, *божественный*, *Богородичень*, *господственный*, *Господи* (при *Господь*), *Давидовъ* и др. при сохранении слов *богоблагодатный*, *господство*, *евангелистъ*, *людский*, *рождественъ* и др. невозможно объяснить другими причинами, кроме как использованием общего с другими академическими грамматиками списка-архетипа, с внесением в него некоторых дополнений. Пользуясь списком-архетипом, автор «Грамматики французской и русской»,

очевидно, обращался одновременно и к списку Ф. Поликарпова — именно так мы объясняем наличие особых соответствий в списках «Букваря» и «Грамматики французской и русской». Автор «Грамматики», вероятно, не вполне понял тот принцип, в соответствии с которым из списка-архетипа были исключены некоторые наличествующие у Ф. Поликарпова слова. О таком непонимании говорит буквальное следование списку Ф. Поликарпова в двух особенно примечательных случаях. Автор «Грамматики французской и русской» сохраняет в своем списке краткую и полную формы прилагательного *честень* и *честный* наряду с исходным существительным *честь*¹³; чуть выше в списке сохранена церковнославянская форма множественно-го числа от *ученикъ* — *ученицы*¹⁴.

Так как автор «Грамматики французской и русской» очень непоследователен в исключении производных слов, мы полагаем, что список сокращений «Грамматики французской и русской» вряд ли может претендовать на роль списка-архетипа, к которому обращались авторы более поздних грамматик по русскому языку. Очевидно, автор «Грамматики» сам заимствовал слова из некоего составленного ранее списка, а затем добавил к ним некоторые слова из перечня «Букваря».

*
* *

В результате сопоставления списков сокращений в грамматиках русского языка первой половины XVIII века мы можем сделать вывод, что списки «грамматик Академической

¹³ В списке «Compendium Grammaticae Russicae» указано только прилагательное *честный*, в списках других «грамматик Академической гимназии» отсутствуют оба прилагательных.

¹⁴ В «Грамматике французской и русской» нет парадигмы склонения слов с основой на заднеязычный; в «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» даны только непалатализованные формы множественного числа: *порогъ* — *пороги*, *лукъ* — *луки*, *человекъ* — *человеки* (Unbegaun 1969: 19, 21). Ср. склонение у Смотрицкого: *другъ* — *друзи*, *пророкъ* — *пророцы* (Смотрицкий 1721: л. 42об.–43об.).

гимназии» образуют единую традицию и восходят к общему списку-архетипу, составленному в самом начале XVIII века (до 1706 г.) на основе перечня сокращений из «Букваря» Ф. Поликарпова (1701). Автор «Грамматики французской и русской» при составлении своего списка использовал уже переработанный вариант списка-архетипа, дополненный кириллической расшифровкой сокращений. Он сохранил существенную черту списка-архетипа, не переданную другими грамматистами, — знаки придыхания и ударения, а также «восстановил» ряд пропущенных в списке-архетипе слов по «Букварю». По всей видимости, составитель списка-архетипа пытался очистить список от производных слов, однако автор «Грамматики французской и русской» не вполне понял (или одобрил) принцип, в соответствии с которым были исключены некоторые наличествующие у Ф. Поликарпова слова, — как мы показали, предпринятые в «Грамматике» «восстановления» носят случайный характер.

Таким образом, мы можем констатировать, что в «Грамматике французской и русской» не было продуманной концепции, фактический материал не выверялся и, возможно, не перечитывался, однако эти недостатки компенсировались использованием хорошо разработанных источников. Уточненные в главе сведения об источниках «Грамматики французской и русской» указывают на то, что автор «Грамматики» принадлежал к кругу преподавателей Академической гимназии или сотрудников Академии наук; кроме того, он был носителем русского языка, что подтверждается свободным владением как лексическим, так и грамматическим материалом.

N. Kareva, M. Sergeev. «Grammaire Française et Russe» (1730) and the formation of the academic grammatical tradition in the first half of the XVIII century.

The chapter presents one of the first grammars of the Russian language “Grammaire Française et Russe en Langue moderne” (SPb., 1730). The personality of an author is concerned, what sources did he use to compile his work are treated in the article.

*А. С. Смирнова
(ИЛИ РАН)¹*

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПЕРЕВОДЧИК
ИВАН СЕМЕНОВИЧ
ГОРЛЕЦКИЙ²**

Ключевые слова: Иван Горлецкий, XVIII век, Академия наук, французский, латинский, переводчик, география, грамматика.

И. С. Горлецкий — переводчик с французского и латинского языков, работавший в Академии наук с начала ее основания. Он — автор переводов естественнонаучных трудов, грамматик, протоколов, писем и т. д. Прожив долгую жизнь от времен Петра Первого до правления Екатерины Второй, И. С. Горлецкий встречался с В. Е. Адодуровым, В. К. Третьяковым, Л. Эйлером, М. В. Ломоносовым и др. В главе освещается деятельность И. С. Горлецкого и связанные с его жизнью драматические события.

Жизнь И. С. Горлецкого³ (1690–1779) и его современников совпала с началом новой эпохи в России: благодаря энергичным

¹ Анна Сергеевна Смирнова, канд. филол. наук., науч. сотр. ИЛИ РАН.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11-34-00355 «Формирование академической лингвистической традиции» (рук. Н. В. Карева), а также темы НИР СПбГУ № 31.38.99.2012 «Европейское Просвещение и формирование языка гуманитарных наук в России» (рук. К. А. Филиппов).

³ Орфография иностранных и русских фамилий в начале XVIII века варьировалась. В первом томе «Протоколов заседаний конференции Императорской Академии Наук» шесть раз употребленная фамилия И. Горлецкого пишется по-разному: Horlezky (с. 65), Gorlizki (с. 66), Gorletski (с. 80), Gorletzki (с. 602), Gorlecki[us] (с. 727), Gorleczi (с. 730). В текстах встречается также форма Горклецкий (Ченакал 1961: Индекс); последнее считаем просто досадной опечаткой. Можно предположить, что в связи с русификацией польской фамилии в слове изменилось место ударения — перешло с предпоследнего слога

мерам Петра I менялись культура и уклад государства, возникали новые учреждения, появлялись новые профессии. Многим молодым людям пришлось осваивать новую деятельность, например, участвовать в работе первых образовательных и научных центров. Именно в этой области Горлецкий оказался среди первых: он учился за границей, затем поступил на должность переводчика в только что открывшуюся Петербургскую Академию наук, а также преподавал в Академической гимназии. Краткое определение основной деятельности Горлецкого находим у П. П. Пекарского: «переводчик, доноситель на Шумахера» (Пекарский 1870: 741). Действительно, чаще всего в связи с Горлецким документальные материалы подробно сообщают об этом доносе и его последствиях, чуть было не приведших «донositеля» к смертной казни⁴. Таким образом, в самом начале знакомства с Горлецким он может на первый взгляд представиться нам революционером-пуристом, противостоявшим иностранным академическим реакционерам, приглашенным в Петербургскую Академию наук советником Канцелярии Академии наук И. Д. Шумахером.

В этой работе предпринята попытка на основании служебных документов и академических протоколов последовательно изложить жизнь и деятельность И. С. Горлецкого.

на третий слог от конца слова, а вслед за этим изменилась орфография: бывшая ударной гласной «е» перестала отчетливо произноситься и изменилась на «и». Мы принимаем то написание фамилии, которое опирается на ранние документы и собственные подписи Горлецкого. В цитируемых документах орфографию фамилии сохраняем.

Дата смерти Горлецкого пока точно не установлена, в именном указателе к Полному собранию сочинений М. В. Ломоносова (том 11) указан 1770 г., в Словаре русских писателей XVIII в. — 1777 г. (<http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=719>, см. Горлицкий), в служебных документах Библиотеки Академии наук указывается 1779 г. (http://www.rasl.ru/e_editions/personalia18_19.pdf, см. Горлицкий).

⁴ Сообщение о доносе Горлецкого на Шумахера — самый популярный эпизод жизни Горлецкого упоминается несколько раз в «Материалах для истории Императорской Академии наук» (МАН V, 591; VI, 583; VII, 158).

УЧЕБА И СЛУЖБА

Иван Семенович Горлецкий родился в 1690 г. в Кракове. Вскоре после его рождения семья Горлецких переезжает в Россию, где уже начинается правление Петра. О семье Ивана Горлецкого ничего не известно: кем были его отец и мать, мы не знаем, однако видим, что позаботиться об образовании своего сына они смогли.

Ивана Горлецкого отдают в московскую Славяно-латинскую академию, когда ему исполняется 13 лет. Курс обучения в академии тогда был рассчитан на 13 лет — 8 классов, или «школ» (класс фары, или аналогии, инфимы, грамматики, синтаксисы, пиитики, риторики, философии и богословия), таким образом, нетрудно посчитать, что в 1717 г. Горлецкий должен бы был закончить весь курс, однако он числится еще в классе риторики и оттуда попадает в число отобранных И. А. Мусиным-Пушкиным для поездки за границу «лучших рабят <...> которые по острья» (Пекарский 1862: 237–238.)⁵. В 1717 г. по указу Петра Великого их отправляют в Амстердам, и там распределяют по европейским университетам (в Амстердам, Прагу, Париж и пр.). Иван Горлецкий, Тарас Постников и Иван Каргопольский отправляются в Париж под опеку представителя России в Париже тайного советника барона И. Шлейница, которому было поручено определить студентов и следить за их учением и поведением (Голиков 1838: 625). В течение 5 лет русские студенты занимались философией, французским языком и богословием в Сорбонне (Синод 1878: Стлб. 318). Иных подробностей об их пребывании там мы пока не находим за исключением приведенного Пекарским одного письма, свидетельствующего об их материальном положении в самом начале учебы за границей, в котором они жалуются на свою крайнюю бедность и отсутствие всякого «посредствия к науке»: «в каморах мы свеч

⁵ По словам самого Горлецкого, во время экспедиции в 1717 г. Петр Первый лично поручил ему распределить студентов по иностранным университетам (см. «Автобиографию» Горлецкого).

не имеем, и всегда мучимся, а не учимся, потому что без дров студено, без свеч учиться не можно <...> ходить нам в школу не в чем, инструментов, надлежащих к физике, нам купить не на что» (Пекарский 1862: 238–239).

В 1722 г. парижские студенты получают приказ возвратиться в Россию, они просят выдать им жалованье, готовые выехать из Парижа на родину, «хотя и не окончивши наук». Некоторое время после учебы И. Горлецкого, Т. Постникова и И. Каргопольского вместе объединяет вопрос трудоустройства и поиск средств к существованию. Вернувшись домой, «ученик философии»⁶ — так он подписывается в письме — И. Горлецкий вместе с товарищами подает Петру Первому повторное прошение: о выдаче положенного им жалованья, а также об определении их на службу. В январе 1723 г. Петр Первый велит Синоду молодых людей «освидетельствовать в их науках, и определить к делу и учинить им жалованье». Однако с их трудоустройством не спешили: в марте 1723 г. они уже жаловались Синоду, что «определения и сие время никакого не имеют, одежду и обувью оскудели», и просили денежного пособия «в зачет предбудущего жалованья» и продолжения выдачи им «дневной пищи», которую в это время они получали от синодального двора. Вот что получали просители: «кормовых денег по три алтына, да по участку хлеба, да по полубутылке вина простого и по четверти пива на день человека». Кроме того, им было выдано одновременно сто рублей из «обретающихся в Москве в Синодальной Канцелярии, привезенных из Киева бывшего Суздальского епископа Варлаама штрафных денег, с вычетом лазаретных с рубля по копейке» (Синод 1878: Стлб. 320–321)⁷.

⁶ Согласно упоминанию Г.-Ф. Миллера, Горлецкий был картезианцем, в XVIII в. это было распространенное философское направление (МАН VI, 97).

⁷ В марте 1723 г. синод решил отправить Постникова и Каргопольского учителями в Сербию, оставив их до отправления, а заодно с ними и их товарища И. Горлецкого «у книжного перевода» (Синод 1879: Стлб. 733).

В 1724 г. для работы в Академии наук рекомендовались: Постников — в качестве переводчика с итальянского языка, Каргопольский и Горлецкий — с латинского и французского (МАН 1, 36). Вскоре товарищи Горлецкого (в отличие от него самого, как мы увидим позднее) нашли свое призвание в педагогике. Их дальнейшая судьба сложилась так: Постников и Каргопольский стали преподавать в Заиконоспасском училищном монастыре, с августа 1724 г. по апрель 1725 г. даже без жалованья (Синод 1878: Стлб. 321). Вскоре Каргопольский был направлен преподавателем в «словесную школу» в Холмогорах. Существует мнение, что именно он рассказал юному М. В. Ломоносову о Славено-греко-латинской академии и подтолкнул его тем самым к путешествию в Москву (Андреев-Кривич 1960: 15–17); Постников остался учителем в Славяно-греко-латинской академии, в 1731–1732 г. он преподавал в классе Ломоносова. Позднее Постников стал директором Синодальной типографии (Летопись 1961: 22–23, 25).

Какое-то время Горлецкий жил в Москве у графа П. М. Апраксина. А после приглашения в открывшуюся в Петербурге Академию наук 30 октября 1724 г. он одним из первых назначается на должность переводчика в Академию наук (вместе с ним первыми академическими переводчиками были назначены еще двое: И. В. Паузе и И. И. Ильинский)⁸ и остался служить там до конца своей жизни.

О том, что Горлецкий был женат и стал отцом, известно из упоминания о появлении на свет его ребенка (неизвестно, какого по счету) в 1736 г. (ПГД 2000: 188–189), в его доношении

⁸ В академических документах говорится, что И. Горлецкий работал при Академии наук с 1724 г., однако его коллега по гимназии, Г.-Ф. Мюллер, указывает на 1726 г. (МАН VI, 291). В документах 1727 г. И. Горлецкий числится «под профессором в Академии Санктпетербургской сциенциарум» (Синод 1885: Стлб. 156), т. е. речь идет о его прикреплении к Ж.-Н. Делилю (см. об этом на с. 242). В реестрах выплат служащим Академии наук фамилия Горлецкого появляется с 1725 г.

в Академию наук о «немалой нужде в пропитании», в которой оказалось все его семейство в 1743 г., а также из рапорта о его помиловании (МАН V, 537, 592).

За годы службы при Академии наук фамилия Горлецкого регулярно появляется в реестрах о выдаче жалованья по данным «Материалов для истории Императорской Академии наук». Анализируя эти данные, видим, что материальная сторона жизни академических переводчиков сначала понемногу улучшалась: в 1725 г. Горлецкому положено было выдать 78 руб. жалованья, столько же и другому переводчику — М. Сатарову, а в 1726 г. — два раза по 48 руб. В 1727 г. годовое жалованье четырех переводчиков (их имена не указаны) составило 768 руб (МАН I, 93, 173, 188, 274). Но в 1729 г. также четыре переводчика (здесь они перечислены: Ильинский, Горлецкий, Сатаров и Коровин) уже подают челобитную о прибавке им жалованья (МАН I, 457). В 1731 г. директору библиотеки и секретарю канцелярии Академии наук И. Д. Шумахеру было отправлено следующее прошение:

«Благородный господин, господин библиотекарь!

Нужды и терпение наше, понеже самим вам довольно известны, не требуют пространного описания: можно краткими заключить словами, что мы и голодны, и холодны, и всем недостаточны, потому что пятнадцатый уже идет месяц, как жалованья не получаем. Того ради, по многих наших словесных прошениях, чрез сие письменное последний раз просим показать к нам милость, хотя за прошедший год, то есть 1730, на который академическая сумма из казны Ея И. В. получена вся сполна, выдать нам заслуженное наше жалованье, в сем марте месяце; ежели же вам того учинить невозможно, то позвольте нам просить, где можем скорейшую на то резолюцию получить.

Вашему благородию доброжелательные и ко услугам готовейшие переводчик Иван Ильинский, переводчик Иван Горлицкий. 16 марта 1731 г.» (МАН II, 26)⁹.

В петровской «Табели о рангах» чина переводчика не предусматривалось. В 1725–1730-м годах первые переводчики

⁹ Здесь и далее русские тексты воспроизведены в упрощенной графике.

Академии наук, как видим, получали поровну. Впоследствии им назначалось жалованье по какому-то неизвестному нам правилу: например, в 1734 году И. В. Паузе получил 200 руб., И. И. Ильинский — 60, И. Горлецкий — 48, И. Толмачев — 48, И. Сечихин — 50; в том же году, а также и весной 1735 года, И. В. Паузе было назначено 300 руб., Ильинскому — 180, Горлецкому — 144, Толмачеву — 144 (МАН II, 500, 551, 619). 1743 год — год, в который многие сотрудники Академии наук обращались с просьбой о выдаче жалованья: в их числе были Третьяковский, Ломоносов и Горлецкий. Известно, что их просьбы были удовлетворены: Третьяковский получает 10, Ломоносов — 5, Горлецкий — 6 рублей (МАН V, 537–538).

Собственно о деятельности Горлецкого впервые говорится в документе 1726 г. о классах и преподавателях академической гимназии. Он значится в списке профессоров, приглашенных президентом Петербургской Академии наук Л. Л. Блюментростом в первый год работы Академии¹⁰. Занятия проходили по понедельникам, средам, четвергам и субботам; дважды в неделю (как и в наши дни) «социетет; собирался в Академии наук с 9 до 11 и с 14 до 16 часов. С сентября 1725 г., видимо, в течение только одного учебного года, Горлецкий обучал латинскому языку в Академической гимназии. Сохранилось следующее воспоминание Г. Ф. Миллера об этом периоде жизни Горлецкого:

«Gorlezki, ein russe, der in Frankreich gewesen war, der ziemlich französisch und ein wenig latein konnte, der von der Cartesianischen philosophie eingenommen war, aber von nichts eine richtige erkenntniss hatte. Man merkte bald, dass er zum unterricht nicht tauglich sey, und verschonte ihn mit dieser arbeit» (МАН VI, 97)¹¹.

¹⁰ Преподавателями гимназии были назначены: Г. Е. Ортгисе, Г. В. Крафт, И. Вейтбрехт, Г.-Ф. Миллер, Л. И. Блида, Декомбель, И. Горлецкий, А. Б. Крамер, М. Швановиц и М. Хр. Кроль (МАН I, 172).

¹¹ «Горлецкий, русский, был во Франции, выучил довольно французский и немного латынь, увлекался картезианством, но ни о чем не имел соответствующего знания. Скоро стало заметно, что он не способен к преподаванию, и от этой работы он был отстранен» <перевод автора>.

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В течение пяти лет после окончания учебы Горлецкого мы не находим упоминаний ни об одном принадлежащем ему переводе (жалованье переводчика он получает с 1725 г.). В январе 1727 года указом от имени императрицы Екатерины I Горлецкий определен к Ж.-Н. Делилю:

«По Ея И. В. указу, велено тебе ходить к господину Делилю, для толкования речей с французского языка на российский, а с российского на французский» (МАН I, 233).

Работая под руководством Ж.-Н. Делиля, Горлецкий усовершенствовал свои знания в географической или даже шире — естественнонаучной лексике, позднее он занимался переводами в отделе картографии.

Вскоре, в том же 1727 году, Горлецкий получает задание — переводить с французского учебное пособие для юного Петра II. Это было сочинение академиков И. Германа и Ж.-Н. Делиля под названием «Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России», состоявшее из трех частей:

«Abrégé des Mathématiques pour l'usage de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies. T. I, contenant l'Arithmétique, la Géométrie et la Trigonométrie. T. II, contenant l'Astronomie et la Géographie. T. III, contenant la Fortification et l'Architecture civile» (МАН I, 270).

В начале 1728 года у Горлецкого требуют известия о заказанном переводе и в апреле того же года он сдает первые две части. Работа была проверена, неточности исправлены, и труд отправили на апробацию Л. Л. Блюментросту (МАН I 355, 369). В 1728 году две части переводимого Горлецким «Компендиума» были напечатаны в 300 экземплярах, из них 20 штук — на александрийской бумаге (МАН I, 388). В начале 1729 года Горлецкому поручена работа над переводом третьей части «Сокращения математического» — раздела о фортификации. Просьба об этом переводе от имени Шумахера сопровождалась самой

книгой, а также пятью другими сочинениями по той же теме, уже переведенными на русский язык, для ознакомления переводчика с математической терминологией (МАН I, 444). Эта часть была напечатана в 1730 году¹².

Горлецкий переводил еще некоторые материалы по географии: в 1730 году он перевел на русский язык французское письмо профессора Делиля, а также «обсервацию» Камчатки (МАН I, 662, 683). В 1734 году было издано «Описание о Японе»¹³, первую часть с французского языка перевел С. Коровин, две другие — И. Горлецкий.

В 1735 году было учреждено Российское собрание — собрание переводчиков Академии наук (туда вошли, в частности, В. К. Третьяковский, В. Е. Адодуров, И. И. Ильинский, И. С. Горлецкий). На заседаниях должны были проверяться, обсуждаться и исправляться подготовленные переводы. В «Материалах для истории Императорской Академии наук» находим упоминание о том, что Горлецкий вместе с Третьяковским участвовал в освидетельствовании переводов на русский язык¹⁴ и в 1743 году.

В 1735 году Горлецкий был официально назначен в образованный Географический департамент и переводил там каталоги, реестры, описания карт, приказы, протоколы, памятные записки на русский и французский языки; участвовал в составлении каталогов карт и даже — в работах над картами вместе с геодезистами.

¹² Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России. Ч. 1, содержащая арифметику, геометрию и тригонометрию (1728). Ч. 2, содержащая астрономию и географию (1728). Ч. 3, содержащая фортификацию (1730) / [перевел с французского И. С. Горлицкий]. — СПб.: Тип. Акад. наук, 1728 (1730). — См.: (СК XVIII в. 1, 223).

¹³ Описание о Японе: содержащее в себе три части, то есть: Известие о Японе и о вине гонения на христиан, Историю о гонении христиан в Японе и Последование странствования Генрика Гагенара, которое исправно ландкартою и изрядными фигурами украшено. — СПб.: Печ. при Акад. наук, 1734. См.: (СК XVIII в. 2, № 4961, 359).

¹⁴ См., например, об освидетельствовании Горлецким и Третьяковским переводов Фрейганга: МАН V, 662.

На службе он познакомился с молодым тогда профессором Л. Эйлером. В «Протоколах Географического департамента», написанных по-французски секретарем П. Л. Леруа, имеются краткие сообщения о присутствовавших работниках и их деятельности, часто встречается запись:

«Г-н Горлицкий (не) приходил. Г-н Эйлер занимался, как обычно» (ПГД 2000: 139–246).

Постоянно работая с Делилем в обсерватории, Горлецкий хорошо узнал астрономическую терминологию и сам стал ее создавать: например, именно ему мы обязаны названиями «спутник», «Млечный Путь» и т. д. (ПГД 2000: 261, прим. 29).

Как видно из протокольных записей, Горлецкий переводил с французского языка на немецкий список вещей, присланных из Второй Камчатской экспедиции Л. Делилем де ла Кройером, братом Ж.-Н. Делиля (ПГД 2000: 263, прим. 51).

Горлецкому поручались также переводы по истории. В 1739 году он перевел на латынь «Степенную книгу», памятник исторической литературы XVI века; в 1740 году с латыни перевел «Предисловие на псалмы» (оба эти перевода сохранились в рукописи).

В 1750 году, когда В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов, по желанию императрицы Елизаветы, соревновались друг с другом в сочинении трагедии, Академической канцелярии срочно потребовался перевод с французского языка сочиненного Д. Бонекки либретто оперы Ф. Арайя «Беллерофонт», которую хотели представлять при дворе уже через 10 дней. Тредиаковский, которому хотели поручить это задание, отказался, сославшись на свою работу над сочинением трагедии. Тогда этот перевод был поручен И. Горлецкому (Пекарский 1873: 157). Русский сокращенный вариант либретто был напечатан к представлению параллельно с французским текстом Д. Бонекки (ранее перевод либретто на русский язык ошибочно приписывался А. В. Олсуфьеву — см.: (СК XVIII в. 1, № 684, 119)).

ГРАММАТИКИ

Отдельного внимания заслуживает участие Горлецкого в работе над грамматиками. В 1722 году только что вернувшийся из-за границы парижский студент Горлецкий составил французскую грамматику (текст не издан) и поднес ее Екатерине I, за что императрица поблагодарила его 20 червонцами¹⁵.

Б. А. Успенский обнаружил 2 листа с грамматическими сочинениями Горлецкого в Британском музее (листы сохранились в составе конволюта, принадлежавшего Т. Консетту, который скончался в 1730 году, и отсюда можно определить *terminus ante quem* Горлецкий работал над этими сочинениями (Успенский 1997: 444). На одном из листов в две колонки составлено начало грамматики церковнославянского языка и параллельный латинский текст. Как видно из подписанной в конце листа записи, предполагалось составить грамматику русского языка. На другом листе стоит заглавие: «Грамматика французская» и представлено начало французской грамматики.

В 1729 году по указу императрицы в Академии наук Горлецкому отдают для перевода на русский язык грамматику французского языка, «взятую у шпрахмейстера Декомбеля» (в другом месте сказано, что Ш.-А. Декомбль являлся ее составителем: “*von dem sprachmeister De Combles gefertigte frantzösische grammatic*”)¹⁶. Лексикон при этой грамматике было поручено перевести Ильинскому и Сатарову (МАН I, 499, 603). Каких-либо материалов этой грамматики обнаружить пока не удалось¹⁷.

¹⁵ См. письмо Горлецкого к императрице (Пекарский 1862: 241). О сумме вознаграждения за труд известно из приходорасходной книги комнатных денег первой императрицы: Белозерская 1902: 83.

¹⁶ В связи с этими документами В. П. Вомперский предположил, что изданная в 1730 г. анонимная «Грамматика французская и русская» принадлежала Горлецкому (Вомперский 1969: 125 и сл.).

¹⁷ Запутанно и хронологически недостоверно сообщается об этом в «Словаре русских писателей XVIII века»: «Составил фр. грамматику, которую посвятил Екатерине I (не изд.), перевел фр.

Горлецкий участвовал вместе с Ильинским и Сатаровым в работе по переводу с латинского на русский язык «Немецко-латинского и русского лексикона» Э. Вейсмана¹⁸.

В служебных документах 1748 года имеется упоминание о его переводах двух французских грамматик: «одна называемая Ресто, а другая безымянного автора». В начале 1749 года эти грамматики были проверены в Историческом собрании Ф. Г. Штрубе де Пирмонтом, М. В. Ломоносовым и В. К. Трелиаковским:

«Рестову за наилучшую признать можно, токмо при напечатании во оной рестовой грамматике и в другой некоторые российские речи надлежит поправить, а оные грамматики при сем возвращаются» (МАН IX, 654).

В 1750 г. К. Ф. Модерах подал в Академию наук рапорт с другим переводом грамматики Ресто, сделанным В. Е. Тепловым¹⁹ с немецкого языка. Этот перевод признали лучшим и более достойным печати, таким образом, было приказано печатать перевод Теплова и приложить к нему исправленные диалоги из перевода Горлецкого, а также печатать вторую грамматику, переведенную Горлецким — «Начала французского языка» (МАН X, 643–644).

грамматику М.-А. (sic!) Декомбля (1730). Сохранились положительные отзывы М. В. Ломоносова и В. К. Трелиаковского о переводе Г. этих фр. грамматик». Конечно, ни Ломоносов, ни Трелиаковский в 30-м г. не могли давать отзывы на переводы Горлецкого; это случилось через 18 лет, в 1748 г., и относилось к его переводу грамматики Ресто (об этом см. ниже в главе).

¹⁸ Немецко-латинский и русский лексикон: Купно с первыми началами русаго языка к общей пользе / При Имп. Академии наук печатною издан; [Перевели на русский язык И. И. Ильинский, И. П. Сатаров и И. С. Горлицкий]. — St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. См.: (СК XVIII в. 1, № 881, 147).

¹⁹ В 1750 г. Василий Егорович Теплов был студентом Академии наук, его курировал адъютант Карл Фридрих Модерах; впоследствии В. Теплов становится академическим переводчиком.

КАРЬЕРА

Несмотря на отмеченные нами нередкие свидетельства о трудном материальном положении И. С. Горлецкого, он не захотел продвигаться по службе так, как это требовалось в те годы. Хотя в 1733 году Горлецкий просит перевести его в профессора, сдать предложенный ему экзамен для получения профессорского звания он отказывается, по словам Третьяковского (в доношении 1743 г.), сославшись на то, что он имеет уже «парижское свидетельство» (МАН II, 315; МАН V, 970). Не является ли этот поступок Горлецкого первым актом сопротивления авторитарной деятельности Шумахера? Впрочем, отказавшись от продвижения в должности, он только лишил себя лучших материальных условий. В 1734 году выходит указ об оплате служителями Академии драгунских лошадей, Горлецкий с переводчиком Толмачевым безуспешно пытался отменить распространение этого указа на переводчиков (МАН II, 434, 475). В 1735 году Горлецкий вновь испытывает денежные трудности (Академия не выплатила полагающиеся ему деньги за дрова, свечи и жилье), он оказывается в долгах и, как становится ясно из его рапорта, даже лишается слуги до тех пор, пока не расплатится с долгами (МАН II, 787).

С воцарением Елизаветы Петровны в среде профессоров, адъюнктов, переводчиков и студентов появилась надежда на перемены в Академии, прежде всего это касалось смещения с должности И. Д. Шумахера, который, по их мнению, препятствовал развитию Академии. Одним из основных мотивов для недовольства было то, что в Академии служили, в основном, иностранцы, а русским невозможно было добиться получения места. В 1742 году сначала Ж. Н. Делиль, а затем и другие академические служители (комиссар Камер, канцелярист Греков, копиист Носов; студенты Пухорт, Шишкарев и Коврин, ученик гравера Поляков, переводчики Горлецкий и Попов) составили доношения против Шумахера; в результате был подписан указ об учреждении Следственной комиссии. Шумахер

был отстранен от должности и посажен под домашний арест. Все ученые документы и материалы в Кунсткамере, Библиотеке и Книжной лавке Академии были опечатаны. Протестное настроение в Академии усиливалось: 14 октября 1742 года Ломоносов вместе с Горлецким «под видом осматривания печатей» помешал Академическому собранию «продолжать свои дела» (МАН II, 790).

В судебном деле обвинения против Шумахера обращает на себя внимание стиль И. Горлецкого: он изощрен и витиеват. Так, например, Горлецкий писал Нартову в Москву:

«Что же о нас, благодатию божиею до сего числа здравы пребываем, ожидая тщением вашим милости всещедрого бога чрез помазанницу его получить, а супостатов <т. е. Шумахера и его людей. — А. С.> ходатайством пресвятой богородицы и всех святых под ноги верных рабов и сынов российских покорить дай боже» (Пекарский 1870: 35).

Обвинения Горлецкого изобилуют метафорами: отсутствие в Академии русских профессоров он описывает как «явное Шумахера на Россию скрежетание». Шумахер парировал это с иронией, пользуясь оружием и средствами противника: он на Россию «скрежетания не имел». Также Горлецкий обвинял Шумахера в том, что он, «заглажая свой яд, не хотел открыть науки»; на это Шумахер отвечал, что «науки закрывать никакого яду он, Шумахер, не имел, и науки открывали и открывают профессора» (Пекарский 1870: 38).

В начале декабря 1742 года сторонники Шумахера инспирировали подачу коллективной жалобы в Следственную комиссию на Ломоносова, Горлецкого, Камера и Пухорта; 31 декабря члены собрания подали ответную жалобу на них (МАН VI, 583; Пекарский 1873: 332). Однако следствие приняло решение в пользу Шумахера.

4 декабря 1743 года императрица восстановила Шумахера в должности. В июле 1744 года он «за немалый арест и досады» становится статским советником и директором Академии; затем последовали наказания обвинителей Шумахера (плетьюми

или батожьем: Пекарский 1870: 44). За ложный донос наказание Горлецкому было назначено самое жестокое: он был приговорен к смертной казни. Но позднее оно было смягчено, причем дважды: сначала, по причине его «долголетней службы и старости и что имеет жену и детей», «учиня наказание плетью», положено было ограничиться его пожизненной высылкой в Оренбург для обучения там молодых людей (май 1744 г.), потом (15 июля того же года) по всемилостивейшему указу ея и. в. было приказано Горлецкого «во Оренбург на вечное житье не посылать и из-под караула свободить» (МАН V, 592; VII, 158–161). Вернуться на прежнюю должность помилованные «доносители» уже не смогли: Шумахер успел к этому времени уволить всех своих обвинителей и восполнить вакансии. Только через несколько лет сострадание графа Разумовского помогло Горлецкому вернуться в Академию (МАН IX, 262; Пекарский 1870: 44)²⁰. В середине 1748 года Горлецкий вновь оказывается в академическом списке.

С 1749 по 1776 год Горлецкий числится сотрудником Библиотеки Академии наук, переводчиком при Библиотеке и Кунсткамере (Летопись БРАН 2004, 16).

В последние годы Горлецкий получал половинное жалование в Академии наук. Сохранились автографы его богословских сочинений и переводов 1760–1770-х годов: «Гисториографическое и словное объяснение псалмов», «Уподобительные псалмы царя Давида», «Богословие мистическое или таинственное» и др. (ГПБ, собр. Вяземского, Ф. II)²¹.

²⁰ Г. Ф. Миллер вот так описывает это событие: Johannes Gorlezki, <...> war seiner wunderlichen einbildung halber zum übersetzen eben so untüchtig, als zum lehren, wuste sich aber gönner zu machen, um deren willen er wieder in dienste genommen wurde, wenn man sich schon seiner entledigt hatte (МАН VI, 102) «Иван Горлецкий из-за своего странного самомнения неспособный как к преподаванию, так и к переводу, умел найти себе покровителя, ради которого он снова был принят на службу, после того как его уже уволили».

²¹ См.: (Николаев, Осипов 1988).

АВТОБИОГРАФИЯ

Рукописный текст автобиографии И. С. Горлецкого, хранящийся в документах М. В. Ломоносова²², датируется 1761 годом. Его автор в возрасте 71 года описывает небольшой период своей жизни с 1717 по 1725 год: свою поездку за границу, встречу и общение с Петром Первым и царским двором и свое назначение в Академию наук самим Петром Первым:

[Лист 97]

По имянному его царского пресветлаго величества указу, из Амстердама в 1717ом году в Контору правительствующаго Сената в Москве, и по силе онаго имяннаго указа из оныя конторы, из монастырскаго Приказа также и из Палаты Печатнаго двора с выдачею жалованья философии ученикам, с подъемными и прогонными денгами отправился я, по выбору моему, с товарищи, а именно: Тарасом Постниковым, Иваном Каргополским, Иосифом Кречетовским, Василием Козловским, Филипом Анахиным, Иваном Алабиным, да малолетними Ермолаем Крайцевым, Данилом Овсяниковым, а десятого отставил за неудобство; к директору училищ и печатнаго двора, его сиятельству графу и сенатору Ивану Алексеевичу Мусину и Пушкину в Санкт-Петербурх. От его сиятельства и к графу и великому адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину в Ревель. Из Ревеля, на корабле, именуемом Сампсон, и к его светлости князю и генералу Михайле Михайловичу Голицыну в Германию в город Росток, где и принят был в конторе адмирала господина Синявина. От его светлости сухим путем до Елбы реки, а по Елбе и к господину резиденту Ивану Ивановичу Бутурлину в Гамбург. Из Гамбурга от его превосходительства морем в Голландию в Амстердам, где был и двор его царского пресветлаго величества, а его царское пресветлое величество был тогда во Франции в городе Париже; а я по указу ея величества государыни царицы и великия княгини Екатерины Алексеевны был при дворе, до прибытия его царского величества из Парижа в Амстердам, и вручил его величеству письмо от графа и сенатора Ивана Алексеевича Мусина и Пушкина. Приняв оное письмо его царское величество и прочет, повелел мне быть в уреченный день в свой кабинет, где приняв от меня книги присланные к его величеству из типографии московския печати, повелел мне

²² Автор благодарит СПбФ АРАН за предоставленный материал.

собственноустно при господах министрах: князе Борисе Ивановиче Куракине, при великом канцлере графе Гаврииле Ивановиче Головнине, да при подканцлере Петре Павловиче Шафирове, выбрав двух из товарищей моих ехать мне во Францию в Париж для довершения наук. Трех отправить в Богемию в город Прагу. А трех малолетних оставить в Амстердаме, что я и учинил, выбрав с собою Тараса Постникова да Ивана Каргополскаго, а в Прагу: Иосифа Кречетовскаго, Василья Козловскаго да Филипа Анахина, оставил я в Амстердаме: Ивана Алабина, Ермолая Крайцева да Данилу Овсяникова. Сам отправлен был по собственоуственному указу его царскаго пресветлаго величества, от князя Бориса [Об.]

Ивановича Куракина на почте каналами в город Стаднов (?), оттуда каналами ж и Реном рекою в город Голандии Роттердам. Из Роттердама заливами в Брабандию в город Антверпен и к агенту прозванием Стефано, от него, из города Антверпена в Брабандию ж каналом в город Брюксель, из Брюкселя в Париж и к графу Конону Никитичу Зотову сухим путем. По прибытии моем в Париж определился я и с товарищами моими в Коллегиуме Кватор Национум при профессоре господине Жофруа, от котораго коллегия за руками и печатью правителей в окончании моем философии получил и засвидетелство. Обучался також де юриспруденции и математики, да и нечто докторству и богословии в Сорбоннском доме под доктором теологии господином Лями. Из Парижа отправлен был в 1722^m году с товарищи моими князем Васильем Лукичем Долгоруковым в Нормандию в стольный город Руан, откуда им же, князем, отправлен водяным путем в Германию в Гамбург к резиденту Норису, а Норис же отправился морем в Санкт-Петербург, куда прибыв 1722 сентября [нрзб] писал о себе письмо к его императорскому величеству, возвращавшемуся тогда из Персии, которое, получив, его императорское величество разкручинился [нрзб] на того кто меня с товарищи без указа его величества выправил из Франции, оторвав от учения, но то е умягчилось. Когда же прибыл его величество в Москву, отправлен был из Санкт-Петербурга из Соленой конторы на почте в Москву и явился его величеству в Кабинет в Преображенском, и его величество виде, послал меня с писмом свидетелствоваться в Святейшем Синоде, где освидетелствован и по освидетелству определены нам были покои учительския во училищах Спаских со удовольствием столовым, что чрез несколько месяцев и получал. По освидетелстве же вопрошен был, какую бы я науку в действо желал производить, во ответ дал, что философию,

мне науку приятную, в чем некие члены были и согласны, а иные и разгласны для необычая, чтоб мирские люди философию и прочия науки производили разве бы постриглися. Чем я недоволен, приехав в Санкт-Петербурге его величеству о том и донес, чем его величество огорчился, на оный Синод, повелел мне быть в токарне своей собственной, что было 1724го года сентября 10 числа, куда пришед явился его императорскому величеству при столе за обедом, и сним присущими Академии наук президентом Лаврентьем Блюментростом. При Меланине Андрее Нартовом, при Михайле Ширяеве. Увидев же меня его величество начал говорить с Блюментростом, что Академия, Слава Богу, начинается

[Лист 98]

и я, указав на меня, должен быть при Академии, хотя еще опричь Президента да библиотекаря Господина Шумахера ничего еще кроме меня перваго и небыло; а о определении жалованья повелел все милостивейший Монарх давать мне до прибытия господ профессоров по двенадцати рублей на месяц, о чем свидетелствуют расходные книги академические вышереченнаго 1724го года. По определении же моем в Академию повелел мне его императорское величество от спальни своей быть неотлучну, а слышно было чтоб мне быть учителем у великаго князя, бывшего государя императора Петра Алексеевича, при котораго столе и определено мне было застольное. При том же и дела некоторыя для перевода мне его императорское величество поручал, но болезнь от часа на час и от дня на день, в кратком времени после этого определения и милосердия, то есть 1725го января двадцать осмага числа лютая смерть, меня такога премилостиваго монарха и отца лишила. А я до сего времени остался чужестраннаго отца сын, сир. Без всякаго произведения и мне неизвестнаго в Академии чина, уже тому тридцать седмой год.

A. Smirnova. Academy interpreter Ivan Horletzky.

I. S. Horletzky was one of the first who worked in the Russian Academy of Sciences during the period of its formation. After graduation from the Sorbonne he worked as a translator in Latin and French focusing on natural-science texts, grammars and lexicons, letters and documents. He worked together with Adodurov, Trediakovsky, Euler, Lomonosov and many other famous people. Till now some works and documents of the 30-es–40-es of the XVIII century are anonymous and this biography can help to identify some of them.

К. А. Филиппов
(СПбГУ)¹

**ЛЕЙБНИЦ — ВОЛЬФ —
ГОТТШЕД — ЛОМОНОСОВ:
(к вопросу о грамматических
теориях XVIII века)**

Ключевые слова: Европейское Просвещение, историко-грамматический дискурс XVIII века, Лейбниц, Вольф, Готтшед, Ломоносов, грамматика, риторика, немецкий язык, русский язык, язык науки.

Влияние европейских научных тенденций на научное творчество Ломоносова, в частности, немецких ученых-просветителей Лейбница, Вольфа, Готтшеда, требует вовлечения в научное рассмотрение ряда историко-культурных фактов, источниковедческих находок, новых филологических исследований. В XVIII веке ученые-просветители сталкивались с похожими проблемами: позиции латыни как языка науки и образования, еще недавно казавшиеся незаменимыми (в Германии), начинают подвергаться напору со стороны немецкого языка, а русскому языку в России приходится завоевывать свои позиции в науке и образовании в борьбе не только с латынью, но и с немецким языком, определявшим формирование и развитие российской академической науки XVIII века.

Четыре имени, вынесенные в заглавие главы, — это выдающиеся ученые Германии и России, оказавшие самое непосредственное влияние на развитие немецкой и российской науки и культуры. Порядок следования имен никого не должен вводить в заблуждение: этот перечень всего лишь отражает хронологическую последовательность появления замечательных ученых-просветителей на европейском научном небосклоне: Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), Христиан Вольф (1679–1754), Иоганн Кристоф Готтшед (1700–1766), Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765).

¹ Константин Анатольевич Филиппов, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тем не менее в приведенном выше перечне великих представителей раннего немецкого Просвещения, предпосланном имени нашего великого соотечественника, скрывается дополнительный смысл. Незримую связь этих трех замечательных имен немецких ученых с именем Михаила Васильевича Ломоносова лучше всего иллюстрирует мысль Исаака Ньютона, давно ставшая афоризмом:

«Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов» (Энциклопедия афоризмов 2007: 758).

Научные идеи немецкого Просвещения, несомненно, были близки М. В. Ломоносову, а в творчестве нашего замечательно-го соотечественника можно заметить черты европейского научного дискурса XVIII века, яркими представителями которого выступают три вышеназванных немецких ученых.

Идеи просвещения оказали заметное влияние на исследования в области грамматики. При этом под грамматикой в этом случае понимается дисциплина, традиционно причисляемая к так называемым семи свободным искусствам. Как известно, вплоть до XVIII века грамматика рассматривалась в ее связи с риторикой и другими науками, которые вместе составляли «семь свободных искусств»: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Вот как определяет грамматику Исидор Севильский в своем трактате «Этимологии»:

«Грамматика есть знание, как правильно говорить; это начало и основание свободного письма» (Исидор Севильский 2006: 12).

И далее:

«Риторика же связана с искусством грамматики. Ведь в грамматике мы учимся науке правильно говорить, а в риторике мы действительно постигаем, каким образом будем выражать те вещи, которым научились» (Исидор Севильский 2006: 67).

При обращении к грамматическим идеям М. В. Ломоносова, приходится затрагивать вопросы, как общего, так и частного порядка, т. е. говорить об отношении великого ученого к языку как феномену в целом, о роли русского языка в общественной жизни России XVIII века, о формировании научного стиля русской речи. По выразительным словам М. М. Бахтина, эпоха Просвещения — это «эпоха могучего пробуждения чувства времени», это исторический период, когда «плуг времени» взрыхляет «неподвижный мир предшествующих эпох», когда «противоречия современности, утрачивая свой абсолютный, богом данный, вечный характер, раскрывают в современности историческую разновременность — пережитки прошлого и зачатки, тенденции будущего» (Бахтин 1979: 217).

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) — один из самых значительных ученых Европы, философ, математик, юрист, дипломат, «последний универсальный ученый Германии», как называют его в библиографических справочниках. Приверженность идеям просвещения показывает известная мысль Г. В. Лейбница:

«Wir sind um so freier, je mehr wir der Vernunft gemäß handeln, und um so mehr geknechtet, je mehr wir uns von der Leidenschaft regieren lassen»².

Важнейшие научные достижения Лейбница: независимо от Ньютона, он создал математический анализ — дифференциальное и интегральное исчисление; обосновал комбинаторику как науку; только он во всей истории математики одинаково свободно работал как с непрерывным, так и с дискретным. Лейбниц задолго до Зигмунда Фрейда привел доказательства существования подсознания человека. Ему принадлежат

² «Мы тем свободнее, чем больше поступаем сообразно рас- судку, и тем больше поработены, чем больше поддаемся страстям» (Энциклопедия афоризмов 2007: 7).

многочисленные чисто прикладные проекты (от создания арифмометра до проекта подводной лодки).

В области немецкого языка известны работы Лейбница: «Ermahnung an die Deutschen, ihren Verstand und ihre Sprache besser zu üben» (1683, gedruckt 1846), «Unvorgreifliche Gedanken, betreffend der Ausübung und Verbesserung der deutsche Sprache» (um 1697, gedruckt 1717). Именно в последней работе содержится его знаменитая метафора «Язык есть зеркало разума»: «Es ist bekandt, daß **die Sprach ein Spiegel des Verstandes**, und daß die Völcker, wenn Sie den Verstand hoch schwingen, auch zugleich die Sprache wohl ausüben, welches der Griechen, Römer und Araber Beyspiele zeige» (Pietsch 1908: 327).

Христиан Вольф (1679–1754) — одна из наиболее влиятельных фигур в немецкой науке XVIII в. Современники видели в нем идейного продолжателя Вильгельма Лейбница. Стремление подчеркнуть роль разума, логических законов и форм мышления прослеживается в самом названии многих произведений Христиана Вольфа, которые начинались словами «Разумные мысли» (Vernünftige Gedanken):

- ◆ Vernünftige Gedanken von den Kräften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkenntniß der Wahrheit (1713);
- ◆ Vernünftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt (1718)
- ◆ Vernünftige Gedanken von der Menschen Thun und Lassen, zur Beförderung ihrer Glückseligkeit (1720)

Именно Христиан фон Вольф, почетный член Петербургской Академии наук (1725), стал научным наставником Ломоносова во время его пребывания в Германии (1736–1740 гг.) В университете г. Марбурга Христиан Вольф в зимнем семестре 1736/37 года читал публичные лекции по оптике, частным образом читал лекции по политике, в то же самое время он продолжил чтение своего курса по математике. Кроме того, Вольф

учил студентов также алгебре и метафизике. Успешный ученый и прилежный учитель, Христиан Вольф продолжал свои занятия с учениками даже на каникулах. С русскими студентами М. В. Ломоносовым, Густавом Рейзером и Д. И. Виноградовым он занимался отдельно. Под руководством Вольфа Ломоносов написал свою диссертацию по теоретической физике. Глубокое уважение М. В. Ломоносова к своему научному наставнику проявилось, например, в том, что Ломоносов при жизни Вольфа не вступал в научную полемику с немецким ученым, хотя их взгляды на многие проблемы весьма изменились.

Христиан Вольф подобно другим немецким просветителям ярко высказывался о роли немецкого языка в просвещении немецкого общества и развитии немецкой науки. В 1726 году Вольф представил собственное описание своих философских трудов, вышедших на немецком языке («Ausführliche Nachricht des Autoris von seinen eigenen Schriften / die er in deutscher Sprache von den verschiedenen Theilen der Welt-Weisheit heraus gegeben»). В § 14 второй главы он пишет:

«Die deutsche Schriften von der Welt-Weisheit habe ich hauptsächlich zu dem Ende geschrieben, damit sich meine Zuhörer derselben in den Collegiis bedienen könnten. Denn es gieng mit mir wie andern Professoribus, daß meine Discurse unrecht nachgeschrieben worden, so daß öfffters entweder gar kein Verstand herauskam, öfffters aber ein Verstand, der meinem Sinne gantz entgegen stund»³ (Wolff 1733: 23).

Иоганн Кристоф Готтшед (1700–1766) — крупный немецкий писатель и теоретик литературы эпохи Просвещения —

³ «Философские тексты на немецком языке я написал на тот случай, чтобы мои слушатели могли бы пользоваться ими на занятиях. Потому что со мной, как и с другими профессорами, случалось так, что мои лекции (речи) конспектировались неправильно, так что часто в них или не было видно никакого смысла, или же часто был смысл, совсем противоположный моему пониманию» — *перевод автора*.

был признанным последователем Лейбница и Вольфа. Своим преподаванием и литературно-журналистской деятельностью Готтшед содействовал развитию немецкой литературы, театра и риторики. Готтшед — один из создателей немецкого просветительского классицизма. Его художественное мировоззрение носило рационалистический характер, в поэзии и литературе наибольшее значение он придавал поучительности. Его девизом были ясность, простота, правдоподобие.

Наиболее значительным трудом в области грамматики считается его книга «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst», которая вышла в свет в 1748 году и служила образцом учебника по грамматике многие десятилетия (Götttert 2010: 215). Его слова:

«Die Wörter einer jeden Sprache sind die Zeichen der Gedanken»⁴
(Gottsched 1752: 193)

отражают общую рационалистическую направленность его научного творчества.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) не нуждается в подробной характеристике. Его уникальный талант проявил себя в самых различных научных сферах. Остановимся только на некоторых моментах его деятельности в области теории языка с учетом научного творчества Лейбница, Вольфа и Готтшеда, т. е. трех немецких ученых, оказавших влияние на формирование его научной позиции.

Несомненно, наиболее полно взгляды М. В. Ломоносова на роль русского языка в развитии науки и культуры России представлены в его «Российской грамматике», которая впервые увидела свет в 1757 году. В предисловии к этому произведению автор сам определил назначение грамматики:

«Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без

⁴ «Слова любого языка — это знаки мыслей» — перевод автора.

грамматики. И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению» (АПСС 7, 392).

Кроме того, в «Российской грамматике» (подобно Лейбницу, Вольфу и Готтшеду) Ломоносов говорит о роли разума — «правителе наших действий»:

«По благороднейшем даровании, которым человек прочих животных превосходит, то есть правителе наших действий — разуме, первейшее есть слово, данное ему для сообщения с другими своих мыслей» (АПСС 7, 394).

М. В. Ломоносов был хорошо знаком с основными тенденциями европейского научного дискурса, пронизанного идеями эпохи Просвещения. Приведем всего лишь один пример: в Предисловии к «Волфианской экспериментальной физике» (1746) Ломоносов выступал против научного догматизма. Он видел в научной полемике «дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению»:

«Славный и первый из новых философов Картезий осмелился Аристотелеву философию опровергнуть и учить по своему мнению и вымыслу. Мы, кроме других его заслуг, особливо за то благодарны, что тем ученых людей ободрил против Аристотеля, против себя самого и против прочих философов в правде спорить, и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению» (АПСС 1, 423).

Среди современных ученых он первым называет Лейбница, словно отдавая ему «первенство среди равных»:

«Лейбниц, Кларк, Лок, премудрые рода человеческого учителя, предложением правил, рассуждение и нравы управляющих, Платона и Сократа превысили. Малпигий, Боил, Герик, Чирнгаузен, Штурм и другие, которые в сей книжке упоминаются, любопытным и рачительным исследованием нечаянные в натуре действия открыли и теми свет привели в удивление» (АПСС 1, 424).

Самое серьезное влияние на просветительские воззрения М. В. Ломоносова оказали Вольф и Готтшед. Например, в «Проекте регламента Московских гимназий» 1755 года, отражающем учебно-научные предпочтения М. В. Ломоносова, в главе под названием «О книгах, по которым обучать в школах» Ломоносов прямо называет авторов, на трудах которых необходимо строить школьное образование в России:

«§ 54. В школе первых оснований нужнейших наук, в первом и во втором классе употреблять из Волfoва сокращения „Арифметику“ и „Геометрию“ (которые нарочно с немецкого перевести и напечатать), географию употреблять Курасову, логику, метафизику и практическую философию учить по Тиммигову сокращению Волфианской философии на латинском языке» (АПСС 9, 459);

ср. также

«§ 55. Немецкому языку учить по „Грамматике“ Готтшедовой и по «Разговорам немецким», печатанным с российским переводом; в прозе читать и толковать сочинения Мосгеймовы, в стихах Каница и Гинтера и других» (АПСС 9, 459).

Как мы видим, в практических действиях М. В. Ломоносова по формированию системы образования в России прослеживаются его предпочтения, сформированные во время его пребывания за границей.

В своих трудах по немецкой грамматике Лейбниц, Вольф и Готтшед обращали внимание на разные «качества» немецкого языка: **Лейбниц**: зеркало разума (*ein Spiegel des Verstandes*), богатство (*Reichthum*), изобилие (*Überfluss*), выразительный (*nachdrücklich*), крепкий (*kräftig*); **Вольф**: понятный (*verständlich*), не бедный (*nicht so arm*), внятность, понятность (*Deutlichkeit*), крепкий (*kräftig*); **Готтшед**: богатство и изобилие (*Reichthum und Überfluß*, как у Лейбница), понятность (*Deutlichkeit*, как у Вольфа), краткость (*Kürze*), выразительность (*Nachdruck*, ср. *nachdrücklich* у Лейбница). Отдельного упоминания заслуживает

убежденность Вольфа в возможности и необходимости использования родного языка в науке:

«Ich habe gefunden, daß unsere Sprache zu Wissenschaften sich besser schickt als die Lateinische»⁵ (Wolff 1733: 27).

Сравним приведенные выше характеристики языка с оценкой, которую дал русскому языку М. В. Ломоносов. Наиболее ярко он выразился по этому поводу в предисловии к «Российской грамматике»:

«Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, италиянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка» (АПСС 7, 391).

Эти слова прекрасно соотносятся с приведенными выше словами Лейбница, Вольфа и Готтшеда о немецком языке. Но чтобы усилить это впечатление, обратимся к немецкому переводу «Российской грамматики», выполненному академическим архивариусом Иоганном Лоренцом Стафенгагеном под «смотрением» самого М. В. Ломоносова. «Rußische Grammatick» вышла в свет в 1764 году.

Сравним, как звучат фрагменты приведенного выше отрывка из Предисловия на русском языке: «...ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, *крепость* немецкого, нежность италиянского, сверх того *богатство* и *сильную* в изображениях *краткость* греческого и латинского языка»;

⁵ «Я обнаружил, что наш язык много более подходит наукам, чем латынь» — перевод автора.

на немецком языке: «Denn in dieser würde er das Erhabene des Spanischen, die Lebhaftigkeit des Französischen, die Zärtlichkeit des Italienischen, die *Kraft* des Deutschen, und überdem auch die *Reichthum* und die so *nachdrückliche Kürze* des Griechischen und Lateinischen angetroffen haben» (Rußische Grammatick, 1764: Vorrede).

И здесь снова мы встречаем слова *Reichthum*, *Kürze*, *deutlich* и *nachdrücklich*, как у Лейбница, Вольфа и Готтшеда.

Наконец, последняя цитата из Предисловия с «Российской грамматике» на русском и немецком языках, которая словно символизирует связь между Просвещением в России и Германии:

«Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих ображениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи» (АПСС 7, 392).

Ср.

«Die feinsten Philosophischen Begriffe und Erklärungen, die so mannigfaltigen natürlichen Eigenschafften und Veränderungen in unserm sichtbaren Weltgebäude und dem gesellschaftlichen Leben finden durchgehends in unserer Sprache Ausdrücke, welche die Sachen deutlich und genau bestimmen» (Rußische Grammatick, 1764: Vorrede).

Завершим главу кратким замечанием, на основании которого можно составить прогноз дальнейших путей в изучении предметности идей и формул научного европейского дискурса XVIII века. В первом параграфе трактата «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1744 год) М. В. Ломоносов дает определение риторике, отличающееся от дефиниции, представленной в «Кратком руководстве к красноречию» (1748 год), а именно: «Риторика есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать, то есть оную избранными речьми представлять и пристойными словами

изображать **на такой конец, чтобы** <выделено нами. — К. Ф.> слушателей и читателей о справедливости ее удовлетворить. Кто в сей науке искусен, называется ритор» (АПСС 7, 23). Обратим внимание на конструкцию, не характерную для языка Ломоносова «...на такой конец, чтобы...». Анализ электронного корпуса текстов показывает, что в текстах Ломоносова эта конструкция употребляется только один раз и только в этой (!) фразе. Объяснение этому факту находим в трудах Христиана фон Вольфа, который в 1726 году пишет:

«Die deutsche Schriften von der Welt-Weisheit habe ich hauptsächlich **zu dem Ende** geschrieben, **damit** sich meine Zuhörer derselben in den Collegiis bedienen könnten» (Wolff 1733: 23).

В подтверждении употребительности формулы **zu dem Ende, damit** в официальном языке Германии укажем на «Баварский кодекс» 1753 года (Codex Juris Bavarici Judiciarii de anno 1753), в котором такая конструкция встречается не один раз, например:

«Falls auch die Partheyen sich vor der Obrigkeit unterer Instanz oder extrajudicialiter vergleichen, während daß die Causa bey der höheren Instanz anhängig ist, so soll man dieser **zu dem Ende, damit** sie nicht weiter hierhin verfare, schleunige Nachricht davon ertheilen» (Баварский кодекс 1753).

Таким образом, грамматические идеи М. В. Ломоносова затрагивают вопросы как общего, так и частного порядка, что свидетельствует об отношении великого ученого к языку как феномену в целом, о роли русского языка в общественной жизни России XVIII века, о формировании научного стиля русской речи, и, конечно, о достижениях Ломоносова в изучении грамматического строя языка. Влияние европейских научных тенденций на научное творчество Ломоносова, в частности, немецких ученых-просветителей Лейбница, Вольфа, Готтшеда требует вовлечения в научное рассмотрение ряда

историко-культурных фактов, источниковедческих разысканий, новых филологических исследований. Эта работа тем более интересна и актуальна, что в рассматриваемый период времени немецкие и российские ученые сталкивались с похожими проблемами. В Германии позиции латыни как языка науки и образования, еще недавно казавшиеся незыблемыми, начинают подвергаться напору со стороны немецкого языка, а в России русскому языку приходится завоевывать свои позиции в науке и образовании в борьбе не только с латынью, но и — парадокс! — с немецким языком, определявшим формирование и развитие российской академической науки XVIII века.

K. Filippov. Leibnitz — Wolff — Gottsched — Lomonosov: Grammar Theories of the 18th Century Revisited.

Studying the influence of various European scientific tendencies, particularly of German Enlightenment, which is associated with Leibnitz, Wolff, Gottsched, etc., on Mikhail Lomonosov's works, is impossible without considering numerous facts of history and culture, as well as results of source and philological studies. During the 18th century scholars of the Enlightenment were facing similar problems: Latin, which had been commonly used as a language of science and education in Germany, was losing ground, while German was gaining popularity; at the same time, the Russian language in Russia was competing for the status of language of science and education with Latin as well as German, the latter determining the formation and development of Russian academic science throughout the 18th century.

*Б. А. Дюбо
(АУ РАН)¹*

**ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ
НЕМЕЦКОЙ ТРАДИЦИИ
В ГРАММАТИЧЕСКОМ
ОПИСАНИИ РУССКОГО
ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XVIII в.
(на примере глагольных
грамматических категорий)**

Ключевые слова: грамматика, Ломоносов, глагол, морфологические признаки, время, залог, универсальная грамматика, русский язык, немецкий язык, филологическая традиция.

Русский язык рассматривался М. В. Ломоносовым под воздействием латинской и церковнославянской грамматической традиции. Сравнение классификаций глагольных категорий у Ломоносова и в «Грамматике Пор-Рояля» показывает, что по сути своей они разные. Ломоносов ближе всего к немецким грамматикам его времени. Продолжение ломоносовской традиции в русской грамматикографии привело к расхождению с немецкой, которая, в свою очередь, также претерпела изменения во второй половине XVIII в. В русской грамматикографии вслед за Ломоносовым все большее распространение находили принципы универсальной грамматики. По этой причине грамматики немецкого языка, ориентировавшиеся прежде всего на морфологические признаки в описании грамматического материала, уже не оказывали прежнего влияния на русских грамматистов.

Август Людвиг фон Шлёцер², автор работ по древнерусской грамматике, истории, палеографии, писал по своему прибытию в Петербург в 1761 г.:

«Я осведомился об учителе русского языка. “Такого вы здесь не найдете, какой вам нужен”, ответил Миллер. Я спросил о по-

¹ Борис Анатольевич Дюбо, д-р филол. наук, проф. Санкт-Петербургской кафедры иностранных языков Академического университета РАН.

² August Ludwig von Schlözer (1735–1809).

собиях. И в этом отношении была тогда невероятная скудость, несмотря на то, что уже 37 лет существовала богато наделенная Академия, которая должна была распространять в народ образование и сношения с другими просвещенными нациями. Русской грамматики Гренинга на шведском языке у меня тогда не было и я даже не знал о ней. Ломоносова Грамматика существовала только по-русски, а потому для первого начала была мне непригодна; в немецком переводе она явилась только в 1764 г. в Петербурге. И так, в этой крайности, моим единственным пособием была грамматика, заключающаяся на 48 страницах <...> предположенная немецко-латинско-русскому лексикону Вейсмана (напечатана при Академии, 1731)» (Шлецер 1875: 34)³.

При такой скудости материалов о русском языке появление в середине 50 годов XVIII в. научной русской грамматики Ломоносова было, несомненно, выдающимся явлением:

«Только могучий талант Ломоносова мог собственно из ничего создать такое произведение, которое практически прослужило в живом обороте почти 75 лет. Грамматика Востокова, которой суждено было сменить Ломоносовскую грамматику, выпущена была в 1831 г.» (Обнорский 1940: 53–54).

Русский язык рассматривается Ломоносовым в перспективе латинской и церковнославянской грамматической традиции. Ломоносов исходит из своих представлений о рациональном устройстве языка. В его сочинении изложению собственно грамматики родного языка предшествует краткая универсальная грамматика или имеются прямые или косвенные ссылки на нее. Это позволяет Ломоносову после определения общих логико-семантических категорий перейти к рассмотрению

³ Интересный факт, что «21 января 1757 г., когда Типография не успела еще покончить с брошюровкой книги, Г. Н. Теплов передал Академической канцелярии приказание президента Академии Наук К. Г. Разумовского перевести Грамматику Ломоносова на немецкий язык, поручив это дело академическому архивариусу Стефенгагену.

способов их выражения в родном языке. Заканчивая первое наставление «О человеческом слове вообще», где излагаются наиболее общие, свойственные многим языкам правила, Ломоносов замечает:

«Здесь, при вступлении в российскую грамматику больше общего понятия о человеческом слове не требуется. Довольно для краткости будет знать, что общая грамматика есть философское понятие всего человеческого слова, а особливая, какова российская грамматика, есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему рассудительному его употреблению» (АПСС 7, 419–420)⁴.

Концептуальная связь грамматики Ломоносова с западно-европейской грамматической традицией приводила неизбежно к возникновению близких или почти дословных схем в описании грамматического материала, одинаковых дефиниций грамматических категорий и примеров:

«В таких филологических трудах, как свод правил и рекомендаций нормативной грамматики, по-видимому, вообще неизбежны независимо возникающие близкие или почти дословные определения и формулы, подсказывать которые может, например, общая грамматическая традиция, воспринимаемая через других авторов (в частности, как Ломоносов, так и Курганов хорошо знали грамматики иностранных языков и славянскую «Граматику» Мелетия Смотрицкого)» (Рак 1986: 129).

В настоящем исследовании хотелось бы остановиться на некоторых чертах, указывающих на заимствования в Российской грамматике из немецких грамматик, а также на том, имела ли эта традиция продолжение позже.

⁴ «Рассудительному употреблению» в немецком переводе грамматики Ломоносова, сделанном И. Стафенгагеном (1728–1784) под контролем самого Ломоносова (Lomonosow 1764: 47), соответствует *gewöhnlichsten Gebrauch*, т. е. «наиболее обычное употребление» (см. также: (АПСС 7, 868)).

В исследованиях, посвященных Ломоносову, иногда подчеркивается независимость Ломоносова от немецкой традиции (ср. полемику И. И. Давыдова и Я. Грота (Давыдов 1855: 19; Грот 1899: 520, 524)), часто указываются, если отвлечься от церковнославянских и латинских грамматик, французские грамматисты как непосредственный источник грамматики Ломоносова и прежде всего «популярная в XVIII в., выдержавшая бесчисленные переиздания грамматика французского языка Жана Робера де Пеплие» (Рак 1975: 217–219; Грот 1899: 521–522). Но для начала и середины XVIII в. характерны активизация немецко-русского научного обмена, преобладание немецкоязычной научной литературы в России. К тому же, как отмечает Я. К. Грот, «Его (Ломоносова. — Б. Д.) замечания относительно новых языков не всегда точны, так как он за исключением немецкого не знал их практически» (Грот 1899: 515).

Если сравнивать грамматику Ломоносова и немецкие грамматики (в частности Иоганна Кристофа Готтшеда⁵ (Gottsched 1748)), то здесь вполне можно говорить об общих методах в немецкой и русской грамматикографии, о возможном непосредственном влиянии на русскую грамматикографию не только латинских (или французских) образцов, но и немецких.

Как отмечает исследовательница истории создания грамматики Ломоносова В. Н. Макеева, намерение написать «Российскую грамматику» возникло у Ломоносова во время работы над вторым вариантом «Риторики» и уже в сороковые годы он приступил к собиранию материалов для грамматического труда (Макеева 1961: 52). Уже в «Риторике» Ломоносова (1748) проявилось влияние на него членов «Немецкого общества».

Высоко ценил Ломоносов и грамматику Готтшеда 1748 года, которая использовалась в учебных заведениях России. В написанном Ломоносовым «Проекте регламента московских гимназий» 1755 года рекомендуется «Немецкому языку учить по “Грамматике” Готтшедовой <...> Французскому языку обучать

⁵ Johann Christoph Gottsched (1700–1766).

по «Грамматике Пеплиеровой»» (АПСС 9, 459). Она неоднократно, начиная с 1760 года, переиздавалась в Петербурге: «Немецкая грамматика, сочиненная в пользу и употребление благородного юношества при Сухопутном шляхетском корпусе» Ивана Михайловича Греча (Греч 1760) представляет собой сокращенный перевод грамматики Готтшеда, о чем И. М. Греч пишет в своем сочинении (Греч 1760: 394). Второе издание этой грамматики 1769 года вышло уже под именем Готтшеда (Готтшед 1769). Традиция Готтшеда продолжалась и в последующих грамматиках немецкого языка на русском языке М. И. Агентовы, Ф. Шарова и др. (Koch 2002: 238, 251, 328).

Если обратиться к рассмотрению Ломоносовым глагольных категорий, то мы видим, что при оперировании понятиями, классификациями и терминами, выработанными в позднеантичной и гуманистической латинской грамматике, Ломоносов отказывается от слепого следования западноевропейской традиции, пытается наметить свойственную русскому языку связь категории глагольного времени с категорией вида. Он трактует выявленные им видовые различия как временные. Для того чтобы отразить эти различия, он увеличивает количество времен до десяти:

«Времен имеют российские глаголы десять: осьмь от простых да два от сложных; от простых: 1) настоящее — *трясу, глотаю* <...> 2) прошедшее неопределенное — *тряс, глотал* <...> 3) прошедшее однократное — *тряхнул, глотнул* <...> 4) давнопрошедшее первое — *тряхивал, глатывал* <...> 5) давнопрошедшее второе — *бывало тряс, бывало глотал* <...> 6) давнопрошедшее третье — *бывало трясывал, глатывал* <...> 7) будущее неопределенное — *буду трясти, стану глотать* <...> 8) будущее однократное — *тряхну, глотну* <...> От сложных: 9) прошедшее совершенное, напр.: *написал* от *пишу*; 10) будущее совершенное — *напишу*» (АПСС 7, 480).

Такая классификация свидетельствует, с одной стороны, о том, как пишет В. Н. Макеева, основываясь на анализе не только самой «Российской грамматики», но и рукописных

материалов к этой грамматике, что «в процессе своей работы Ломоносов освобождался от зависимости иноязычных и славянской грамматик, учитывая особенности грамматического строя русского языка. Окончательная редакция § 268–269 свидетельствует о глубоком понимании взаимосвязи временных отношений глагола с качественной его стороной, которая в современном языке обозначается категорией вида» (Макеева 1961: 141). С другой стороны, по мнению известного лингвиста С. К. Булича, «недостатком грамматики (Ломоносова. — Б. Д.) является искусственность и насильственность схем, в которых изложена в ней морфология особенно учение о глаголе. Здесь Ломоносов является в зависимости от своего времени, выше которого он стать не сумел. Кое в чем он даже сделал шаг назад, сравнительно с М. Смотрицким. Так понятие о “виде”, встречаемое в зародыше уже у Смотрицкого, не было оценено и развито Ломоносовым и осталось ему совершенно чуждо. Вследствие этого он должен был построить систему целых десяти времен, чтобы как-нибудь втиснуть в них своеобразные формы русского глагола» (Булич 1904: 215).

На первый взгляд представляется, что по количеству выделяемых времен Ломоносов ближе всего к грамматике Пор-Рояля, где рассматриваются 10 или 11 времен (с учетом греческого *paulo post futurum*) (Арно, Лансло 1991: 71–72). Однако по сути своей это разные классификации. Так, Ломоносов делит глаголы на простые («даю», «ставлю») и сложные (т. е. составные): «благодарю», «своевольствую» (АПСС 7, 479), а в грамматике Пор-Рояля, где приводятся латинские и французские примеры, деление времен на простые и сложные происходит таким образом, что сложные времена в отличие о простых указывают «посредством одного слова на каждое из этих времен вместе с его отношением к другому времени» (Арно, Лансло 1991: 71, 72), т. е. времена «сложные по значению», а не по морфологическому составу или аналитическим формам. Количество форм прошедшего и будущего времени в обеих грамматиках также

различно. В этом отношении Ломоносов ближе к немецким грамматикам его времени.

Термины, называющие временные формы, обозначают в немецкой грамматике последовательный порядок действий. Однако как свидетельствует предложенная Готтшедом классификация, в немецкой грамматике есть попытки указать в названиях некоторых временных форм на созвучия, семантически сопоставимые с категориальными формами вида. Исходя из значения соотношения действия к моменту речи, Готтшед увеличивает количество форм с пяти (именно столько времени выделяли большинство его предшественников) до семи. Помимо настоящего он выделяет три прошедших и три будущих времени: *die gegenwärtige Zeit* (*tempus praesens*) настоящее время: *ich schreibe* — я пишу; *die kaum vergangene* (*praeteritum imperfectum*) — прошедшее несовершенное: *ich schrieb* — я писал; *die völlig vergangene* (*praeteritum perfectum*) — прошедшее совершенное: *ich habe geschrieben* — я писал; *die längst vergangene* (*praeteritum plusquamperfectum*) — давно прошедшее: *ich hatte geschrieben* — я давно писал; *die ungewiß zukünftige* (*tempus futurum incertum*) — будущее несовершенное: *ich will schreiben* — я хочу писать *die gewiß zukünftige* (*futurum certum*) — будущее совершенное: *Ich werde schreiben* — я буду писать, *die bedingt zukünftige* (*futurum conditionatum*) — будущее условное: *Ich würde schreiben* — я написал бы (Gottsched 1762: 294).

Готтшед высказывается по поводу выделения будущего времени следующим образом:

«Особенно в глаголах я отважился на грамматическую ересь. Я добавил к ним два новых времени, которые у наших языковедов не встречаются. Но я не сам их образовал, а поскольку я установил их употребление в речи и у лучших писателей, то я только дал им названия и поместил на свое место» (Gottsched 1762: b₃).

Включение в одну парадигму будущего времени в качестве показателя времени модального глагола и конъюнктива (ср.: *die*

ungewiß zukünftige и die bedingt zukünftige) свидетельствует о том, что семантические критерии превалируют над формальными (морфологическими) критериями.

По этому же пути идет Ломоносов, он выделяет подобно Готтшеду три формы будущего времени, в то время как в грамматике Пеплие, которая указывается как непосредственный источник Ломоносова, говорится только об одном будущем времени: «Futurum ich werde haben J'aurai» (Peplier 1689: 80; 1736: 47).

Опять же в отличие от французской грамматики Пеплие, где выделено два плюсквамперфекта, давно прошедших времен у Ломоносова три — это «давнопрошедшее первое», а также два синтетических: «давнопрошедшее второе» и «давнопрошедшее третье». Именно в немецкой грамматике XVIII века предпринимались попытки выделить три формы плюсквамперфекта, когда испытывали проблемы при использовании латинской системы времен в качестве образца, например, в грамматике Шарминта (Charmyntes): «ich hatte geliebet, ich habe geliebet gehabt, ich hatte geliebet gehabt» (Charmyntes 1713: 41), цит. по: (Koch 2002: 354).

Не мог не знать Ломоносов многократно переиздаваемую в Петербурге грамматику немецкого языка Мартина Шванвица (Schwanwitz 1730, 1734, 1745, 1762, 1787, 1791). Параллельный русский текст этой грамматики использовался на практике и как описание русского языка (Keipert, Huterer 2002: 31). В двух изданиях Шванвиц заимствует у Шарминта три формы плюсквамперфекта:

«Bey den Teutschen sind drey Plusquamperfecta, als 1. Ich hatte gelobet, 2. ich habe gelobet gehabt, 3. ich hatte gelobet gehabt <...> У немцов суть три Плусквам перфекта, яко: 1. ich hatte gelobet, 2. ich habe gelobet, 3. ich hatte gelobet gehabt, я хваливал» (Шванвиц 1730: 218, 219).

В издании 1734 года есть три плюсквамперфекта и отсутствуют латинские термины. Плюсквамперфект назван как

в грамматике церковнославянского языка Смотрицкого *мимошедшим*, причем для иллюстрации приведена другая в сравнении с изданием 1730 года форма прошедшего времени в русском языке «я давно хвалил»:

«У Немцов есть три мимосшедшие времена, яко: 1. ich hatte gelobet, 2. ich habe gelobet gehabt, 3. ich hatte gelobet gehabt, я давно хвалил» (Schwanwitz 1734: 173).

Примечательно, что слово «давно», используемое Шванвицем при переводе примеров немецких форм плюсквамперфекта, встречается также у Ломоносова в предложенном им термине «давнопрошедшее» для обозначения плюсквамперфектов.

Если во времена Ломоносова просматривается параллелизм в грамматическом описании немецкого и русского языков, а скорее всего и непосредственное влияние немецкой грамматической традиции на русскую, то продолжение ломоносовской традиции приводит к расхождению с немецкой грамматикографией, которая, в свою очередь, претерпела изменения во второй половине XVIII века. И это несмотря на то, что появившиеся во второй половине XVIII века немецкие грамматики предписывались в качестве образца, что имело место при создании русской грамматики А. А. Барсова (Булич 1904: 235). Внешние рамки изложения, порядок частей, известные правила и определения заимствованы были из немецкой грамматики И. И. Фельбигера, принятой в австрийских школах (Felbiger 1779) (Сухомлинов 1878: 274; Булич 1904: 235).

Систему народного образования Екатерина Великая заимствовала из Австрии. Творцом этой системы был немец Иоганн-Игнатий Фельбигер⁶, настоятель августинского монастыря в Силезии, а исполнителем стал выпускник Венского университета православный серб Федор Иванович Янкович-де-Мириево (1741–1814), последователь Я. А. Коменского. Император

⁶ Felbiger, Johann-Ignaz (1724–1788).

Иосиф II, по рекомендации самого Фельбигера, направил в Россию Ф. И. Янковича-де-Мириево. 4 сентября 1782 года он прибыл в Петербург, работал в Комиссии об учреждении народных училищ и директором петербургского главного народного училища. Больше всего труда положил Янкович на перевод с немецкого и составление учебников для народных училищ.

Для составления учебника по грамматике русского языка в качестве обязательного образца была предписана немецкая грамматика Фельбигера:

«Комиссия о народных училищах <...> решилася препоручить сие дело Императорского Московского университета профессору красноречия, г. коллежскому советнику Антону Барсову <...> с тем, чтобы он токмо следовал расположению той немецкия грамматики <...> кою для того доставить в образец и г. Барсову» (Успенский 1981: 22).

Австрийские составители школьных учебников по грамматике ориентировались в то время на Готтшеда. Н. Эггерс пишет:

«Jetzt <nach 1748. — Б. Д.> endlich regte sich auch hier <in Oberdeutschland einschließlich Österreich — Б. Д.> ein lebhaftes Interesse an einer geregelten deutschen Schriftsprache. Dabei suchten die Einsichtigen Anschluß an die Mitte und den Norden Deutschlands. Gottscheds Grammatik, die sich nicht mehr auf die Schriften des Erzketzers Luther berief und die außerdem durch die Heranziehung von Autoren aus verschiedenen Landschaften dem Anschein nach die Vorherrschaft des Meißnischen beseitigte, konnte hier als die Goldene Brücke gelten. Kurze Zeit nach ihrem Erscheinen wurde sie am kaiserlichen Hof als Lehrbuch eingeführt, und damit war ihr der Weg zu weiter Verbreitung in Süddeutschland geöffnet»⁷ (Eggers 1986: 314).

⁷ «Теперь <после 1748 года. — Б. Д.> проявился, наконец, также и здесь <в Верхней Германии, включая Австрию. — Б. Д.> живой интерес к правильному письменному немецкому языку. Благоразумные [люди] стремились при этом к согласованию с центральной и северной Германией. Грамматика Готтшеда, которая уже больше

Фельбигер отличался от австрийских грамматистов того времени тем, что более точно следовал указаниям Готтшеда (Roessler 1997: 75; Wiesinger 2002: 137). П. Реслер полагает, что данная Фельбигером дефиниция глагола все еще придает большое значение высказанным Готтшедом критериям, усиленно привлекает семантические компоненты для дефиниции глагола (Roessler 1997: 218).

Дефиниция глагола у Барсова совпадает с дефиницией в австрийской грамматике лишь в той части, где указывается на общее значение части речи.

Ср.: «Глаголь есть часть слова, показывающая состояние лица или вещи, то есть бытие, действие или страдание, на пр. я есмь, ты бываешь, онъ пишетъ, она посылается, мы моемся, вы сражаетесь, они спяты, онѣ боятся» (Барсов 1981, 538–539);

ср. «Ein Zeitwort ist ein abänderliches Wort, welches den Zustand einer Person oder Sache, nebst der Zeit anzeigt. z. B. ich bin, er ruhet, wir schreiben, sie werden geliebet»⁸ (Felbiger 1779: 99).

Дефиниция глагола, данная Барсовым, основывающаяся на логико-семантическом принципе, свидетельствует об усиливающемся влиянии идей общей грамматики «новейших филологов». А грамматика Фельбигера имела чисто практическое предназначение, была направлена на быстрое и легкое изучение (Wiesinger 1985: 342).

не обращалась к сочинениям закоренелого еретика Лютера и которая, кроме того, благодаря привлечению авторов из различных областей устраняла, судя по всему, засилие мейссенского (диалекта), могла послужить здесь золотым мостом. Через короткое время после своего появления она была утверждена в качестве учебника при императорском дворе, и тем самым ей был открыт путь для дальнейшего распространения в южной Германии» — *перевод автора*.

⁸ «Глагол — изменяемое слово, которое обозначает состояние лица или вещи, наряду со временем, например, я есть, он отдыхает, мы пишем, их любят» — *перевод автора*.

Два иностранных современника Барсова оказали на него большое влияние:

«Из иностранных пособий Барсов (Барсов 1981: 153) ссылается на обще-философские грамматические трактаты А. Кур де Жебелена и И. К. Аделунга («Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache»), под влиянием которых он вводит в грамматику логический элемент, выводя известные явления языка, особенно в области синтаксиса, из общих логических понятий» (Булич 1904: 235).

Программное сочинение де Жебелена «Примитивный мир, проанализированный в сравнении к современному миру» в 4 томах (Gébelin 1773–1784) вышло в свет в 1773 году. Де Жебелен выдвинул теорию универсальной грамматики и единого для всех народов мира разговорного языка и письменности. Его теория восходит к Грамматике Пор-Рояля, утверждавшей, что общая грамматика полностью абстрагируется от индивидуальных особенностей конкретных языков и находится в неразрывной связи с логикой. «Грамматика, — писал Кур де Жебелен, — занимается выражением идей, логика раскрывает их истину; грамматика должна предшествовать логике: прежде всего надо уметь выразить идеи, чтобы рассуждать потом об их истине» (цит. по: (Тоболова 1993: 81)).

Барсов — последователь Ломоносова и в своих грамматических трудах:

«Но как господин Ломоносов, украшение нашего века в учении, писал оную <Российскую грамматику. — Б. Д.> философским порядком не для детей только; но для самых мужей, знающих и вникнувших в природный язык. Почему она для малолетних, в некоторых но необходимых местах, трудною покажется. По сей причине приказано мне от Его Высочородия, сего Университета Господина Директора и Университетской Конференции, яко Попечителей о Словесных Науках, собрать из разных Российских грамматик краткие самонужнейшие правила Российской Грамматики, которые бы детям по их нежному понятию были

вразумительны и ясны. Я, повинуюсь приказанию Господ начальствующих, выбрал самые необходимые правила, особливо из Грамматики Господина Ломоносова, и из начальных оснований Российской Грамматики, находящихся при Вейсманновом Немецком Лексиконе» (Барсов 1773: 4r).

«Времен Российские глаголы имею десять, осм от простых, да два от сложенных» (Барсов 1773: 39).

Все названия времен и примеры совпадают с названиями времен и примерами в «Грамматике» Ломоносова⁹.

Подобно Ломоносову Барсов выделяет и два вида глаголов:

«Глагол изображает чувствительных вещей разные деяния. Глаголы разделяются на первообразные и производные. Первообразные ни от какой другой части слова не происходят, напр. знаю, иду. Производные рождаются (sic!) 1) от имен: странствую; 2) от местоимений <...> Первообразные и производные глаголы суть простые и сложенные. Простые состоят сами собою без приложения какой-нибудь другой части слова: даю, ставлю. Сложенные состояются 1) из имени и глагола: благодарю. 2) из местоимения и глагола: своевольствую <...>» (Барсов 1773: 38).

Такой же характер имели и другие грамматики, например, Н. Курганова (1769 и сл.), П. Соколова (1788 и сл.), В. Светова (1790).

Относительно «Граматики Российской» А. А. Барсова следует отметить, что он создал оригинальное произведение, научную, а не учебную грамматику русского языка. Барсов, в частности, пишет 16 мая 1786 г. в письме сенатору, члену комиссии о народных училищах П. В. Завадовскому:

⁹ Вызывает большие сомнения авторство «Кратких правил», хотя и приписывается Барсову: «“Краткие правила” представляют собой простую компиляцию из грамматик Ломоносова и Адодурова и по своей примитивности не могут принадлежать Барсову, хотя, конечно, не исключена возможность, что Барсов как редактор всех издававшихся в то время при университете книг просматривал и исправлял “Краткие правила”». (Тоболова 1993: 66).

«Хотя я не оставил воспользоваться всем, что мог я найти к сему предмету принадлежащего, в древних и новых грамматиках, и сверх того немалое число собственных моих примечаний присовокупил» (Сухомлинов 1878: 265).

В «Грамматике Российской» Барсов признавал только шесть глагольных времен, вместо десяти Ломоносовских, «и вообще в вопросе о глагольных видах склонялся больше ко взглядам Смотрицкого, в которых заключалось некоторым образом предчувствие современной теории видов» (Булич 1904: 236).

Ломоносов рассмотрел залоговые конструкции в первом наставлении своей грамматики, как и большую часть грамматических категорий универсальной грамматики, показав их содержательную необходимость в каждом языке. Примеры из русского языка, которыми сопровождаются изложенные Ломоносовым правила, наглядно иллюстрируют логическую необходимость тех или иных грамматических категорий, но далеко не всегда обнаруживают их грамматическую/морфологическую оформленность. Например, категория страдательного залога:

«§ 71. Деяния суть двояки: первые от одного происходят и в другое действие производят, посему и глаголы на два залога разделяются — на действительный: *люблю, посылаю* и на страдательный: *меня любят, меня посылают* <здесь, собственно, в качестве формы выражения страдательного глагола/страдательного оборота предлагается неопределенно-личное предложение со сказуемым, выраженным действительным залогом. — Б.Д.>. Вторые деяния от одного к другому не простираются, но в том же самом производятся: *стою, сплю, бледнею*. Таковые глаголы называются средние или залога среднего. § 72. Сии три залога суть главные и необходимые в человеческом слове и потому находятся во всех известных языках. Но каждого языка особливые свойства присовокупляют к ним разными образами большее число залогов, смешанных из главных» (АПСС 7, 415–416).

В рукописных грамматических материалах Ломоносова указывается на четыре разновидности глаголов: действительные,

страдательные, средние и общие, «исключая пятую, отложительные глаголы, введенную Смотрицким по образцу латинских и греческих грамматик <...> В результате творческой разработки этой грамматической категории Ломоносов утвердил шесть залогов, свойственных русскому языку. Он исключил из намеченных Смотрицким пяти залогов церковнославянского языка отложительный залог и добавил взаимный и возвратный залого» (Макеева 1961: 157, 159). По словам В. В. Виноградова, «в русской грамматике Ломоносова уже вырисовываются ясные контуры традиционных школьных шести залогов русского глагола» (Виноградов 1947: 607).

При выделении шести залогов в «Российской грамматике» Ломоносов обращает внимание на связь залоговых форм с различиями реальных значений глаголов и особенностями их синтаксического употребления. Возвратные глаголы он разбивает на разные семантические классы по употреблению постфикса *-ся* и трактует эти классы как разные залого, предостерегая от увлечения только морфологическими критериями при выделении залогов:

«Весьма обманывались многие, употребляя возвратный глагол вместо страдательного, ибо они думали, что *сь* или *ся* всегда ту же силу имеет, как латинское *г*, например: *слушаю, слушаюсь*, что весьма несправедно, ибо *слушаю* с приложением *сь* не токмо страдательного знаменования не имеет, но и совсем в другом разуме употребляется. *Слушаю* значит *audio*, а *слушаюсь* — *obedio, повинуюсь*. Прямой страдательный залог состоит из причастий страдательных и глаголов спомогательных. Прибавление *сь* или *ся* разные знаменования в глаголах производит» (АПСС 7, 509).

В «Кратких правилах» у Барсова шесть залогов: действительный, страдательный, возвратный, взаимный, средний, общий (Барсов 1773: 40). Дефиниции залогов и примеры полностью совпадают с ломоносовскими; ср.: (АПСС 7, 481–482) и (Барсов

1773: 40–42). В «Грамматике Российской» А. А. Барсова насчитывается также шесть залогов:

«В разсуждении знаменования счисляется *шесть* залогов: 1. Действительный /activum/, 2. Страдательный /passivum/, 3. Средний (neutrum), 4. Общій (commune), 5. Возвратный (reflexum), 6. Взаимный (reciprocum)» (Барсов 1981: 540).

Выделение Барсовым в русском языке шести залогов на основе их семантики и отчасти формальных критериев представляет собой продолжение традиции, начатой Ломоносовым, и адекватно отражает специфику русского языка. Здесь уже нельзя говорить о заимствовании из иностранных грамматик, в том числе и австрийской, где отказываются от латинской грамматической традиции и выделяют лишь характерные для немецкого языка два залога (Felbiger 1779: 101) или о заимствовании из немецкой грамматики Аделунга. По Аделунгу, в немецком языке есть только один залог: «denn unser so genanntes Passivum ist eine bloße Umschreibung»¹⁰ (Adelung 1782: 1, 758). Здесь мы наблюдаем прежде всего типичную для Аделунга тенденцию: «den Blick stärker auf die Besonderheit der Einzelsprache und ihren Zusammenhang mit deren historisch konkreter Sprachräterschaft zu richten als auf die von der philosophischen Grammatik als Untersuchungsgegenstand bevorzugten universellen Eigenschaften der Sprache»¹¹ (Schmidt 1984: 140).

В случае с грамматикой А. А. Барсова уже нельзя говорить о заимствовании из иностранных грамматик, в том числе и австрийской, где отказываются от латинской грамматической традиции и выделяют с учетом изменения формы лишь характерные для немецкого языка 2 залога (Felbiger 1779: 101):

¹⁰ «так как наш так называемый страдательный залог есть лишь перифраза» — *перевод автора*.

¹¹ «сильнее устремлять свой взор на специфику отдельного языка, а не на универсальные свойства, предпочитаемые универсальной грамматикой в качестве предмета исследования» — *перевод автора*.

«Abänderung der Zeitwörter. Die Zeitwörter nehmen bald gewisse Zustände an, bald ändern sie einen, oder mehrere Buchstaben» (Felbiger 1779: 101). «Die Abwandlung eines Zeitwortes geschieht I. durch die Gattungen (genera). Durch die Gattungen wird angezeigt, ob die Sache oder Person, davon die Rede ist, sich thätig oder leidend verhalte. Es sind die Gattungen eigentlich zwei. a. Die thätige Gattung (genus actiuum) welches die Wirkung eines Dinges anzeigt, die sich auser demselben erstrecket. z.B. ich lobe <...> bergehende (transitiua). b. Die leidende Gattung (genus passiuum) welche anzeigt, daß ein Ding von einem anderem in einen gewissen Zustand gesetzt wered, als: ich werde gelobet» (Felbiger 1779: 101–102), а в случае рассмотрения глагола с семантической точки зрения 3 залога: «In Ansehung der Bedeutung, die sie haben, da sind die Zeirwörter 1) thätige (activa) <...> 2) leidende (passiva) <...> mittlere (neutra), welche die Wirkung eines Dinges, die sich nicht auser demselben erstrecket, oder einen Zustand desselben anezeigen. Z. B. gehen, schlafen» (Felbiger 1779: 104). Такая же картина и в его грамматике 1775 г., где говорится еще о трех залогах в главе об общих свойствах глагола: genus activum, genus passivum, genus neutrum (Anleitung 1775: 38–39), как это делает Готтшед, применяя семантические критерии (Gottsched 1762: 348). Но в главе об особых правилах глагола речь идет только о «wirkende und leidende Bedeutungen» (Felbiger 1775: 94–95).

Составление грамматики конкретного языка на основе универсальной схемы отнюдь не исключает детального анализа языкового материала, а, напротив, предполагает его. Благодаря признанию универсальности логико-семантических категорий А. А. Барсову удалось не только выделить те или иные части речи и грамматические категории, но показать богатые и своеобразные формы их выражения в родном языке.

Таким образом, во второй половине XVIII века в русской грамматикографии вслед за Ломоносовым все большее распространение находили принципы универсальной грамматики. По этой причине грамматики немецкого языка, как практические,

так и научные, ориентировавшиеся прежде всего на морфологические признаки в описании грамматического материала, уже не имели прежнего значения для русских грамматистов.

Как известно, в 1804 году появился в связи с культурными течениями эпохи Александра I «Устав учебных заведений, подведомых университетам», предусматривавший изучение философской грамматики. Людвиг Кондратьевич Якоб¹², член-корреспондент Петербургской академии наук (1810), профессор Галльского и Харьковского университетов писал:

«Но до сих пор только одной России принадлежит честь и заслуга того, что преподавание ее <универсальной грамматики. — Б. Д.> стало частью государственного школьного образования, так как во Франции оно вновь изгнано из лицеев» (Jacob 1814: 52).

B. Djubo. The changing role of the German tradition in grammatical description of the Russian language in the second half of the 18th century (on the example of verb categories).

M. V. Lomonosov considered the Russian language in the perspective of Latin and Church-Slavonic traditions. His views were based on his own conception of a rational linguistic system. If we compare Lomonosov's classification of verb categories with that in the "Port-Royal Grammar", it becomes obvious that they are different. In this respect, Lomonosov position is much closer to contemporary German grammars, both scholarly and, to a larger extent, practical ones.

While in Lomonosov's times one can see a certain parallelism between the grammatical descriptions of German and Russian — or, rather, direct influence of the German tradition upon that of the Russian language, — the development of this tradition in Russia resulted in divergence from the German tradition, which in turn underwent considerable changes in the second part of the 18th century. In the second part of the 18th century grammatical descriptions of the Russian language increasingly relied on the principles of universal grammar. For this reason, the German language grammars were primarily oriented to morphological features, became less important for the Russian grammarians than they used to be earlier.

¹² Ludwig Heinrich von Jakob (1759–1827)

ИДИОЛЕКТ
М. В. ЛОМОНОСОВА

Е. А. Савельева
(Библиотека Академии наук)¹

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ЯЗЫКА М. В. ЛОМОНОСОВА В ПЕТРОВСКОЙ КОПИИ РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, Петровская копия Радзивилловской летописи, изучение, издание, редактирование, редакторы, лингвистическая правка.

Речь идет о правке М. В. Ломоносова на хранящейся в Отделе рукописей (НИОР) БАН Петровской копии Радзивилловской летописи, переписанной в 1713–1716 гг. по распоряжению Петра I с оригинала XV в., хранящегося в то время в Кёнигсбергской библиотеке. В XVIII в. эта рукопись считалась древнейшей. Начиная с 1751 г. копия Радзивилловской летописи почти постоянно находилась в распоряжении М. В. Ломоносова. Если исходить из расположения многочисленных помет в книге, первым, кто серьезно изучал ее с карандашом и пером в руках, был именно Ломоносов. Его интерес заключался прежде всего в сведениях исторического характера, использованных им в своих исторических трудах. Другая тема, которой он занимался в конце 40-х — начале 50-х годов XVIII в., относится к словарному делу. Канцелярия АН поручила Ломоносову доработать и дополнить, составленный старшим переводчиком Академии наук К. А. Кондратовичем русско-латинский словарь. Видимо, для этого словаря Ломоносов и делал всевозможные лингвистические примечания и подыскивал латинские формы для древних русских слов, не всегда понятных и в середине XVIII в.

Хранящийся в Отделе рукописей Библиотеки Российской Академии наук список с древнейшей иллюстрированной рукописи XV в., известной под названием Радзивилловской или Кёнигсбергской летописи, сделанный в 1713–1716 гг. в Кёнигсберге канцеляристом Федором Борисовым по распоряжению

¹ Елена Алексеевна Савельева, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Библиотеки Академии наук.

Петра Великого, уникален во многих отношениях. Появление этой копии еще раз доказывает, что интерес царя к вопросам начальной русской истории был неслучаен. Примерно в это время Петр Первый задумывает проект создания исторического сочинения главным образом по истории своего времени.

В начале этого труда император считал необходимым осветить важнейшие события русской истории, предшествующие началу его царствования. Для осуществления своей цели Петр поручил своим приближенным сбор по монастырям исторических источников для копирования. Одним из начальных этапов этой работы, скорее всего, и явилось копирование считавшегося в то время древнейшим летописного списка конца XV века — Радзивилловской летописи, хранящейся с 1671 года среди книг, переданных по завещанию князя Богуслава Радзивилла Кёнигсбергской библиотеке.

Видимо, для лучшего восприятия содержания книги, написанной древнерусским языком, непонятным немецким библиотекарям, в нее был вставлен заглавный лист на немецком языке, дающий представление о ее содержании. Именно здесь впервые и появляется в заголовке имя Феодосия, как автора этой летописи. Немецкому переводчику, не знакомому с русским языком XV века, трудно было уловить разницу между названием Киево-Печерского монастыря — Феодосиев монастырь, и не указанным в тексте именем составителя Нестора.

Список, сделанный Федором Борисовым, вместе с другими рукописными и печатными книгами, принадлежавшими русскому царю, после его смерти был передан в основанную им в 1714 году первую общедоступную Библиотеку её Величества, вошедшую впоследствии в состав Академии наук, где и хранится до настоящего времени (Мурзанова 1956: 97)

Этот список привлек внимание русских ученых еще в то время, когда он принадлежал Петру Великому, в частности его изучал первый русский историограф В. Н. Татищев, которому

по рекомендации генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса он был выдан из собственной библиотеки Петра I для работы над Российской историей. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в Петровской копии Радзивилловской летописи пометы Татищева, а также его упоминания в «Истории Российской»².

Позднее этот список использовал для публикации на немецком языке фрагментов Радзивилловской летописи в своем журнале *Sammlung Russischer Geschichte* профессор истории петербургской Академии наук Г. Ф. Миллер (*Sammlung 1732–1733: 1, 195*)³. Позже Миллер также обращался к Петровской копии, но его помет на рукописи не имеется.

Уникальность Петровского списка или копии «Радзивилловской летописи» заключается не только в его непосредственной связи с именем Петра Великого⁴. Этот список связывает воедино два имени, которые для нашей страны основополагающие, — имя первого русского императора, который вывел

² «Между оными <летописями. — Е. С.> получил я в 1720-м году из собственной его императорского величества библиотеки через графа Брюса от господина гоф-интенданта Мошкова, писанной на большой глаженной бумаге в десть с лицами, древняго письма с юсами и продолжен по 1239 год, однако ж окончание знатно потеряно» (Татищев 1962: 123).

³ Именно в своей статье («*Nachricht von einem alten Mst. der Russischen Geschichte des Abtes Theodosii von Kiow*») Миллер называет первого русского летописца Феодосием. Впоследствии он обвиняет в своей ошибке переводчика И. Паузе, которому Миллер поручил работу над переводом, поскольку в начале 30-х годов XVIII в. он плохо владел русским языком. Однако имеются доказательства как в оригинале Радзивилловской летописи, так и в ее копии, что Паузе использовал для заголовка своей работы титульный лист Петровской копии на немецком языке, повторяющий титульный лист оригинала. Это обстоятельство позволяет прийти к выводу, что Миллер в то время сам даже не посмотрел летопись, целиком доверившись Паузе.

⁴ РО БАН. Петровская копия Радзивилловской летописи. Шифр: 31.7.22. = П I. Б.77.

Россию на европейский путь развития, и имя первого русского академика М. В. Ломоносова, трехсотлетие со дня рождения которого отмечалось в ноябре 2011 года. Ломоносов первым начал планомерное занятие древней русской историей. Заинтересовавшись темой происхождения русского народа и русского языка, он не только изучил все древние русские исторические источники, но также много внимания уделил известиям западных историков и писателей, начиная с древнегреческих и древнеримских авторов. Тема происхождения Руси на долгие годы стала одной из важнейших среди его исторических и филологических занятий.

Ломоносова привлекали и чисто исторические сведения, содержащиеся в этих материалах, и те особенности древнерусского языка, которые были сохранены в копии Радзивилловской летописи. Эта вторая тема давала богатейший материал по сравнительной лингвистике, которой он интересовался еще со времени его обучения в Германии. Ломоносов полагал, что аналогии главным образом с латинским языком позволяют точнее понять смысл древнерусских понятий, особенно тех, которые в середине XVIII века вышли из употребления. Видимо, поэтому так часты в изученных им книгах приводимые на полях переводы малопонятных слов на латинский язык, которым Ломоносов владел в совершенстве.

Особенно плодотворным для него оказалось знакомство с книгами русской части Библиотеки Его (Ее) Величества (ныне Библиотека Академии наук), особенно с ее русской частью, где к 40–50-м годам XVIII века сосредоточилось значительное число рукописных документов, относящихся к начальному периоду русской истории. На многих из них встречаются пометы Ломоносова (Леонов, Савельева 2011: 247–249).

Главный интерес Ломоносова при изучении памятников древнерусской литературы проявлялся как к сведениям русского летописца Нестора, так и к древнерусскому языку XV века. Именно поэтому Петровская копия Радзивилловской летописи

надолго приковала внимание ученого. Не имея возможности пользоваться недоступным для него в то время оригиналом, находящимся в Кёнигсберге, ученый занялся тщательным изучением его списка. Но победы в Семилетней войне с Пруссией, когда в русские войска вступили в Кёнигсберг, позволили решить вопрос о тождестве текстов перевода и оригинала. Это было необходимо еще и потому, что именно в это время в Академии наук назрел вопрос об издании летописи по копии Радзивиловской летописи как документу, содержащему старейший известный в то время русский летописный текст. Было решено, что сверка копии, списанной Федором Борисовым, с оригиналом для устранения возможных описок и неверных прочтений совершенно необходима. К 9 октября 1758 года относится представление президента Академии наук К. Г. Разумовского на высочайшее имя, в котором он просил доставить Радзивиловскую летопись из Кёнигсберга в Петербург. В донесении говорилось следующее:

«В Библиотеке вашего императорского величества при Академии наук хранится список с первого Российского летописателя Нестора, которого блаженные и вечнодостоинья памяти государь император Петр Великий на проезде своем чрез Кенигсберг увидев в тамошней Королевской библиотеке, для себя списать велел. Но понеже Академия для разных усмотренных в том списке писцовых неисправностей сомневается, нет ли и в самых обстоятельствах, особливо в именах и летах, каких прошибок, для российской же истории весьма нужно знать и то, в котором веке оной в Кенигсберге находящей подлинник писан и поколику на верность онаго полагаться можно. Того ради Академия наук сим всеижайше представляет, не соизволит ваше императорское величество указать, чтоб помянутой манускрипт прислан был сюда из Кенигсберга на малое время для рассмотрения и сличения с имеющейся в Библиотеке вашего императорского величества копию. А хранится он в Библиотеке, которая в королевском замке и по объявлению определенного при оной Библиотеке прусского надворного советника Горейского состоит в каталоге манускриптов Радзивиловой Библиотеки. И дабы вместо требуемой

книги не прислано было другой, то при сем прилагается список с первой страницы Несторова летописца» (Моисеева 1971: 200).

Существуют особые признаки, характерные только для Петровского списка Радзивилловской летописи, которые отделяют его от большей части древнерусских рукописных книг, хранящихся как в БАН, так и в других хранилищах. Пожалуй, в издательском деле России XVIII века трудно отыскать другой экземпляр рукописи, который сохранил бы всю подготовительную работу над текстом, проведенную редакторами перед сдачей рукописи в набор. Возможно, это произошло потому, что Петровская копия была первым опубликованным в России историческим памятником, и на ней выработывались правила публикации текстов, которыми пользовались до конца XVIII века и даже в более поздние времена.

Однако отношение редакторов именно к этой книге вызывает удивление. Наличие обильной не всегда корректной текстологической правки, проводимой непосредственно по оригиналу, требует какого-то объяснения. Издатели должны были учитывать тот факт, что она непосредственно связана с именем первого русского императора, авторитет которого и после его смерти был очень велик. А начало работы над подготовкой рукописи к печати относится ко времени правления дочери Петра I, императрицы Елизаветы Петровны, считавшей себя продолжательницей дела своего отца. Ведь в России к рукописным книгам всегда относились с большим пиететом, особенно к тем из них, которые сохранили нам древнейшие тексты, рассказывающие о далеком прошлом нашей страны. И все же именно копия Радзивилловской летописи была использована как подготовительный материал.

Сомневаться в первоначальной принадлежности рукописи не приходится. В Академическую библиотеку рукопись поступила вместе с книгами Петра Великого, о чем было известно и тогда, когда ее использовали как подручный материал при

подготовке печатного издания (Лебедева 2005: 193–195). Непонятно, почему все это происходило именно в то время, когда на русском троне находилась дочь Петра Великого императрица Елизавета Петровна. На этот вопрос однозначного ответа найти не удалось.

Различного рода помет в Петровской копии Радзивилловской летописи находится чрезвычайно много. Прослеживаются несколько ясно выраженных групп исправлений, относящихся к 50–60-м годам XVIII века. Все пометы можно разделить на несколько самостоятельных частей (Савельева 2011: 7–17).

К первой и самой ранней по времени возникновения группе можно отнести пометы Ломоносова, как карандашные, так и сделанные коричневыми чернилами⁵. Второй по времени возникновения группой являются карандашные записи по тексту летописи, содержащие редакторскую правку. Третью группу составляет сверка с оригиналом Радзивилловской летописи, сделанная красными чернилами. Однако редактирование продолжалось и после внесения исправлений по оригиналу, попавшему в Библиотеку Ее Величества не ранее начала 60-х годов XVIII века. Точно определить возникновение второй карандашной правки не представляется возможным. Но поскольку в ряде случаев она наносилась поверх правки красными чернилами, ее можно отнести к 1760–1766 годам, поскольку в 1767 году книга уже была напечатана во второй Академической типографии, открытой И. И. Таубертом (Библиотека 1767).

До выхода в свет монографии Г. Н. Моисеевой «Ломоносов и древнерусская литература» об участии Ломоносова в работе над Радзивилловской летописью даже не упоминалось (Моисеева 1971: 157). Вся работа по подготовке текста приписывалась

⁵ Пометы В. Н. Татищева слишком немногочисленны и представляют собой ссылки на отдельные листы «Истории Российской». Они никак не связаны с подготовкой издания и поэтому в настоящей работе не учитываются.

исключительно И. С. Баркову и И. И. Тауберту. Даже сомневались в том, что Ломоносов держал рукопись в своих руках. Однако еще П. П. Пекарскому было известно, что за несколько лет до выхода в свет первого тома «Библиотеки Российской исторической», содержащего правленный текст Петровского списка Радзивиловской летописи, в 50-е годы XVIII века по распоряжению М. В. Ломоносова его помощник копиист И. С. Барков работал над копированием этого памятника (Пекарский 1873: 385). Однако была ли закончена работа по копированию именно им, неизвестно. Скорее всего, после донесения Баркова в 1758 году в Академическую канцелярию с просьбой освободить его от работы с Ломоносовым он возвратился к своим академическим делам. Если исходить из помет самой рукописи, можно сделать вывод, что Барков скопировал только первые 40 листов, которые других помет, кроме принадлежащих М. В. Ломоносову, не имеют (Петровская копия 2011: 22–56). С 41 по 100-й лист в рукописи наличествует только грамматическая правка — замена языковых форм XV века на языковые формы середины XVIII века. Чем ближе к концу летописного текста, тем больше становится карандашных исправлений, сделанных Барковым. Особенно это заметно во второй части летописи, принадлежащей игумену Сильвестру (Петровская копия 2011: 276). Иногда из-за этой правки оригинальный текст читается с трудом, поскольку в ряде случаев она вносилась между строк рукописного текста⁶.

Вопрос об издании русских исторических источников возник в Петербургской Академии наук, видимо, в конце 40-х годов XVIII в. Сохранились сведения о том, что первоначально работу по изданию летописи собирались поручить историографу Г. Ф. Миллеру. Но этому решению конференции воспротивился М. В. Ломоносов, который к этому времени уже серьезно

⁶ Сверка текстов из Петровской копии и карандашных исправлений и дополнений приведена Г. Н. Моисеевой (1971: 149–222).

занимался изучением древнейшей русской истории, в частности, вопросами о происхождении славян, как по материкам, хранившимся в русской части Библиотеки Ее Величества, так и по сочинениям древних греческих и латинских авторов.

Однако после публикации диссертации Миллера «Происхождение народа и имени российского» (Миллер 1749) и ее бурного обсуждения в историческом собрании⁷, вопрос о поручении Миллеру подготовки к печати Радзивиловской летописи был снят. Разгромные отзывы Ломоносова, скорее всего, и стали главной причиной запрета и почти полного уничтожения диссертации Миллера (Ломоносов 1873: 432, 433, 897). Ломоносов, который не терпел пренебрежительного отношения к истории России и к ранним русским документам, ее излагающим, упрекал Миллера в небрежном отношении к фактографии русских летописей и хронографов при анализе исторических событий Древней Руси и в чрезмерном увлечении западными источниками, в частности скандинавскими. Видимо, именно эта полемика и явилось тем стимулом, который вызвал появление исторических трудов Ломоносова. В своих сочинениях — первом томе «Древней Российской истории» (СПб., 1766) и «Кратком Российском летописце» (СПб., 1760) — он постоянно обращался к русским историческим материалам. В большой степени источником его сведений служила первая часть Петровского списка Радзивиловской летописи как содержащая древнейший известный в то время список с летописи Нестора, текст которого исследователи относят к XIII веку. Рукопись с начала второй половины XVIII века постоянно находилась в распоряжении Ломоносова и была возвращена

⁷ «В 1748 году при академии был учрежден сначала исторический департамент, а вскоре затем историческое собрание, заседания которого вместе с некоторыми из академиков обязан был посещать и Ломоносов» (Пекарский 1873: 125–127).

в Академическую библиотеку, скорее всего, только после его смерти в 1765 году.

Как доказывает Г. Н. Моисеева в своей монографии «Ломоносов и древнерусская литература» (Моисеева 1971: 157–158), известия о публикации летописного текста он воспринял с большим энтузиазмом и сам принялся за подготовку печатного издания. Первым шагом подготовительной работы в 1755 году было обращение в Академию наук с просьбой для копирования материалов, необходимых для работы, а также его сочинений, подготовленных к печати, выделить ему в качестве помощника студента И. С. Баркова, в котором он заметил способности к исследовательской работе. Просьба эта была удовлетворена. Для подготовки летописи к печати необходимо было скопировать текст Петровской копии, и таким образом подготовить основу для редакторской и издательской работы.

Второй совершенно необходимый этап при подготовке печатного издания — сверка копии рукописи с оригиналом в то время, когда Барков работал с Ломоносовым, была невыполнима. Оригинал Радзивилловской летописи конца XV века находился среди книг, завещанных князем Богуславом Радзивиллом Кёнигсбергской библиотеке, куда он и попал в 1671 году. Но пока Россия находилась в состоянии войны с Пруссией, никакой возможности получить летопись для сверки не предвиделось. Только когда в результате победы русской армии завоеванный Кёнигсберг присягнул на верность русскому императорскому престолу и таким образом оказался в составе России, можно было вести переговоры о доставке Радзивилловской летописи в Петербург.

Итак, в Академии наук была задумана публикация Несторовой летописи именно по Радзивилловскому списку. Причем публикация эта, видимо, должна была сохранить текст оригинала, относящегося к XV веку.

Сличение оригинала и копии стало вторым этапом редактирования текста летописи. Однако это было только началом серьезной работы над подготовкой рукописи к печати. Петровская копия Радзивилловской летописи была правлена три,

а возможно и четыре раза. Первая правка, исключая ломоносовскую, началась до поступления оригинала летописи в Петербург. Она сделана карандашом и носит чисто орфографический характер — замена грамматических форм XV века на формы, принятые в середине XVIII века. Вторая правка, видимо, началась почти одновременно с первой и относится к содержанию летописи. Это внесенные Барковым исправления и дополнения, сделанные по другим русским источникам. Они сделаны также карандашом, причем Барков очень точно копировал почерк Ломоносова. Этот факт напрямую свидетельствует о том, что в его распоряжении находились материалы, написанные самим Ломоносовым, служившие ему образцом. Работа продолжалась и после третьей правки по оригиналу рукописи, сделанной красными чернилами. Свидетельством этому служит появление довольно многочисленных карандашных исправлений, отменяющих правку красными чернилами.

Возможная четвертая правка вносилась уже после смерти Ломоносова по другим русским источникам, поскольку в правке Петровской копии ближе к ее концу встречаются фразы, написанные почерком не Баркова. Возникает вопрос, кто вместе с И. С. Барковым мог работать над текстом летописи? Этим неизвестным лицом не может быть И. И. Тауберт, который ни до, ни после публикации Петровской копии никакого интереса к русской истории не проявлял, хотя в Академии наук был в те времена одним из лучших переводчиков на русский язык. Отечественных историков, кроме Миллера, который не был допущен к работе над летописью, в Петербурге не было. Но в Академии работал еще один немецкий историк, изучавший во время подготовки Петровской копии к печати русские летописи как раз после смерти Ломоносова. И при жизни Ломоносова он проявлял огромный интерес к древней русской истории и ее письменным источникам, чем вызвал гнев Ломоносова, считавшего, что русской историей должны заниматься только в России. Этим ученым был Август Людвиг Шлецер, написавший предисловие к изданию летописи 1767 года и имя которого

скрыл Тауберт под безликой подписью «Издатель», что впоследствии позволило рассматривать его, как ученого готовившего рукописный текст к изданию. Однако степень участия Шлецера в редакторской работе до настоящего времени не определена и требует дальнейшего изучения (Шлецер 1875: 168).

Издание Петровской копии Радзивиловской летописи стало первым опытом публикации исторического источника в России. Именно во время его подготовки были выработаны основные правила издания текстов. Однако все эти принятые впоследствии как аксиома правила не были изобретением Академии наук. Они были спущены как директива К. Г. Разумовским, в то время президентом этого учреждения, и относились к предложению Миллера опубликовать в качестве приложения к «Сибирской истории» Кунгурскую и Тобольскую летописи. 5 июня 1749 года в канцелярию Академии наук поступило письмо из Москвы, подписанное асессором Г. Н. Тепловым, который состоял при московской академической канцелярии. Это письмо содержало те директивы президента, которые надолго стали руководством для публикации исторических источников в России:

«Понеже в репорте санктпетербургской канцелярии академии наук маяя от 8, а сюда полученном того ж маяя 14 чисел, между прочим представлено, что господин Миллер требует, дабы повелено было при печатании сочинения его Сибирской истории напечатать летопись сибирскую и тобольскую, которая и прислана для апробации, по прочтении же самим господином президентом сея книги, усмотрено, что хотя по разсуждению господина Миллера и потребны доказательства к его Сибирской истории, однако находится при достопамятных вещах немалое число в оной же летописи лжей, басней, чудес и церковных вещей, которые никакого имоверства не только недостойны, но и противны регламенту академическому, в котором именно запрещается академикам и профессорам не мешаться никаким образом в дела, касающиеся до закона. А хотя же бы что и до закона не касалось, то не рассуждается за пристойно печатать пустые

сказки и лжи, которые никакого основания не имеют. Тем больше с здравым рассуждением несходно такую книгу напечатать вместо доказательств, под именем будто бы только древности и старого сложения, ибо ложь не касается до склада, но до самого дела. Того ради по указу Ея И. В. и по определению главной канцелярии академии наук велено показанную летопись для объявленных и основательных здесь резонов печатанием оставить до того времени, когда она и другие ей подобные особливо осмотрены будут и очищены от помянутых непристойных сказок, происходящих от излишнего суеверства. Сие разумеется не об употребительном в древние времена складе (которым, конечно, таковые книги для лучшего удостоверения читателю и напечатать должно), но о материи, включенной во оных книгах» (МАН X, 9–10).

При подготовке к печати Петровского списка пользовались именно этими распоряжениями графа Разумовского. Все «суеверства», в том числе и религиозного содержания из печатного текста были удалены. Вторым важным цензурным начинанием, также ставшим необходимым для всех последующих исторических и иных сочинений было исключение всего, что касалось вопросов религии. В издании Радзивилловской летописи это хорошо заметно: были исключены даже те фрагменты, которые касались изобретения славянской письменности и ее авторов Кирилла и Мефодия. В Петровском списке Радзивилловской летописи все выброшенные из издания фрагменты хорошо заметны: они не только отмечены карандашными линиями на полях, но и не содержат никаких карандашных исправлений и дополнений. Исключение составляют два вида помет: результаты сверки копии с оригиналом и пометы Ломоносова, который протстудировал весь текст списка, включая приложения. Его интересы не совпали с директивами президента и императорскими указами о цензуре. Об этом свидетельствуют его пометы с начала до конца рукописи.

В связи с вышесказанным можно с уверенностью утверждать, что ломоносовская правка стоит особняком. По отношению к редакторской правке его пометы в рукописи составляют

небольшой процент, но они, безусловно, важны для исследователей, поскольку относятся и к историческим событиям и к чисто лингвистическим моментам. Для своих помет в рукописи Ломоносов использовал всю изобретенную им систему обозначения важности для него того или иного фрагмента. Он применял и свои излюбленные карандашные скобки, крестики простые и обведенные кружочками, нотабене и т. д. Важные для себя сведения он отмечал двойными или тройными скобками, подчеркиваниями двойной или тройной линией или жирной чертой. Все такого рода пометы вносились, как правило, карандашом. Необходимо отметить, что не только в Петровской копии, но ни в одной другой просмотренной им книге его пометы не превращались в ту мазню, которой отличаются пометы Баркова, сделанные для издания летописи.

Пользовался Ломоносов и чернилами, как правило, черными, но все его примечания или переводы отдельных фрагментов или слов делались очень мелким почерком и обычно на полях. В Петровской копии, кроме свинцового карандаша, он пользовался исключительно коричневыми чернилами и в том случае, когда он отмечал пунктиром устаревшие формы слов, неправильное написание или давал латинскую аналогию малопонятных древнерусских понятий. Пометы Ломоносова, проходившие по всему тексту рукописи, при публикации летописи 1767 года использованы не были. Не привлекли они внимания и Г. Н. Моисеевой, которая в остальном тщательно изучила все его пометы, особенно карандашные. Ее вывод был однозначен: Ломоносов принимал непосредственное участие в подготовке Радзивилловской летописи к изданию. Лингвистические штудии и, соответственно, лингвистические пометы Моисееву тогда не заинтересовали.

Петровская копия Радзивилловской летописи изучалась Ломоносовым не только как важнейший источник по первоначальной истории Русского государства, но и как лингвистический материал, поскольку она сохраняла древнерусский язык

конца XV века, не испорченный исправлениями и дополнениями, имеющимися в позднейших списках этой летописи.

Если отмеченные Ломоносовым сведения, главным образом изложенные Нестором, касаются начального периода русской истории, над которым он работал в то время, заметки, относящиеся к языку, встречаются во всех текстах находящихся в Петровской копии, даже в приложениях, прямого отношения к летописному тексту не имеющих. Его пометы можно встретить в «Сказании Данила игумена Смирнского, иже походи ногами своима и очима виде», в «Слове святого Дорофея епископа Тульского о святых 12 апостол» и «Слово святого Епифания, сказание о пророцех», которые при подготовке летописи к изданию даже не были просмотрены. (Петровская копия 2011: 304–306).

Для лингвистических помет в Петровской копии были коричневые чернила, а примечания вносились на полях очень мелким почерком. Поскольку известно, что в начале исторических занятий Ломоносова филологические изыскания были необходимы ему главным образом как основной аргумент в его полемике с Миллером о древности славян, нужно признать, что лингвистические примечания появились первыми. Полемика возникла во время обсуждения в историческом собрании парадной речи Миллера «Происхождение народа и имени российского» (Миллер 1749: 9, 20, 21, 22, 23). Ломоносов в своих примечаниях выступил ярким противником теории Миллера, придерживающегося точки зрения позднего происхождения восточных славян или руссов, а также скандинавского происхождения первых русских князей. Его диссертация вызвала множество нареканий и других ученых. Эти замечания стали серьезным препятствием в дальнейшей работе Миллера в Академии наук.

Первый раз 16 сентября 1749 года в рапорте в канцелярию Академии наук Ломоносов начал свои примечания возражением против отрицания Миллером достоверности сведений русских источников. А главные замечания Ломоносова касались

древнего происхождения Руси. Тезисы, изложенные Ломоносовым в его рапорте в Академию наук, получили дальнейшее развитие в его расширенном отзыве на диссертацию Миллера, названные «Мнение Ломоносова о речи Мюллера: Происхождение народа и имени российского»⁸ (Пекарский 1873: 897–907). Именно здесь Ломоносов впервые подробно излагает свою точку зрения о более раннем происхождении российского народа, чем считал Миллер, основываясь на сравнительном анализе названий восточных народов, приведенных в сочинениях древних греческих и римских авторов, и сведений, имеющих в русских летописях:

«1. Страница 9. Отвергает господин Миллер мнение ученых людей, которые россиян и имя их производят от роксолан, древнего народа, жившего между Днепром и Доном, а причины сего отвержения полагает, что-де небольшое сходство имени россиян с именем роксолан и сходство места не довольны к тому, чтобы утвердить происхождение имени и народа российского от роксолан; но должно-де показать: 1) как имя *роксолане* переменилось на имя *россияне*; 2) как роксоланы перешли к северу; 3) каким языком роксолане говорили. На сие отвечаю, что хотя сходство имени и места роксолан с россиянами довольно быть казалось уже многим славным европейским авторам и целым ученым собраниям, чтобы имя и род россиян произвести от роксолан; однако, дабы господина Миллера и в строгих сих его требованиях удовольствоваться, следующее предлагаю: 1) Перемена имени *роксолане* на *россияне* весьма невелика, и много меньше разницы имеет, нежели *Киев* и *Кенугардия*, которые г. Миллер за одно почитает (стран. 31). Литеру о переменяют иногда аттики на ξ, то недивно что речение *роξолане* сделалось у греков *роксолане*, а слово *россолане* не больше разнится от *россияне*, как только окончанием по разности языков»⁹ (АПСС 6, 25–26).

⁸ В Архиве академической канцелярии, книга № 817. Подлинник переписан рукою канцеляриста и подписан Ломоносовым; в тексте есть незначительные прибавки рукою Ломоносова же (Пекарский 1873: 897).

⁹ Экземпляр диссертации Миллера с точным указанием к какой части диссертации относятся замечания Ломоносова, хранится в Отделе редкой книги БАН.

Окончательным аккордом в противостоянии двух ученых явился рапорт Ломоносова в канцелярию Академии наук от 21 июня 1750 года. Следствием этого рапорта явилось запрещение диссертации и приказ об ее уничтожении.

Безусловно, материал для возражений Миллеру дала и Петровская копия Радзивиловской летописи, текстовые примечания к которой чаще всего содержат материал для сравнительной лингвистики. В этих пометах Ломоносов использовал латинский язык, не только для уточнения смысла слова. В ряде случаев, как например, когда он рядом со словом «отроцы» во фразе: «В се же лето рекоша дружина Игореви отроци Свенельжи изоделися суть оружием и порты» на поле поставлено латинское слово «servi», как бы уточняющее смысл слова «отроцы», которое в данном случае никак не отмечено. Здесь же подчеркнуты пунктиром имя Свенельда, употребленное не в обычной для середины XVIII века форме и слово «порты», (Петровская копия 2011: 50).

Во фразе «и тали¹⁰ у них поя, и пойде на грекы в ладьх и на конех хотя мстити себе». Слово «тали», в издании летописи переведенное, как «аманаты», т. е. заложники, отмечено дважды: подчеркиванием и поставленным на поле излюбленным знаком Ломоносова «NB» (Петровская копия 2011: 45).

В договоре Игоря с греками, полностью приведенном в летописи, во фразе «и писати обоих речи на хоратью»¹¹ отмечено подчеркиванием слово «хоратью», обозначающем грамоту, и к нему дан латинский перевод «Charta», также переводимое, как грамота (Петровская копия 2011: 46). Во фразе «Нароту¹² идут хранити истинну» слова «на роту» отмечены двумя чертами, а в примечании дано уточнение «jugam», т. е. «на суд» (Петровская копия 2011: 50).

¹⁰ В издании летописи в скобках тали (аманаты).

¹¹ Помета Ломоносова коричневыми чернилами на полях: Charta.

¹² В помете на полях Ломоносова первоначально было написано «jugom», но затем оно было исправлено на «jugam».

Во фразе: «Умреж на берестовом, и потаиша и бе бо Святополк в Киеве, ночью межи двема клетми проймавше помост в ковре опрытавши свесиша ужи на землю, и взложиша на сани, и везше поставиша во святей Богородици, юже бе создал сам» имеется несколько подчеркиваний, но примечание: «aestate¹³», т. е. летом, дано только к словам «на сани» (Петровская копия 2011: 101). Слово в тексте подчеркнуто жирной коричневой чертой как бы для того, чтобы привлечь к нему особое внимание. Латинское слово «aestate» служит той же цели. Трудно в настоящее время точно определить, почему Ломоносов обратил столь пристальное внимание именно на это слово. Возможно два варианта истолкования. Это — либо уточнение времени похорон Святополка, либо недоумение, вызванное использованием саней летом, что в XVIII в. было уже анахронизмом. Однако в самой Петровской копии можно найти прямое подтверждение тому, что именно сани в Киевской Руси использовались с подобной целью. На картинке к л. 274/279 изображен подобный эпизод.

Отмечал Ломоносов и неправильное прочтение первоисточника уже не петровской копии, а ее оригинала — Радзивилловской летописи конца XV в. Таким образом, его внимание привлекло совершенно необъяснимое слово «ожевирато», истолкованное уже не на полях рукописи, а в печатном тексте летописи, появившейся в 1767 году, как «яже рать» (Петровская копия 2011: 98).

Примеров использования в тексте Петровской копии Радзивилловской летописи как подчеркивания прямой чертой или пунктиром, так и латинских аналогий к малоизвестным или употребленным в ином смысле, нежели в середине XVIII века, русским словам, имеется достаточное количество. Не свидетельствует ли это о том, что эти пометы Ломоносова были сделаны в то время, когда он работал над исправлением и дополнением русско-латинского словаря Кондратовича? К сожалению,

¹³ Вписано коричневыми чернилами на левом поле (Ломоносов).

уточнить это в настоящее время невозможно, поскольку от словаря сохранилась только небольшая часть, находящаяся ныне в Архиве АН, так как в конце XVIII века словарь был передан в Российскую Академию для работы над изданием академического словаря русского языка, где и был разделен на части для удобства использования. Интересно, что лингвистические пометы Ломоносова в копии Радзивилловской летописи серьезно не изучались специалистами, хотя все они являются для него привычными и часто встречающимися и в других рукописных и печатных книгах, которые в большей или меньшей степени были изучены Ломоносовым.

В своей записке «Положить проект, как сочинять лексикон» (АПСС 7, 590, 689, 763) Ломоносов изложил те правила, которым он следовал при отборе материала для словаря. Здесь приводится краткое изложение содержания записки, опубликованное в труде Г. Н. Моисеевой: «Следовательно, лексикон должен был включить речения летописей и их осмысление в формах, современного Ломоносову языка. Это было тем более необходимым, что, работая над «Российский историей», Ломоносов опирался на материал исторических источников и приводил эти источники и в цитатах и в пересказе. Это был летописный текст с указанием листа рукописи или года, под которым он помещен, но текст «уразумленный», т. е. переданный новыми «речениями». «Подлинные летописателевы слова и речения» и рассуждения об их истолковании были отнесены в «филологические примечания», которыми была снабжена «Российская история» (Моисеева 1971: 154).

Анализ лингвистических помет Ломоносова в Петровской копии Радзивилловской летописи позволяет предположить, что именно этой запиской он пользовался, когда выбирал в тексте рукописи слова, нуждающиеся в толковании и переводе на современный ему язык. Его переводы отдельных терминов на латинский язык как в летописи, так и в других прочтенных и комментированных их рукописных и печатных книг могут служить материалом для пополнения словаря языка Ломоносова.

E. Savelyeva. Materials for the dictionary of Lomonosov's language in a "Petrovskaya" copy of the Radzivil Chronicle.

The chapter deals with marginalia left by M. V. Lomonosov in a "Petrovskaya" copy of the Radzivil Chronicle. This copy of the XV century manuscript was made by Peter I's order between 1713 and 1716 and is now stored in the Library of Russian Academy of Science (Manuscript Department). In XVIII century the Radzivil Chronicle was considered the oldest one. From 1751 the "Petrovskaya" copy was continuously studied by Lomonosov. Judging by the sequence of numerous marginalia, he was the first to scrutinize it with a pencil and a quill in hand. His interest in the chronicle lay, first of all, in the historical data he used in his works on history. Another subject that preoccupied him in late 1740-early 1750-s was linguistics. The Academy of Science Chancellery ordered Lomonosov to rework and complete the Russian-Latin dictionary, started by K. A. Kondratovitch, Academy's senior interpreter. It was apparently for this dictionary that Lomonosov was making various linguistic notes in the copy and searching for Latin equivalents for Old Russian words, whose meaning had largely been lost by mid-XVIII century. Lomonosov's marginalia in "Petrovskaya" copy is the evidence that closes the controversy concerning his participation in the edition of the Radzivil Chronicle with a positive answer.

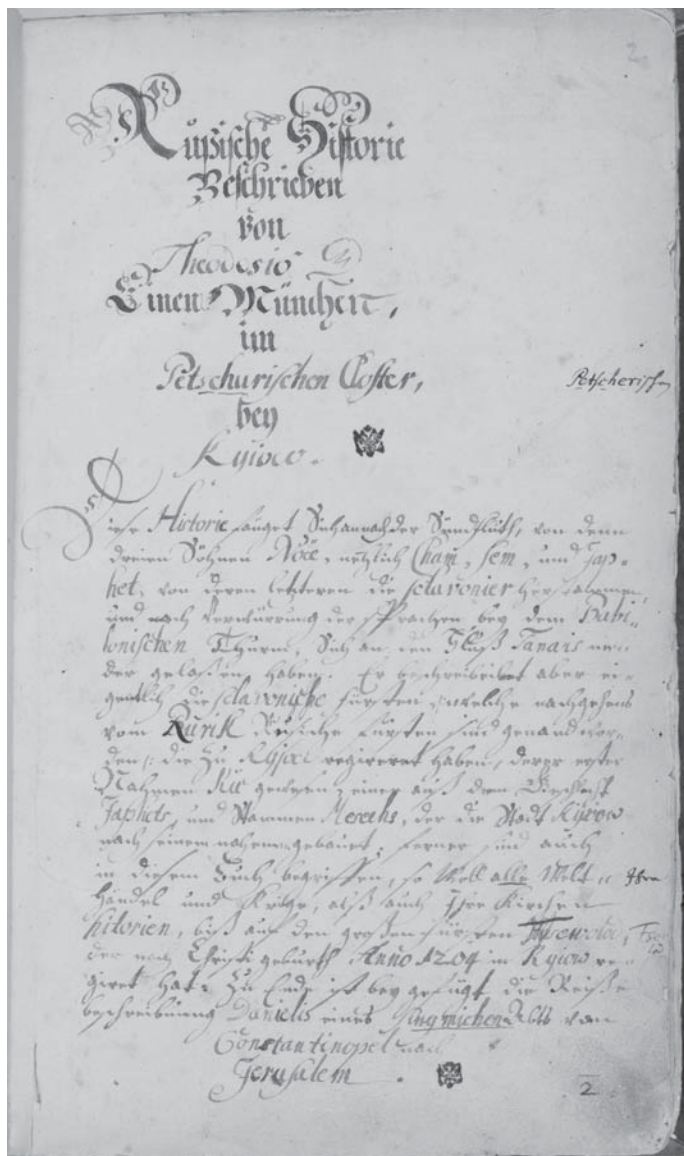

Рис. 2. Л. 2. Немецкий титульный лист с исправлениями И. С. Баркова и М. В. Ломоносова.

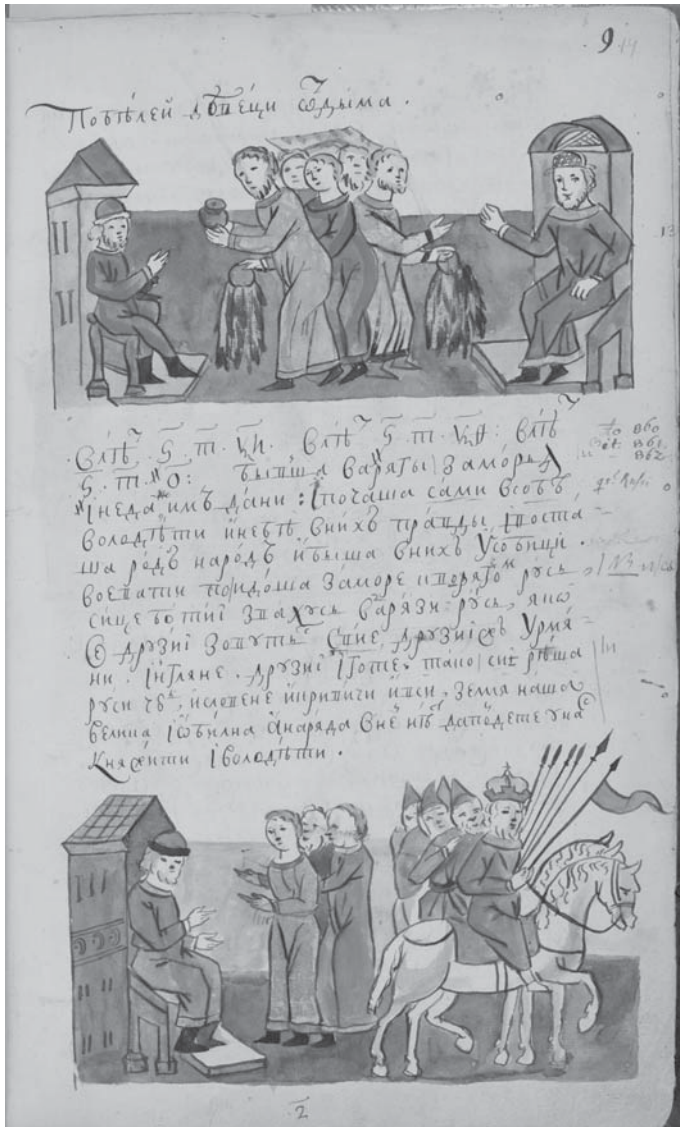

Рис. 11. Л. 9/14. Автограф Ломоносова на правом поле рядом со словами «сами в себе (quas? Russi). Его же отметка прямой карандашной чертой на правом поле у фразы о призвании варягов.

Рис. 13. Л. 18/23об. Отмечена ошибка «со Оленомъ». На левом поле она исправлена Ломоносовым на «(Лвомъ)».

ВѢСѢНЬ БЫСЬ ХОРЯТИ ИМУРЕ ОСТАИВЪ
 ПЕТРА ИИЗЯ СНА СПОЕТО БОЛАРОМЪ. АЪ СЪ
 У. НА. ПАНЫ ПРИДОША УГРИ ИЦЯ ГРАДЪ
 ТАИЩА СЪ ВЪСОЛСЯ ВѢСЪ СУ. КЪ. ГОРЪ СЕЛОУ
 ТИ ВОИ МНОГИ ВАРЯГИ. ФРЪЦЕ Г ПОЛЯНИ Г СЕ
 ВЕНИ Г ПИРИДИ. Г ТАИЩА И Г ПЕДИКИ НА
 Г ТАИЩА УИИХЪ ПОХ. Г ПОИДЕ НА ТРЕНИ ВЛАДИ
 Г ИАНОСХЪ. ХОТЯ МСТИТИ СЕБЕ. В СЫША
 ВШЕ ПОРЪВНИ ПОИША ПРОМАНУ ГРАДЦЕ
 СЕ ИДЪ ТЪ РЪСЪ БЕЗЪ СНА ПОРАДЪ ПОУРОМ
 СЪ ПЪ МОРЕ ИИРЪВЪ. ТАИЩЕ Г БОЛАРЕ
 ПОСЛАША ВЪСТАВЪ ГРАДЦЕ ДЪТЪ РЪСЪ
 Г ИАИ СЪ ТЪ ПЕ СЪ ГЪ.

СЕ СЫША ВЪ ЦРЪ ПОСЛА ПОИГОРЪ ЛОСЪ И ВО
 АРЪ. МОДЪ ИИТЪ НЕХОДИ НЕХОЗМЪ ДАНЪ КЪ СЕ
 Г ИАИ ОЛЪ Г ПИРИДИ АИЩЕ ИИТОЙ ДАНИ
 ТАИЩЕ Г ПЕДИКИ ТОИ ПОСЛА ПАХОЛОИ ВЪ

Рис. 14. Л. 28/33. Отметка на правом поле против слов «многои Вараги и Русь» стоит «NB». Слово «тали» подчеркнуто Ломоносовым пунктиром.

32, 37

наше Мрство бѣахъ дои на протинаршиа
 намъ латинишеть вѣинномъ извѣ баше
 ꙗко мѣть ханѣ вѣино хоще. Оторѣ убо
 дати инныя страны пандѣ лѣтѣмъ ꙗко
 Греци. сръсѣдъ мѣсѣдъ свѣщание все на писа
 холѣ дѣанатѣдъ харатѣдъ. Едина харатѣа
 ушрѣстаа ишего ѣ нанейсе ѣ прѣтѣ риме
 на наша написана; акадѣрѣи послѣ наша
 ꙗко стѣи баша. А до хѣдѣи послѣмъ Мрство
 нашего дѣа прѣтѣ дѣати ихъ на вѣинномъ извѣ
 харатѣдъ. ꙗко стѣ извѣтѣ харатѣи ꙗстинѣ,
 а ꙗко мѣ свѣщѣа холѣ на писѣа холѣ на хара
 тѣдъ сѣдъ нанейсе стѣ ꙗсѣна наша Нати
 сана. А до хѣдѣи вѣино насѣ прѣтѣи мѣ есмо мѣ
 холѣ ꙗко стѣи сѣтѣа мѣи. Вѣборнѣ ꙗко стѣи
 прѣхѣ сѣащи стѣи мѣ прѣтѣмъ ꙗко стѣи
 сѣа харатѣи сѣе ꙗко стѣи сѣе вѣе вѣе написана
 Наней не прѣстѣдѣати сѣтого и ꙗко стѣи сѣе.
 Анѣе прѣстѣдѣати сѣе вѣи страны нанейа и ꙗ
 хѣи ꙗко стѣи и ꙗко стѣи и ꙗко стѣи и ꙗко стѣи
 дѣанѣи мѣтѣи помѣи бѣа дѣа хѣдѣи рабѣи
 вѣи вѣи вѣи вѣи вѣи вѣи вѣи вѣи вѣи вѣи
 сѣи мѣ орѣхѣ мѣ. Анѣи сѣи мѣ полатѣи
 шѣи мѣ сѣа ꙗко стѣи сѣа на ꙗко стѣи сѣа
 ꙗко стѣи орѣхѣа дѣанѣи мѣ сѣа мѣ ꙗко стѣи
 сѣа написана на харатѣи сѣи ꙗко стѣи
 ꙗко стѣи ꙗко стѣи бѣа вѣи вѣи вѣи вѣи
 ꙗко стѣи ꙗко стѣи ꙗко стѣи ꙗко стѣи

Рис. 15. Л. 32/37. Перевод Ломоносовым на латинский язык слова «Нароу» -- «juram».

Скаротиломъ, молотомъ, иполодимъ роу Тра
 вий етъ. Ностыпиша пегемези Тра жинае
 велицитъ бедни емо мно е еста Оило Сража
 не етъ азътъ Сража вы ести, ии бытан по
 Слати, рднеможахъ, лядне Жадомъ, рнезоъ,
 Сбращесе лядне Оная страны дие пре
 владьлахъ. Ои стояху, страна, ии етъ азътъ
 вийти вий етъ ии единоу ихъ, ии Сража
 Конемъ. Истудина лядне в Сраже (ршео.
 Ии твли посто и се ты можа, иаоид страна,
 Лойти, пре ии е, аще неостыпите За Утра
 Предатица (манъ пегемъ, пре одни
 броби, азъ преиди, ртша, ии, онъ изид
 Сража, ездокъ, ртша се ездотъ пегемъ
 Та, бржа, нещадан Кои, ии то се етъ
 бо умтъ пегемъ сеи, ии хрты своео,
 ии о се приближеня ирдитъ, ии еста порты
 Ии о, бднере, ии о бред, вий еше се пеге
 итъзи, Уступелишася Нань, старядици ето.
 ии емоша емъ, ии то се е Сопорити, еи се
 вий еши, во оная страны, ии хаша вий
 Протитъ емъ, вий еша вий е, ии емоша поре
 не .

48

in fano

Рис. 16. Л. 43/48. Перевод Ломоносовым на латинский язык слов «с уздою» — «cum freno».

Пабли изаходи инемъ ротъ Володимиръ
 Заласе хенъ братиѣ Грениѣ (бѣтѣ) 11
 неприязна, онеясе ради, стопома, бѣре-
 Хомаго бо порене плодъ Золъ была естѣ.
 Понесе бѣтѣ мши ето была Сриницѣю. Ашто-
 роє Володимиръ Заласе неприяну пре-
 лдѣдѣтисѣ быса Убо, шѣмъиоцѣ ето не-
 лѣтъше бѣтѣо Слѣдѣо бѣтѣо. бѣропома (Сло-
 лодимира. Посемъ рѣша паразѣ Володи-
 мирѣ се градъ нашъ мѣ приахомъ даходеи
 Оцѣмъ имати канихъ по бѣде Грениѣ
 бѣшна, ирѣ илѣ Володимеръ похѣдите илѣ
 Замѣцѣ, да се шѣицѣны совердѣтѣ, ирѣдѣша
 Замѣцѣ инедѣстѣи илѣ; ирѣшѣ бѣрѣзи Соль-
 Стилѣ еси нами дапонаровѣи пѣтъ Грениѣ.
 онѣсе рѣ илѣ илѣтѣ. илѣора бѣи хѣ мѣрѣи
 Аоубрѣ илѣи илѣи илѣрабры илѣрабры илѣ
 Прогиѣсѣб илѣша илѣрѣ градъ.

Рис. 18. Л. 55/60. Рядом со словами «даже вы куны соберуть» Ломоносов пишет «obscura».

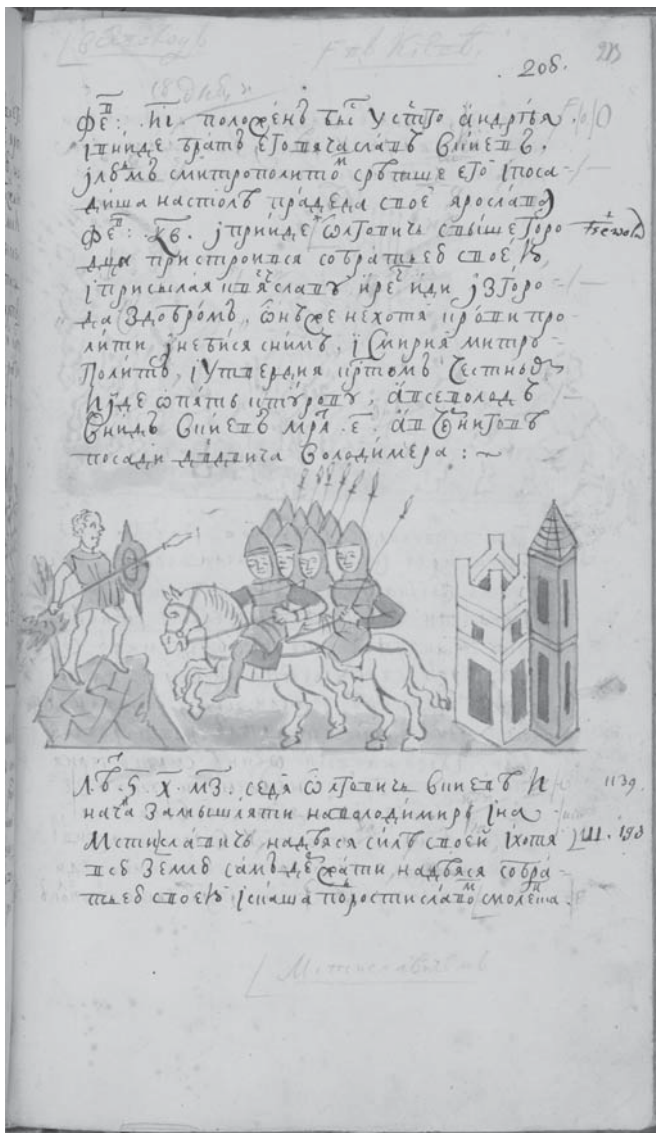

Рис. 40. Л.208/213. Вставка Ломоносова: «* Fsewolod» и ссылка во втором абзаце на «Историю Российскую» В. Н. Татищева.

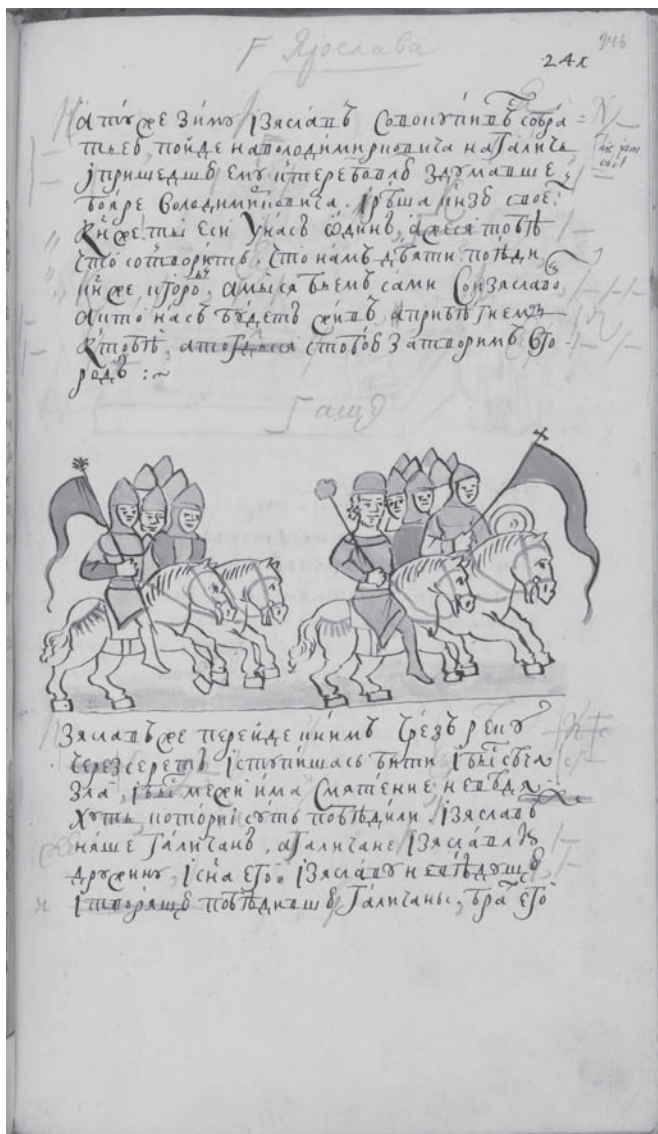

Рис. 45. Л. 241/246. Многочисленные карандашные исправления по тексту и латинская фраза Ломоносова: «[hic jam obit]».

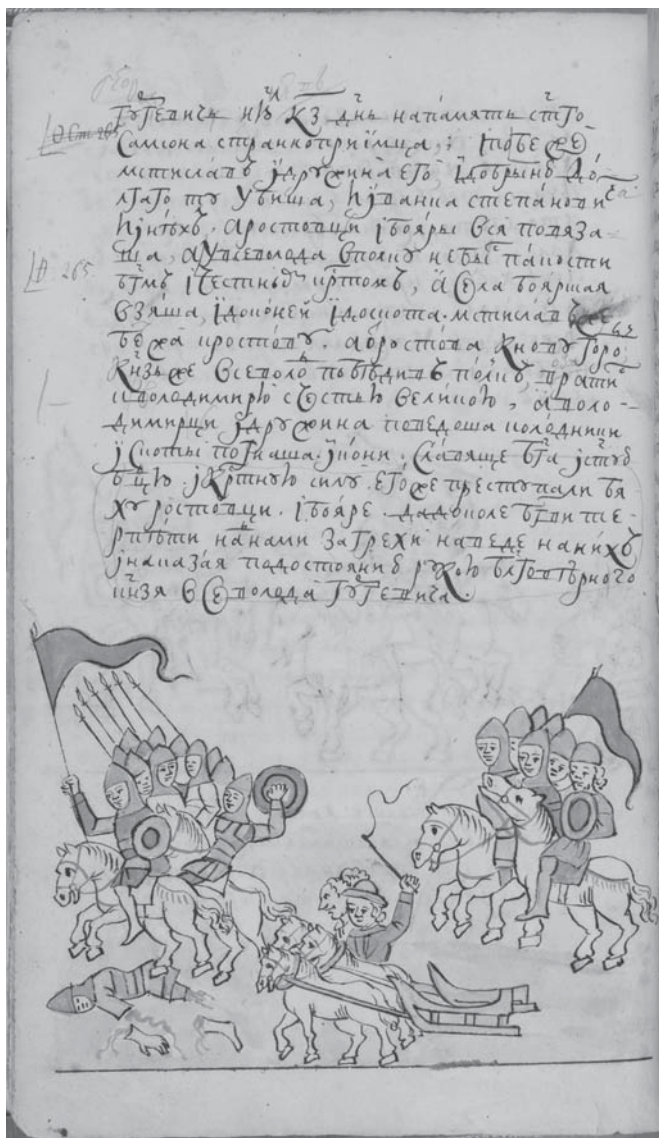

Рис. 46. Л. 274/279об. Изображение саней к тексту: «...же Все-
 володъ победивъ полкъ, в[р]атись к[в]олодимиру с честью вели-
 кою...».

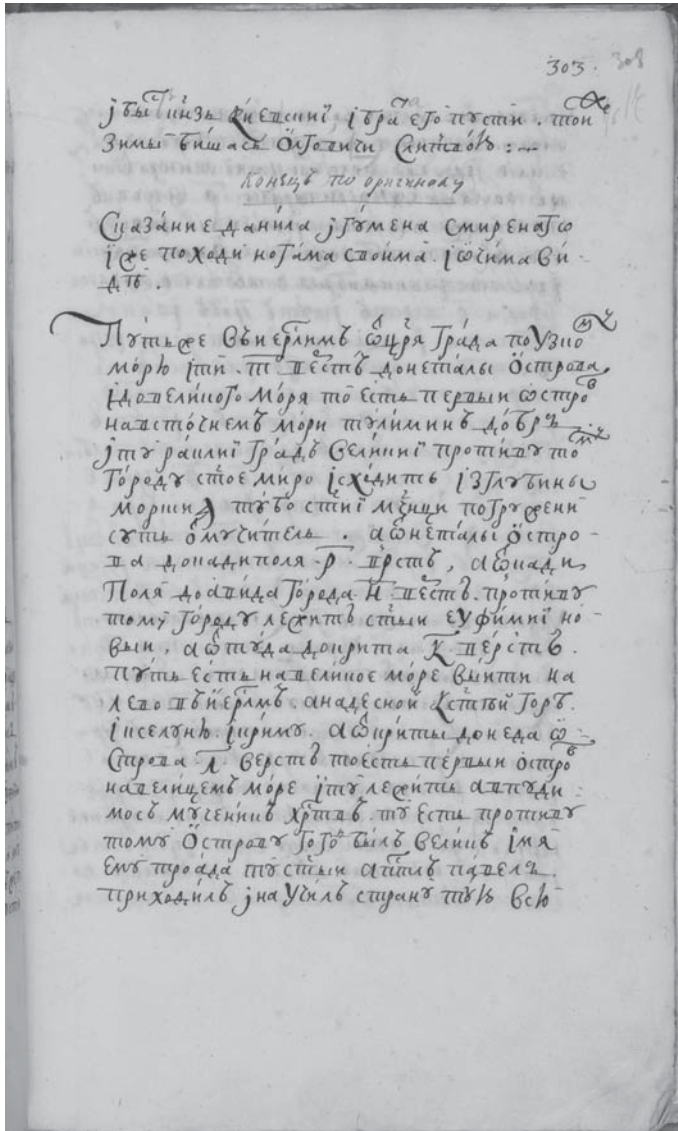

Рис. 55. 303/308. Конец летописного текста и начало «Сказания Даниила игумена Смиренскаго».

лащина тая стая поурята дсинами моро-
 моряными. а на сторону предана. а по-
 нца прѣла вийти се в тробѣ днѣ. ЕСТЬ
 Кадиль великихъ сисломъ дср еяныя Горя
 бестрепани ке Утасавщи водныя вноди: ла-
 вца въ тая в дохотъ а лонотъ а шир-
 ны в лонотъ а в широтѣ полтора лонти.
 прѣ дсрми се пс ерными леситъ в намѣ-
 ннѣ. Г. столбъ в днѣ ЕСТЬ в дсрнѣ тыхъ а
 Напомъ наимени а Гдѣ стдѣ в в Гдѣ стдѣ
 ссинамъ Восресение Хрѣто. Г. перна тая
 яно амбокъ поморомъ в дтвляна ЕСТЬ. Н-
 Столпци поморяныи имамъ. в. на пс в
 род се в дтвляна шеремицо в дсрхъ емъ сте-
 ртѣ прѣло сребренъ бшдѣ в в дтвляна по-
 золо в широтѣ. на дсрхѣ шеремица шото стон
 в дтвляна в сребрѣмъ яно мѣра болши.
 шото стѣ в дтвляна в дтвляна. ЕСТЬ дсрнѣ
 шрон Утсреница шото твими дсрнѣми в широтѣ
 в хадатѣ в тробѣ днѣ. шой же Грѣ днѣ
 шими тс в днѣ Утсрени Восресениа. Црѣ
 шина прѣла в образѣ дср еяныя в дохотѣ
 в широтѣ ссрениа. А. ЕСТЬ се полатки
 ея протворныя. в широтѣ полаткахъ в широтѣ
 ссрениа патрнѣхъ ЕСТЬ в дсрнѣ тыхъ до
 степенн ссрениа. в. шотѣ ЕСТЬ в дтвляна
 ны в широтѣ шотѣ земныи дсрнѣ на
 ннѣ помора на Гртѣ написанъ Хрѣто н
 Гдѣ Грамотнѣ се псрѣ в в широтѣ н бо.

Franci

Рис. 56. Л. 306/311. Автограф Ломоносова на правом поле. Против слова «фрязове» поставлено: «Franci».

*И. Н. Левина
(РГПУ им. А. И. Герцена)¹*

**СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ
ИДИОЛЕКТА
М. В. ЛОМОНОСОВА
НА СИНТАКСИЧЕСКОМ
УРОВНЕ:
ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ**

Ключевые слова: лексикография, синтаксис, изъяснительное сложноподчиненное предложение, лексико-синтаксическая модель, идиолект, языковая личность, картина мира, М. В. Ломоносов.

Анализируется лексикографическая презентация идиолекта на синтаксическом уровне. В качестве единицы описания рассмотрена модель сложноподчиненного изъяснительного предложения — структура бинарного типа, содержащая в главной части лексический компонент, а в придаточной — союз. Разработанная структура словарной статьи учитывает грамматический (структурный), коммуникативный и семантический (логический) аспекты описания предложения.

Описание синтаксиса, когда речь идет об идиолекте Ломоносова необходимо:

«...Ломоносов был не только создателем первой русской грамматики, не только родоначальником стилистики русского языка, но и создателем синтаксиса письменного языка нового типа» (Акимова 1973: 11).

Между тем лексикографическая презентация идиолекта на синтаксическом уровне затруднена теоретической неразработанностью этого вопроса: не случайно авторы одного из самых

¹ Ирина Николаевна Левина, канд. филол. наук., доц. кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

значительных проектов в области писательской лексикографии — Словаря языка Достоевского — намечая стратегии словарного представления единиц, больших, чем словосочетание, говорят лишь об относительно устойчивых в лексическом отношении образованиях, планируя выпуск словарей фразеологизмов, крылатых выражений, прецедентных текстов (Караулов, Гинзбург 2001: XXXII–XXXIV). Осуществление полного синтаксического описания идиолекта, безусловно, — дело будущего. Предлагаемый способ лексикографирования связан лишь с одним типом сложноподчиненных предложений — изъяснительных², что тем не менее позволит описать значительную часть исследуемого авторского дискурса, причем выявить весьма значимую для характеристики языковой личности информацию.

Первый тезис подкрепляется тем, что изъяснительные предложения — самый распространенный тип сложноподчиненного предложения (СПП) в русском языке. Закономерно, что «Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка (НКРЯ)» базовому союзу этих предложений — союзу «что» (лемма «что conj») отводит 9-е место в русском языке и 11-е — в художественной литературе³.

Аргументом в поддержку второго тезиса выступает уникальность изъяснительного предложения: оно привлекает внимание как «эксплицитное предложение» («конструкция

² Изъяснительно-союзных (Крючков, Максимов 1960: 18–19).

³ См.: Частотный словарь НКРЯ 2009 — Ранговый список лемм: 419; Наиболее частотные леммы подкорпуса художественной литературы: 793. По данным «Частотного словаря русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной, «что» (без учета омонимии) занимает 7-е место (Частотный словарь Засориной 1977 — Частотный словник: 807; Статистическая структура словаря: 895). В идиостиле изъяснительные предложения могут играть еще более существенную роль: в пользу этого в нашем случае косвенно свидетельствуют факты частотного формоуказателя «Язык писем М. В. Ломоносова»: лемма «что» (омонимия не снята) занимает 4-е место (ЯПЛ 2007: 183).

эксплицитной модальности»⁴), на основе которого Ш. Балли определил дихотомию модус / диктум⁵. К авторской лексикографии это имеет непосредственное отношение, особенно если словарь «задуман как лексикографическая модель языка-мира, тезаурус мыслей и идей» (Волков 2009: 82). Ведь «помимо... уровня, воплощенного в лексиконе, в структуре языковой личности различаются еще два — когнитивный, характеризующий свойственную ей картину мира и воплощенный в ее тезаурусе, и мотивационный, охватывающий коммуникативно-деятельностные потребности личности, движущие ею мотивы, установки и цели и резюмирующийся в наборе или сетке связанных с конкретными речевыми актами интенциональностей: надежд, желаний, страхов, любви, ненависти, симпатий и антипатий, сомнений, радостей, досады, раздражения, смущения, благодарности, враждебности, восхищения, уважения, стыда, удовольствия, удивления, веселости, разочарования» (Караулов 2010: 87). Само перечисление интенциональностей в цитате подсказывает путь «для решения задачи реконструкции... мотивационной сферы» языковой личности (Караулов 2010: 87): все они, как, впрочем, и множество других, в русском языке

⁴ См.: (Алисова 1971: 167–175).-

⁵ «...спросим себя, какую наиболее логическую форму может принять сообщение мысли. Очевидно, что это будет форма, устанавливающая четкое различие между представлением, воспринятым чувствами, памятью или воображением, и производимой над этим представлением мыслящим субъектом психической операцией <...> Эксплицитное предложение состоит, таким образом, из двух частей: одна из них будет коррелятивна процессу, образующему представление (например, la pluie «дождь», une guérison «выздоровление»); по примеру логиков мы будем называть ее диктумом. Вторая содержит главную часть предложения, без которой вообще не может быть предложения, а именно выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом. Логическим и аналитическим выражением модальности служит модальный глагол (например, думать, радоваться, желать), а его субъектом — модальный субъект; оба вместе образуют модус, дополняющий диктум» (Балли 1955: 43–44).

фиксируются изъяснительным предложением, обозначаясь его контактными (опорными) словом.

Весьма существенным является и тот факт, что специфика формальной организации изъяснительного предложения проявляется не только как зависимость придаточного предложения от семантики контактного слова, но и во взаимозависимости этого лексического компонента и средства грамматической связи — подчинительного союза: отсутствие четких системных закономерностей в их сочетании⁶ обусловило лексикографическое описание предложений этого типа. Состав моделей «Лексико-синтаксического словаря» (Ильенко, Левина 2007) — около 2000, — отражая системные закономерности современного русского языка, создает необходимую основу исследований сравнительного характера, связанных как с динамикой языковой системы, так и с индивидуальными речевыми воплощениями.

Ориентация на понятие языковой личности, с одной стороны, и на особенности изъяснительных СПП, с другой, делает возможным осуществление их описания в нескольких аспектах, наряду с **формальным (грамматическим)** и **коммуникативным**, позволяя руководствоваться при структурировании словарной статьи также **смысловым (семантическим)** и **прагматическим**.

Формальный (грамматический) аспект — основной аспект описания — определяет выбор единицы лексикографирования; остановимся на ней и ее лексикографическом потенциале.

Совокупность контактного слова и сложноподчиненного союза С. Г. Ильенко было обозначено как «контактная рамка» (Ильенко 1973: 27), позже это понятие легло в основу понятия лексико-синтаксической модели сложноподчиненного предложения.

⁶ С. Г. Ильенко в приложении к докторской диссертации представлены материалы о сочетаемости с подчинительными союзами глаголов и имен (Ильенко 1964). Список, созданный на основе сплошной выборки из Словаря современного русского литературного языка» (БАС¹), составил основу словника «Лексико-синтаксического словаря русского языка» (ЛСС).

Лексико-синтаксическая модель изъяснительного предложения (ЛС-модель) — абстрактный минимальный образец, представляющий бинарную структуру нерасчлененного типа, в главной части которого получает экспликацию лексический компонент — контактное (опорное) слово, предопределяющий своим значением наличие придаточной части и связь с нею определенным грамматическим компонентом (союзом), а также включающий другие конструктивные признаки грамматического и стилистического характера, необходимые и достаточные для создания правильного высказывания. Например: [ГОВОРИТЬЗ], (ЧТО...)|_{книжн.}; [ВЕДАТЬ], (...ЛИ) |_{[Neg / ?]|устар.}. ЛС-модель способна отразить разнообразную и пеструю речевую картину, поскольку, как и другие абстракции подобного типа (Белашапкина 1981: 437–470), рассматривается не как неизменная данность, а с учетом варьирования в некоторых пределах, что отражается в соотношении инвариант / вариант / регулярная реализация / вариация.

Выделение синтаксических вариантов — собственно **вариантов ЛС-моделей** — связан с наличием конструктивных компонентов факультативного типа: в первую очередь соотносительного слова (указательного местоимения) в главной части (1). Хотя нельзя не упомянуть, что на форме ЛС-модели, безусловно, сказывается наличие вариантов у опорной леммы⁷ (ср. фонетические варианты (2) а и б).

(1) <...> истинно теперь **о том не сомневаюсь**,

Что, потонув, она плыла против реки (АПСС 8, 190).

(2) а) Я **не сомневаюсь**, **что** он через учение счастлив будет (АПСС 10, 599); б) <...> **не сомневаюсь**, **что** экспедиция туда впоследствии (АПСС 10, 570).

Круг привлекающих внимание лингвистических явлений значительно шире. Обратимся к тому, какие факты языкового

⁷ См. реестр вариантов слова (Проект 1977: 37–49).

материала (а это — корпус текстов М. В. Ломоносова⁸) представляют интерес и нуждаются в лексикографической фиксации.

Не может пройти незамеченным всякое отступление от их привычного списка или формы глаголов, выступающих в качестве связки: *сверх того понеже явно есть, что...* (АПСС 1, 433); *отсюда явно быть кажется, что...* (АПСС 1, 468). Не в последнюю очередь это касается полузнаменательных и знаменательных связок: *откуда удобно разуметь можно, что* (АПСС 1, 493); *...не примите мне в самохвальство, что* (АПСС 10, 476). Особенности наблюдаются и в области использования модального компонента: например, встречающаяся у Ломоносова реализация типа [не можно + глаг._{inf}], (что / чтобы) устарела:

Итак, **не можно сомневаться, что** великое, но обыкновенно неизвестное божие благословение в той земли или городе есть, где хорошая и чистая вода находится, понеже она с другими бесчисленными пользами и вместо самых целебнейших лекарств быть может (М. В. Ломоносов. О сохранении здоровья (перевод) // АПСС 11, 28).

Только на первый взгляд введение модальных значений связано с уровнем простого предложения (ПП) и нерелевантно для вопросов лексикографирования сложного предложения (СП). В изъяснительном предложении дело обстоит иначе: «для структуры изъяснительного предложения чрезвычайно важна содержащаяся в семантике опорного слова связь с представлением об объективной реальности или об определенном виде гипотетичности: от этого зависит модальность придаточной части, выражаемая средствами и формой сказуемого» (Грамматика-70: 702). Для подобных случаев удобно использовать понятие «регулярная реализация»⁹; оно охватывает также значения фазисности, отрицания и некоторые другие.

⁸ Тексты М. В. Ломоносова цитируются по Полному собранию сочинений (АПСС 1950–1959, 1983); названия произведений указываются лишь в случаях, связанных с необходимостью жанрово-стилевой и хронологической ориентации.

⁹ Понятие регулярной реализации структурной схемы простого предложения вводится Н. Ю. Шведовой (1969: 67–81); см. также:

Понятие регулярной реализации имеет смысл дополнить понятием «вариация», позволяющим ввести в поле зрения формальные разновидности репрезентации модели, обусловленные парадигматическими потенциями контактного слова (категориями лица, наклонения, времени, числа и др.). Вариации связаны с определенными системными изменениями содержания главной части СП, их фиксация позволяет дать некоторую грамматическую информацию, выявляющую предпочтения субъекта речи в выборе той или другой структуры ПП (пассивная или активная конструкции, безличная и т. д.). Так, например, модель [СОМНЕВАТЬСЯ 1], (ЧТО...) ^[Neg] представлена в дискурсе М. В. Ломоносова вариациями [**не сомневаюсь1**], (что) (АПСС 10, 494, 478, 536, 571, 574, 582, 587, 599); [**не сомневаюсь1**], (что) (АПСС 10, 570); [**не сомневаемся1**], (что) (АПСС 10, 458); [**не сомневаетсяя1**], (что) (АПСС 1, 456); [**не сомневаемся1**], (что) (АПСС 7, 9); [**не можно сомневатьсяя1**], (что) (АПСС 1, 486; 11, 28); [**не сомневаюсь о том1**], (что) (АПСС 8, 189–190). Сравним две вариации, различающиеся формой числа контактного слова:

Для сих причин **не сомневаюсь, что** ваше сиятельство будете мне в получении оногo по древней вашей отеческой милости предстатель и помощник и тем вящее ободрите мое рачение к размножению в отечестве природных ученых людей, в которых не без сожаления видим великий недостаток (М. В. Ломоносов. Письма. 1759 декабря 30. М. И. Воронцову (1759) // АПСС 10, 536).

Того ради отнюдь **не сомневаемся, что** ваше сиятельство долее не попустит, чтобы **мы** почитались в одних рангах с теми, которые и с адъюнктами нашими учением сравниться не могут, какovy Морской академии учителя (М. В. Ломоносов. Письма. 1748 июля 12 — сентября 3. К. Г. Разумовскому (1748) // АПСС 10, 458).

(Грамматика-70: 547; Белошапкова 1981: 460–471). Применение ряда положений этой синтаксической концепции при описании сложного предложения оправдывается спецификой СПП рассматриваемого типа: изъяснительное СП — предложение **нерасчлененного** типа, где придаточное выполняет функцию присловного распространителя.

Если вариацию [НЕ СОМНЕВАЮСЬ1], (ЧТО) отличает регулярность употребления, в эпистолярии она встречается как в деловых текстах, в том числе переводных, так и в частных, то единичная вариация [НЕ СОМНЕВАЕМСЯ1], (ЧТО) ставит вопрос о причинах использования формы 1-го лица мн. числа (обращение к первоисточнику показывает, что она стилистически нейтральна: письмо было написано от имени профессоров Академии наук).

Еще один пример:

Когда производится кто в адъюнкты, то **бывает в надежде, что** он достигнет достоинства экстраординарного и ordinarily-го академика (АПСС 10, 143).

ЛС-модель фиксирует вид, если контактное слово — глагол, естественно, что такая информация отсутствует, если контактное слово — существительное, однако вариация модели с эксплицитированной связкой-глаголом в видовом отношении может представлять интерес, как обнаруженная в речи Ломоносова вариация ЛС-модели [НАДЕЖДА], (ЧТО...), где глагол-связка представлен в непривычной для современного употребления форме [бывает в надежде], (что). Примеры, естественно, можно продолжить.

Индивидуальность говорящего проявляется в составе используемых ЛС-моделей, но в словаре может и должна найти отражение и информация о большей или меньшей актуальности разновидностей модели — вариаций, вариантов и регулярных реализаций. Описание идиолекта Ломоносова привлекательно еще и тем, что сам состав ЛС-моделей для языка XVIII века не установлен.

Факты диахронии как нельзя нагляднее свидетельствуют о подвижности в сфере лексико-синтаксической организации изъяснительного предложения¹⁰. Отличия в составе моделей

¹⁰ Ценную информацию дает «Словарь русского языка XVIII века», указывая, как правило при глагольной лексеме, на самую возможность употребления придаточного (Сл XVIII в. Вып. 1–17).

не сводимы к действию только одного фактора, хотя наиболее очевидная причина отличия состава ЛС-моделей — произошедшее в языке с XVIII века изменение лексики. Читая тексты Ломоносова, безусловно, трудно пройти мимо предложений с контактными словами *челобитье*, *наветки*, *воспоследовать*, *уведать* и т. п.

Переписанную речь мою к вашему превосходительству переслать принимая смелость, еще вас, милостивого государя, прошу, чтобы о произведении оной к 25-му ноября постараться, ибо мне дают **наветки**, **что** ее в «Комментарии» напечатать, однако я тем отнюд не могу быть доволен и за прямой отказ почесть должен (АПСС 10, 489).

И как всякий подрядчик барыша себе и на харчи требует излишнего, то **воспоследовало** от сего, **что** данной от Правительствующего Сената суммы — двадцати трех тысяч — не достало на починку Обсерватории... (АПСС 10, 219).

Изменения, оказывающие влияние на лексико-синтаксическое моделирование, носят разнообразный характер, они могли коснуться только определенного лексико-семантического варианта, который мог стать менее частотным, исчезнуть совсем, сменить свою стилистическую квалификацию. Лексема «сказка», например, используется в качестве контактного в современном языке — на основе двух ее лексико-семантических вариантов образуется три модели. ЛСС дает следующую информацию.

«СКАЗКА 1. Повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил.

[СКАЗКА1], (ЧТО...) |разг. У некоторых народов есть **сказка**, **что** можно добиться всего (НКРЯ 2009).

СКАЗКА 2. Выдумка, вымысел, небылица.

[СКАЗКА2], (ЧТО...) |разг. Так что не рассказывайте сказки, что страна эта большая и страшная и одному, а тем более одной, туда ехать нельзя (Шубин А. Путь к успеху, как стать богатым).

[СКАЗКА2], (БУДТО...) |разг. Фермор видел, что его самого рассмотрели до дна и отставили, и вдобавок стала ходить какая-то сказка, будто он принял какую-то шутку казначея за серьезное предложение ему какой-то артельной взятки (Н. С. Лесков. Инженеры-бессребреники)» (ЛСС: 347).

И ни одна из данных моделей не является той, по которой строится соответствующая часть следующего высказывания:

§ 20. Но власть их стояла весьма кратко, затем что вскоре пожалован в Академию президентом его сиятельство граф Кирило Григорьевич Разумовской, которому нарассмотрение отосланы из Сената все перед ним бывшие академические распри, которые так решены, что от всех профессоров взяты **сказки** порознь, стоит **ли** кто в своем на Шумахера доносе, на что как ответствовано от каждого, неизвестно, но **то** ведомо, **что** Шумахер остался по-прежнему в своей силе и вскоре получил большое подкрепление (АПСС 10, 279).

В БАС¹ зафиксировано, однако, еще два лексико-семантических варианта слова «сказка»: «Устар. Разг. Список лиц, подлежащих обложению подушной податью, составлявшийся при ревизии; ревизская сказка» и «Устар. Официальное показание, сообщение, донесение» (БАС¹ 13, 874–876). Хотя в функции контактного слова в современном языке они не выступают, в XVIII веке — и об этом свидетельствует ломоносовский пример — последний из них моделиобразующий. С современной точки зрения, эту ЛС-модель можно было бы представить как [СКАЗКА 3], (...ЛИ)|устар.

В сложную полипредикативную структуру приведенного высказывания Ломоносова включено еще одно изъяснительное предложение, построенное по не актуальной сейчас модели [ВЕДОМО], (ЧТО...) |устар. Она входит в группу моделей, имеющих однокоренные опорные слова: [ВЕДАТЬ], (ЧТО...) |устар.; [УВЕДАТЬ], (ЧТО...) |устар.; [ВЕДОМОСТЬ], (ЧТО...) |устар. и др. (глагол *ведать*¹¹ в функции опорного слова в речевой практике

¹¹ См. подробный анализ лексемы (автор статьи — Ю. Д. Апресян) в первом выпуске «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» (Новый словарь синонимов 1997: 129–137).

XVIII века — один из наиболее употребительных¹²) — заметим, что и этих моделей коснулись не только стилистические изменения. Самая частотная из них [ВЕДАТЬ], (ЧТО) |^{устар.} в «Лексико-синтаксическом словаре русского языка», наряду с пометой стилистического характера, имеет касающуюся речевой реализации помету «чаще с отриц. в гл. ч.» — это ограничение для XVIII в. нерелевантно: отрицание содержит менее десятой части всех употреблений. Характерные примеры:

***Ведай, что** совесть всегда, как друг, оберегает прежде, нежели как судья наказывает* (Д. И. Фонвизин. Недоросль)¹³.

***Ведайте, ведайте, что** я емь убийца возлюбленного моего сына, его же мертва предали земле* (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву).

Функциональная активность глагола «ведать» отразилась и на использовании сохраняющего в XVIII в. с ним живую словообразовательную связь существительного «ведомость» в значении 'известие', из современного литературного языка исчезнувшего:

При сем доношу вам, милостивый государь, приятную **ведомость, что** г. надворный советник Попов прислал свои наблюдения из Иркутска, весьма обстоятельно написанные.

¹² В русском литературном языке второй половины XVIII века в качестве наиболее употребительных названы следующие контактные (опорные) слова изъяснительного предложения: *сказать, говорить, сказывать, объявить (объявлять), писать (написать), отвечать (отвечать), видеть (увидеть), услышать (слышав), узнать, приметить (примечать), почувствовать, знать, ведать, думать (подумать), верить (поверить), надеяться, полагать (считать), представлять, уверять, доказывать, заключить, рассудить (рассуждать), показывать (показать), утверждать, признаться* (Кодоухов 1966: 102).

¹³ Все тексты авторов XVIII в., кроме М. В. Ломоносова, цитируются по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) — при цитате это оформляется использованием квадратных скобок, в которых дается источник.

Им примечены все важные и желаемые пункты во время прохождения Венеры (М. В. Ломоносов. Письма. 1761 сентября 5. М. И. Воронцову // АПСС 10, 557).

В словарях (БАС¹, БАС², Сл XVIII в.) синтаксический потенциал такого лексико-семантического варианта слова «ведомость» не находит отражения, хотя модель используется в XVIII веке весьма активно¹⁴.

Следует подчеркнуть, что сохранение слова / лексико-семантического варианта в лексиконе еще не означает сохранения в неизменном виде его моделиобразующих свойств. Определенную трансформацию грамматической структуры, происходящую с течением времени, можно наблюдать, например, проследив за употреблением ЛС-моделей с опорными словами *уповать*, *упование*, *уповательно* — в ЛСС они представлены моделями [УПОВАНИЕ], (ЧТО...) |^{устар.} и [УПОВАТЬ], (ЧТО...) |^{устар.}. Анализ результатов поиска в НКРЯ¹⁵ показывает, что частота употребления модели [УПОВАТЬ], (ЧТО...) в ее основном варианте к концу XVIII в. резко уменьшается, однако получает распространение ее вариант, включающий указательное местоимение, [УПОВАТЬ на то], (ЧТО...): в современном языке он встречается почти в полтора раза чаще, постепенно вытесняя вариант без соотносительного слова; аналогичная тенденция характерна и для модели с контактным словом — существительным [УПОВАНИЕ], (ЧТО...). Сравните (1), (2) и типичные для XXI века, причем для разных стилей, (3), (4):

(1) Таким образом, несумненно **уповаю, что** Академия придет в цветущее состояние, застарелое зло искоренится, и иная

¹⁴ Примечательно, что первый оправдательный пример в БАС¹ на это значение «Ведомость пришла, что прусский король подымается, надо войне быть. Печер. Стар. горы, VII» — изъяснительное предложение (БАС¹ 3, 113). В словарной статье БАС² (2, 375) пример такого типа отсутствует.

¹⁵ Выборка велась в полуавтоматическом режиме — омонимия снята, нерелевантные случаи исключены.

будет — не смех, но пример другим командам (М. В. Ломоносов. 1761 января 19 — мая 31. Докладная записка о мерах к приведению Академии Наук «в доброе состояние» (1761) // АПСС 10, 82).

(2) По рассмотрении, рассудилось мне за благо пространнее и обстоятельнее сообщить их <заметки о моих мыслях> Вашему высокопревосходительству, яко истинному рачителю о всяком добре любезного отечества, **в уповании, что**, может быть, найдется в них что-нибудь, к действительному поправлению российского света служащее, что Вашим пронизательством и рачением разобрано, расположено и к подлинному исполнению приведено быть может (М. В. Ломоносов. О размножении и сохранении российского народа (1761) // АПСС 6, 383).

(3) Поэтому автору настоящей статьи остается **уповать на то, что** он не является «типичным западным ученым» (а также на то, что примат уяснения оснований перед самим построением хорошо вписывается в российские традиции) [В. А. Успенский. Витгенштейн и основания математики (2002)].

(4) **Уповать на то, что** рынок, мол, все расставит по своим местам, мягко говоря, несерьезно [Леонид Жеребцов. Алексей Коровников, исполнительный директор Ассоциации «Пермские строители» (2004) // Пермский строитель. 2004.05.11].

[УПОВАТЕЛЬНО], (ЧТО...), в отличие от двух предыдущих, — весьма редкая модель: с начала XX века ее не используют даже как средство стилизации (исключение составляет «Емельян Пугачев» В. Я. Шишкова). В XIX веке она зафиксирована лишь 3 раза: у П. И. Мельникова-Печерского и М. Е. Салтыкова-Щедрина, и, опосредованно, через цитирование, у Е. В. Тарле. Хотя САР² включает статью «Уповательно», но даже для XVIII в. модель малочастотная: из 5 выявленных употреблений — 3 в текстах С. Е. Десницкого, у Радищева и Ломоносова — единична:

Подлинно неизвестно нам, в которое точно время власть продавать детей у отца отнята, а **уповательно, что** сия власть совсем уничтожена прежде Диоклитиана, как то видно из указа

сего императора... (С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции).

На Кяхте запрещается покупать или продавать на наличные деньги, но **уповательно, что** запрещение сие не весьма строго с обеих сторон соблюдается (А. Н. Радищев. Описание Тобольского наместничества).

Уповательно, что, конечно, есть много новостей, кои еще до весны получить кажется можно (М. В. Ломоносов. Письма. 1764 октября 22. И. Г. Чернышеву (1764) // АПСС 10, 591).

Этот и аналогичные факты частоты употребления дают повод к осмыслению ЛС-модели не только как средства, позволяющего в диахронии проследить динамику существования рассматриваемых синтаксических структур, но на синхронном срезе — как средства выявления пристрастий того или другого носителя языка.

Говорящий проявляет себя не только в составе моделей, но и в стратегиях их использования — в выборе **структурной формы речевой презентации** ЛС-модели: а) **полной** vs. **неполной**; б) **минимальной** (бином) vs. **расширенной** (многокомпонентное СПП с однородными придаточными).

Примечательный факт: структура изъяснительного предложения и прототипическое средство связи ее частей, союз «что», настолько освоены носителями языка, что в речи встречается неполная реализация СП, построенная по схеме [Ø], (что...):

Помянутый Юнкер употреблял его знание русского и немецкого языка и химии, поручая ему переводить с немецкого нужные репорты и экстракты о соляном деле для подания в Санктпетербурге повозвращении, при коем случае Ломоносов много в четыре месяца от него пользовался в знании соляного дела. А особливо, **что** он уже прежде того на поморских соловарнях у Белого моря бывал многократно для покупки соли к отцовским рыбным промыслам и имел уже довольно понятие о выварке, которую после с прилежанием и обстоятельно в Саксонии высмотрел (АПСС 10, 411–412).

Для идиостиля Ломоносова весьма характерна ориентация на расширенную структуру, представляющую многокомпонентное СПП с однородными придаточными: так, в следующем предложении¹⁶ на базе [ДОКАЗЫВАТЬСЯ 1], (ЧТО...) образуется структура [*доказывается1*], (*что...*), (*что...*), (\emptyset ...):

Прочие его новые изобретения

11) Центроскопические разные инструменты, коими **доказывается:**

1) **что** шар земной имеет три центра, из коих третий всечасно переменяется, и оттого все отвесы переменяются, 2) **что** тягость тел не постоянна и всечасно переменяется, 3) от сих действий происходит движение земли около центра, прилив и отлив в море и отчасти переменная высота в барометре; также и происхождение ветров оттуду ж много зависит. Сие доказывається многими тысячами метеорологических и новых центрических наблюдений, кои советник Ломоносов начал 1759 года и поныне продолжает (АПСС 10, 398).

Нельзя не отметить необходимость — тем более для М. В. Ломоносова, с перманентной риторической окрашенностью его речи, — фиксации особенностей **синтагматики ЛС-модели**, прежде всего проявляющейся в ее взаимодействии с другими ЛС-моделями в минимальном контексте, т. е. в контексте сложного предложения усложненного типа (многокомпонентного СП), и, кроме того, с другими языковыми средствами — для Ломоносова актуальны показатели метатекста. Иллюстрацией проявления синтагматики первого типа может служить использование трех моделей: [ПРОИСКИ], (ЧТО...) + [ПРОИСКИ], (БУДТО...) + [ПРОИСКИ], (ЧТО БУДТО...), — на базе которых образуется структура:

[*происки*], (*что...*), (*что будто...*), (*что...*), (*будто...*), (*что...*), (*что будто...*) и (*что...*).

Для наглядности оформим пример следующим образом, подчеркнув ломоносовскую рубрикацию абзацированием:

¹⁶ Пример дан с сохранением абзацирования.

При сем употребляет он, г. Миллер, всякие ябеднические **происки**:

- 1~е) **что** г. Ломоносов не определен именным указом;
- 2~е) **что будто** он всегда с ним, Миллером, в ссоре;
- 3) **что** сочинителю обида, а не рассуждает сам обиды всей Академии, а особливо Канцелярии;
- 4) **будто** его Канцелярия отягощает;
- 5) **что** Канцелярия тогда президентскую власть имеет, когда его совсем нет;
- 6) **что будто** сие дело партикулярное
- 7) и **что** он власть может опять в ипохондрию (АПСС 10, 193–194).

Включающее 7 придаточных изъяснительных в сочетании с цифровой рубрикацией, предложение не вписывается, с точки зрения современного русского языка, в норму официально-делового стиля, являя собой, однако, изумительный риторический образец развенчивающей оппонента аргументации.

Создание подобных усложненных структур, как и сочетание их с метатекстовыми операторами, — не единичный случай. Приведем еще хотя бы один пример:

...Он, Миллер, в сказке **объявил следующее**: 1) **что** получил он от Делиля два письма — одно из Риги, а другое из Парижа и **что** оные письма утратились; 2) **что** Делиль оставил у него некоторые манускрипты; 3) **что** Миллер с Делилем согласия не имел, чтобы, манускрипты соединив, публиковать тайно; 4) **что** Делиль с ним, Миллером, ни в чем ином согласия не имел, как только, по его мнению, в том, что сверх вышепомянутых еще другие манускрипты у него оставить, а чтобы публиковать вне государства, о том у него с Делилем согласия и намерения не было, 5) **что** о утаении пересылки манускриптов никаких предосторожностей не имел и **что** Делиль только в письме велел таить от посланного, 6) **что** Делиль в первом письме корпус академический поносил... (АПСС 10, 179).

Синтаксическая «композиция» на основе модели сложно-подчиненного предложения: [*объявил*1], (*что*...) и (*что*...); (*что*...); (*что*...); (*что*...); (*что*...) и (*что*...); (*что*...), с одной стороны, и метатекстовые операторы — *следующее* + показатели 1), 2) и т. д., с другой, находятся здесь в достаточно

сложном взаимодействии, на что указывает несовпадение цифровой рубрикации и границ придаточных предложений. По сути дела наблюдается явление избыточности, обусловленное совмещением сложноподчиненной и бессоюзной связи.

Коммуникативный аспект описания СПП связан со словопорядком и парцелляцией. В этой области в XVIII веке наблюдается ряд заметных явлений, одно из которых — активное использование инверсии (Ковтунова 1969; Акимова 1973). ЛС-модель позволяет фиксировать расположения разных ее компонентов: кроме инверсии придаточной части СПП по отношению к главной¹⁷ (1); внимание привлекают дистантное расположение опорного слова по отношению к придаточному (2); дистантное расположение союза по отношению к главной части СПП (3); инверсия элементов, формирующих варианты и регулярные реализации модели, — соотносительного слова по отношению к опорному (4); модальных (и фазисных) компонентов (5):

(1) P. S. **Что** ему помощник надобен, то его сиятельства при первом отъезде на Украину представление о вице-президенте явственно **доказывает** (АПСС 10, 544).

(2) ...я **уповаю доказать** великими доводами в самом деле, **что** оные слова — самая пустошь (АПСС 10, 527).

(3) При представлении низжайше прошу **напомнить**: 1. **что** служу 9 лет в одном чине и остался от многих; 2. **что** в Академии больше мне надобно авторитету, чтобы иностранные перевесу не имели; 3. **что** граф Кирилл Григорьевич и прежде сего представлял о вице-президенте; 4. **что** всеми силами стараюсь о ученых россиянах, сочинил регламенты, привел в порядок Гимназию; 5. и прежде сего советы давал о Московском университете; 6. **что** вице-президентский чин — невеликий, а в графских отсутствиях надобен; 7. сие ободрит меня к сочинению в один год «Петриады» (АПСС 10, 537).

¹⁷ О модально-диктальной инверсии см.: (Аругтюнова 1998: 409).

(4) Когда же я **то знаю**,
Что жить положен срок,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог;
Не лучше ль без терзанья
С приятельми гулять
И нежны вздыханья
К любезной посылать (АПСС 8, 762);

О сем могу **уверить** вас, милостивого государя, **что** оконченная набором в марте месяце великая картина Полтавской победы выходит из точения весьма хорош (АПСС 10, 587).

(5) А если из сосуда, на медном кругу Q поставленного, воздух вытянешь и отворив трубку FR к трубе АВ, поршень вытянешь, и между тем ничего ни в трубу, ни в сосуд воздуху не войдет, то **знать можно, что** вся машина в добром состоянии (АПСС 1, 438).

Не раз отмечалось, что проблема словорасположения у Ломоносова связана с влиянием иностранных языков и выходит за рамки актуального членения, захватывая грамматику. В этом плане могут быть информативны параллельные контексты, позволяющие сравнить синтаксические структуры оригинального текста и автоперевода на русский язык¹⁸.

Лат. *Particulas aëris calore in gyrum actas et asperis superficibus collisas a se invicem resilire, indeque elaterem illius pendere probatur, § 12–17.* ⇔ В § 13–17 доказывает автор, что неразделимые воздушные частицы, вертясь для теплоты около своей оси и шероховатую поверхность одну о другую ударяясь, рассказываются и таким расширением упругость воздуха производят (АПСС 2, 142–143).

Рассмотренное выше формальное и коммуникативное описание СПП, однако, обладает объяснительной силой не для всех феноменов, привлекающих внимание в идиостиле:

¹⁸ Этот метаязыковой прием «Словаря языка М. В. Ломоносова» предложен С. С. Волковым.

асимметрия формальной и содержательной стороны находит проявление и в синтаксисе. Это касается прежде всего эффектов, связанных с избыточностью средств грамматической связи придаточного с главным, однородностью сказуемых в главной части СПП, и создает проблему описания таких, например, высказываний:

Я не знаю еще или по последней мере **сомневаюсь**, жив ли я или мертв (АПСС 10, 484).

В отношении дополнения к формальной (лексико-синтаксической) находится семантическая структура изъяснительного предложения.

Смысловой (семантический) аспект описания определяется тем, что прежде всего «предложение повествует о некоей ситуации, следовательно, оно должно быть существенно связано с этой ситуацией. И эта связь состоит <...> в том, что оно является ее логической картиной» (Витгенштейн 1994: 21).-

Конкретизируя «диктум» Ш. Балли, Ч. Филлмор структуру предложения представил следующим образом: «Предложение → Модальность + Пропозиция» (Филлмор 1981: 404). Семантическая структура изъяснительного предложения парадоксальна: с одной стороны, придаточное предложение — лишь часть пропозиции (объектным распространителем предиката главной части), с другой, само по себе как минимум пропозиция¹⁹. Для словарной презентации обе ипостаси имеют значимость.

Наиболее общую семантическую (пропозициональную) структуру позволяет дать первая точка зрения. Пропозициональные предикаты изъяснительных предложений чаще всего двухместные²⁰, и структура передается формулами типа

¹⁹ См. обзор точек зрения о понятии «пропозиция» в современной лингвистике, например, в: (Богданов 1977).

²⁰ Хотя в других случаях, безусловно, предполагается фиксация всех определяемых валентностными свойствами предиката главной части СП актантов.

«Х думает, что Y» (Семантические типы предикатов 1982) или «Х думает, что P», где X — обозначение субъектного актанта, а «что Y» или «что P» — объектного актанта, имеющего характер пропозиции²¹.

Заметим, что в словарном описании дать набор пропозиций, реально соответствующий диктумной стороне высказывания, часто не представляется возможным. Такая попытка весьма показательна для приведенной небольшой по объему фразы Ломоносова «Я *не* знаю *еще* или по последней мере сомневаюсь, жив ли я или мертв», где использование отрицания и наречия «еще» ставят вопрос о пропозициях, введенных вторичными способами (тогда при учете всех отношений их можно насчитать до девяти). Упрощение описания здесь необходимо, но при условии сохранения релевантной информации. Общим подходом, организующим описание семантической структуры СПП, должно быть выявление наиболее общих семантических структур (пропозиций или полипропозициональных комплексов) с эксплицитованными отношениями при помощи «супер-предикатов» (Шмелева 1996: 9), в качестве которых выступают грамматические средства синтаксической связи — союзы. Такая ориентация, однако, определяет разные лексикографические решения, когда речь идет о полипропозициональных комплексах в придаточной части СПП и когда — в главной.

Особенности придаточного предложения, если они связаны с компонентами формальной структуры СПП и союзными средствами, могут быть зафиксированы в пропозициональной структуре. Так, следует сразу же оговорить структуру придаточного, присоединяемого союзом-частицей «ли»: в таких предложениях, как не раз отмечалось, имеет место наличие двух пропозиций, находящихся в отношении дизъюнкции, что можно обозначить следующим образом: «X думает, что P'∨ P''».

²¹ Далее символом P будет обозначаться пропозиция или, если разграничение не носит принципиального характера, полипропозициональный комплекс.

Обращение к анализу семантического устройства придаточной части СП позволяет эксплицировать некоторые особенности логического мышления: так, например, смысловая организация данного ниже примера, отвечая формуле « X сомневается₂, что $(P) \& (P \vee P')$ », демонстрирует семантическую избыточность не закрепившейся в литературном языке конструкции — она образуется как результат слияния двух моделей — [СОМНЕВАТЬСЯ₂], (ЧТО...) и [СОМНЕВАТЬСЯ₂], (... ЛИ):

Ежели кто **сомневается, что** подлинно **ли** воздух в Торрицеллиевой трубке ртуть держит, тот пускай оную под олоколом ABC [фиг. 16], у которого горлышко CD долго, поставит и воздушным насосом вытянет (АПСС 1, 442).

Что касается главной части СПП, то и здесь наличие однородных пропозитивных предикатов интерпретируется как соединение ЛС-моделей, которое, однако, может быть учтено на уровне не столько одной словарной статьи, сколько структуры словаря: информация о семантической организации приведенного высказывания должна располагаться в двух словарных статьях о ЛС-моделях с контактными словами *сомневаться₂* и *знать₂*:

[ЗНАТЬ 2], (...ЛИ...)

Я не знаю еще или по последней мере сомневаюсь, жив ли я или мертв (АПСС 10, 484).

┌ СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
« X знает₁, что $(P' \vee P'')$ & P'' »

Neg

Я ~ жив ли я или мертв (АПСС 10, 484).

[СОМНЕВАТЬСЯ 2], (...ЛИ...)

Я не знаю еще или по последней мере **сомневаюсь**, жив **ли** я **или** мертв. (10, 484)

┌ СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
« X сомневается₂, что $(P' \vee P'')$ & $(P' \vee P'')$ »

Я ~ жив ли я или мертв (АПСС 10, 484).

Указание на факт сопряжения указанных семантических структур, по всей вероятности, следует отнести к зоне комментария. Следует также иметь в виду возможность организации дополняющего идиоглоссарий самостоятельного раздела словаря о синтагматике ЛС-моделей.

Прагматический аспект лексикографирования СП, непосредственно связанный с семантическим, дает возможность восстановить фрагмент картины мира языковой личности на мотивационном уровне.

С этой точки зрения существенной оказывается не только интенция, но и — в реальной действительности — ее источник, и те объекты, на которые она направлена. Модусным (пропозициональным) предикатом (контактным словом) из представленных придаточными предложениями ситуаций формируется некая совокупность, множество, по отношению к которому говорящий использовал эту интенцию. Высокая степень информативности такого отношения обусловлена тем, что в придаточных, представляющих пропозицию, отражается фрагмент действительности, имеющий характер «события». Для картины мира и набор компонентов, из которых сформировано множество, и проявляющие интенцию модусные смыслы.

Вопрос о введении операторов, организующих **модусную рамку** пропозиции придаточного, — достаточно сложный, во-первых, потому, что эти смыслы могут реализоваться / не реализоваться с помощью грамматических средств, а потому фиксироваться / не фиксироваться ЛС-моделью (ее вариациями и регулярными реализациями), т. е. по-разному распределяться между формальным и семантическим описанием СПП; во-вторых, потому, что выделение их набора дискуссионное и не совпадает у разных авторов. III. Балли, говоря о модусе, как его важнейший компонент назвал «модальный субъект» (Балли 1955: 44). В отечественной традиции эта позиция находит развитие, проявляясь во внимании к категории лица: так, С. Г. Ильенко выделила категорию персонализации (Ильенко 1975: 21), которая была включена Т. В. Шмелевой при

рассмотрении семантической структуры предложения в состав актуализационных категорий модуса. Т. В. Шмелева также обращает внимание на негацию, наряду со смыслами фазисности, интенсивности, количественности (квантитативности) составляющую «припропозитивный слой диктумного содержания» (Шмелева 1996: 9). Руководствуясь в лексикографическом описании скорее принципом необходимости, чем принципом достаточности, следует признать наиболее существенными смыслы, так обозначенные Ш. Балли:

«Либо думают, что идет дождь, либо этого не думают, или в этом сомневаются; радуются тому, что идет дождь, или об этом сожалеют; желают, чтобы шел дождь или этого не желают. В первом случае выражается суждение о факте, во втором — суждение о ценности факта, в третьем — о проявлении воли» (Балли 1955: 43–44).

Имея в виду эти и сделанные в нужном русле наблюдения²², презентации индивидуальной картины мира, в описание СПП релевантно включить **модусные операторы** персонализации, отрицания, а также ирреальности (желательности, возможности, долженствования, побудительности).

Оператор персонализации требует особенно пристального внимания, поскольку вводит «прагматическую переменную» (Богданов 1977: 106). Хотя в научной литературе разработана подробная классификация субъектов, установки такого лексикографического описания с его антропоцентрической доминантой обуславливают интерес к их наиболее общей градации. Естественно, что разграничение сферы «Я» и сферы «Другого», «НЕ-Я», оказывается принципиально важным: для «Я» Ломоносова, скажем, интенция сомнения применительно к положению вещей «*домой ехать*» vs. «*за себя взять девку дурную, старую, бесприданную*» невозможна — это, оценивая позицию

²² Ч. Филлмор в качестве характеристик модальности называл отрицание, время, наклонение и вид (Филлмор 1981: 403).

своего современника, он подчеркивает в главной части словечком «еще», а в придаточном — рядом однородных определений с отрицательной коннотацией:

Однако Кельрейтер еще **сомневается, не** лучше **ли** домой ехать, нежели за себя взять девку дурную, старую, бесприданную (АПСС 10, 238).

Кроме операторов «Я-субъект» и «НЕ-Я-субъект» следует добавить еще один, чтобы заострить внимание на специфике неопределенно-личных и, особенно, безличных предложений. Для русского менталитета безличность — принципиально важная категория. Сошлемся на А. Вежбицкую, идеи которой вызвали значительный резонанс: «Из европейских языков русский, по видимому, дальше других продвинулся по импрессионистическому пути. Синтаксически это проявляется в колоссальной (и все возрастающей) роли, которую играют в этом языке так называемые безличные предложения разных типов» (Вежбицкая 1996: 73). Это «является типично русским феноменом»: «в других европейских языках — например, в немецком, французском и английском — изменения шли обычно в противоположном направлении» (Вежбицкая 1996: 75). Не случайно Ю. С. Степанов, рассматривая таксономию предложений в связи с типологией субъектов, отмечает, что наиболее существенными оказываются противопоставления «Я-предложений», «Он-предложений» и «Оно-предложений» (Степанов 2004: 144 — 169). Наличие субъекта в семантической структуре неопределенно-личных предложений достаточно очевидно, актуальные для изъяснительных СПП типы безличных предложений также соотносятся с категорией субъекта, трактуясь с использованием понятия «синтаксический нуль»²³. В словарной зоне, отведенной для смысловой организации СПП, оператор «Ø-субъект» («нуль-субъект») будет соответствовать и тем и другим.

²³ См. обзор работ о «синтаксических нулях» у Е. В. Падучевой (2012).

Прагматический аспект обуславливает учет такого фактора, как **референция**: в дискурсе (тексте) не всякое «я» референтно соотносится с «я» говорящего и, поскольку при определении типа субъекта идет ориентация на формальные показатели (местоимения и личные формы глагола), необходимы дополнительные маркеры. Еще в большей степени этот аспект представления значит для ситуаций при модусном операторе «Не-я-субъект». В выявлении существенных для языковой личности идеологических смыслов актуально разграничение нереферентных и референтных именных групп, «причем в последнем случае референция может быть определенной и неопределенной» (Богданов 1977: 105–106); модусный оператор «НЕ-Я-субъект» имеет смысл конкретизировать использованием имен собственных.

«Х доказывает1, что Р»

Я <повар>: ~ «..в том Коперник прав» (8, 695)

НЕ-Я Невтон: ~ цветы, треугольным стеклянным бруском разделенные, суть ненарушимы и непременны (АПСС, 1, 485)

Галилей: ~ натуре невозможно таких великанов произвести... (АПСС 11, 38);

≡ Петр I: ~ сия не удача больше для показных несчастливых обстоятельств, нежели для неискусства войск Российских приключилась.; ~ Петрово новое войско уже в младенчестве своем могло побеждать привыкшие полки противных (АПСС 8, 595).

Некоторое представление о возможностях словарного описания языковой личности на прагматическом уровне дает анализ реализации ЛС-моделей с опорными словами — лексико-семантическими вариантами слова «знать», фиксирующими интенцию, весьма показательную именно для личности ученого. Факт того, что близкие модели [ЗНАТЬ2], (ЧТО...) и [ЗНАТЬ3], (ЧТО...) в вариации, непосредственно связанной с презентацией 1-го лица, встречаются в текстах Ломоносова

лишь 3 раза, — уже примечателен сам по себе. Выделим ситуации, объединяемые интенцией говорящего:

Я сперва был спокоен, **зная, что** операция мною произведена точно по всем химическим правилам, которые и весьма немноги, и не трудны, и мне довольно известны (Письма. 1752 марта 3. И. И. Шувалову // АПСС 10, 472).

Я подлинно **знаю, что** сия рифма так же нехороша, как известная вам у Расина... (Письма. 1753 мая 10. И. И. Шувалову // АПСС 10, 357).

Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и **знаю, что** обо мне дети отечества пожалеют (1765 февраля 26 — марта 4. План беседы с Екатериной II об обстоятельствах, препятствующих работе Ломоносова в Академии Наук // АПСС 10, 357).

Информация о ситуациях, которые Ломоносовым оценивается как те, о которых он обладает знанием²⁴, может быть структурирована следующим образом:

«*X знает₂, что P*»

Я ~ операция мною произведена точно по всем химическим правилам, которые и весьма немноги, и не трудны, и мне довольно известны (АПСС 10, 472);

~ сия рифма так же нехороша, как известная вам у Расина (АПСС 10, 357).

«*X знает₃, что P*»

Я ~ обо мне дети отечества пожалеют (АПСС, 10, 357);

НЕ-Я <Телемак> ~ «отлучением забуду ее» (АПСС 11, 159).

²⁴ Точнее: «...мы определяем значение моделей «X знает, что Y», «X понимает, что Y», «X думает, что Y» и т. п. как содержащих информацию о том, что 1) в сознании X-а «присутствует» суждение, знание, 2) причем оно сформировано X-ом или само сформировалось в его сознании и 3) оно не актуализировано постоянно» (Семантические типы предикатов 1982: 137).

Нетривиальность личности М. В. Ломоносова — поэта, ученого, администратора, общественного деятеля, — отразившаяся в чрезвычайно разнообразной жанровой и тематической принадлежности его текстов, тот факт, что наряду с научными и художественными произведениями корпус текстов Ломоносова содержит публицистические и официально-деловые, а также частную переписку и переводы, как и сознательная направленность на отбор языковых средств, проявляя определенные тенденции использования конструкций сложного предложения, дает материал для наблюдения в диахронии формирования на синтаксическом уровне **стилистических** норм современного языка.

Факты использования вариантов ЛС-моделей в текстах разных типов красноречиво свидетельствуют о существовании определенных тенденций в их выборе. Приведем лишь один пример. Для глагола «сомневаться» Словарь Академии Российской дает фонетический вариант «сумневаться» (САР² 6, 373). (В БАС¹ наряду с ним отмечается также «сумлеваться» (простореч.) — у Ломоносова он отсутствует.) Фонетический вариант «сумневаться» встречается в функции контактного слова дважды (для сравнения: соотношение употреблений лемм сомневаться/сумневаться: общее 5:1, а в функции контактного слова — 9:1, т. е. гораздо меньше). Один случай использования контактной рамки *сумневаться, что* зафиксирован в переписке, а второй — в поэтическом тексте, и со стилистической точки зрения он весьма примечателен:

<...> Пример нам показал недавно **мужичок**,
Котораго жену в воде постигнул рок.
<...> Сосед советовал в низ берегом итти:
Что быстрина туда должна ее снести.
Но он ответствовал: «Я, братец, признаваюсь,
Что век она жила со мною вопреки:
То истинно теперь **о том не сумневаюсь**,
Что, потонув, она плыла против реки (АПСС 8, 189–190).

В вольном переложении Ломоносовым басни Лафонтена фонетический вариант «сумневаюсь», как и грамматический вариант управления предложным падежом с предлогом «о» вместо предлога «в» (ср. с современным *сомневаться в том*), — отступления от литературной нормы, и в этом стилистическом согласовании при желании можно усмотреть средство речевой характеристики персонажа — субъект речи автором обозначен как «мужичок».

Весьма значимым в стилистическом отношении может оказаться и обращение к той или иной вариации. Так, например, повелительное наклонение у глагола «знать»²⁵ в тексте XVIII века органично, однако в научном тексте ощущается современными носителями языка как нетривиальное:

(1) И **знайте, что** чего теперь несмеет сам,
То хочет запретить ругательствами вам («Златой младых людей и беспечальной век...». АПСС 8, 540);

(3) Ежели, гвоздем заперши трубку FR, поршень DE вытянешь и, чтобы он назад не отошел, силою удержишь и по некотором времени увидишь, что по впусчении поршня из трубы гвоздем воздуху нимало не пойдет, то знай, что сквозь гвоздь и между поршня и трубы воздух не проходит (Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная // АПСС 1, 438).

Таким образом, есть все основания для разметки словарной статьи с учетом сферы использования языка²⁶.

Завершая обзор фактов, требующих словарной интерпретации, следует признать, что ряд речевых (текстовых) феноменов Ломоносова не поддается однозначной синтаксической интерпретации, отчасти, возможно, потому, что синтаксис

²⁵ Новый словарь синонимов 1997: 129–137.

²⁶ Осуществляется с ориентацией на жанрово-стилевую разметку текстов Ломоносова в НКРЯ. Частично используются значки, принятые в Словаре Достоевского 2001: ; ; .

Ломоносова все же отражает стадию становления — некоторые фразы несут отпечаток спонтанности. Так, в приведенном ниже примере, где неопределенный функциональный статус указательного слова (ср. возможность замены: *право или нет — об этом сомневаться позволено и но позволено сомневаться о том, право или нет*) обуславливает невозможность однозначной квалификации синтаксической конструкции:

Однако и Перфильевич, называя его защитником истины, дает ему титул больше, нежели короля английского: он пишется защитником веры, но право или нет, **о том сомневаться позволено** (АПСС 10, 494).

С нашей точки зрения, для приведенного примера, а также для других требующих комментария случаев в словарной статье должна быть введена специальная зона.

Таким образом, **структура словарной статьи**, дающей описание изъяснительного предложения в идиолекте, должна включать следующие зоны (I, IV, V — обязательные; II, III, VI, VII — факультативные) и компоненты:

I. общее описание:

- 1.1. вход словарной статьи: ЛС-модель изъяснительного предложения²⁷ и ее варианты;
- 1.2. информация о количестве употреблений модели:
 - 1.2.1. в общем,
 - 1.2.2. в текстах разного типа: 1.2.2.1. научных произведениях, 1.2.2.2. деловой переписке и официальных бумагах, 1.2.2.3. поэзии, 1.2.2.4. художественной прозе, 1.2.2.5. публицистике, 1.2.2.6. частной переписке;
- 1.3. сведения об опорном слове: значение лексико-семантического варианта с релевантными элементами грамматической характеристики;

²⁷ Глаголы, соотносительные по виду, образуют разные модели, которые, в случае, если они проявляют сходные свойства, входят в одну словарную статью.

- 1.4. контексты, с учетом их типологии, иллюстрирующие использование модели, каждый ее вариант и вариацию;
- II. описание особенностей формально-грамматической организации сложноподчиненного предложения в речи:
- 2.1. регулярные реализации модели: 2.1.1. фазисные и 2.1.2. модальные, с указанием 2.1.3. особенностей синтагматики опорного слова;
- 2.2. специфическое представление ЛС-модели в сложном предложении усложненного типа;
- III. описание коммуникативных особенностей СПП, учитывающее разные виды расположения компонентов ЛС-модели;
- IV. описание смысловой организации изъяснительного СП:
- 4.1. семантическая структура, организованная пропозициональным предикатом,
- V. прагматически ориентированная иллюстрирующая зона, включающая
- 5.1. операторы модуса (субъект, отрицание, ирреальность);
- 5.2. совокупность примеров (придаточных предложений), объединенных общностью модальной рамки;
- VI. справочная информация: реестр вариаций ЛС-модели с указанием адресов;
- VII. примечания, содержащие комментарий неоднозначно квалифицируемых синтаксических структур.

ПРОБНЫЕ СТАТЬИ²⁸

I

[ДОКАЗАТЬ₁], (ЧТО...) < 13: 6, 2, 2, —, 3, — >

[ДОКАЗЫВАТЬ₁], (ЧТО...) < 8: 3, 4, 1, —, —, — >

[ДОКАЗЫВАТЬ₁ то], (ЧТО...)

[ДОКАЗЫВАТЬСЯ₁ тем], (ЧТО...)

ДОКАЗАТЬ₁, *сов.*, ДОКАЗЫВАТЬ₁, *несов.*; *доказывая, дееприч.* Подтвердить что-либо доводами, свидетельствами,

²⁸ Ссылки на АПСС М. В. Ломоносова оформляются в пробных статьях сокращенно: первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

фактами. | Засвидетельствовать, показать, обнаружить. **Доказываться**, *несов.страд.*

☞ Невтон был самый первый, который **доказал, что** цветы, треугольным стеклянным бруском разделенные, суть ненарушимы и неперменны. (1, 485). Как чрез сие явствует, что свет по той же прозрачной материи простирается прямо, и, преходя из редкия в густую, к перпендикулу, выходя из густыя в редкую, от перпендикула ломается (§ 145), а густость воздуха, по показанию манометра, в день беспрестанно перемещается; так сие Гугений в Трактате о свете, глава 4, лист 42–43, изрядным опытом **доказал, что** в воздухе густости перемена толь велика, что в распростертии света, сквозь воздух проходящего, чувствительные перемены производит (1, 478). | Понеже водяные и водочные пары в воду и в водку снова собираются и водочные загораются, как и сама водка, для того сим опытом ясно **доказывается, что** Аристотелевы последователи напрасно утверждают, будто бы стихии одна в другую, например, вода в воздух переменялась, и воздух в воду (1, 458). А чтобы сего удивительного действия узнать причину, надобно предложить два опыта, из которых один **доказывает, что** лучи света, от каждой точки исходящие, вид ее в глазе представляют, а другой изъясняет, что лучи от той же точки, в зажигательное стекло упадающие, за оным в одной же точке соединяются (1, 490).

☞ ☞ Мариотт думал, что сия твердость почти всегда вдвое больше, нежели оная, однако господин фон Мушенброк многими опытами **доказал, что** она иногда втрое больше, нежели оная, бывает (11, 42). *Лат.* Particulas aëris calore in gyrum actas et asperis superficiebus collisas a se invicem resilire, indeque elaterem illius pendere probatur, § 12–17 (2, 142). ⇔ В § 13–17 **доказывает** автор, **что** неразделимые воздушные частицы, вертясь для теплоты около своей оси и шероховатую поверхностью одна о другую ударяясь, раскакиваются и таким расширением упругости воздуха производят (2, 143).

☞ Домашние мои заботы в рассуждении строения фабрики и прочего приходят к окончанию, и я **уповаю доказать**

великими доводами в самом деле, **что** оные слова — самая пустошь (10, 527). // Прочие его новые изобретения // 11) Центроскопические разные инструменты, коими **доказывается**:// 1) **что** шар земной имеет три центра, из коих третий всечасно переменяется, и оттого все отвесы переменяются, 2) **что** тягость тел не постоянна и всечасно переменяется, 3) от сих действий происходит движение земли около центра, прилив и отлив в море и отчасти переменная высота в барометре; также и происхождение ветров оттуду ж много зависит (10, 398). Сие едино **доказывает** необузданную наглость и продерзость помянутого Тауберта, **что** он для своих прихотей небрежет о целости здравия толь высокой на свете особы, единой российской надежды, за кою мы жизнь свою полагать должны (10, 247).

 Аколаст написал: «Сотин лишь врать способен», / А ныне **доказал, что** сам ему подобен (8, 660).

 Толь знатными победами прославив с Собою Великий Монарх во всем свете свое воинство наконец **доказал, что** Он сие больше для нашей безопасности учредить старался, ибо не токмо узаконил, что бы оное никогда не распускать, ниже' во время безмятежного мира, как то при бывших прежде Государях не редко к немалому упадку могущества славы отечества происходило, но и содержать всегда в исправной готовности (8, 597).

[ДОКАЗЫВАТЬ1 то], (ЧТО...) <1: —; 1; —; —;- >

 Что ему помощник надобен, **то** его сиятельства при первом отъезде на Украину представление о вице-президенте явственно **доказывает** (10, 544).

[ДОКАЗЫВАТЬСЯ1 тем], (ЧТО...) <1: —; 1; —; —;- —>

 Советник Ломоносов, напротив того, представлял, что в оном стате есть много неисправностей, прекословных и вредных установлений, то-де **доказывается тем, что** по нему не чинится исполнения (10, 290).

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

♦ Регулярные реализации

[можно доказать1], (что...)

📦📦 Из того же генерального правила можно счислить, что ежели какое тело прибавлено будет, а притом его прежняя твердость останется, то оно прежнюю свою пропорцию потеряет; понеже ежели какой брус толщиной один фут, шириною два, длиною десять футов, некоторую известную твердость имеет, то **можно доказать, что** другой брус из той же материи, прежнего вдвое доле, должен быть толщиной 4 фута, ежели он с прежним одинакую твердость иметь будет (11, 38).

[**хотеть доказать1**], (что...)

📦📦 Сего изобретения славный италийский физик Галилей первый автор был и отсюда **доказать хотел, что** натуре невозможно таких великанов произвести, которые бы ту же пропорцию имели в их членах, какую мы (11, 38).

♦ [**уповать доказать1**], (что...)

☞ Домашние мои заботы в рассуждении строения фабрики и прочего приходят к окончанию, и я **уповаю доказать** великими доводами в самом деле, **что** оные слова — самая пустошь (10, 527).

♦ [**не преминуть доказать1**], (что...)

☞ Всеуниженно поздравляя ваше сиятельство с нынешним всеобщим праздником и желая вам, милостивому государю, благословенного здравия и совершенного во всем сердечного удовольствия, раболепно благодарствую за высокое вашего сиятельства отеческое о моем деле предстательство и **не премину** самым делом вскоре **доказать, что** оно не вотще употреблено было (10, 567).

♦ **Представление модели в СП усложненного типа**

[**доказывается1**], (что...), (что...), (Ø...)

☞ // Прочие его новые изобретения // 11) Центроскопические разные инструменты, коими **доказывается**: 1) **что** шар земной имеет три центра, из коих третий всечасно переменяется, и оттого все отвесы переменяются, 2) **что** тягость тел не постоянна и всечасно переменяется, 3) от сих действий происходит движение земли около центра, прилив и отлив в море

и отчасти переменная высота в барометре; также и происхождение ветров отсюда ж много зависит (10, 398).

(**Что...**) и (**что...**), [**доказать1**]

 Что сия не удача больше для показных несчастливых обстоятельств, нежели для неискусства войск Российских приключилась и **что** Петрово новое войско уже в младенчестве своем могло побеждать привыкшие полки противных, **доказали** в следующее лето и потом многия одержанные над ними преславныя победы (8, 595).

| КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

♦ Инверсия придаточного

(**что...**), [**доказать1/доказывать1**]

 P. S. **Что** ему помощник надобен, то его сиятельства при первом отъезде на Украину представление о вице-президенте явственно **доказывает** (10, 544).

 Он <повар> дал такой ответ: «**Что** в том Коперник прав, / Я правду **докажу**, на Солнце не бывав» (8, 695).

 Что сия не удача больше для показных несчастливых обстоятельств, нежели для неискусства войск Российских приключилась и **что** Петрово новое войско уже в младенчестве своем могло побеждать привыкшие полки противных, **доказали** в следующее лето и потом многия одержанные над ними преславныя победы (8, 595).

♦ Дистантное расположение опорного слова

[**доказывать1...**], (**что...**)

 И понеже из других оснований **доказать** можно, **что** один из двух брусков равной вышины тем большую собственную твердость имеет, чем шире (11, 36). ...я **уповаю доказать** великими доводами в самом деле, **что** оные слова — самая пустошь (10, 527). Сие едино **доказывает** необузданную наглость и продерзость помянутого Тауберта, **что** он для своих прихотей (10, 247).

 Гряди, российская отрада, / Гряди, желание сердец, / И буди от врагов ограда, / Поставь опасностям конец; / И оправдай Елисавету, / Всему **доказывая** свету, / **Что** полная триумфов

брань / Постыждена поносным миром, / И сопостат, почтен ку-
миром, / От нас приемлет в жертву дань (8, 776–777).

◆ **Дистантное расположение союза**

[**доказывается1**], (...**что**)

📖 // Прочие его новые изобретения // 11) Центроскопиче-
ские разные инструменты, коими **доказывается**: 1) **что** шар
земной имеет три центра, из коих третий всечасно переменя-
ется, и оттого все отвесы переменяются, 2) **что** тягость тел не
постоянна и всечасно переменяется, 3) от сих действий про-
исходит движение земли около центра, прилив и отлив в море
и отчасти переменная высота в барометре; также и происхож-
дение ветров оттуду ж много зависит (10, 398).

┆ **СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ**

«**X доказывает1, что P**»

Я 📖 ~ оное <предстательство > не вотще употреблено
было (10, 567);

📖 <повар>: ~ «..в том Коперник прав» (8, 695).

НЕ-Я 📖 Невтон: ~ цветы, треугольным стеклянным бру-
ском разделенные, суть ненарушимы и непременны
(1, 485); Галилей: ~ натуре невозможно таких велика-
нов произвести (11, 38);

~ лучи света, от каждой точки исходящие, вид ее
в глазе представляют (1, 490); 📖 ~ неразделимые
воздушные частицы, вертясь для теплоты около
своей оси и шероховатую поверхность одну о дру-
гую ударяясь, раскакиваются и таким расширением
упругость воздуха производят (2, 143);

📖 ~ он для своих прихотей небрежет о целости здра-
вия толь высокой на свете особы, единой российской
надежды, за кою мы жизнь свою полагать долж-
ны. (10, 247); ~ ему помощник надобен (10, 544);

📖 <Аколаст>: ~ «..сам ему <Сотину> подобен» (8,
660); ~ полная триумфов брань / Постыждена понос-
ным миром (8, 776–777);

☞ ≡ Петр I: ~ Монархи ничем так величества, славы и высоты своего достоинства прирастить не могут, как подобным сему снисхождением (8, 594); ~ сия не удача больше для показательных несчастливых обстоятельств, нежели для неискусства войск Российских приключилась; ~ Петрово новое войско уже в младенчестве своем могло побеждать привыкшие полки противных (8,595) ~ Он сие <воинство > больше для нашей безопасности учредить старался (8, 597).

Ø-субъект ☞ ~ один из двух брусков равной вышины тем большую собственную твердость имеет, чем шире (11, 36); ~ другой брус из той же материи, прежнего вдвое доле, должен быть толщиною 4 фута (11, 38);

☞ ~ по нему не чинится исполнения (10, 290).

«Х доказывает I Y^{инструмент}, что Р»

Я ☞ доводами: ~ оные слова — самая пустошь (10, 527).

НЕ-Я ☞ Гугений- ~ в воздухе густости перемена толь велика, что в распротертии света, сквозь воздух проходящего, чувствительные перемены производит (1, 478);

Мушенброк- ~ она <твердость> иногда втрое больше, опытами: нежели она, бывает (11, 42).

Ø-субъект ☞ ≡ инстру- ~ шар земной имеет три центра; ~ тя- ментами: гость тел не постоянна и всечасно пере- меняется; ~ от сих действий происходит движение земли около центра, прилив и отлив в море и отчасти переменная высота в барометре (10, 398);

☞ опытом: ~ Аристотелевы последователи напрасно утверждают, будто бы стихии одна в другую, например, вода в воздух переменялась, и воздух в воду (1, 458).

▣ Вариации

[доказал1], (что) ☞ 1, 478; 1, 485; ☞☞ 11, 42; ☞ 8, 660; ☞ 8, 594; 8, 597; [доказали1], (что) ☞ 8, 595; [докажу1], (что) ☞ 8, 695; [можно доказать1], (что) ☞ 11, 36; ☞☞ 11, 42; [хотел доказать1], (что) 11, 38; [не премину доказать1], (что) ☞ 10, 567; [уповаю доказать1], (что) ☞ 10, 527; [доказывает1], (что) ☞ 1, 490; ☞ 10, 247; [доказывает1 то], (что) ☞ 10, 544; ☞☞ (2, 143); [доказывая1], (что) ☞ 8, 776–777; [доказывается1], (что) ☞ 10, 398; [доказывается1 тем], (что) ☞ 10, 290.

II

[Доказать 2], (что...) < 1: —, 1, —, —, —, — >

[Доказывать 2], (что...) < 1: —, 1, —, —, —, — >

ДОКАЗАТЬ2, сов., ДОКАЗЫВАТЬ2, несов.; только действ.
Донести на кого-либо.

☞ Но то же и с ними делалось, когда они несколько усилились, и чрез то, кроме других доводов, на себя **доказывают, что** они таковых спор причину, чтобы ловить в мутной воде (10, 273); Сверх сего **доказал** советник Нартов, **что** Шумахер сообщил тайно в чужие государства карту мореплавания и новообретенных мест Чириковым и Берингом, которая тогда сохранилась в секрете (10, 278) — *Устар.* Ср. синонимичная модель в языке XVIII века: [ДОНОСИТЬ], (ЧТО...).

▣ СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

«X доказывает2, что P»

НЕ-Я ☞ Нартов: ~ Шумахер сообщил тайно в чужие государства карту мореплавания и новообретенных мест Чириковым и Берингом.. (10, 278).

«X доказывает2 Y^{объект}, что P»

НЕ-Я ☞ на ~ они таковых спор причину, чтобы ловить себя в мутной воде (10, 273).

☞ Вариации

[доказывают2], (что) ☞ 10, 273; [доказал2], (что) ☞ 10, 278.

III

[СОМНЕВАТЬСЯ 1], (ЧТО...) ^[Neg] < 15: 1; 4; 9; — ; - ; 1 >
[СУМНЕВАТЬСЯ 1 о том], (ЧТО...) ^[Neg]

СОМНЕВАТЬСЯ1 и сумневаться1, *несов.* Испытывать, выражать сомнения в истинности, возможности чего-либо; не твердо верить во что-либо.

☞ Сии термометры имеют цилиндрические сосудцы и наполнены голубою водкою, и для того он **не сомневается, что** Фаренгейт оные тем же способом сделал (1, 456); ☞ ☞ Итак, **не можно сомневаться, что** великое, но обыкновенно неизвестное божие благословение в той земли или городе есть, где хорошая и чистая вода находится, понеже она с другими бесчисленными пользами и вместо самых целебнейших лекарств быть может (11, 28).

☞ Для сих причин **не сомневаюсь, что** ваше сиятельство будете мне в получении оногo по древней вашей отеческой милости предстатель и помощник и тем вящее ободрите мое рачение к размножению в отечестве природных ученых людей, в которых не без сожаления видим великий недостаток (10, 536); Е. в. цесаревичу поднесена от меня письменная книга о возможности мореплавания Ледовитым нашим Сибирским океаном в Яппонию, Америку и Ост-Индию, почему и велено в Адмиралтейской комиссии учинить расположение с рассмотрением, и **не сомневаюсь, что** экспедиция туда воспоследует (10, 570); Того ради отнюдь **не сомневаемся, что** ваше сиятельство долее не попустит, чтобы мы почитались в одних рангах с теми, которые и с адъюнктами нашими учением сравниться не могут, каковы Морской академии учителя (10, 458); Однако **не сомневаясь, что** ваше сердечное радение к распространению и исправлению российского языка и мое в сем неискусство и в российском стихотворстве недовольную способность изви-нит, а доброе мое намерение за благо примет, дерзнул наима-лейший сей мой труд купно со следующим о нашей версифика-ции вообще рассуждением вашему предложить искусству (7, 9).

☞ ☞ *Lat.* Quod si igitur eadem industria pergat, nullus dubito fore,

ut aliquando in patriam redux utilem reipublicae operam praestet; id quod maxime in votis habeo. ⇔ Ежели впредь с таким же рачением простираться будет, то **не сомневаюсь, что**, возвратясь в отечество, принесет пользу обществу, чего от сердца желаю (10, 571).

✉ Я **не сомневаюсь, что** он через учение счастлив будет. (10, 599)
[СУМНЕВАТЬСЯ1 о том], (ЧТО...) < 1: —, —, 1, —, —, — >

📖 Но он <мужичок> отвечивал: «Я, братец, признаюсь, / Что век она жила со мною вопреки; / То истинно теперь **о том не сомневаюсь, / Что**, потонув, она плыла против реки» (8, 189–190).

| ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

♦ Регулярные реализации

[не можно сомневаться1], (что)

📖📖 Понеже чрез искусство известно, что жидкие материи, в одно время будучи на солнце положены, неравную степень теплоты на себя принимают, для того **не можно сомневаться, что** и каждое твердое тело определенной степень теплоты получает, что можно исследовать в измолотых или тертых материях, напр. (1, 468) — *Устар.* Ср.: *нельзя сомневаться в том, что; трудно сомневаться в том, что.*

| СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

«X сомневается1, что P»

{Neg}

Я 📖 ~ ваше сердечное радение к распространению и исправлению русского языка и мое в сем не искусство и в русском стихотворстве недовольную способность извинит, а доброе мое намерение за благо примет (7, 9).

📖 ~ что ваше сиятельство долее не попустит, чтобы мы почитались в одних рангах с теми, которые и с адъюнктами нашими учением сравниться не могут (10, 458); ~ самого совершенства в сем деле чрез недолгое время достигну и вашему сиятельству оным показать должное

благодарение не премину (10, 478); ~ Александр Петрович боготворить таким образом себя не позволит (10, 494); ~ ваше сиятельство будете мне в получении оного по древней вашей отеческой милости предстатель и помощник и тем вящее ободрите мое рачение к размножению в отечестве природных ученых людей (10, 536); ~ экспедиция туда воспоследует (10, 570); ~ в половине июня месяца все дело начисто окончится и милостивое ваше попечение о внесении в «Флорентинские ученые ведомости» нетщетным быть докажется (10, 582); ~ ваше высокопревосходительство у тамошнего двора знатных приятелей имеете (10, 587); ☞☞~ возвратясь в отечество, принесет пользу обществу, чего от сердца желаю (10, 571); ~ нетвердые и сомнительные основания сея науки приведете к полной достоверности (10, 574); ☞ <мужичок> ~ «...потонув, она плыла против реки» (8, 189–190);

☞~ он через учение счастлив будет (10, 599).

НЕ-Я

Ø-субъект

☞ ~ Фаренгейт оные тем же способом сделал (1, 456).

☞☞ ~ и каждое твердое тело определенный степень теплоты получает (1, 468); ~ великое, но обыкновенно неизвестное божие благословение в той земли или городе есть, где хорошая и чистая вода находится (11, 28).

☞Вариации

[не сомневаюсь1], (что) ☞ 10, 536; 10, 587; 10, 582; 10, 494; 10, 478; ☞ 10, 571; 10, 574; ☞ 10, 599; [не сумневаюсь1], (что) ☞ 10, 570; [не сомневаемся1], (что) ☞ 10, 458; [не сомневаетсяя1], (что) ☞ 1, 456; [не сомневаясья1], (что) ☞ 7, 9; [не можно сомневатьсяя1], (что) ☞ 1, 486; ☞☞ 11, 28; [не сумневаюсь о том1], (что) ☞ 8, 189–190.

IV

[СОМНЕВАТЬСЯ 1], (ЧТОБЫ...) < 1: —, 1, —, —, —, — >

СОМНЕВАТЬСЯ 1 и сомневаться 1, *несов.* Испытывать, выражать сомнения в истинности, возможности чего-либо; не твердо верить во что-либо.

☞ А понеже трубками узкими на малой вышине вода и без воздуха течет, для того **должно бы было сомневаться, чтобы** сие движение от тягости воздуха происходило (1, 530).

| ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

◆ Регулярные реализации

[**должно сомневаться 1**], (чтобы...)

☞ А понеже трубками узкими на малой вышине вода и без воздуха течет, для того **должно бы было сомневаться, чтобы** сие движение от тягости воздуха происходило (1, 530).

| СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

«X сомневается 2, что P»

{сосл.}

Ø-субъект {долж.} ☞ ~ сие движение от тягости воздуха происходило; ☞ (1, 530).

☞ Вариации

[**должно бы было сомневаться 1**], (чтобы) (1, 530).

V

[СОМНЕВАТЬСЯ 2], (НЕ...ЛИ...) < 3: —, —, 3, —, —, — >

[СОМНЕВАТЬСЯ 2], (...ЛИ...)

СОМНЕВАТЬСЯ 2, *несов.* Испытывать нерешительность, колебания (решая какой-то вопрос, предпринимая что-либо); колебаться.

☞ Однако Кельрейтер еще **сомневается, не** лучше ли домой ехать, нежели за себя взять девку дурную, старую, бесприданную (10, 238); Итак, хотя учинить отпор моим ненавистникам, не знаю и весьма **сомневаюсь, не** больше ли я им благодарить и их хвалить, нежели мстить и уничтожить должен (10, 490).

[СОМНЕВАТЬСЯ 2], (...ЛИ...) < 1: —, —, 1, —, —, — >

☞ Я не знаю еще или по последней мере **сомневаюсь**, жив ли я или мертв (10, 484).

| СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

«X сомневается2, что (P' ∨ P'')»

Я ☞ ~ не больше ли я им благодарить и их хвалить, нежели мстить и уничтожать должен (10, 490).

НЕ-Я ☞ ~ не лучше ли домой ехать, нежели за себя взять девку дурную, старую, бесприданную (10, 238).

«X сомневается2, что (P' ∨ P'') & (P' ∨ P'')»

Я ☞ ~ жив ли я или мертв (10, 484).

Вариации

[**сомневаюсь**], (не...ли); ☞ 10, 490; [**сомневается**], (не ... ли) ☞ 10, 238; [**сомневаюсь**], (...ли) ☞ 10, 484.

VI

[СОМНЕВАТЬСЯ 2], (ЧТО... ЛИ...) < 1: —, 1, —, —, —, — >

СОМНЕВАТЬСЯ 2, *несов.* Испытывать нерешительность, колебания (решая какой-то вопрос, предпринимая что-либо); колебаться.

☞ Ежели кто **сомневается, что** подлинно ли воздух в Торрицеллиевой трубке ртуть держит, тот пускай оную под колоколом ABC [фиг.16], у которого горлышко CD долго, поставит и воздушным насосом вытянет (1, 442). — Конструкция образуется как результат слияния двух контактных рамок: *сомневаться2, что* и *сомневаться2, ... ли*, — *носит избыточный характер. В литературном языке не закрепилась.*

| СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

«X сомневается2, что (P) & (P' ∨ P'')»

НЕ-Я ☞ ~ подлинно ли воздух в Торрицеллиевой трубке ртуть держит.. (1, 442).

☞ Вариации

[**сомневается1**], (что ...ли) ☞ 1, 442.

| ПРИМЕЧАНИЯ

 Однако и Перфильевич, называя его защитником истины, дает ему титул больше, нежели короля английского: он пишется защитником веры, но право или нет, **о том сомневаться позволено** (10, 494) — Бессоюзная конструкция с затемненными связями, что обусловлено неопределенным функциональным статусом указательного слова, ср. возможные синонимичные замены: *об этом сомневаться позволено и но позволено сомневаться о том, право или нет*. Не поддается однозначной квалификации.

*
* *

Условные знаки

- — научные произведения;
- — деловая переписка и официальные бумаги;
- — поэзия;
- — художественная проза;
- — публицистика;
- — частная переписка;
-   — авторские переводные тексты соответствующего типа;
-
- и т. п.
- — полный реестр вариаций ЛС-модели с указанием адресов;
- — введение параллельного контекста;
-   — при модели знак зоны количественных показателей, в котором даются полужирным шрифтом общая частота использования ЛС-модели и, после двоеточия, светлым шрифтом частота употребления в 1) научных произведениях, 2) деловой переписке и официальных бумагах, 3) поэзии, 4) художественной прозе, 5) публицистике, 6) частной переписке;

- { } — в зоне описания смысловой организации СПП знак, в котором даются модусные операторы;
- ~ — в зоне описания смысловой организации СПП знак левой границы придаточного изъяснительного;
- ≡ — знак, указывающий на использование кореферентных связей;
- / — в цитате граница стихотворной строки (стиха);
- // — в цитате граница заголовка.

I. Levina. Lexical description of M. V. Lomonosov's idiolect on the syntax level: the explanatory sentence.

The chapter is devoted to the problem of lexicographic presentation of idiolect on the syntax level. The model of a compound explanatory sentence (structure of a binary type that includes a lexical component in the main part and a conjunction in the dependent clause) is offered as the unit of description. The developed structure of the dictionary entry considers the grammatical (structural), communicative and semantic (logical) aspects of the sentence description.

The contents of the lexico-syntactic models (LS-models) and the strategy of their usage in the texts of M. V. Lomonosov are notable for their uniqueness, which reflects not only the specifics of the Russian language system of the 18th century, but also the specifics of the distinctive linguistic personality. The genre and topical diversity provides the opportunity to distinguish specific facts connected with the process of formation of the modern Russian language stylistical standards on the syntax level.

The understanding of lexico-syntactic model as an invariant represented by a number of variants and variations allows to note the structural versions of the lexico-syntactic model (LS-model), to determine the specifics of the sentence paradigmatics and also to discover the individual, even unique, model implementations in the text (speech).

Explanatory sentence has a big potential in the description of the “picture of the world” of a linguistic personality. This fact is determined by the semantic structure specifics of the compound sentence of this type: the lexical components of the main part are predicates and at the same time act as mode operators in relation to the proposition that is presented in the dependent clause. This allows us to define the situations (facts, occasions) which come into the view of the specific linguistic personality and which this personality interprets in a certain way as objects of knowledge, perception.

*М. Г. Маматова
(ИЛИ РАН/СПбГУ)¹
Д. В. Руднев
(СПбГУ)²*

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
СЛОВ ПУСТЬ / ПУСКАЙ /
ПУЩАЙ В ЯЗЫКЕ
М. В. ЛОМОНОСОВА**

Ключевые слова: служебное слово, побудительность, Ломоносов, историческая стилистика, русский язык.

В исследовании анализируются парадигматические отношения между словами «пусть», «пускай», «пущай» в языке М. В. Ломоносова. Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что система значений указанных лексем складывалась под влиянием формируемых в эпоху Ломоносова жанров монологической речи.

Слова *пусть, пускай, пущай* относятся к служебной лексике, лексикографическое описание которой всегда вызывает значительные трудности. Авторы настоящего исследования ставили перед собой несколько целей. Во-первых, мы стремились показать генетическую связь между разными значениями слов

¹ Миляуша Габдрауфовна Маматова, магистр лингвистики, аспирант кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, лаборант отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН.

² Дмитрий Владимирович Руднев, канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

пусть, пускай, пуццай. В современном русском языке у слова *пусть* выделяется пять значений, из них четыре значения относятся к его функционированию в качестве частицы, а одно значение — к употреблению в качестве союза (БАС¹ 11, 1734–1736). Большая часть этих значений была присуща слову *пусть* и в языке Ломоносова, но были и отличия его от современного употребления, связанные с тем, что некоторые значения возникли как раз в эту эпоху Ломоносова. Во-вторых, авторы статьи попытались проследить возникновение новых значений слов *пусть, пускай, пуццай* в связи с тем, что из своей первичной, диалогической сферы употребления они были перенесены в сферу разных жанров монологической речи, которые активно создаются в эту эпоху, и одним из создателей их был Ломоносов. Наконец, в-третьих, мы стремились отразить стилистический аспект употребления в языке Ломоносова слов *пусть, пускай, пуццай*, которые в современном русском языке оцениваются как стилистические синонимы. При решении вопроса о том, насколько такая стилистическая дифференциация была характерна для эпохи Ломоносова, мы постарались учесть количественное распределение слов *пусть, пускай, пуццай* в текстах Ломоносова в целом и в отдельных жанрах в частности.

Частицы *пусть, пускай, пуццай* в современном русском языке используются в качестве одного из средств выражения побуждения. История превращения *пусти*, формы повелительного наклонения глагола *пустить*, в формообразующую частицу *пусть*, по-видимому, представляет собой длительный процесс, происходивший в несколько этапов. Старейший пример использования этой частицы в значении побуждения зафиксирован в новгородской берестяной грамоте № 142 (1300–1320 гг.): *Пусти на немъ тяжя а не на мнѣ* (*Пусть на нем будет вина, а не на мне*). Будучи соотнесенной с церковнославянским описательным оборотом с частицей *да*, этот оборот характеризуется как его разговорный эквивалент (Горшкова, Хабургаев 1981: 314). С начала XV века в русском языке отмечаются предложения с *пусть*, которые ничем не отличаются от современных,

например: *А на томъ миру ваши пусть к намъ едутъ чисто, а наши к вам едутъ чисто* (Р.-Л. акты, № 131, 1409); *И онъ пусть едетъ ко Пскову* (Грамм. Псков. кн. Ивана Александровича, 1463–1465)³. Первые случаи фиксации частицы *пускай*, образовавшейся из формы повелительного наклонения глагола *пуцати*, относятся к XVII веку и фиксируются только в произведениях протопопа Аввакума: *Аще хоцет, пускай с нимъ живетъ* (Посл., 861); *Да пускай не развѣшиваетъ ушей* (Посл., 400)⁴. Обе частицы с самого начала своего употребления сочетались, как и в современном русском языке, с глаголом в форме настоящего и будущего времени (Кузьмина 1954: 114–115). В XVII веке в число средств выражения повелительного наклонения вовлекается императив глагола *пуцати*; ср.: *Пуцайте их идут к нам говориливые [вар. горделивые] те христиане, да бранью возьмут у нас царство греческое, а не боем* (Пов. о Скандербеге, 44) (Сл. РЯ XI–XVII вв. 21, 75). Из приведенного примера видно, что форма повелительного наклонения еще не оторвалась от парадигмы глагола и только находится на пути превращения в частицу.

Вопрос о статусе глагольных форм с частицами *пусть*, *пускай*, *пуцай* в современном русском языке — предмет дискуссии. Ряд лингвистов считает подобные глагольные формы одной из форм повелительного наклонения (Буланин 1976: 141). Однако в последние десятилетия возобладала точка зрения, согласно которой образования с частицами *пусть*, *пускай*, *пуцай* представляют собой не одну из форм императива, а синтаксический способ выражения побудительности (Русская грамматика 1980; Молчан 1984; Камынина 1999: 171).

В текстах Ломоносова для выражения побудительности используются все три частицы. Частицы *пусть* и *пускай* Ломоносов отмечает в своей «Российской грамматике» в качестве способа выражения повелительного наклонения в форме 3-го лица, причем сочетания с *пускай* являются основным средством,

³ Приведенные примеры заимствованы нами у И. Б. Кузьминой (1954: 114).

⁴ Данные примеры см.: (Кузьмина 1954: 115).

тогда как формы с *пусть* встречаются лишь спорадически. Примеры с *пусть* употреблены в Грамматике и в материалах к ней 6 раз: *пусть* двинется (АПСС 7, 508), *пусть* я буду показанъ (АПСС 7, 526), *пусть* приучаетъ, *пусть* приучаютъ (АПСС 7, 528), Ну такъ *пусть* онъ будетъ передъ тобой (АПСС 7, 603), *Пусть* онъ бьетъ, *пусть* онъ билъ (АПСС 7, 693), тогда как с *пускай* приводится 67 форм: *пускай* будетъ, *пускай* будутъ (АПСС 7, 500), *пускай* двигаетъ, *пускай* двигаютъ (АПСС 7, 502), *пускай* станеть двигать, *пускай* стануть двигать (АПСС 7, 502), *пускай* мы будемъ / вы будете / они будутъ верчены (АПСС 7, 521) и мн. др.

Означает ли это, что Ломоносов считает *пускай*-форму основной и своих текстах опирается на нее, а не на *пусть*-форму?

В некоторых словарях (в частности, в Малом академическом словаре) *пускай* считается стилистическим синонимом слова *пусть* и имеет помету, указывающую на разговорную сферу употребления. У Ломоносова *пусть* и *пускай* употребляются одинаково широко, *пускай* встречается даже чаще: на 95 случаев употребления *пусть* приходится 107 случаев употребления *пускай* (во всех значениях). Уже это говорит о том, что Ломоносов не считал употребление *пускай* стилистически сниженным⁵. На этом фоне количественные показатели употребления *пуццай* (всего 8 случаев) однозначно указывают на стилистическую маркированность слова. Интересно отметить, что единственное

⁵ В тексте «Записки о необходимости преобразования Академии наук» (1758–1759) встретилась замена *пускай* на *пусть*, однако это вряд ли может свидетельствовать о том, что Ломоносов сделал замену по стилистическим причинам. Ср.: Может быть, сочинитель думал, что Российскому государству великая будет <будет *вписано* рукой Ломоносова.> тягость, ежели оно 40 алтын в год потеряет для получения ученого россиянина, <В *черновике первоначальное* дабы получить ученого человека *переделано* на для получения ученого россиянина.> но пусть <но пусть *надписано вместо зачеркнутого* да пускай.> хотя бы и 40 алтын жаль было, а не жаль <В *черновике* жалеть, *надписанное вместо зачеркнутого* плюнуть> бы 1800 руб., чтобы иноземца выписать... (АПСС 10, 55–56).

употребление *пущай* для образования формы императива встретилось в раннем тексте (Венчанная надежда Российския Империи... 1742):

Пущай, Державнейша, **пущай** туда пойдут,
Куда собой хотят, где пальмы их цветут.
Без страху мы живем, чем Бог врага смущает;
Он рок приметил свой, к нам ближе не дерзает (АПСС 8, 75).

Частицы *пусть* и *пускай* широко употребляются Ломоносовым в одической поэзии и в трагедиях:

Твоей короны здание, Монархиня, **пускай стоит**
Тебе к веселию и нам к блаженству твердо,
Как наша верность ожидать от неба нам того велит
И ревность уповать всегда Тебе усердо

(Надпись на иллюминацию, представленную в торжественный день коронавания ея величества 1748 года... // АПСС 8, 209);

[Селим:]И свято место мне, Тамира где родилась,
Пусть в целости **стоит**, и **пусть погибнет** тот,
От коего моя надежда разрушилась.
Мамаю отниму Тамиру и живот
(Тамира и Селим // АПСС 8, 346–347).

Встречаются случаи, когда в одном контексте представлены обе формы повелительного наклонения — *пусть*-форма и *пускай*-форма; ср.:

Пускай чрез хитрости **представятся** лучи
И радость общую изобразят в ночи,
Пусть мрачность пламенным размахом **разделится**, —
Усердие в сердцах ярчае воспалится

(День во веки преславный коронавания всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисаветы Петровны... // АПСС 8, 644).

На этом фоне стилистически маркированной оказывается форма императива с частицей *да*, которая исторически использовалась в этом значении в старославянском языке. Примечательно то, что и в текстах М. В. Ломоносова *да*-форма употребляется только в высоких жанрах либо в стилистически окрашенном контексте (всего около 100 употреблений):

...иное тогда было стенание раболепствующия природы, когда повелел творец: **да явится** суша (Первых оснований металлургии // АПСС 5, 588);

Сии способы и прежде объявленные ясно показывают, что чудный бог чрез простые вещи часто великие дела чинит, того ради **да не вменяет** того никто в смех (Лифляндская экономия // АПСС 11, 136);

Да движутся светила стройно
В предписанных себе кругах,
И реки да текут спокойно
В Тебе послушных берегах;
Вражда и злость **да истребится**,
И огонь, и мечь **да удалится**
От стран Твоих, и всякий вред;
Весна **да рассмеется** нежно,
И земледелец безмятежно
Сторичный плод **да соберет**

(Ода на день восшествия на престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года // АПСС 8, 215–216).

Все это свидетельствует о том, что в своем первичном значении — значении побуждения — Ломоносов частицы *пусть* и *пускай* оценивает как равнозначные. Тем не менее в своих произведениях он чаще прибегает к *пусть*-, а не к *пускай*-формам: на 39 первых приходится 25 вторых. В стихотворной практике, как мы видели, Ломоносов употребляет обе формы, но *пусть*-формы используются чаще: они встретились 24 раза, тогда как *пускай*-формы — только 9 раз. Такое различие можно приписать как стилистическому фактору (возможно, несмотря

на теоретические выкладки, Ломоносов интуитивно оценивал *пусть*-формы как более приемлемые для высоких жанров), так и метрическому фактору (*пускай*-форма менее гибкая, так как всегда имеет ударение на втором слоге; наоборот, *пусть*-форма допускает как безударное употребление перед глаголом, так и ударное — например, при инверсии или дистантном положении относительно личной формы глагола). Мы больше склоняемся в пользу второго объяснения.

В текстах Ломоносова мы встречаем расширение употребления частиц *пусть*, *пускай*, *пущай* в связи с их использованием в монологических текстах. Представляют интерес два случая употребления этих частиц: во-первых, в конструкциях типа *кто хочет... тот пусть...* во-вторых, в значении допущения.

В первом случае встретились только частицы *пусть* и *пускай*. Конструкция использовалась для аргументации и встречалась главным образом в научных текстах:

Сие ежели перед собою видеть кто хочет, тот **пускай** соединит несколько магнитов, полюсов и осей сходственным положением, чтобы из того магнитный шар был составлен (Рассуждение о большей точности морского пути... // АПСС 4, 164).

Кто желает расширение воздуха яснее понять, тот **пусть** привяжет пустой и сжатый пузырь к узкогорлой стекляночке, который хотя бычачий будет, однако он после того весьма туго надуется, как воздух из колокола будет вытянут (Сокращенная экспериментальная физика // АПСС 1, 440).

В современном русском языке подобные конструкции в научной речи не встречаются, поскольку для современной научной речи характерна безличная манера изложения (одним из возможных вариантов выражения того же значения будет конструкция *для того, чтобы... необходимо...*). Употребление таких конструкций указывает на начальную стадию функционирования научного стиля, когда в него могли проникать конструкции, имеющие разговорный субстрат.

Частицы *пусть* и *пускай* в этих конструкциях выражают не столько побуждение, сколько необходимость, но, без сомнения, сами обороты с частицами восходят к форме императива, о чем могут свидетельствовать некоторые случаи употребления императива в составе конструкции такого типа:

Кто видеть хочет, сколько землетрясения и огнедышащие горы слоев и внутренностей земных открывают, тот **поди** в горы каменистые, главные и меньшие, **смотри**, как лежат великие кабаны и звена дикого серого камня; увидит: иные положены порядочно слоями, иные наподобие развалин опровергнутого великого каменного здания разгромаженные (Первых оснований металлургии // АПСС 5, 573)

Появление *пусть*- и *пускай*-форм в этих конструкциях произошло в результате переосмысления императивной семантики в рамках сложного предложения с условными отношениями между частями. Отсутствие ярко выраженной оптативности связано с обобщенностью и некоторой неопределенностью фигуры адресата. Главная часть таких предложений может вводиться не местоименным коррелятом *тот*, а условным союзом *если/ежели*, который ему предшествует и подчеркивает условный характер отношений:

Если же кто сим недоволен, тот **пусть отнесет** вышеписанные натуры деяния в оное время, когда земля была невидима и неустроена, то есть прежде шестидневного произведения тварей: там не будет никакого спору и сомнения о времени, не описанном и не определенном чрез течение светил небесны (Первых оснований металлургии // АПСС 5, 618).

Сложные предложения указанной структуры могут иметь не одну, а несколько придаточных частей, содержащих частицы *пусть* или *пускай*, причем придаточные части могут парцелироваться и внешне ничем не отличаться от предложений, в которых *пусть*- и *пускай*-формы используются для выражения побуждения к действию. Чрезвычайно показательный пример

такого употребления содержится в «Прибавлении втором. О слоях земных»:

Кто видеть хочет, сколько землетрясения и огнедышащие горы слоев и внутренностей земных открывают, *тот* поди в горы каменные, главные и меньшие, смотри, как лежат великие кабаны и звена дикого серого камня; увидит: иные положены порядочно слоями, иные наподобие развалин опровергнутого великого каменного здания разгромаженные. Трещины, переломы, отрывки, отвалины, щебень — все показывают и почти говорят: вот каковы земные недра, вот слои, вот прожилки других минеральных материй, кои произвела в глубине натура. **Пускай примечает** их разное положение, цвет, тягость, пускай употребляет в размышлении совет от математики, от химии и обще от физики. **Пускай погуляет** по окрестным долинам и равнинам, увидит разметанные великие камни и, рассуждая их сложения, представит, что они прежде глубоко в земли лежали и что они внутренностей ее части. **Пусть походит** по берегам речным или морским, где отлогий песок или крутые каменные утесы, где хрящ и подводные камни; увидит в крутизнах разные слои лежащих звен каменных с мно[го]различными отменами. Там не токмо валун, но и мелкие голышки и самые песчинки суть свидетели внутреннего земного состояния, откуда их действие запертого огня принудило выйти наружу. И словом, все каменные и песчаные части земной поверхности рождение суть земных трясений и гор огнедышащих, как ниже доказано, — все служат к ясному уверению о состоянии своего природного места, все могут удивить любопытное око и увеселить летающее остроумие (АПСС 5, 573).

Фрагмент примечателен тем, что показывает связь конструкции и с риторическими текстами Ломоносова и являет пример периода. Это лишний раз подтверждает, что конструкция *кто хочет...*, *тот пусть...* использовалась как средство аргументации в научных текстах.

Однако научные тексты — не единственная сфера применения конструкции. Конструкция использовалась также для выражения различных рекомендаций:

Кто вино на продажу, для прибыли курить похочет, тот **пусть** употребляет на то рожь, понеже из ней больше выходит, нежели из ячменю (Лифляндская экономия // АПСС 11, 142);

Кто боится подагры, тот временем, а особливо весною и осенью, також и в то время, когда полуденный ветер долго веет, **пусть** принимает по ложке [водки] (там же // АПСС 11, 144);

Кто много чихает, тот **пусть** нюхает укус (там же // АПСС 11, 146).

В этих случаях сказуемое в главной части может не содержать модального глагола.

Не менее интересный материал для наблюдения представляет использование частиц *пусть*, *пускай*, *пуцай* для выражения значения допущения. Близкое значение частиц *пусть* и *пускай* отмечается уже в текстах XVII в.:

Да **пускай** их! Какъ жили, такъ и скончались о Христе Иусе госпode нашемъ (Авв., Жит., л. 255);

А что противятся друг другу — **пускай** такъ (Авв., Послание «рабом Христовым»)⁶.

В первом случае усматривается значение «ладно», «Бог с ними»; во втором случае — значение «ладно, хорошо», «так и быть», «все равно» (Черкасова 1973: 49). В таком значении *пусть* и *пускай* продолжают употребляться и в XVIII в. Находим такое употребление и в текстах Ломоносова. Ср.:

[Филипн:] Ин **пусть** по-твоему будет (Краткое руководство к красноречию // АПСС 7, 336);

Но щастье на бою сомнительно. Да **пусть** бы (Краткое руководство к риторике // АПСС 7, 202);

⁶ Приведенные примеры заимствованы нами у Е. Т. Черкасовой (1973: 49).

Сообщение есть когда ритор предложенную матерью тому на рассуждение отдает, кому оную представляет, н. п.: еще медлишь? еще сомневаешься, легкомысленный, и от роскоши к добродетели не возвращаешься? **Пуцай** же, ни во что почитай мои представления, но сам с собою посоветуй, сам себя послушай (там же // АПСС 7, 60).

В середине XVIII века, в частности в текстах Ломоносова, формы глагола, в которых эти частицы имеют значение допущения, получили значительное распространение, став основой для последующего формирования уступительного союза. Необходимым условием для формирования значения допущения стало употребление этих частиц в предложениях с инволютивным подлежащим: такое подлежащее не может реализовывать то действие, к которому его побуждает говорящий, в результате чего на первый план выходит значение допущения и актуализируется фигура самого говорящего. Благоприятной средой для реализации значения допущения были научные тексты, в которых подлежащее выражается главным образом неличными существительными.

В современном русском языке лишь частица *пусть* употребляется в математических текстах для выражения допущения, и конструкции с ней стали своеобразным штампом: **Пусть** дана плоскость s и прямая l , пересекающая s (Учебник «Геометрия»); **Пусть** истинна пропорция $a:b = c:d$ (Учебник «Математика»). Частица *пускай* и тем более частица *пуцай* в этих случаях совершенно не допустимы (Санников 2008: 447–448). В отличие от современного русского языка, в текстах Ломоносова в значении допущения встречаются все три частицы, причем в ряде случаев Ломоносов использует в одном контексте разные частицы:

Сие изъясняю следующим образом [фиг. 1]. **Пусть будет** а восточный, в западный конец помянутого озера. Лучами входящего солнца нагревается место в, а остается в тени холодно (Изъяснения, надлежащие к слову о электрических воздушных явлениях // АПСС 3, 107);

КЕН **пускай** значит край атмосферы; ИНС часть оныя, лежащую близ поверхности тела, отделяет, в которой, по вышеписанному, парівсех гуще. С **пусть** будет самый центр тела, а линия СА к Солнцу, СЕ к Земле протягается, которую мы для некоторого обстоятельства на АС перпендикулярно поставили (Описание в начале 1744 года явившихся кометы // АПСС 4, 44);

Пусть связующую силу воздуха изобразит с, собственную тягость равновесного шаричка воды представляет р, **пусть** δ называется его густость, θ **пускай** значит густость воздуха, то будет подобным образом $c = \delta - \theta / \delta \cdot P$, следовательно, $C : c = G - d/D \cdot P \delta - \theta / \delta \cdot P$ (там же // АПСС 4, 74).

Пуццай будет во второй фигуре [рис. 3] в S — Солнце и ABC — путь Земли так, чтобы плоскость листа представляла плоскость эклиптики; Земля **пускай** движение свое имеет от А к В и С, и по левую руку восточная, а по правую западная сторона неба будет (там же // АПСС 4, 32);

Пуццай будет, например, четвероугольный брус толщиной и шириною 12 дюймов, длиною 120 дюймов. То будет его твердость как число 103 680, и его корпуленция 17 280 кубических дюймов (Продолжение о твердости разных тел // АПСС 11, 41).

Частицы *пусть*, *пускай*, *пуццай* обычно либо занимают позицию начала предложения, либо стоят на втором месте сразу после подлежащего. В современном русском языке частица *пусть* устойчиво занимает позицию начала предложения. Обращает на себя внимание то, что частицы со значением допущения могут употребляться и в составе придаточной части; ср.:

Поставить оба термометры на одной доске и притом барометр, который **пускай стоит** на 2800; тогда термометры назначить, что когда они стоят на показанном пункте оба, то значит вышину барометра 2800 (Химические и оптические записки // АПСС 4, 448).

Значение допущения — одно из самых частотных значений частиц *пусть*, *пускай*, *пуццай* в текстах Ломоносова. У частицы

пуццай 6 из 8 встретившихся употреблений приходится на значение допущения; частица *пусть* употребляется со значением допущения 33 раза, частица *пускай* — 28. Выявить какую-либо зависимость между типом предиката и сочетаемостью с одной из частиц не удалось.

На основе употребления *пусть*, *пускай*, *пуццай* в значении допущения развивается союзная функция этих частиц. Впрочем, союзная функция развилась только у первых двух частиц: частица *пуццай* не была вовлечена в систему concessивных союзов⁷.

Придаточное уступки содержит описание ситуации, вопреки которой происходит событие главной части. В современном русском языке придаточное уступки присоединяется к главной части при помощи союзов *хотя*, *несмотря на то что*, *невзирая на то что*, *пускай*, *пусть*, *даром что*. Уступка, представляя собой «несработавшую» причину, «анти-причину», имеет в своей семантике противительный компонент («обманутое ожидание»), поэтому уступительные союзы часто контаминируются с противительными союзами (если придаточное уступки находится в препозиции), например: ***И хотя весна еще не явилась, но ее вечное присутствие в мире было несомненно*** (В. Катаев).

Предложения с союзами *пусть*, *пускай* вводят в предложение Я-позицию субъекта речи, что не характерно для других уступительных союзов. Значение допущения, вводимое союзами *пусть*, *пускай*, тесно взаимодействует с уступительным (concessивным) значением «вопреки ожиданиям», обогащая его коннотациями «мне все равно», «не важно». Говорящий допускает, признает существование ситуации в придаточной части, которая характеризуется им как негативная, нежелательная, отрицательная с точки зрения нормы. Признаваемая ситуация может иметь как реальный, так и возможный, гипотетический характер (Николаева 2000: 4).

⁷ Нет значения concessивного союза у слова *пуццай* в БАС. Хотя в словарной статье отмечается, что *пуццай* употребляется как частица и союз, но приведенные случаи союзного употребления сомнительны. Скорее, *пуццай* в приводимых примерах выступает в значении допущения (БАС¹ 11, 1778–1779).

Концессивные союзы-частицы *пусть*, *пускай* сохраняют связь с частицами *пусть*, *пускай* в современном русском языке. Эта связь обнаруживается еще ярче в текстах Ломоносова, когда союзная функция частиц находилась в стадии становления. В силу этого в некоторых случаях можно констатировать переходный характер конструкций, в которых *пусть*, *пускай* сохраняют значение допущения. Вторая часть, находящаяся в уступительных отношениях с первой, не имеет специальных показателей связи, кроме контрастного содержания:

Пусть злобна зависть яд свой льет,

Пусть свой язык ярясь грызет;

То наша радость презирает (Ода ... на взятие Хотина 1739 года // АПСС 8, 29);

Пусть мнимая других свобода угнетает,

Нас рабство под Твоей державой возвышает (Надпись на иллюминацию, представленную в торжественный день Восшествия на Всероссийский Престол Ея Величества 1747 г... // АПСС 8, 195);

Пускай враги воздвигнут брань,

На Бога полагаюсь (Преложение псалма 26 // АПСС 8, 372);

[Вестник:] Ах, **пусть** бы ты ушел, ты мог бы возвратиться,

И я ещеб могла хотя надеждой льститься (Демофонт // АПСС 8, 482).

Слабость связи между частями проявляется также в том, что вторая часть могла быть оформлена как самостоятельное предложение или отличаться от первой части по цели высказывания:

Пускай что можеш ты в продерзости успеть

И младость нежную тиранством одолеть;

Какую чаеш в том себе иметь забаву? (Демофонт // АПСС 8, 461).

Пусть другой разбирает все летописи церковные и светские, христианские и языческие, употребляет высокую математику в помощь; **пускай** определяет год, день и его самые мелкие

части для мгновения первого творения; **пусть** располагает по небу стояние и взаимное положение солнца, луны и планет, кольдалече друг от друга стояли, когда впервые воссияли; над Европою или над Америкою было первое великих светил соединение? *Я все ему уступаю* и ни в чем не спорю (Первых оснований металлургии // АПСС 5, 618).

Отношения между двумя частями оказываются более тесными, когда вторая часть представляет собой отрицание первой:

[Тамира:] Я сердце уж тебе, любезный, поручаю
И верность данную пребуду век храня.
К неистовому я не преклонюсь Мамаю.

Пусть весь свет **победит**, не победит меня (Тамира и Селим // АПСС 8, 314);

[Филлида:] Так отпущу его, Креуза, не отмстив?
Так, насмеявся, он отсель уедет жив?
Но мне ли требовать от Демофонта мести?

Пусть жизни я **лишусь**! Но жаль лишиться чести (Демофонт // АПСС 8, 451).

Еще теснее отношения между частями, соединенными противительными союзами. В текстах Ломоносова в качестве дополнительных скреп встречаются союзы *но* и *однако*:

Пускай земля, как Понт, **трясет**,

Пускай бурливы вихри **стонут**,

Премрачный дым покроет свет,

В крови Молдавски горы тонут.

Но вам не может то вредить,

Вас рок желает сам покрыть (Краткое руководство к риторике // АПСС 7,60);

[Надир:] Но **пусть** Мамай над всей вселенной **торжествует**,
Однако щастлив быть не может брак такой,

Когда сама любовь против него враждует (Тамира и Селим // АПСС 8, 342–343).

В современном русском языке наряду с союзами *но*, *однако* перед главной частью могут выступать союзы *да*, *зато*, *только* —

последние в текстах Ломоносова не выявлены. Но даже введение союза *но* или *однако* не всегда означает, что *пусть* или *пускай* употребляется в значении уступительного союза. Обязательным условием для того, чтобы отнести сложное предложение с *пусть* или *пускай* к сложноподчиненным предложениям с придаточным уступительным, выступает оценочный характер придаточной части. В следующих примерах *пускай* имеет значение допущения, лишенное оценочного компонента:

Пускай будет атмосфера кометы 1 400 000 крат реже нашей, *однако* количество материи будет равно тому, которое между поверхностью нашей атмосферы и землю содержится [фиг. 21]... (Изъяснения, надлежащие к слову о электрических воздушных явлениях // АПСС 3, 127);

Вероятность превосходит, чтобы для зарытия сего животного стали толь много люди трудиться в копании глубокой ямы. Однако ***пускай***, что делалось и то и другое, *но* 3) следующее всю вероятность погребения их опровергает (Первые основания металлургии или рудных дел // АПСС 5, 615).

На новизну конструкции с союзами-частицами *пусть* и *пускай* и ее неустойчивость указывают случаи контаминации этих служебных слов с другими средствами выражения уступки. Например, союзом *хотя*:

[Илиона:] ***Пускай*** *хотяб* таков он был,
Или ***пускай*** бы нас Приам не обручил,
Но сносноли бы мне твое желанье было?
И мысль одна об вас — мне грозное страшило! (Демофонт // АПСС 8, 434).

В следующем примере союз-частица *пускай* сочетается с другим средством выражения уступительности — союзом (в квалификации других исследователей — местоимением) *как ни*:

Ибо, ***пускай*** бы мы с самую большею осторожностью и возможным наблюдением взаимные действия тела и души *как*

ни изыскивали, то хотя и находим мы всегда между ними точный союз, внутреннее соединение, беспрестанное сопряжение и, как бы сказать, некоторое тайное согласие, но от оных путей, которыми все сие бывает, не находим мы ни единого следа, и вся нашего ума острота остается здесь в мрачнейшей тьме покрыта (О сохранении здоровья // АПСС 11, 28).

Помимо этого, зафиксирован случай употребления союза-частицы *пусть* в значении 'если':

Пусть кто прочие обстоятельства о перемене хвоста, в описании сея кометы показанные, снесет с тем, что мы поныне предлагали, то увидит он везде самое лучшее сходство (Описание в начале 1744 года явившейся кометы // АПСС 4, 60).

Такое явление, по-видимому, было характерно для определенного этапа в развитии древнерусского синтаксиса. В частности, А. А. Зализняк, выявляя эту особенность употребления диалектного союза *дати* (*дать*) ('пусть', 'чтобы'), попутно замечает, что «значения 'пусть' и 'если' часто выражаются одними и теми же средствами» (Зализняк 2004: 199). Оттенок упомянутого значения выражен и в следующем примере:

Здесь только должно представить кубичный дюйм, парами наполненный, которые так стеснены, коль густ наш воздух при земной поверхности; после того **пусть** сии пары распространены будут на многие биллионы и триллионы кубичных миль, то может всяк из сего легко удостовериться, коль редко сии пары и далече друг от друга после стоять должны, так что сияния самых мелких неподвижных звезд без чувствительной утраты сквозь них светить могут (Описание в начале 1744 года явившейся кометы // АПСС 4, 100).

Употребление частиц *пусть* и *пускай* в функции уступительного союза не частотный в текстах Ломоносова: на каждую из них приходится по 8 употреблений, включая различные переходные случаи. Конструкции с ними еще не оформились окончательно. Тем не менее представляется важным отметить

их употребление, так как они выступают одним из проявлений риторической составляющей текстов Ломоносова. Один из примеров такого предложения включен в текст «Краткого руководства к красноречию»:

Филипн. Пожалуй, для меня **пускай** оно всходит хотя в полночь, лишь бы мне только <Прим. ред.: Рит. рук. 1747 зачеркнуто <хорошеньк[о]> до доволь[ства?].> выспаться довольно (АПСС 7, 334).

Если образование союза-частицы *пускай* рассматривать как результат отрыва от глагольной формы и утраты предикативности, то о завершенности этого процесса может свидетельствовать следующий пример:

Посему нет сомнения, что равная стужи сила на равной или, **пускай**, на большей высоте зимою над нами обращается (Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих, предложенное от Михаила Ломоносова // АПСС 3, 41).

Чаще всего употребление уступительных (концессивных) предложений с союзами-частицами *пусть*, *пускай* встречается в высоких жанрах — одической поэзии и трагедиях. Ломоносов находит возможность включать такие предложения в научный текст, однако в деловых текстах, по-видимому, считает их использование недопустимым и заменяет союзом *хотя*:

Хотя ж бы <Хотя ж бы надписано вместо зачеркнутого Но **пускай**> дворяне в академическую службу вступить не похотели, <Первоначальное не хотели исправлено на не похотели> то по последней мере вступали бы охотнее разночинцы; однако размножению наук по силе нового стага быть почти нельзя («Записки о необходимости преобразования Академии наук» // АПСС 10, 54).

Анализ употребления частиц *пусть*, *пускай*, *пуцай* в текстах Ломоносова позволяет проследить, как сложение русского

литературного языка и формирование новых жанров трансформировало семантику частиц *пусть*, *пускай*, *пуццай*, первичной сферой которых была разговорная речь. Мы можем проследить, как в новых условиях (прежде всего условиях монологической речи) эти частицы приспосабливаются к выражению нового значения. Новые значения частиц хорошо сочетались с риторическим компонентом текстов Ломоносова. По мнению В. З. Санникова, *пусть* и *пускай* (как частицы и в еще большей степени как частицы-союзы) выражают вовсе не примирение и покорность, а оптимизм (Санников 2008: 446). Оптимизм же был важной чертой мировоззрения Ломоносова и вообще XVIII века.

M. Mamatova, D. Rudnev. The functioning of words LET / START UP / PUSHCHAY in M. V Lomonosov's language.

The chapter investigates paradigmatic relations between the words *pust' / puskaj / pushchaj* in the language of M. V. Lomonosov. Material under study permits to make conclusion that the meaning system of these lexemes was influenced by monological genres which were forming in that period.

Ф. Н. Двинятин
(СПбГУ)¹

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ГРАММАТИКА ГЛАГОЛА В ТОРЖЕСТВЕННЫХ ОДАХ М. В. ЛОМОНОСОВА

Ключевые слова: Ломоносов, оды, грамматика, лингвистическая поэтика, глагол, количественная грамматика.

В главе обсуждается количественный аспект поэтической грамматики од Ломоносова. Приводятся данные по общему количеству финитных глаголов, а также по формам времен и наклонений.

Большая часть явлений, с которыми работает исследователь поэтической грамматики² («грамматики поэзии», грамматики и в первую очередь морфологии поэтического текста), так или иначе стягиваются к одной из двух больших подсистем: поэтическая грамматика имени и поэтическая грамматика глагола. Помимо множества частных различий между ними, можно указать несколько принципиальных расхождений, определяющих сами подходы к исследованию именной и глагольной поэтической морфологии.

Во-первых, для глагольной подсистемы характерна существенно большая роль серийности и доминирования в тексте

¹ Федор Никитич Двинятин, канд. филол. наук, доц. филологического факультета СПбГУ и факультета свободных искусств и наук СПбГУ.

² Основополагающая работа: Якобсон 1983; ср. также многочисленные анализы Р. О. Якобсоном отдельных поэтических текстов с использованием либо преобладанием поэтико-грамматического инструментария.

или фрагменте той или иной граммы. Граммы имени — за исключением специальных или экспериментальных текстов — почти никогда не образуют в тексте сколько-нибудь пространственных серий, они постоянно чередуются и в пределах достаточных текстовых массивов обычно встречаются в пропорциях, более или менее соответствующих общезыковому. Это относится ко всем основным категориям имени — числу, роду, падежу: имена разного рода, в разных числах и падежах почти всегда свободно чередуются в тексте, не создавая серийности и грамматического доминирования. Глагол может вести себя точно так же, но может и иначе. Пространственные серии глаголов в одной форме (например, предикатов соседних предложений) — дело обычное, тем более если совпадает только одна грамма (скажем, прошедшее время). Столь же обычно и преобладание в тексте глагольных форм какого-нибудь определенного типа (в таком случае их могут называть текстообразующими): тексты императивные, или инфинитивные³, или перволичные, и т. п.

Во-вторых, категории глагола в целом — более предметные, что определяет более тесную и непосредственную связь глагольной подсистемы с семантикой сообщения, с «содержанием». Таковы наклонение, время, вид, лицо, а также число, объединяющее глагольную и именную грамматику. Отсюда два следствия. С одной стороны, семантика текста существенно в меньшей степени влияет на подбор именных форм, чем на подбор глагольных. С другой стороны, состав глагольных грамматических форм в разных текстах различается в большей степени, чем состав именных грамматических форм. Для не слишком короткого сообщения на определенную тему понадобятся, вероятно, формы всех падежей и слова каждого грамматического рода, но вполне может оказаться достаточно одного наклонения, времени, лица; еще более вероятно, что какая-то грамма будет

³ В последнее время см. многочисленные исследования А. К. Жолковского об «Инфинитивном письме»: (Жолковский 2000; 2002; 2005: 280–291, 432–488) и мн. др.

представлена в тексте не исключительно, но в преобладающем соотношении.

В-третьих, глагольная грамматика более свободна, произвольна, легче подчиняется сознательному или подсознательному выбору говорящего или пишущего. Строить текст, подбирая слова определенного рода или формы определенных падежей, в принципе можно, но это столь же специальная, «искусственная» стратегия, как, например, подбирать слова, начинающиеся на какую-либо букву или с таким-то количеством слогов (если в тексте фиксируется что-либо подобное, это как раз удачная находка исследователя и соблазнительный предмет разбора, но именно в силу своей необычности). Напротив, выбирать определенные формы глагола — дело самое обычное. Здесь в принципе достаточно сослаться на опыт повествования как в значимых сдвигах и экспериментах (*passé composé* в «Постороннем» Камю и «ответные» эксперименты Кено с *passé simple* в диалогических контекстах; 2-е лицо в «Изменении» Бютора или «Смерти Артемио Круса» Фуэнтеса и т. п.), так и в общеизвестном, школьном преломлении («изложите эту историю в прошедшем времени, в 3-м лице»).

Из-за этих взаимопересекающихся различий именная подсистема текста обычно оказывается областью локальных грамматико-поэтических эффектов и разного рода мягких сдвигов и предпочтений, тогда как в глагольной подсистеме уже предварительный обзор может выявить последовательные и принципиальные поэтико-грамматические доминанты. Этим и определяется выбор частной темы нашего исследования. Количественное изучение поэтической грамматики Ломоносова уместно начать с общего обзора глагола⁴, суммарного объема

⁴ По-видимому, в целом в области лексикологии, стилистики и семантики глагол Ломоносова считается менее информативным материалом, чем имена существительные и прилагательные. А. С. Будилович составляет специальный словарь ломоносовских эпитетов, но не предикатов (Будилович 1871: 151–195); И. З. Серман прослеживает, как общие принципы поэтического стиля Ломоносова проявились

глагольных форм в тексте, соотношения различных граммем, эволюции этих показателей и некоторых частных вопросов, которые неизбежно возникнут в процессе общего рассмотрения.

Чрезвычайно желанным материалом оказываются торжественные оды Ломоносова⁵. В истории русской поэзии трудно припомнить другую подобную группу текстов, которые бы: а) принадлежали одному автору; б) относились бы к одному жанру, причем не только номинально, но и по сути, обнаруживая такую высокую меру семантического, поэтического, стилистического единства; в) находились бы в самой сердцевине поэтической эволюции (тем более для эпохи самого рождения новой русской поэзии); г) относились бы к эпохе, охватывающей четверть века, причем были бы распределены по ней относительно равномерно; д) наконец, образовывали бы замкнутый, четко отграниченный, исчерпывающий корпус. 20 торжественных од Ломоносова были обследованы по основным параметрам полностью, а по некоторым выборочно.

Вот некоторые выборочные данные из другой работы автора, для которой были просчитаны 100 русских стихотворений XVIII–XX веков; определялось количество слогов, занимаемых в тексте формами, относящимися к четырем следующим образом выделяемым классам: 1) «субстантивам» (в таблице S; все существительные и субстантивные местоимения); 2) «глаголы» (в таблице V; все личные формы глагола, деепричастия, инфинитивы, страдательные причастия в предикативной функции); 3) «адъективы-адвербы» (в таблице A; прилагательные, причастия, кроме страдательных в предикативной функции, адъективные местоимения, наречия); 4) «служебные» (в таблице X). При таком подсчете возникает, конечно, ряд сложностей и спорных

в области субстантивных номинаций и эпитетов, но не глагольных предикатов (Серман 1966: 175–190); и др. Работа Л. И. Шоцкой (Шоцкая 2008) посвящена в основном словообразованию и стилистике глагола в свете теоретических трудов Ломоносова.

⁵ К современному пониманию их значения см.: Бухаркин 1992.

моментов, однако здесь можно на этом не останавливаться. В табл. 1 приводятся данные по общему слоговому объему текста (Syll.), по абсолютному объему слогов четырех классов (S — V — A — X) и по процентному их соотношению.

Таблица 1. Соотношение объема четырех основных морфологических классов в некоторых «пространных» поэтических текстах XVIII–XX веков

Автор, текст	Syll.	S	V	A	X	%S	%V	%A	%X
Ломоносов, Ода 1747	2064	839	447	645	133	40,6	21,7	31,3	6,4
Державин, Фелица	2236	926	530	541	239	41,4	23,7	24,2	10,7
Жуковский, Сельское кладбище	1750	699	391	536	124	40	22,3	30,6	7,1
Баратынский, Осень	1536	613	277	524	122	39,9	18	34,1	8
Маяковский, Юбилейное	1520	606	340	387	187	39,9	22,3	25,5	12,3

Из табл. 1 можно видеть, что ода Ломоносова как по количеству субстантивов (почти ровно 40% слогового объема текста), так и по количеству глаголов ($21 \pm 3\%$) практически ничем не отличается от других обследованных текстов. Суммарные показатели по всем 100 стихотворениям также чрезвычайно близки. Все это заставляет предполагать, что для русской поэтической речи существуют некоторые закономерности количественного грамматического распределения, уверенно действующие на достаточно большом объеме неэкспериментальных в грамматическом отношении текстов на протяжении уже почти трех столетий, и что тексты Ломоносова вполне укладываются в эти закономерности. Менее строгая проверка по некоторым другим одам в целом подтверждает это наблюдение.

Следующие подсчеты — это важно учитывать, рассматривая их результаты и сравнивая их с предыдущими — имеют дело уже с другим объемом глаголов. В них были учтены все личные формы глагола, но не инфинитивы, не причастия и не

деепричастия. Для каждой оды определялось общее количество личных форм глагола. Поскольку все оригинальные торжественные оды Ломоносова написаны 4-стопным ямбом и десятистрочными строфами с чередованием мужских и женских клаузул, слоговой объем строф практически равен (84 или 86 слогов), и для простоты в качестве относительного показателя было выбрано отношение количества глаголов к количеству строф, иначе говоря — среднее количество личных форм глагола в строфе. В пяти правых столбиках приведены данные по распределению глагольных форм по временам индикатива (прошедшее — настоящее — будущее) и повелительному наклонению; «прочие» формы из последней колонки — это сослагательное наклонение плюс небольшое количество форм, образованных с участием частиц *да* и *нусть*.

Таблица 2. Количество личных форм глагола в торжественных одах Ломоносова, их относительное количество и распределение по временам и наклонениям

№ п/п	Название оды	Глаг.	Гл./стрф.	ПВ	НВ	БВ	ПН	Пр.
1	Ода... на взятие Хотина, 1739	196	7	47	131	5	11	2
2	Ода... рождения Иоанна... 1741	145	6,9	38	58	13	30	6
3	Первые трофеи Иоанна...,1741	181	7,9	52	97	12	17	3
4	Ода на прибытие... Петра..., 1742	74	5,3	16	43	6	2	7
5	Ода на прибытие... Елисаветы... 1742	286	6,5	43	160	24	51	8
6	Ода... тезоименитства... Петра... 1743	97	6,9	10	36	27	21	3
7	Ода... брачного сочетания... 1745	120	6	4	86	10	17	3
8	Ода на день восшествия... 1746	115	5,5	33	57	10	10	5
9	Ода на день рождения... 1746	81	4,8	27	43	6	2	3
10	Ода на день восшествия... 1747	118	4,9	33	67	8	8	2
11	Ода на день восшествия... 1748	143	6	36	71	9	11	16
12	Ода... в Сарском Селе, 1750	120	5,2	10	69	3	30	8
13	Ода на день восшествия... 1752	128	5,6	28	78	4	18	0
14	Ода на... рождение... Павла... 1754	134	5,8	39	52	21	22	0

15	Ода... на праздник рождения... 1757	103	5,7	24	38	7	31	3
16	Ода... тезоименитства... 1759	119	5	28	54	10	23	4
17	Ода... на праздник... восшествия... 1761	134	5,8	23	72	7	24	8
18	Ода... Петру...,1762	146	5,8	33	59	19	32	3
19	Ода... Екатерине... 1762	126	4,8	27	44	13	35	7
20	Ода... Екатерине... 1764	153	4,8	30	60	29	27	7
	Всего	2719		581	1375	243	422	98

Возможно, в приведенные подсчеты вкрались некоторые ошибки (например, отдельные формы были пропущены, или ошибочно классифицированы), хотя данные несколько раз перепроверялись. Но даже и в этом случае корректировка коснется не более чем десятых долей процента.

Итак, Ломоносов начинает с бóльшего относительного количества глаголов: 7 на строфу, и даже 7,9 в действительно очень насыщенной глаголами второй оде 1741 года; последний раз похожее распределение (6,9) встретится в 1743 году, а после 1745 ни разу не будет больше, чем 6 личных форм глагола на строфу. Средние данные по 6 первым одам 6,75 личных форм глагола на строфу, по пяти последним — около 5,25 на строфу (меньше почти на четверть). Из табл. 2 видно, что этот процесс не вполне поступательный, на любом этапе существуют некоторые колебания, однако в целом количество личных форм глагола неуклонно сокращается.

Также видно, что в торжественных одах Ломоносова преобладает настоящее время. Презенс дает почти точно половину всех личных форм глагола (50,6%). Во всех двадцати одах формы настоящего времени на первом месте по количеству. Есть группа текстов, где эта доля меньше — 40% (2) или около 40% (18), 39% (14, 20), 37% (6,15), и даже менее 35% (19). Примечательно, что в этой группе — пять из семи последних од и все три последние: к концу творческого пути доля презенса среди личных форм глагола снижалась у Ломоносова с 55% (огрубленный результат по 13 первым одам) до 41% (по 7 последним),

т. е. на четверть. Тем не менее и в последних одах презенс численно преобладает над другими формами. Основным семантическим эффектом при подобном доминировании презенса оказывается столкновение и согласование актуального и неактуального настоящего. Богословская вечность, условно-мифологические константы, неизменность природных законов, географическое постоянство сопоставляются с краткосрочными событиями и процессами лирического настоящего и церемониального настоящего времени оды. В более общей форме можно сказать, что оппозицию образуют описываемые в грамматически тождественном настоящем времени события большей (вплоть до вечности) и меньшей (вплоть до мгновения) протяженности. Уже в первой строфе Хотинской оды⁶: *Внимая нечто, ключ молчит, / Которой завсегда журчит* (АПСС 8, 16), т. е. всегда журчит, но в это мгновение молчит; ср. одну из строф подобного типа в оде 1747 года: *Се мрачной вечности запону / Надежда отверзает нам! / Где нет ни правил, ни закону, / Премудрость тамо зиждет храм! / Невежество пред ней бледнеет. / Там влажный флота путь белеет, / И море тищится уступить: / Колумб Российский через воды / Спешит в неведомы народы / Твои щедроты возвестить* (АПСС 8, 205): текущее политическое и научное настоящее — российская морская экспедиция, сопоставлено здесь с извечным устройством мироздания, неслучайно охарактеризованным известной формулой библейского происхождения. Особняком стоит такое употребление настоящего времени, которое можно было бы назвать гетеродиегетическим: оно употребляется в развернутых сравнениях и других подобного типа фрагментах, в которых время никак не связано с временной точкой отсчета основного пласта текста, поскольку они относятся к другому пространству-времени (диегезису, как начали употреблять этот термин теоретики кинематографа; в этом случае и в тексте Ломоносова перед

⁶ Некоторые замечания о времени, залоге, виде и способе глагольного действия в Хотинской оде см.: (Берсон 2005: 20–23).

нами явление, родственное кинематографическому гетеродиегетическому монтажу) — например, в той же оде: *Твои щедроты **ободряют** / Наш дух и к бегу **устремляют**, / Как в понт пловца способный ветер / Через яры волны **порываает**: / Он брег с весельем **оставляет**, / **Летит** корма меж водных недр* (АПСС 8, 199), где две первые формы прямого настоящего противопоставлены трем следующим гетеродиегетическим формам, или фрагмент, организованный серией форм гетеродиегетического настоящего в концовке первой оды 1746 года:

Да возрастет Ея держава,
Богатство, щастье и полки
И купно дел Геройских слава,
Как ток великия реки
Чем дале бег свой **простирает**,
Тем больше вод в себя **вмещает**
И множество градов **поит**;
Разлившись, на поля **восходит**,
Обильный тук на них **наводит**
И жатвы щедро **богатит** (АПСС 8, 145–146).

Еще более заметно возрастание роли повелительного наклонения. В одиннадцати первых одах средняя доля императива (опять-таки среди личных форм) — 11,5%, а в девяти последних — 21%: возрастает почти в два раза! Пожалуй, наиболее примечательная особенность императива в поздних одах Ломоносова, особенно им обильных, — еще его коммуникативная поливалентность: так, в оде 1762 года он обращен к Екатерине (*Гряди, российская отрада, / Гряди, желание сердец <...>*), к Павлу (*Дражайший Павел наш, мужайся, / В объятьях рождьшей утешайся <...>*), к храбрым и усердным героям (*Красуйтесь, веселитесь ныне <...>*), к властителям и судиям (*От буйности блюдитесь вы / И подданных не презирайте <...>*), к находящимся на русской службе иноземцам (*Обширность наших стран измерьте, / Прочтите книги славных дел <...>*), к тени Петра I (*О Тень великая, спокойся <...>*), к наукам (*Науки, ныне торжествуйте <...>*), к пермесским водам

(*Пермесски воды, ликовствуйте* <...>), и ко всем пределам света (*Внемлите все пределы света / И ведайте, что может Бог!*) (АПСС 8, 772–781). В оде 1764 года формы повелительно-го склонения обращены к Парнасу, к скиптру, венцу, трону и чертогу Екатерины, к Солнцу, к россиянам, к Китаю, к Павлу, к счастливым светилам, наконец — к самому поэту в реплике Муз. В оде 1762 года, помимо прочего (обращение к весне или к Голштинии) они включены в реплики скончавшейся Елизаветы к Петру III и Петра I к Елизавете.

«Сею фигурою <обращением. — Ф. Д.> можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить, повелевать, сказывать, толковать, поздравлять и проч., к кому слово от предложенной материи обращается <...> Краткие обращения, которые особливо у стихотворцев употребляются вместо простого повествования, слово весьма украшают» («Краткое руководство к красноречию» // АПСС 7, 267–269).

Напротив, доля прошедшего времени⁷ в целом совершенно не меняется. По всему корпусу торжественных од она равна 21%, по первой их половине (10 од) — 21% и по второй половине (следующие 10) — тем же 21%. Это не исключает, разумеется, колебания, иногда более резкого, от одной оды к другой, но какого-либо направления у колебаний по претериту, таким образом, нет. Что же касается самого этого колебания, то самая бедная прошедшим временем — свадебная ода 1745 года, 3,3% (она же самая богатая презенсом: 71,7%), а также оды 1750 (8,3%) и 1743 (10,3%) годов, а самая богатая — вторая ода 1746 года (33,3%), и можно сказать, что за исключением единственного случая доля прошедшего времени в одах варьирует в ограниченных пределах. Два основных семантических типа

⁷ В Оде на восшествие 1746 года есть форма *бысть*, церковнославянский аорист; в остальных случаях в торжественных одах Ломоносова употребляется прошедшее время современного типа.

прошедшего в одах Ломоносова — собственно прошедшее, относящееся к более или менее отдаленным временам (в нем, в зависимости от категории вида, можно выделить своеобразные «аорист» и «имперфект», но обычно они не противопоставлены в тексте ни тематически, ни композиционно), и примыкающий к настоящему времени, служащий для называния недавних действий, результат которых ощутим в текущее мгновение, семантический перфект⁸.

Во многих случаях глагольные формы в одах Ломоносова располагаются пространственными однородными сериями; вот два намеренно ярких примера, в одном случае (1748) — 16 форм по модели «да + буд. вр. сов. вида»⁹, в другом (1743) — 19 форм будущего времени:

И наших искренность сердец
Пред троном Вышнего пылает,
Да счастьем твоим **венчает**
Его средину и конец.
Да движутся светила стройно
В предписанных себе кругах,
И реки **да текут** спокойно
В тебе послушных берегах;
Вражда и злость **да истребится**,
И огонь и меч **да удалится**
От стран твоих и всякий вред;
Весна **да рассмеется** нежно,
И земледелец безмятежно
Сторичный плод **да соберет**.
С способными ветрами споря,
Терзать **да не дерзнет** борея
Покрывшего судами моря,

⁸ В. Н. Топоров демонстрирует его на примере первых строк «Вечернего размышления...»: настоящему времени первой строки («Лице свое скрывает день») сопоставлены перфекты следующих строк («Поля покрыла мрачна ночь» и т. д.) (Топоров 2003: 28).

⁹ В «Российской грамматике» эта форма никак не выделяется и не комментируется, хотя и содержится, например, во вступительном посвящении.

Пловущими к земли твоей.
Да всех глубокий мир питает;
Железо браней **да не знает**,
Служа в труде безмолвных сел.
Да злобна зависть **постыдится**,
И славе свет **да удивится**
Твоих великодушных дел.
Священны **да хранят** уставы
И правду на суде судьи,
И время твоя державы
Да улажат раби твои.
Соседы **да блюдут** союзы;
И вам, возлюбленные музы,
За горьки слезы и за страх,
За грозно время и плачевно
Да будет радость повседневно,
При Невских обновясь струях (АПСС 8, 215–217).

Возвысится, как кедр высокий,
Над сильных всех твоя глава;
Ты, как змию, **попрешь** пороки,
Пятой **наступишь** ты на Льва.
Твоими сам господь устами
Завет вовек **поставит** с нами;
И крепче Мавританских гор
Твои плечи, Петром скреплены
И силой свыше облеченны,
Надежный **будут** нам подпор.
Прострешь свои державны длани
Ко вышнему за нас в церьквах.
Покажешь меч и страх в день брани,
Подобно как твой дед в полках.
Премудрость **сядет** в суд с тобою,
Изгонит лесть и ков с хулою.
И мужество твои чресла
Скрепит для общей нашей чести,
Защитит нас к противных мести,
Дабы исторгнуть корень зла.
Под инну Трою вновь **приступит**
Российский храбрый Ахиллес,
Продерзкий меч врагов **притупит**,
Хвалою **взойдет** к верьху небес.

Отрада **пойдет** вслед отраде
В Петровом свету страшном граде,
И плески плескам весть **дадут**:
Господь щедроты в нас **пробавит**
И больше нас тобой **прославит**,
Как с трепетом враги **падут** (АПСС 8, 106–107).

Но и эти примеры бледнеют перед сдвоенной серией в брачной оде 1745 года. Начиная со строки 39 и далее по строку 105, Ломоносов употребляет 45 форм настоящего времени, не проуженные ни одним другим глаголом в личной форме; затем, после единичного перебива в строке 106 (перфектное *приник*) следуют, вплоть до конца четырнадцатой строки, еще 23 не перебитые какими-либо другими формы настоящего времени. Если что-то и снижает впечатляющую силу этой серии, то только то, что настоящее время и вообще безраздельно господствует в этом тексте (почти 72% всех глагольных форм). Не менее примечательно следующее обстоятельство. В этой оде 120 глаголов; из 119 (кроме первого) только 14 отличаются по времени или наклонению от предыдущей в тексте глагольной формы, а 105 продолжают серию, совпадая по форме с предыдущим глаголом. Однако не стоит понимать дело таким образом, будто серийность глагольных форм доминирует в одах Ломоносова; речь идет только о многочисленных и более или менее четко отграниченных фрагментах особых тематико-грамматических типов (та или иная ретроспекция в прошедшем времени, прорицание в будущем, описание текущего положения, видение или параллель в настоящем, увещание или молитва в повелительном наклонении и т. д.), каковые, однако, не покрывают в совокупности и половины общего объема од. На противоположном полюсе — случаи смешанного, с постоянными перебивами, употребления глагольных форм; между тем и другим, в качестве нейтральной точки отсчета — небольшие (2–5) серии однотипных глагольных форм, плавные переходы и единичные перебивы.

С категорией лица все обстоит более единообразно: только около 190 глагольных форм могут быть отнесены к 1-му лицу и около 140 — ко 2-му; в этих подсчетах учитываются и формы прошедшего времени, а также сослагательного наклонения, в которых категория лица грамматически не выражена, но которые в предложении соотносятся с местоименными формами 1-го и 2-го лица соответственно (приблизительность подсчетов определяется небольшим количеством не вполне ясных случаев). Впрочем, к данным по 2-му лицу могут быть прибавлены все случаи императива — тогда будет видно, что коммуникативная ситуация с участием 2-го лица в принципе представлена в одической поэзии Ломоносова достаточно широко, но обозначает ее в 75% случаев именно императив.

Дополнительные подсчеты выполнены для того, чтобы хотя бы частично объяснить первое снижение количества личных форм глагола в одах Ломоносова между 1741 и 1742 годами (см. данные в табл. 2). На самом деле этот процесс кажется изначально ясным: именно две оды 1741 года (и Хотинскую оду настолько, насколько в ее окончательном тексте сохранился неизвестный нам полностью вариант 1739 года) отличает тенденция к относительно строго выдерживаемой полноударности, и это, в свою очередь, заставляет составлять текст из коротких слов: в строке и строфе их помещается больше, и при равной доли глагольности количество глаголов также должно быть большим, чем в последующих текстах. Однако морфологию этого сдвига (невольный каламбур: морфологию и в грамматическом, и в гетеанско-методологическом, освященном трудами Белого и Проппа, значении) хотелось бы представлять себе лучше¹⁰. Были взяты обе оды 1741 года и для сопоставления с ними зрелые ломоносовские шедевры, оды 1747 и 1748 годов. В каждом

¹⁰ Недавно К. Ю. Рогов (2010) поставил под сомнение известную гипотезу М. И. Шапира (1996), объяснявшего сдвиг в ломоносовской ритмике влиянием центрального многосложного имени *Елисавета*, и предложил сосредоточиться в поиске объяснений на роли в тексте глаголов и изменениях в глагольной подсистеме.

из четырех текстов были выделены все личные формы глагола и, кроме того, все инфинитивы (именно поэтому данные по общему количеству глаголов расходятся с теми, что приведены в табл. 2: там учитывались только личные формы). Все глаголы были разбиты на следующие словообразовательные сегменты: приставка (префикс), корень, суффикс, флексия (окончание), постфикс *-ся*; в одном случае понадобилось также выделение соединительной гласной (интерфикса). Требуется также оговорить одну важную коррекцию: показатели повелительного наклонения, вопреки господствующей грамматической традиции, рассматриваются как окончания (из-за их словоизменительной или формообразующей роли, наиболее важной применительно к данному подсчету). Был подсчитан суммарный слоговой объем каждого типа морфем; например, в форме *про-стир-а-ет* приставка, корень, суффикс и флексия содержат по одному гласному и соответственно по одному слогу; в форме *зр-ит* корень содержит 0 слогов, а флексия 1 слог. Итоговые данные сведены в табл. 3:

Таблица 3. Слоговой объем морфем в личных формах и инфинитивах глаголов в четырех торжественных одах Ломоносова

	Ода 1741-1	Ода 1741-2	Ода 1747	Ода 1748
Количество глаголов	172	211	137	152
Слоги в глаголах	390	462	407	446
Слоги в приставках	34	42	72	77
Слоги в корнях	166	186	137	150
Слоги в суффиксах	53	71	80	72
Слоги во флексиях	125	152	104	122
Слоги в постфиксах <i>-ся</i>	12	11	13	25
Слоги в соед. гласных	0	0	1	0
Средняя слоговая длина глагола	2,27	2,19	2,97	2,93
Ср. слог. длина приставки	0,2	0,2	0,53	0,51
Ср. слог. длина корня	0,97	0,88	1	0,99
Ср. слог. длина суффикса	0,31	0,34	0,58	0,47

Окончание табл. 3

Ср. слог. длина флексии	0,73	0,72	0,76	0,8
Колич-во -ся на 1 глагол1	0,07	0,05	0,1	0,16

Пожалуй, наиболее впечатляющая особенность этих чисел — очень высокая мера схожести между отдельными данными по двум одам 1741 года и между отдельными данными по одам 1747 и 1748 годов: представляется, что эта схожесть говорит о том, что в каждый из двух периодов Ломоносов или совершенно сознательно, или бессознательно, но чрезвычайно точно представлял себе, какова может быть в используемом им стихе (включая ритмику) средняя длина глаголов и средняя длина каждого из их морфемных сегментов.

За несколько лет глагол у Ломоносова удлинился с 2,23 слогов до 2,95, или почти на треть (точнее, на 32%). Из этих 0,72 слога прибавки 0,32 слога пришлось на приставку — как если бы в каждом третьем глаголе Ломоносов разрешил бы себе «лишний» слог приставки; это примерно 45% от общего прибавившегося слогового объема глаголов. Еще примерно на 28% глагол удлинился благодаря суффиксам, а остальные 27–28% прибавления делят между собой корень, флексия и показатель -ся. Примечательно, кстати, что в одах 1741 года суммарная слоговая длина корней ощутимо меньше общего количества глаголов, например, во второй из них — 186 на 211: это возможно благодаря относительно частому использованию безвокалических корней (*зрит* и подобные), вынужденная и любопытная слоговая экономия. К тому же ломоносовский глагол практически всегда имеет корень не длиннее одного слога, чего нельзя сказать об имени; одна из основных причин — та, что глаголы опять-таки практически все исконные, а имена нередко заимствованные, идет ли речь о терминологии или о личных (и близких к ним, вроде этнонимов) именах топонимического или мифологического кругов. Еще до отмеченных М. И. Шапиром (и до него несколько иначе Л. В. Пумпянским (2000: 69); ср. об анаграммировании имени *Елисавет(а)* в одах Ломоносова:

(Векшин 2006: 341–43)) имен типа *Елисавета* или *Екатерина*, невозможных в полноударной строке, в первых одах можно обнаружить не разрушающие полноударность, но содержащие более чем односложный корень формы *Пермесским*, *Кастальской*, *татар*, *Стамбул*, *Молдавски*, *Магметов*, *герой*, *Казанских*, *Селима*, *Дунай*; с трехсложным корнем, с ударением на втором слоге *янычар*, *Хотин*, *Калчак*, *Дамаск*, *Каир*, *Алепп*, *Евфрат*, *Пиндар*, *Афин*, *солдатску*, *Аврора*, *монарх*, *Парнасских*, *Балтийских*, *Цейлонов*, *Филиппов*, *Антей*, *Кавказской*, *Алицид*; с четырехсложным корнем, в отличие от прочих, невозможное в полноударной строке *император*, *германско*, *Мамай*, *Ахайских*, *Геон*, *Гомер*, *Ахилл*, *Градив*, *Венеры*, *Дианы*, *Секваны*, *Стокгольм*, *Нимврод*, *Вилманstrand*, *аилантских*, *Беллоны* и некоторые другие. Ничего подобного нет в подсистеме глагола.

В одах 1741 года, кажется, нет ни одного глагола в личной форме или в инфинитиве, невозможного в полноударной строке. В одах 1747 и 1748 годов таких глаголов соответственно 54 (из общего числа 137; 39%) и 55 (из 152; 36%). Наиболее частая их разновидность — глагольная форма из четырех слогов с ударением на третьем типа *обрацают*: 34 и 35 соответственно. В свою очередь, наиболее частая позиция таких форм — в абсолютном конце строки (с женским окончанием, естественно): 25 и 26 случаев¹¹. Вообще, в оду 1747 года на 240 строк от 127 до 129 пропусков ударения на 3-м икте (у Тарановского указывается 111 ударных шестых слогов (Тарановский, Прохоров 2010: 103)), из них 42 приходятся на слоги, входящие в состав

¹¹ В этом случае они являются еще и рифмами. Среди глагольных рифм Ломоносова привлекает внимание особенно частый тип на *-аю/-ею*, *-аешь/-еешь*, *-ает/-еет*, *-аем/-еем*, *-ают/-еют*: далеко не у всех русских поэтов, в изобилии практикующих глагольную рифму, в изобилии представлен именно этот тип. Материалы недавно вышедшего Словаря рифм Ломоносова должны способствовать разрешению многих вопросов в этой области, как собственно стиховедческих, так и лингвопоэтических, на полном и надежном материале (Словарь рифм М. В. Ломоносова 2011).

личных форм глагола или инфинитивов; к этому числу можно прибавить 3 случая, когда шестой слог строки приходится на *не*, входящее в состав отрицательной формы глагола, 2 деепричастия и 9 причастий (*беспреткновенну* и дважды *благословенны*, *благословенну*, вероятно, прилагательные). Формы глагола, таким образом, в этой оде ответственны за безударность 3-го икта минимум в 32,6%, максимум в 42,1% случаев.

Однако увеличение объема средней глагольной формы не может, конечно, объяснить расхождение в количестве глаголов между текстами одного периода. Меньшая или большая глагольность каждой конкретной оды — это результат отдельной грамматической стратегии, осознанной или неосознанной. Так дело обстоит в случае самой насыщенной глаголами оды — «Первые трофеи...» (1741-2): глаголы в ней не только короче, их действительно ощутимо больше — на 10 и более процентов, чем в других одах того же периода. Именно в этом тексте можно найти самые глагольные места всего ломоносовского поэтического наследия:

Однако **топчут, режут, рвут,**
Губят, терзают, грабят, жгут,
Склоняют нас враги под ноги;
Российску силу **взяли** в плен,
Штурмуют блиско наших стен,
Щитают: вот добычи многи,
Да гдеж? — в спесивом их мозгу.
А в деле ужас потом **мочит,**
И явно в сердце дрожь **пророчит,**
Что **будет** им **лежать** в низу (АПСС 8, 47).

Точно так же невозможно объяснить одним удлинением глагола некоторое падение его доли в зрелых одах Ломоносова. Можно воспользоваться следующим предварительным рассуждением. Суммарное число глаголов в двух одах 1741 года 383¹²; в них, считаемых вместе, 44 строфы; в одах 1747 и 1748 годов,

¹² Личных форм и инфинитивов, т. е. по данным табл. 3.

если сложить данные по ним, 48 строф; значит, при той же пропорции, что и в одах 1741 года в них ожидалось бы, округляя до целого, 418 глаголов. Если учесть, что глаголы стали длиннее, и скорректировать ожидаемое число глаголов в соответствии с изменившейся средней длиной глагольной формы, получится, округляя до целого, 309 ожидаемых глаголов. На самом же деле их 289. Если бы количество глаголов сокращалось обратно возрастанию их длины, мы имели бы 309; сокращение еще на 6,5% (или на 15,5% от общей доли сокращения) надо объяснять какими-то другими причинами. Предварительные (с подсчетами, но недостаточно формализованными) наблюдения побуждают предположить, что дополнительное снижение количества глаголов на один и тот же объем текста в зрелых и поздних одах Ломоносова объясняется возрастанием роли морфологических и синтаксических характеристик, конкурирующих с глагольностью вообще или с личными формами глагола в частности. Таковы процессы: а) увеличения количества собственно именных фрагментов — предложений без имплицитно выраженного глагола («именных» в смысле Э. Бенвениста и представляемой им традиции их интерпретации), развернутых обращений, развернутых обособленных оборотов именного типа; б) «разветвления» простого предложения, увеличение количества актантов и именных сирконстантов, приходящихся на один глагол-предикат; в) возрастания роли деепричастий и страдательных причастий в предикативной функции; г) возрастания роли инфинитивов. Выяснение точного соотношения этих тенденций и, возможно, фиксация каких-либо других должны стать содержанием дальнейшего исследования. Эмблематическим примером этого нарастания не-финитных форм изложения могло бы стать начало оды на рождение Елизаветы (1746), где первая личная форма глагола появляется только в 15-й строке (почти полторы строфы без единого финитного глагола!):

В сей день, блаженная Россия,
Любезна небесам страна,

В сей день от высоты святя
Елисавет тебе дана,
Воздвигнуть нам Петра по смерти,
Гордыню сопостатов стерти
И в ужас оных привести,
От грозных бед тебя избавить,
Судьей над царствами поставить
И выше облак вознести.
О дочь гремящего над нами,
О мати всех племен земных,
Натура, чудная делами,
Как если таин ты своих
Меня достойным быть **судила** <...> (АПСС 8, 147–148)

— ср. два развернутых обращения, предикативное страдательное причастие *дана*, шестикратную цепочку инфинитивов и т. п.

В целом обзор количественной морфологии глагола в торжественных одах Ломоносова можно считать первым шагом в исследовании количественной глагольной морфологии русской поэтической традиции вообще. Результаты по одам Ломоносова имеет смысл сравнить с подобными же по другим его жанрам и отдельным текстам — духовным одам и переложением псалмов (а их, в свою очередь, с самими псалмами и с другими переложениями — например, Симеона Полоцкого, Третьяковского, Сумарокова), надписям, «Письму о пользе стекла» и др.; по другим одам XVIII века¹³, прежде всего Сумарокова, продолжателей Ломоносова, Державина; по сатирам Кантемира; по «младшим» жанрам XVIII века, по интимной и горацанской лирике; по элегиям Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Баратынского и других элегиков; по разным формам дружеского послания начала XIX века и т. п. Более отдаленный объект сопоставления — поэтический эпос, включая такие лироэпические жанры, как басни и баллады, но и собственно поэмы эпического,

¹³ О месте Ломоносова в развитии русской оды см., в частности: (Алексеева 2005: 160–205).

легкого или байронического типов. В итоге можно будет получить более или менее точную картину того, как изменялась в русской поэзии хотя бы «жанрового» периода (до позднего романтизма) роль глагола вообще и отдельных глагольных граммем в частности, как проходила конкуренция глагольных времен, видов, лиц и т. п., какие семантические ресурсы глагола использовались и т. д. Все это, в свою очередь, могло бы способствовать дальнейшему становлению количественной грамматики поэтического текста, выявлению ее подходов и основных областей интереса¹⁴.

F. Dvinyatin. The Quantitative Grammar of a Verb in M. V. Lomonosov's Odes.

In this chapter the author discusses the quantitative aspect of a poetical grammar in Lomonosov's Odes. The total number of the finite forms of a verb, the distribution of moods and tenses are presented.

¹⁴ Из других опытов автора заметки см.: (Двинятин 2008; 2012).

*А. А. Бурькин
(ИЛИ РАН)¹*

ЛОМОНОСОВ И ТОПОНИМИКА АРКТИКИ (некоторые задачи интердисциплинарного изучения текстов)

Ключевые слова: история, география, топонимика, Арктика, Сибирь, гидронимы.

Автор рассматривает географические названия Арктики и Сибири, встречающиеся в географических и поэтических сочинениях Ломоносова. Содержание текстов Ломоносова анализируется в сравнении с известными нам историческими документами и сочинениями современников Ломоносова, в частности Г. Миллера. В отношении поэтических сочинений Ломоносова, в которых встречаются названия сибирских рек, автор обращает внимание на то, что Ломоносов пользуется стилистическими приемами перечисления экзотических топонимов или этнонимов, что было характерно для поэзии и ораторской прозы его времени.

Ученый-энциклопедист М. В. Ломоносов внес огромный и неоценимый вклад во множество наук. Однако, обращаясь к проблеме «Ломоносов и топонимика Арктики», надо помнить, что он все же не был ни историком, в отличие от Г. Миллера и И. Фишера, ни географом, таким как С. П. Крашенинников и Г. Стеллер. Поэтому весьма интересно понаблюдать, во-первых, в какой мере Ломоносов был знаком с теми событиями, современником которых он был — с географическими открытиями в Арктике, в Сибири, на Северо-Востоке Азии и на Тихоокеанском побережье России, и в какой мере он был осведомлен о географических открытиях предшествующего столетия. Особого внимания тут заслуживает взгляд Ломоносова на

¹ Алексей Алексеевич Бурькин, д-р филол. наук, д-р ист. наук. Ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН.

эти проблемы не только как ученого своего времени, но и как мореплавателя-помора, знакомого с Ледовитым морем не понаслышке. Во-вторых, в какой мере естественнонаучные интересы М. В. Ломоносова и его сочинения были связаны с теми локациями России, которые привлекали внимание ботаников, зоологов, геологов, специалистов по горному делу. В-третьих, это хронотоп и ономастическая картина мира в литературном творчестве Ломоносова, в особенности в контексте топики русской литературы XVIII века, например — в стремлении украшать литературные произведения некоторых жанров экзотическими этнонимами, что мы наблюдаем позднее и у Державина в «Памятнике», и у Пушкина в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Перед нами, так сказать, средства выстраивания художественного хронотопа в век науки и просвещения в среде науки и просвещения (Бурькин 1999: 13; 2002: 156–157).

Основные научные сочинения М. В. Ломоносова, в которых проявился его интерес к Арктике и ее топонимике, вошли в шестой том собрания сочинений ученого в 11 томах (АПСС 6). В основном это труды, написанные в 1763–1765 годах, т. е. хронологически охватывающие большой интервал времени, в течение которого их автор знакомился с русскими и европейскими географическими исследованиями и открытиями.

Главный труд Ломоносова, в котором отразились его знания об Арктике, его интересы к ней, относящиеся к самым разным областям знаний от гляциологии и навигации до военного дела — это «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу сибирским океаном в восточную Индию» (АПСС 6, 417–498), та самая работа, в конце которой присутствует ставшая знаменитой фраза, часто воспроизводимая неточно: «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном» (АПСС 6, 498). Это интересный очерк исследования Арктики, включающий как ранние европейские источники, так и современные Ломоносову труды, среди которых угадывается «История Сибири» Г. Миллера и «Описание Земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.

В главе первой (ее название «О разных мореплаваниях, предпринятых для сыскания проходу в Ост-Индию западно-северными морями»), в § 19 Ломоносов пишет:

«Известное мореплавание ишпанского адмирала де Фонта по западным берегам Северная Америки для поиска водяного сообщения между Атлантическим и Тихим морем от многих принимается за подлинное, от большей части за вымышленное почитается, а самым делом сомнительно. Мне кажется, что оно достойно показания на карте и изъяснения в Кратком описании» (АПСС 6, 439).

Характеристика сообщений о существовании Северо-Западного прохода заканчивается словами:

«При окончании сей главы остается мне объявить свое мнение о северо-западном вышепомянутом проходе, которое в том состоит, что оный невозможен или хотя и есть, да тесен, труден, бесполезен и всегда опасен» (АПСС 6, 440).

Существующие исследования, обобщающие сведения и повествования о Северо-Западном проходе, позволяют более объемно представить ту информацию, которую сообщал Ломоносов, и полностью подтверждают слова ученого — Северо-Западный проход реально существует, но он неудобен и опасен для мореплавания и не используется и поныне (Рамсей 1982: 142–145). Что касается ранних описаний проливов и островов в Канадской Арктике, на которые приходится часть Северо-Западного прохода, то мы придерживаемся следующего мнения: нельзя исключать удачных плаваний по маршруту вокруг Северной Америки или каких-то ее областей в XVI–XVII веках в годы экстремально-го потепления, когда могла создаться благоприятная обстановка для плавания в арктических водах (Бурыкин 2011: 208–210).

Привлекает внимание § 31 того же сочинения:

«По взятии Ермаком Сибирского царства и по многих приращениях на восток Российской державы, произведенных больше приватными поисками, нежели государственными силами, где

казаки, оставшиеся и размножившиеся после победителя в Сибири, также и поморские жители с Двины и из других мест, что около Белого моря, главное имеют участие, построены уже были по великим рекам сея северная части Азии некоторые города, остроги и зимовья, в том числе и Якутск, к нижним странам уже склоняющиеся великия Лены. Из которых устьев ведомы стали далее к востоку еще другие, ея меньшие, но собою великие реки: Яня, Индигерка, Ковымя. Около устьев их и по берегам, между ними лежащим, старались российские промышленники большия поиски чинить к востоку, а особливо для моржовой кости» (АПСС 6, 448).

Формы названий рек *Яня* и *Ковымя*, приведенные Ломоносовым, не имеют аналогий ни в документах начиная с 1640-х годов, ни на картах, соответственно они не могли быть извлечены Ломоносовым из письменных источников — скорее всего, они выведены им самостоятельно из форм местного падежа *на Яне, на Ковыме* (форма Ковыма — ранее даже Ковым, — предшествовавшая привычному нам Колыма, дожила в географических словарях до середины XIX века).

Параграф 32 этого сочинения интересен полной и достоверной информацией о походе отряда Семена Дежнева на восток от Колымы. Воспроизведем его:

«Холмогорец Федот Алексеев с позволения государева приказчика, что был тогда на Колыме, с казаком Иваном Дежневым <в комментариях исправлено Семеном. — А. Б.> предприяли путешествие из реки Ковыми на восток в июле месяце 1647 года в том мнении, чтобы дойти до реки Анадира, о которой думали, что впала в то же Ледовитое море; однако за льдами поход их был без успеху. Первая сия неудача не отняла у них ни надежды, ни смелости, и потому следующего 1648 года июня 20-го дня те же Алексеев и Дежнев и еще некто Герасим Акундинов пошли на семи кочах с немалым числом народа, на каждом судне около тридцати человек. О четырех судах нет известия, где девались. Служивого Акундинова кочь разбило у Чукотского носу, где он на прочие два к товарищам перебрался. Сентября 20 дня Алексеев и Дежнев, будучи на берегу, дали с чукчами бой, на коем Дежнев ранен; потом носило их долго по морю, и наконец Дежнев

выкинут за устья реки Анадира,² далее к полудню к северным камчатским пределам. Около реки Олюторки Федот Алексеев и Герасим Акундинов в коряцких жилищах пристали к берегу, на коем, несколько пожив, померли цынгою. Многие из товарищей их побиты, достальные в малом числе убежали в лодках на Камчатку и первые из россиян в сей земле поселились, задолго до приходу пятисотника Володимера Атласова. И хотя они там от камчадалов убиты, кои уведали, что русские люди, а не боги, затем что кровь их увидели, когда они подрались между собою, однако имя их и остатки жилища были свидетелями. О смерти Алексеева и Акундинова сказывала после Дежневу якутская баба, коя жила у Алексеева. Дежнев, возвращаясь с двадцатью пятью человеками, нашел Анадир-реку и, по ней ходя, основал Анадирский острог, наконец, с великим трудом от вершин перешед горы, достиг на устье реки Колымы, откуда пошел сперва на судах по сибирскому берегу к востоку» (АПСС 6, 448–449).

Информация, которую здесь обсуждает Ломоносов, осталась без внимания комментаторов издания его сочинений (АПСС 6, 608), впоследствии породила весьма объемную литературу, при этом изложение Ломоносова, заслуживающее внимания хотя бы в плане источниковедения, выпало из поля зрения историков географии. По содержанию ясно, что Ломоносов был знаком, пусть и не в подлинниках, с документами, составленными самим Дежневым.

Вот наиболее значимый фрагмент текста отписки самого Дежнева: «...носило меня Семейку по морю после Покрова Богородицы всегда неволею, и выбросило на берег в передний конец за Анандырь-реку; а было нас на коче всех двадцать пять человек, и пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы, а шел я бедной Семейко с товарищи до Анандыры реки ровно десять недель и попали на Анандырь реку внизу блиско моря» (Дополнения 1851: 4, 25–26). Далее

² Написание *Анадир*, совершенно не свойственное русской традиции графической передачи названия реки Анадырь, в финали которой всегда писалось —дырь, или —дыр, явственно указывает на то, что источник, использованный Ломоносовым, был написан на латинской графике <комментарий автора>.

Дежнев сообщает: «А в прошлом во 162 (7162 = 1654 год) ходил я, Семейка, возле моря в поход, и отгромил я, Семейка, у коряков якутскую бабу Федота Алексева. И та баба сказывала, что де Федот и служивый человек Герасим померли цынгою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душой не знаю де куда» (Дополнения 1851: 4, 26–27; Русские мореходы 1952: 132).

Ломоносов вскользь затронул важный момент, касающийся фактологии и хронологии географических открытий на беринговоморском побережье — обратил внимание на южную и юго-восточную точку маршрута плавания С. Дежнева. По проблеме места высадки С. Дежнева на побережье Берингова моря имеется обширная литература (Ефимов 1948: 221; Белов 1973: 123) — мы не будем ее обсуждать, но сосредоточим свое внимание на содержании текста Ломоносова. В нем говорится, что «Дежнев выкинут за устья реки Анадира, далее к полудню к северным камчатским пределам. Около реки Олюторки Федот Алексеев и Герасим Анкудинов в коряцких жилищах пристали к берегу, на коем, несколько пожив, померли цынгою» (АПСС 6, 449).

Указание на место высадки Федота Алексева и Герасима Анкудинова «около реки Олюторки» интригуют исследователей прежде всего тем, что эта информация новая и не имеет аналогов в документальных источниках.

Вот что сказано в сочинении Г. Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных» (1758):

«У онаго носу разбило коч служиваго Герасима Анкудинова, и бывшие на нем люди перебралися на достальные два коча. Семен Дежнев и Федот Алексеев, будучи сентября 20 дня на берегу, дали с чукчами бой, на коем Федот Алексеев поранен. После сего разнесло их кочи без вести. Коч Дежнева носило по морю до октября месяца и напоследок выбросило на берег от реки Анадыря в немалом разстоянии на полдень, чаятельно около реки Олюторы. Что учинилось с Федотом Алексеевым и с его товарищами, о том объявлено будет ниже» (Миллер 1996: 22).

Что стало с этими «невеликими людьми», спутниками Дежнева, о которых узнал от «якутской бабы» дальше, и даже как эта «якутская баба» оказалась у коряков, нам неизвестно. На территории Камчатки в четырех местах — на восточном побережье на реках Караге и Камчатке, на западном побережье на реках Лесной и Тигиле — по преданиям, зафиксированным в начале XVIII века, можно предполагать наличие мест пребывания этого отряда (Кусков 1966: 96–100; Полевой 1983: 162–168; Осьминина 1989: 59–62; Краткий обзор 1998: 15).

Для нас существеннее другое — упоминание реки Олюторки у Ломоносова или Олюторы у Миллера. Если Ломоносов говорит о том, что около реки Олюторки разбился коч Герасима Анкудинова и Федота Попова — исходя из этого сообщения, здесь можно предполагать наличие неизвестного нам источника, — то Миллер предполагает («чаятельно»), что в этих местах был выброшен на берег коч самого Дежнева.

Река Олюторка впадает в Карагинский залив на восточном побережье Камчатки (Справочник по истории 1985: 247). Исследователи полагают, что это название как и иные названия, образованные от той же основы, а именно Олюторский (мыс, полуостров, административный район Камчатского края) — связаны с названием коряков-алюторцев *алуталг'о* (Леонтьев, Новикова 1989: 290), однако этимология этого названия неясна. Мы полагаем, что в основе этнонима лежит чукотское *олвэтвадьыт* «оседлые»; характерная черта, отличающая оленных чукчей Южной Чукотки и оленных коряков от приморских жителей.

В этимологии данного гидронима заключается незаметная на первый взгляд, но серьезная трудность, препятствующая надежной локализации описываемого объекта. Такое название могло быть записано в любом месте на востоке Камчатского полуострова, где проживают оседлые коряки. Исходя из этого, мы можем с некоторой долей уверенности говорить, что Дежнев и его спутники точно не могли оказаться на берегу Карагинского залива: они не могли бы пройти за десять недель до устья Анадыря, двигаясь с каким-то грузом без провизии по незнакомому маршруту — тем более в условиях, когда дни были весьма

коротки и становились короче с каждым днем (получается, что Дежнев и его казаки вышли к устью Анадыря в конце декабря 1648 — начале января 1649 г. Вероятнее всего, коч Дежнева был выброшен на берег где-то на территории современного Беринговского района Чукотки, откуда казаки, пойдя на запад, «в гору», как писал Дежнев, вышли в долину реки Великой и дошли по ней до ее устья — река Великая течет на север и впадает в Анадырь совсем недалеко от устья самой реки Анадырь.

Сравнение текстов Ломоносова и Миллера подсказывает решение — скорее всего Ломоносов не совсем точно пересказал содержание текста Г. Миллера, приведенного выше, — едва ли Ломоносов располагал какими-то источниками о походах Дежнева, которые могли быть не учтены Г. Миллером.

Маршруты, где возможно мореплавание, Ломоносов обсуждает и далее. В § 34 того же сочинения мы читаем:

«Сколько же мне сведомо, то от города Архангельского сквозь Вайгач исследован хотя трудный ход для многих льдов морскими офицерами Малыгиным, Скуратовым, Мининым далее Обской губы, даже до устьев реки Пясиги. От устья Пясиги до устья Тамуры-реки хотя для множества льдов судовой ход почитается невозможным, и штурман Минин, идучи с запада от устьев Енисейских, остановился на ширине $73 \frac{1}{2}$ градуса, а с востока от устья реки Лены поручик Харитон Лаптев мог дойти до 77 градусов, а всего мысу водяным ходом не окружили, однако по краям стоячего льду прошел при оном мысу мичман Челюсткин и везде видел стоячий лед, окружен торосом, то есть ходячим льдом, который тогда зимним временем примерз к стоячему. Что ж оный в летнюю пору ходил, то показывали взломанные трением бугры ледяные. От реки Тамуры до устьев Ковымских судовой ход изведен флота поручиком Дмитрием Лаптевым; достальной берег от Ковымы до устья реки Анадира около Чукотского носу исследован известиями от тамошних жителей через капитана Павлуцкого, чему известие о морском пути Федота Алексеева с товарищи весьма соответствует, и сомнения о море, всю Сибирь окружающем, не остается» (АПСС 6, 450).

Река Тамура здесь — несомненно, река Таймыра, впадающая в Таймырскую губу (странно, что ее название пропущено

в авторитетном справочнике 1985 г.), Пясига — это река Пяси́на, вытекающая из озера Пяси́но и впадающая в Пяси́нский залив Карского моря, это название в ранних документах обычно записывалось как Пяси́да. Таким образом, встретившаяся у Ломоносова форма Пясига оказывается едва ли не уникальной. Интересно, что этимологии этого названия не позволяют установить его исходную форму: оно выводится как из нен. Пясига «река черного дерева» (на ней есть выходы пластов каменного угля), так и из нен. Пяси́да «безлесная» (Справочник по истории 1985: 285).

Помимо состоявшихся и признанных открытий, зафиксированных в документах и на картах, Ломоносов активно интересовался сведениями о тех географических объектах, которые могли составить открытия будущего — тех предметах истории географической науки, которые составляют ее загадки или остаются загадками до определенного времени, пока не обретут идентификацию или не будет найдена адекватная интерпретация сведений, сообщаемых теми или иными источниками. В § 37 рассматриваемого нами сочинения Ломоносов пишет, имея в виду сведения о некоем острове в Северном Ледовитом океане:

«О сем острове сибирские известия свидетельствуют положительно и отрицательно. Положительные суть следующие: 1) кочевщик Родион Михайлов, будучи отнесен от берегу льдами в пути от Святого носу на Колыму-реку, показывал Никифору Малыгину и другим, с ним бывшим, остров на море, который всяк из них видел; 2) оному ж Малыгину сказывал торговый человек Яков Вятка, что, проезжая из Лены в Колыму, отнесен был на кочах к показанному острову, где видели они зверские следы; 3) из Якутской воеводской канцелярии 1710 года, с устья реки Яны, объявлено сказкою казака Якова Пермякова, что видел он по ту сторону Святого носу остров и другой против устья Ковыми-реки (может быть, были сие мысы одного большого острова, кои к сибирскому берегу протянулись); 4) казак Меркурей Вагин в 1712-м году, вышед из устья реки Яны в море, с Яковом Пермяковым как со своим вожем ходил в море по льду на нартах в мае месяце, приехал к пустому острову, на коем нет лесу; с того острова виден был другой или земля матерая; 5) по объявлению якутского сына боярского Федота Амосова, оный остров простирается от устья Яны до устья Индигерки-реки и далее; 6) промышленный человек

Иван Велигин ездил в море по льду и нашел землю, только не мог знать за сильным ветром и туманом, остров ли то или земля матерая и есть ли на ней лес и жители или нет, однако приметил там старые юрты и их остатки, каменные горы нарочитой вышины и зверские следы. Сие же он слышал и прежде от чукотского жителя Копая; 7) казачий голова Афанасей Шестаков на ландкарте своей поставил оный остров, назвав его Копаяевым, и за ним назначил матерую землю» (АПСС 6, 452–453).

Здесь, как мы знаем сейчас, речь идет о трех разных географических объектах, определяемых с достаточной степенью надежности. Первое, второе, частично третье и шестое сообщение относится к Медвежьим островам, небольшому архипелагу из шести островов, расположенному несколько западнее устья Колымы. Третье (в основной части), четвертое и пятое сообщения относятся к Новосибирскому островам, находящимся к востоку от устья Лены и вблизи устья Яны. Седьмое сообщение может относиться к ранним свидетельствам об острове Врангеля, достоверные сведения о котором были получены в еще в 1780–1790-е годы участниками экспедиции И. Биллингса. Но из-за неверной идентификации топонимов-ориентиров (Шелагским мысом восточные чукчи назвали морякам мыс Якан, против которого расположен остров Врангеля, а не мыс Эрри, ныне именуемый также Шелагским, против которого островов нет) не были приняты во внимание и долгое время признавались недостоверными (Бурыкин 2004: 14–15).

Как можно полагать, один из источников этих сообщений также — сочинение Г. Миллера, где присутствуют близкие по содержанию описания (Миллер 1996: 29, 31, 33–34, 35–36).

В рассматриваемом сочинении Ломоносова присутствуют и другие топонимы Арктики — Новая земля, Шпицберген, остров Кильдин, остров Вайгач, полуостров Канин нос, названия рек Двины, Мезени, Онеги, топонимы Выг, Кемь, Ковда, Кандакша, Варзуга (АПСС 6, 476). Эти названия не требуют каких-либо комментариев. Заслуживает внимания, пожалуй, только остров Иоганс Мейенс на 72 градусе между Исландией и Шпицбергом» (АПСС 6, 458) — это современный остров Ян-Майен.

В связи с топонимикой Арктики и Северной Америки Ломоносов обращает внимание и на названия народов — коренных жителей этих мест. Он пишет:

«Для ободрения и утешения северных мореплавателей можно по крайней вероятности объявить, что ежели дойдут до северных американских берегов, против Лены и Ковымы за океаном лежащих, к Чукотскому носу склоняющихся, то найдут там довольно жителей. Пример сему обитаемые места под теми же повышениями полюса: в Сибири самоедцы, чукчи, юкагары; в Америке гренландцы, баффинцы и народы, живущие против Чукотского носу» (АПСС 6, 496)³.

Разносторонний характер внимания Ломоносова к Арктическим территориям и Тихоокеанскому побережью России проявляется в следующем суждении ученого:

«На Камчатке, или около устьев реки Уды, или на островах Курильских, где климат как во Франции, можно завести поселения, хороший флот с немалым количеством военных людей, россиян и сибирских подданных языческих народов, против коей силы не могут прочие европейские державы поставить войска ни севером, ни югом, но хотя б и учинили, однако придут утомленные на крепких, с привозными гнилыми припасами на снабденных жителей свежими домашними, безнадежные ближнего от своих споможения на места, где вспоможение нам неистождимо» (АПСС 6, 498).

События 1854 года в Петропавловском порту при обороне его от английской эскадры являют собой полное подтверждение словам Ломоносова.

Арктическая топонимика встречается и в поэтических произведениях Ломоносова. Так, в «Оде на прибытие ея величества великия государыни императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации» 1742 г. Ломоносов пишет:

³ Юкагары — описка или опечатка вместо юкагиры <комментарии автора>.

Свою Полтавску вспомни рану,
Что знать еще в груди твоей,
И гордость при Днепре попоранну,
И многий плен твоих людей,
За Обския брега вселенный,
Хребтом Рифейским заключенный <...> (АПСС 8, 88).

В той же оде мы читаем:

Тюмень в брегах своих мутится
И воды скрыть под землю тщится (АПСС 8, 86).

Обращаясь к названиям сибирских рек, Ломоносов использует необычную стилистическую фигуру, упоминая названия двух или нескольких рек и иных географических объектов, известных по тем или иным поводам из мифологии, античной географии или исторических источников. В «Оде на день восшествия на всероссийский престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» он пишет:

Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напаяет
И бреги наконец теряет<...> (АПСС 8, 203).

Несколько иное решение найдено Ломоносовым-поэтом в «Оде на день восшествия на престол ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года». Здесь, помимо исторической перспективы Российской Империи в стихотворной форме дается ее географическое описание:

В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон,
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон,
Седит и ноги простирает

На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой обращает
И вокруг довольства исчисляет,
Возлеги лактем на Кавкас.
«Се нашею, — рекла, — рукою
Лежит поверженный Азов <...>
Се знойные Каспийски бреги <...> (АПСС 8, 222).

Там же далее Ломоносов пишет:

В моей послушности крутятся
Там Лена, Обь и Енисей,
Где многие народы тщатся
Драгих мне в дар ловить зверей;
Едва покров себе имея,
Смеются лютоści борея,
Чудовищам дерзают в след,
Где верх до облак простирает,
Угрюмы тучи раздирает,
Поднявшись с дна морского, лед (АПСС 8, 223).

Морской лед — предмет специальных описаний Ломоносова-географа, ему отведено немало страниц в работе, цитированной в начале, и тем интереснее отметить, что проблемы географической науки, к которым обратился Ломоносов в последние годы жизни, осмыслились им много ранее, и об этом свидетельствуют его поэтические сочинения.

A. Burykin. Lomonosov and the toponyms of the Arctic. Problems of the interdisciplinary research of the texts.

The section focuses on the toponyms of the Arctic and Siberia used in geographical and poetical texts by M. Lomonosov. Lomonosov's place names are analyzed in comparison with the original historical documents and works of Lomonosov's contemporaries (G. F. Müller). Concerning the names of Siberian rivers used in poetic works by M. Lomonosov the author substantiates, that Lomonosov used stylistic mode of transferring exotic names. That was the particular feature of poetry and rhetorical prose of his time.

К. В. Манерова
(СПбГУ/ИЛИ РАН)¹

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК
М. В. ЛОМОНОСОВА
(на примере хронологической
отнесенности идиолекта
ученого)

Ключевые слова: немецкий язык, М. В. Ломоносов, хронологический цензус, хронологическая отнесенность, идиолект ученого, словарь идиолекта, XVIII век, лексикография, авторская лексикография.

Немецкие тексты М. В. Ломоносова представляют собой уникальный пример отражения особенностей немецкого языка XVIII столетия, в частности языка науки в идиолекте ученого не-немецкого происхождения. Идиолект определенного автора как вся совокупность созданных им устных или письменных текстов в исходной хронологической последовательности может изучаться с применением двух дополняющих друг друга методических подходов сосюррианской традиции: 1) как «parole» или отдельно взятые и зафиксированные каким-либо образом слова, например, в форме конкорданса, и 2) как «langue» или цельная лексико-стилистическая система, выводимая из результатов исследования, проведенного в рамках первого подхода. В этом подходе идиолект М. В. Ломоносова послужил основой для создания словаря «М. В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века». Хронологическая характеристика лемм — важной составляющей словарной статьи. Работа над словарем предоставляет возможность интерпретации лексического запаса в аспекте его хронологической отнесенности (историчности), проявляющейся в особенностях орфографии, грамматического строя, лексической системы, а также в региональных особенностях, терминологическом разнообразии и выборе образных средств.

Немецкие тексты М. В. Ломоносова представляют собой уникальный пример отражения особенностей немецкого языка XVIII столетия (в частности, языка науки) в идиолекте ученого

¹ Кристина Валерьевна Манерова, канд. филол. наук, доц. кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

не-немецкого происхождения. Как известно, разностороннее европейское образование М. В. Ломоносов получил в Германии во время учебы в Марбургском университете с ноября 1736 по июль 1739 года (Куник 1865: 2, 306; Летопись 1961: 34–53; Scheibert 1977: 231–240). Марбургский университет считался одним из самых прогрессивных и востребованных университетов Германии того времени, а его студенты — независимыми в суждениях, уважающими профессоров и, как ни странно, большими модниками. Важными для марбургского студента XVIII века занятиями считались танцы и фехтование. Марбург во времена фон Вольфа, пишет историк Марбургского университета И. Ауэрбах, «имел особую славу университета для *jeunesse dorée*... Город вынужден был в определенной степени мириться со студенческими дуэлями, драками, пьянством, азартными играми, бильярдом, позднее запрещенным в Гессене распиванием кофе, шоколада или какао, постоянными перебранками с солдатами марбургского гарнизона и полицией, а также мотовством. Правилами для студентов запрещалось ездить на санях с факелами в городе, принимать участие в театрализованных представлениях в качестве актеров, носить маски или переодеваться в карнавальные костюмы, особенно на балах и во время поездок на санях, быстро ездить по городу в экипаже или на лошади, фехтовать без присмотра мастера, курить табак на улице, распространять пасквили» (Auerbach 2003: 84). Вот в такую атмосферу, разительно отличавшуюся от Славено-греко-латинской академии в Москве и Академического университета в Петербурге, попал молодой М. В. Ломоносов.

Научным наставником российского студента был Христиан фон Вольф — один из выдающихся немецких ученых-энциклопедистов того времени, сформировавший основы научного мышления М. В. Ломоносова. Ломоносов изучал немецкий язык нацеленно, как бы мы сказали сейчас, с высоким уровнем мотивировки, так что немецкий стал для него языком делового и профессионального общения, языком передовой научной литературы, рабочим языком переводчика, языком-посредником между русским и французским, которым он владел, как ему

казалось, недостаточно хорошо. Можно сказать, что языковая личность и разные социально-психологические роли М. В. Ломоносова нашли свое выражение через немецкий язык: например, в коммуникации с коллегами-немцами в Академии или с родными в кругу семьи. Немецкие тексты М. В. Ломоносова показывают, что этим языком он владел превосходно, таким образом, немецкая составляющая идиолекта российского ученого представляет богатый материал для исследования.

Идиолект определенного автора как совокупность созданных им устных или письменных текстов может изучаться с применением двух дополняющих друг друга методических подходов сосюринанской традиции: 1) как «parole» или отдельно взятые и зафиксированные каким-либо образом слова, например, в форме конкорданса и 2) как «langue» или цельная лексико-стилистическая система, выводимая из результатов исследования, проведенного в рамках первого подхода. Такой опыт уже имеется. Например, в немецкой идеографии на основе этой методики составлены 35 томов индекса из произведений Иммануила Канта общим количеством 1259 страниц (Delfosse, Hinske 2000), а также многотомный словарь Гёте², продукт совместной работы трех академий: Берлин-Бранденбургской, Гейдельбергской и Геттингенской, общим количеством 92 тыс. лемм.

Хотя о немецкой составляющей идиолекта М. В. Ломоносова уже писал Ю. М. Лотман (1958: 460), Л. Аубургер (Auburger 1985: 49–55), она не стала объектом отдельного лингвистического или лексикографического описания в рамках подхода «langue». Таким образом, идиолект М. В. Ломоносова еще ждет, на наш взгляд, своего исследователя для подробного описания его лексико-стилистических особенностей. Но в рамках подхода «parole» идиолект послужил основой для создания конкорданса и эмпирической базой словаря «М. В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века», работу над которым ведет группа германистов филологического факультета СПбГУ под руководством проф. К. А. Филиппова и С. С. Волкова.

² Das Goethe-Wörterbuch — <http://www.gwb.uni-trier.de/> Das Goethe Wörterbuch.

Модель словарной статьи в словаре «М. В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века» выглядит следующим образом:

Опорная или сигнальная форма (слово в современном немецком языке в современной орфографии)
Заголовочное слово (лемма)
Статистические сведения (абсолютная частотность в текстах)
Грамматическая характеристика
Хронологическая характеристика (цензус семантики времени)
Социальная и территориальная характеристика
Нормативная характеристика
Семантическое описание:
Синтаксическая и лексическая сочетаемость
Иллюстрации в виде примеров из текста
Реально-исторический, историко-научный, филологический, ломоносововедческий комментарий
Справочный отдел

Хронологическая характеристика лемм представляет собой важный компонент словарной статьи. Работа над словарем дает возможность интерпретации лексического запаса в аспекте его хронологической отнесенности (так называемой историчности), проявляющейся в особенностях орфографии, грамматического строя, лексической системы, а также в регионально-диалектальных особенностях, терминологическом разнообразии и выборе образных средств. Хронологическая отнесенность идиолекта М. В. Ломоносова выявляется через разнообразные особенности немецкого языка XVIII века, исчезнувшие на современном периоде его развития. Немецкие тексты М. В. Ломоносова содержат много типичных для того времени и уже ставших архаичными черт; следует оговорить, что при сравнении немецких и русских текстов М. В. Ломоносова можно прийти к выводу о том, что форма и строй немецкого того времени все же намного ближе к его современному состоянию, чем в случае русского языка.

Критерий «историзма» идиолекта проявляется в следующем:

1. *Орфографическое своеобразие:*

а) написание дифтонга «ei» как «eu» (напр., seyn, zweyten, Freyberg), сохранявшемся до XIX века. Согласно «Критико-грамматическому словарю верхнегерманского наречия» (Ade-lung 1811), используемому в нашей работе в качестве основного лексикографического справочника, 25-я буква немецкого алфавита «Y» употреблялась в XVIII в. в словах, заимствованных из греческого и латинского, где она называлась Ypsilon, а также в конце немецких слов и в производных, где она произносилась как долгое [i:]. В современном немецком эта гласная сохранилась исключительно в заимствованиях и в некоторых топонимах;

б) употребление М. В. Ломоносовым сочетания согласных «tz» на месте современной «z» в конце слова (gantz);

в) употребление геминат на месте современных единичных согласных (sammt, verkauffen);

г) написании «с» вместо «k» во многих заимствованиях: Academie, Cammer, Cantzeley;

д) написание сочетания «th» на месте согласной «t» под влиянием фонетических причин (Güthe); в написании «h» в качестве знака долготы гласной (alle mah^hl).

Считается, что вплоть до конца XVIII в. для немецкой частной корреспонденции, в отличие от служебной переписки канцелярий, не существовало устойчивых норм правописания. Этим можно объяснить вариации написания слова в студенческих отчетах и частной переписке М. В. Ломоносова, напр. Wießenschafft / Wießenschaft / Wißenschafften / Wissenschaften или Schprach-Meister / Schprachmeister / Sprach-Meister / Sprachmeister. Само название немецкого языка и Германии варьируется в немецких текстах М. В. Ломоносова: deutsch / teutsch, Deutschland / Teutschland, причем эти варианты написания в немецком языке XVIII в. варьировались по диалектам:

«Ich Michael Lomonosoff und ich Demetrius Winogradoff haben bis auf den April in der deutschen Sprache, Arithmetic, Geometrie

und Trigonometrie Unterricht genoßen, und vom May-Monahht die Frantzösische Sprache und das Zeichen angefangen» (АПСС 10, 362); ср.: «Weil aber biß dato der teutschen Schprache nicht mächtig bin gewesen» (АПСС 10, 415).

2. Особенности морфологии

Архаичные формы проявляются в употреблении полного окончания «-et» в 3-м лице ед. ч. настоящего времени у глаголов: zwinget, zeiget; а также в форме генитива местоимения «Dero» с архаичным «o» на конце в значении «Ваш». Употребление этого местоимения в письмах считалось особым знаком вежливости и расположения к адресату:

«Dero gehorsamster Diener M. Lomonosoff»³ (АПСС 11, 11).

3. Канцеляризмы.

Хронологическая отнесенность проявляется также в особенностях лексики. Характеризуют историчность идиолекта так называемые канцеляризмы (Kanzleideutsch), принятые сокращения и заимствования. В письмах Ломоносова встречается большое количество клишированных выражений, характерных для официальной корреспонденции XVIII века, напр. наречия «dannhero» — *затем, после этого* и «biß dato» — *до того времени*, к которым в словаре Й.-К. Аделунга дается примечание «употребляется исключительно в канцеляриях»:

«Dannhero ging ich nach Amsterdam, wo ich einige bekan[n]te Kaufleute von Archangel gefunden, welche mir die Rückreise nach Petersburg ohne Befehl vor zu nehmen gantz u[nd] gar abgerathen» (АПСС 10, 425);

«Weil aber biß dato der teutschen Schprache nicht mächtig bin gewesen, und jetzo etwas darin gethan, so habe mich in tieffer demuth erkühnen wollen Denenselben nicht nur meine unterthänigste Pflicht abzustatten, sondern auch die Erstlinge der teutschen Schprache auf zu opfern» (АПСС 10, 415).

³ Ваш покорнейший слуга — *перевод автора*.

4. Сокращения

В письмах и служебных документах Ломоносова встречаются немецкие сокращения (из 1500 лемм в разрабатываемом словаре 35 — сокращения). В административной и деловой корреспонденции немецких канцелярий употребление сокращений стало нормой в начале Средних веков: уже в каролингском минускуле разработана точная и довольно сложная система знаков для скорописи в виде титлов, нижних и верхних зачеркиваний, лигатур. Система немецких сокращений, которую употреблял в корреспонденции М. В. Ломоносов, окончательно сложилась в немецком языке к концу XVII века. Существовала традиция изучения моделей сокращений в рамках занятий немецким языком, поэтому во время учебы в Марбургском университете М. В. Ломоносов мог с ней ознакомиться. Как правило, сокращали по устойчивым моделям, среди сокращений доминировали инициальные аббревиатуры, например: E. F. G. → Ewer Fürsterliche Gnaden (Ваша Княжеская Милость) и усечения: herzl. → herzlich (сердечно). Образованный читатель XVIII века должен был уметь понимать сокращения и использовать их модели при письме. В Германии употребление сокращений в личных и деловых письмах в то время не служило целям экономии, а считалось признаком хорошей образованности их автора и знаком дипломатической вежливости. М. В. Ломоносов употреблял не произвольные модели, а сокращения, действительно принятые в немецкоязычной корреспонденции XVIII века.⁴

В письмах и канцелярских документах Германии XVIII века обращение к вышестоящим лицам оформлялось с помощью сокращения старой формы притяжательного местоимения *euer* — Ewer, Ewre и добавлением титула: Ew. Majestät, Ew. Excellenz,

⁴ Все устойчивые немецкие сокращения из документального наследия российского ученого на немецком языке можно найти в словаре «Abkürzungen aus Personalschriften des XVI. bis XVIII. Jahrhunderts» (Berlin, 2000).

Ew. Hoch-Edelgebohren (Ваше Величество, Ваше Превосходительство, Ваше Высокоблагородие). Сокращение Ew. (Ваше) встречается в письмах, написанных в разные годы Ломоносовым на немецком языке 54 раза (напр., в письмах И. Д. Шумахеру, 1 мая 1745 г., Я. Я. Штелину, 27 октября 1757 г.), и уже в «первом опыте познаний» на немецком, в письме к проф. Корфу в Петербург от 15.09.1737 г., в котором М. В. Ломоносов высказал свою благодарность за то, что ему «дозволено обучаться наукам в чужестранных академиях», и заверил президента в своей глубокой признательности и почтении к нему:

«Ew. Excellenz hohe Gnaden Bezeugungen, deren ich mich in der Zeit in tieffer Unterhänigkeit erinnere, haben mich schon längst aufgefo[r]dert Denenselben schriftlich den respect zu bezeugen» (АПСС 10, 415).

В некоторых письмах М. В. Ломоносова мог быть редуцирован сам почетный титул Ew. Exc. (*Euere Excellenz*), Ew. H. (*Euere Hochedelgeborene*), и даже титул императрицы Елизаветы Петровны имеет несколько условных сокращений: *Ihro K. M.*; *Ihro Kaiser. Majestät*, *Ihro Kaiserliche Maytt* (*Kaiserliche Majestät* — Ее Императорское Величество).

5. Заимствования

Несмотря на пуристические устремления немецких языковых обществ в XVIII веке, характерным признаком разговорного и письменного немецкого языка были латинские и французские заимствования, позволяющие определить хронологическую отнесенность. Эти ксенонимы характерны и для современного немецкого языка, т. е. не представляют собой исключительной особенности немецкого языка XVIII века, однако в немецких текстах М. В. Ломоносова латинизмы преимущественно встречаются еще в формах латинской морфологической парадигмы: *Chymie*, *Chymicis*, *Chymicum*, исчезнувшей в современном языке. Галлицизмы называют уже не существующие денотаты, т. е. историзмы: *Surtout*, *Camisol* (АПСС 10, 364).

6. Региональные и диалектные особенности

Хотя М. В. Ломоносов выучил немецкий язык в той форме, на которой говорили в университете г. Марбурга (так называемый литературный нововерхне немецкий, по классификации В. М. Жирмунского), в жизни вне стен университета он слышал гессенский диалект XVIII века, один из средневерхне немецких диалектов, некоторые особенности которого отразились и в его идиолекте. Так, числительное «zwölf» (двенадцать) М. В. Ломоносов употребляет в характерной для средненемецких диалектов делабиализированной форме «zwelf» (ö > e):

«Nun aber sind schon ohngefähr zwelf Wochen vergangen, da ich auf meines zweiten Briefs Antwort warte» (АПСС 10, 432).

В этом же примере мы видим и слово из соседних гессенскому верхне немецких диалектов: ohngefähr (ungefähr), с характерной для верхне немецких диалектов долгой гласной [o:] в приставке.

7. Терминология

Особенности немецкой терминологии горного дела XVIII века также маркируют отнесенность к языковым состояниям прошлого в идиолекте М. В. Ломоносова. Во время своей научной и практической стажировки в 1739–1740 годы. Михаил Васильевич посетил и упомянул около 20 горнодобывающих центров Германии, в районе Рудных гор, Гарца, Саксонии и Тюрингии, Гессена, а также осмотрел рудники Австрии и Богемии, где общался, в основном, с маркшейдерами, которых он называет «горные люди» (калька с нем. Bergleute). Как в разговорах с маркшейдерами в саксонском Гарце, так и при чтении немецких трудов по металлургии для написания своей работы «Первые основания горной науки» М. В. Ломоносов сталкивается с региональными и профессионально-жаргонными особенностями языка горняков. Саксонский диалект не всегда был понятен российскому студенту, выучившему немецкий в той форме,

на которой говорили в Гессене, так что кроме теоретических знаний по геологии, минералогии и добыче полезных ископаемых приходилось совершенствовать и терминологический лексикон. Ломоносов записывает многочисленные сведения, полученные от маркшейдеров: о саксонских опалах, о шпате, о руднике под названием «Вознесение Христово» (нем. «Christi Himmelfahrt»), в котором обнаружены неизвестной формы сталактиты, об увиденном им природном феномене около города Франкенберг, где на серебросодержащих рудах растут окаменевшие цветы и деревья с высоким содержанием серебра. Ломоносов заучивает немецкие термины: schalenförmiger Kobold — череповатый кобольд, Ertzen — руды, Wißmuth — висмут, Sinter — сталактит, «который зинтером горные люди в Германии называют» (АПСС 5, 421).

8. Образные средства

Выбор образных средств, на наш взгляд, также может служить имплицитным маркером хронологической отнесенности. Интересным представляется то, что в письмах Ломоносов может быть восторженным, благодарным, ироничным, но образные средства чаще всего появляются в контексте, связанном с возмущением или негодованием. Приведем только два примера метафор немецкого языка XVIII века. Так, в известном возмущенном неоконченном письме М. В. Ломоносова проф. Л. Эйлеру (1765 г.) типичная антропонимичная метафора XVIII века появляется при упоминании проф. Миллера «ein lebendiger Machiavel» — «сущий Макиавель», расхожая зоометафора XVIII века «Schoßhündchen» (комнатная собачка, которую дамы XVIII века обычно держали на коленях) появляется при упоминании С. Румовского, поддерживающего Тауберта:

«Sie wußten genug was Schumacher in Ansehung der Gelehrten für ein Schelm gewesen, und daß sein Lehrling, Schwieger-Sohn und Nachfolger noch ärger ist; daß Müller ein Ignorant und von den aller ersten Professoribus flagellum professorum genannt, ein lebendiger Machiavel und stetiger Stöhrer der Academischer Ruhe ist und

immer gewesen. <...> Und Sie haben doch ihre falsche Insinuationes in Ansehung des Taubertischen Schoßhündchen des Rumovsky nicht einsehen können (АПСС 10, 595–596).

Мы представили лишь небольшую часть тех сведений, которые авторский коллектив включит в словарь «М. В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века». В заключение заметим, что определение хронологической отнесенности, как одно из направлений лексикографической работы, призвано раскрыть индивидуальную неповторимость личности М. В. Ломоносова, сообщить новые и интересные факты о рецепции немецкой культуры в России XVIII века.

K. Manerova. German language of M. V. Lomonosov (Evidence from the chronological denotation of the idiolect of the Russian scientist).

German texts of M. V. Lomonosov (letters and official documents) contain interesting facts concerning linguistic adoption and familiarization of German culture and language by a representative of a foreign community. In these texts not only some linguistic features of the dialect speech in Germany (the modern state of Hessen and Baden-Württemberg), but also a reflection of the cultural peculiarity (or influence) of the German XVIII century can be revealed. The dictionary includes the discovering of the chronological denotation of lemmata, such as orthographic, regional and terminological features, the choice of the figures of speech.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*А. В. Волынская
(ИЛИ РАН)¹*

О КНИГЕ Б. ЗУБАКИНА «НОВОЕ И ЗАБЫТОЕ О ЛОМОНОСОВЕ»

Ключевые слова: Борис Михайлович Зубакин, литературоведение, краеведение, Ломоносов, биография Ломоносова, родина Ломоносова, поэзия Ломоносова, потомки Ломоносова.

Б. М. Зубакина (1894–1938) — поэт и философ Серебряного века. В 1929–1937 гг. он отбывал ссылку в Архангельском крае, где и собрал материал для книги «Новое и забытое о Ломоносове». Рукопись, хранившаяся у архангельских краеведов, опубликована только в 2011 г. в издательстве Архангельского университета. Издание содержит текст, вступительную статью о Б. Зубакине, указатель имен и приложения.

Рукопись книги Бориса Зубакина о Ломоносове долгое время хранилась в личном архиве известного краеведа, почетного жителя г. Архангельска Ксении Петровны Гемп. В последние годы своей жизни Ксения Петровна передала эту рукопись историку-архивисту В. А. Волынской с просьбой сохранить ее и лично подготовить к публикации. Многие годы В. А. Волынская собирала материалы о Б. М. Зубакине, изучала историю создания рукописи и готовила ее к изданию.

Борис Михайлович Зубакин (1894–1938) — интересная, но загадочная фигура своего времени². Потомок древнего дворянского рода, он был фигурой чрезвычайно одаренной: поэт

¹ Анна Владимировна Волынская, канд. филол. наук, доц., ст. науч. сотр. ИЛИ РАН.

² Подробно о Б. Зубакине см.: (Немировский, Уколова 1994).

и импровизатор, философ и археолог, художник и скульптор, масон и мистик. Первое и главное увлечение Зубакина — это мистические учения и религиозная философия. В 18 лет он создал собственную масонскую ложу «Свет звезд», которая потом объединилась с ложей розенкрейцеров. В учении масонов его привлекали стремление к справедливости и соблюдению высоких норм морали, полное отрицание собственности. Эти идеи, как считали Б. М. Зубакин и его сподвижники, способны были восстановить утраченную гармонию мира.

В 1916 году он получил два диплома — закрытого Института свободных искусств, организованного духовными отцами Ордена розенкрейцеров, и Московского археологического института. Диссертация, защищенная в Археологическом институте, позволила ему в 22 года (!) получить звание профессора и право преподавания в высших учебных заведениях.

Однако в том же году его призывают в армию. Для Зубакина начинается один из самых тяжелых периодов его жизни — несколько лет военной службы (в царской, потом в Красной армии), сначала на фронте, потом (по состоянию здоровья) в тылу, последний год он служил лектором в политпросвете ОГПУ в г. Смоленске («весь год голодал и холодал», — пишет он в одном из писем).

Осенью 1922 года ему, наконец, удается с помощью друзей перебраться в Москву. Но обустроить свою новую жизнь у Зубакина не получается — в декабре его арестовывают как профессора Московского археологического института, «контрреволюционной» организации, которая проповедует мир между угнетателями и угнетенными и занимается антисоветской деятельностью. Только через месяц с небольшим его выпускают на свободу.

Оставшись без средств к существованию, Зубакин начинает активно заниматься литературной деятельностью. По настоянию В. Я. Брюсова он соглашается на публичные выступления поэта-импровизатора: на любую заданную тему он, поражая слушателей, мгновенно сочинял и читал стихи. Современники

(в частности, Анастасия Цветаева) оставили яркие воспоминания об этих выступлениях. Зубакин дружил с С. Есениным в последние годы жизни последнего, состоял в переписке с М. Горьким, который тогда жил в Сорренто. Тогда же, в одном из писем, он впервые упоминает Ломоносова: «Спасибо Вам за Ломоносова! Люблю его с детства и до сих пор. И стихи его некоторые всё-таки замечательные! И обороты изумительно изящны — «изволила Елизавет». О нём в детстве писал стихи».

Повторно Б. М. Зубакин был арестован в августе 1929 года по обвинению в участии в нелегальном гипнотическом обществе в Москве и в распространении мистических идей. На этот раз Борис Михайлович постановлением Особого совещания был отправлен в ссылку в Архангельский край сроком на три года. Он отбывал ссылку в Архангельске, Холмогорах, селе Ломоносово. Это был один из самых плодотворных периодов в творческой жизни замечательного поэта и художника. Зубакин активно участвовал в культурной жизни города, в котором тогда проживало немало ссыльных художников, писателей, артистов. Во время пребывания в с. Ломоносово Зубакин написал книгу «Холмогорская резьба по кости. История и техника производства», опубликованную в Архангельске (1931 г.), а также книгу о Ломоносове.

По запросу в центральный архив ФСБ РФ в 2008 году был получен ответ, что Борис Михайлович Зубакин вновь был арестован 2 сентября 1937 года в г. Архангельске и по постановлению Судебной тройки при УНКВД СССР по Московской области от 26 января 1938 года, как организатор и руководитель «мистической фашистской повстанческой организации масонского направления» (без указания статьи), расстрелян в Москве 3 февраля 1938 года.

О своем труде Борис Михайлович писал в письме к В. Д. Бонч-Бруевичу:

«Я закончил исследование “Новое и забытое о Ломоносове”. Книгу взялся издавать Северный Краевой ОГИЗ, но “поднять” издание не смог. Я не согласился на сокращения и взял книгу

обратно. Хотел бы видеть ее поскорее напечатанной. В книге разделы: окружение Ломоносова на родине, опровержение ошибок, допущенных его биографами, влияние Ломоносова на поэтов (до Маяковского включительно), местные легенды о нем, результаты раскопок на месте его жилища, его реликвии, курьезы его биографов и почитателей» (Зубакин 1992: 93–94).

Сведения, собранные Зубакиным на родине М. В. Ломоносова от старожилов Курострова и Холмогор, включены им в тринадцать глав книги. Автор вступает в яростный спор со всевозможными «биографико-кропателями» М. В. Ломоносова, искажающими облик великого гения и неверно трактующими различные факты его жизни. Интересны рассуждения Зубакина о происхождении фамилии Ломоносов, о причинах побега юного помора в Москву («В этом поступке юного Михаила Васильевича справедливо видели обнаружение особо привлекательных черт его характера: упорства и настойчивости в достижении цели, любви к науке и способности все приносить в жертву во имя своего убеждения»).

Убедительно повествует автор о религиозных воззрениях молодого Ломоносова, о его «расколе» и «протестанстве» (глава IV). Известно, что юный Ломоносов не менее двух лет провёл со старообрядцами:

«Легкости» обращения Ломоносова в беспоповство несколько не противоречит (как это кажется некоторым биографам) то обстоятельство, что Михаилу Васильевичу был охоч в детстве читать в церкви и читал так хорошо <...> что его из зависти даже били (и бивали-то его как раз местные клиросные “начётчики”). Это ничему не мешает. “Поэтическая” натура Ломоносова восхищалась библейским образным языком» (Зубакин 2011: 44).

Зубакин пишет далее о сложных взаимоотношениях М. В. Ломоносова с православной церковью на протяжении всей его жизни, которое выражалось главным образом в насмешках поэта над невежеством священников и протестах против их антинаучных проповедей.

Пространно в главе V рукописи — «Родина Ломоносова и его связь с нею. Место, где был его дом» — Б. Зубакин вступает в спор с автором другой книги, «Родина Ломоносова», А. Н. Грандильевским по поводу прежде всего расположения дома родителей Ломоносова³. Также Борис Михайлович отмечает особенную даровитость местных уроженцев.

«Возможность самодеятельно участвовать в различных промыслах, путешествия по морю естественно расширяли кругозор. Народ вырастал здесь весьма даровитый. Неграмотный отец Ломоносова взял да и построил по заграничному образцу целый корабль-галиот. Какой-то неизвестный холмогорский подьячий Истомин Василий, не учась архитектуре, воздвигает великолепный по замыслу Холмогорский собор. Куростровские и ровдогорские крестьяне открывают корабельные верфи, становятся членами Вольного экономического общества и т. д.» (Зубакин 2011: 46).

В главе VI описываются вещи, связанные с пребыванием Ломоносова на его родине.

Большой интерес в книге Б. Зубакина представляют материалы VII главы «Ломоносов и Елизавета». Был ли Ломоносов «Певцом Императрицы»? Приведенная автором информация побуждает читателя к новому прочтению стихов М. Ломоносова и, естественно, к дополнительному изучению его жизни и творчества. Отмечая, что написание од, посвященных императрице, входило в круг служебных обязанностей Ломоносова, Зубакин отмечает особую пылкость од Ломоносова именно к Елизавете, которая, по мнению автора, является следствием особых чувств, которые Михайло Васильевич испытывал к Елизавете-женщине.

«Действительно, читая оды к Елизавете, видишь, что это вовсе не столько воспевание, вовсе не царицы Елизаветы, сколько восторг перед женщиной Елизаветой. Горячо и пылко влюбленный

³ Рукопись Грандильевского полностью издана недавно: (Грандильевский 2008).

в недоступную ему женщину человек водил этим пером <...> Всюду и всегда, даже после её смерти, перед ним прежде всего проносится обольстивший его красотою образ:

Богиня новыми лучами
Красуется окружена.
И звезды видит под ногами,
Светлее оных, как луна⁴.

Это уж вершина влюбленного восхищения и культа» (Зубакин 2011: 65).

В восьмой главе Б. Зубакин пишет о Ломоносове как о поэте и о влиянии, которое оказало творчество Ломоносова на Пушкина и других литераторов. Борис Михайлович говорит о «заимствованиях» из Ломоносова у более поздних авторов, имея в виду, конечно же, сильное влияние, которое оказал Михаил Васильевич на русскую литературу. Некоторые мысли Б. М. Зубакина могут показаться читателю неожиданными и даже спорными, но они выражают искреннюю любовь автора к великому поэту.

Красной нитью через всю книгу Зубакина проходит мысль о неразрывной связи Ломоносова со своей далекой родиной в течение всей жизни великого ученого.

Изучив историю Холмогор и особенности местных характеров, Б. Зубакин пришел к выводу, что «появление такого самородка, как Ломоносов, в здешней обстановке является вполне подготовленным, а не внезапным феноменом. Здешнее население имеет все предпосылки к созреванию самобытного и даровитого человека <...> Впечатления здешних мест прочно закрепились в памяти, в сознании Ломоносова <...> Многое из того, что написал и сочинил он впоследствии, обязано его здешней родине» (Зубакин 2011: 48).

Зубакин считает, что «всю жизнь Ломоносова сопровождают различные впечатления далекой родины, куда он постоянно порывался, да так и не успел приехать». Впечатления эти

⁴ «Ода императору Петру Федоровичу» (1761). Стихи Ломоносова цитируются по рукописи Зубакина <прим. ред.>.

отражаются не только на поэтическом творчестве Михаила Васильевича, но и в его научных трудах. Например, его теории о тепле и стуже, об образовании льдов, теории магнетизма и электричества (которым он объяснял и северные сияния); отсюда его работы и указания о необходимости установить путь в Индию через Северный Океан.

Вот как говорит сам Ломоносов, обращаясь к этим местам:

<...> К любезным берегам полных белых вод <...>
О, коль ты счастлива, великая Двина, ...
Ты тем всех выше рек, что устьями своими,
Сливаясь в сонм един со безднами морскими,
Открыла посреде играющих валов
Других всех прежде струй пучине зрак Петров.
О холмы красные и острова зелёны»⁵ (АПСС 8, 700).

Местному языку, по мнению Зубакина, обязана «словесная его образность и богатые особенности его речи». Так, например, описывая девушек-лопарок, Ломоносов говорит: «Мне их видеть нагих случалось и белизне их дивиться, которою оне самую свежую треску превосходят» (Зубакин 2011: 49)⁶. И далее: «Разумеется, необычайное сравнение девичьей белизны со свежей треской в устах поэта и писателя могло родиться только в силу особенностей его родины. Нередко в научных своих сочинениях Ломоносов вводит слова местного говора (например, «матерая земля», как и доньше говорят куростровцы о противоположном их острову берегу)» (там же).

Описывая (в гл. X) историю рода Ломоносовых, Зубакин отмечает, что «“родовой корень” качеств и характера, типичных для семьи Ломоносова, явление наследственной одаренности, нас может интересовать лишь как яркое выражение общих сил, накапливаемых данной замкнутой средой». Описывая судьбы потомков великого ученого, автор находит среди них множество

⁵ Героическая поэма «Петр Великий» (1761).

⁶ М. В. Ломоносов. Замечания на первый том «Истории российской империи при Петре Великом» Вольтера (1760).

одаренных, необычных людей, так же, как их предок, стремившихся вырваться из обычной среды, «переключить свою природную классовую обусловленность на иную».

Глава XI — «Живой облик Ломоносова» — содержит собранные Зубакиным отдельные воспоминания современников о Михаиле Васильевиче, самыми трогательными из которых являются воспоминания его родных и земляков, например, рассказы племянницы Ломоносова, Матрены Головиной (записанные в свое время литератором П. Свиньиным), жившей какое-то время у Ломоносова в Петербурге. «В особенности словоохотно рассказывает она о гостеприимстве Михайла Васильевича, когда на широком крыльце накрывался дубовый стол и сын Севера пировал до поздней ночи с веселыми земляками своими, приходившими из Архангельска на кораблях и привозившими ему обыкновенно в подарок моченой морошки и сельдей». «Матрена Евсеевна играла на сих банкетах немаловажную роль, ибо, несмотря на молодые лета свои, заведывала погребом, а потому хлопот и беготни ей было немало <...> Точно так же в жаркие летние дни, когда дядюшка, обложенный книгами и бумагами, писал с утра до вечера в беседке, ей приходилось бегать в западню за пивом, ибо дядюшка жаловал напиток сей прямо со льду» (Зубакин 2011: 104).

В последних главах книги автор рассказывает о памятниках, возведенных на родине Ломоносова и о легендах, сохранившихся здесь до сих пор. Некоторые из них кажутся довольно курьезными. Вот записанная в 1868 году А. Михайловым легенда: «Человек этот тучи рукою отводил, противу божия повеления, значит, шел; вот бог-от его за то и наказал: камнем нос ему перешиб. Потому, значит, и Ломоносовым прозывается». Интересна также запись Ефименко (1868 г.): «Однажды, когда над Петербургом нависла грозная туча, императрица Екатерина II приказала Ломоносову отвести эту тучу. Ломоносов долго отказывался: “Что это, де, не по силам его”. Наконец, послушался. Как только стал отводить тучу, разразилась гроза и убила его». Приведенная легенда весьма любопытна, она подчеркивает то,

что было записано Михайловым, и дает своеобразную передачу подлинных биографических моментов: занятий Ломоносова атмосферическим электричеством, попытки его отводить грозовую молнию, ознаменовавшиеся гибелью его друга (проф. Г. В. Рихмана в 1753 г.).

Заканчивает Зубакин свою рукопись описанием тяжелых последних дней Ломоносова и его всегдашней обращенности к милому Северу: «Еще за месяц до своей кончины, одинокий и надорванный, перед тем, как простуда окончательно заставила его слечь, Ломоносов, оставаясь до конца гуманистом и литератором, пишет к себе на родину милое, шутливое, нежное и заботливое письмо к своей сестре “на Матигорах” (Зубакин 2011: 121).

В своей одинокости и оторванности от всего ему родного, покинутый в веке отшумевших знамен Елизаветы, он до последних минут не забывает своей далекой родины, ее нуждающихся в свете и песне селах, хотя и говоря его великолепными словами, обращенными к Северу и к Елизавете,

<...> всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена <...>⁷ (Зубакин 2011: 122).

Книга Б. М. Зубакина «Новое и забытое о Ломоносове» вышла в 2011 году в издательстве Северного (Арктического) федерального университета (Зубакин 2011). Помимо текста автора книга включает вступительную статью историка-архивиста В. А. Волынской о Зубакине, именной указатель к тексту, приложение (стихи Зубакина, отрывки из его переписки с М. Горьким, его статьи и воспоминания о нем), а также некоторые фотографии, которые частично восполняют утраченные иллюстрации автора.

⁷ «Ода на день восшествия на всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года».

A. Volynskaya. On the book by B. M. Zubakin «New and forgotten about Lomonosov».

Supplement devoted to B. M. Zubakin (1894–1938) — the poet, the philosopher, the sculptor, the mason and the mystic. In 1929–1937 he lived in exile in Arkhangelsk where collected a material for the original and interesting book — «New and forgotten about Lomonosov». The data collected by Zubakin from old residents of Kurostrov and Holmogor, are included by it in 13 chapters of the book. The author concerns many questions of the biography of Lomonosov. B. Zubakin's manuscript wasn't published while he was alive and long time was considered as the lost. Now it is published in University publishing house (Arkhangelsk) and contains the manuscript text, the introductory article about Boris Zubakin (by the Arkhangelsk scientist-regional specialist V. A. Volynskaya), the index of names and the Appendix.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Амвросий 1791 — *Амвросий (Серебрянников)*. Краткое руководство к оратории российской. М., 1791.
2. АПСС — *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л., 1950–1959, 1983.
 - Т. 1: Труды по физике и химии, 1738–1746 гг. М.; Л., 1950.
 - Т. 2: Труды по физике и химии, 1747–1752 гг. М.; Л., 1951.
 - Т. 3: Труды по физике 1753–1765 гг. М.; Л., 1952.
 - Т. 4: Труды по физике, астрономии и приборостроению, 1744–1765 гг. М.; Л., 1955.
 - Т. 5: Труды по минералогии, металлургии и горному делу, 1741–1763 гг. М.; Л., 1954.
 - Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. М.; Л., 1952.
 - Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.; Л., 1952.
 - Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л., 1959.
 - Т. 9: Служебные документы, 1742–1765 гг. М.; Л., 1955.
 - Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л., 1952.
 - Т. 11: Письма. Переводы. Стихотворения. Указатели. Л., 1983.
3. АПСС² — *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; СПб., 2011–2012.
 - Т. 1: Труды по физике, химии и технике, 1738–1746 гг. М.; СПб., 2011.
 - Т. 2: Труды по физике и химии, 1747–1752 гг. М.; СПб., 2011.
 - Т. 3: Труды по физике 1753–1765 гг. М.; СПб., 2011.
 - Т. 4: Труды по физике, астрономии, теории корабля и приборостроению, 1744–1765 гг. М.; СПб., 2011.
 - Т. 5: Труды по минералогии, металлургии и горному делу, 1741–1763 гг. М.; СПб., 2011.
 - Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. М.; СПб., 2011.
 - Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.; СПб., 2011.
 - Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764 гг. М.; СПб., 2011.
 - Т. 9: Служебные документы, 1742–1765 гг. М.; СПб., 2012.
 - Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; СПб., 2012.
4. Аннушкин 2002 — *Усачев Михаил*. Риторика (1699) // Аннушкин В. И. История русской риторики: хрестоматия. М., 2002. С. 79–86.

5. Аристотель 1976 — *Аристотель*. Поэтика / пер. Бориса Тена. Київ, 1976.
6. Арно, Лансло 1991 — *Арно А., Лансло К.* Всеобщая рациональная грамматика. (Грамматика Пор-Рояля) / перевод с фр. Ю. С. Маслова и др. Л., 1991.
7. Базилевич 1756 — См.: *Basilevicz 1756*.
8. Барсов 1773 — [*Барсов Антон Алексеевич*]. Краткие правила российской грамматики, собранные из разных российских грамматик в пользу Обучающегося Юношества в Гимназиях Императорского Московского Университета. Печатаны при Императорском Московском Университете. М., 1773.
9. Барсов 1981 — *Барсов А. А.* Российская грамматика. М., 1981.
10. Библиотека 1767 — Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древней и средних времен. Ч. 1. СПб., 1767.
11. Блер 1791 — *Блер Х.* Опыт реторики. СПб., 1791.
12. Борн 1808 — *Борн И.* Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808.
13. Букварь 1704 — Букварь языка славенска, сиречь начало учения детемъ, хотящим[ъ] учиться чтению писаний. М., 1704 (экземпляр РНБ: VI.6.11).
14. Гальен де Сальморан 1785 — *Гальен де Сальморан К.* Краснословие или риторика в кратких правилах для всеобщего употребления. СПб., 1785.
15. Голиков 1838 — *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 1–15. М., 1837–1841.
16. Готтшед 1769 — Готтшедова немецкая грамматика, вновь исправленная, и для пользы и употребления российского юношества напечатанная вторым тиснением. СПб., 1769.
17. Греч 1760 — *Греч И. М.* Немецкая грамматика, сочиненная в пользу и употребление благородного юношества при Сухопутном шляхетском корпусе. СПб., 1760.
18. Греч 1819 — *Греч Н. И.* Учебная книга российской словесности: в 4 ч. Ч. I. СПб., 1819.
19. Давыдов 1837 — *Давыдов И. И.* Чтения о словесности. Курс 1-й: Введение. Язык. Речь. Слог. М., 1837.
20. Детская риторика 1787 — Детская риторика, или Благоразумный вития, к пользе и употреблению юношества сочиненная. М., 1787.

21. Довгалеvский 1973 — *Довгалеvський Митрофан*. Поетика (Сад поетичний) / перевод и примеч. В. П. Маслюка. Київ, 1973.
22. Исидор Севильский 2006 — *Исидор Севильский*. Этимологии, или Начала: в XX книгах: Семь свободных искусств / пер. с латин., статья, примеч. и указатели Л. А. Харитонова. СПб., 2006.
23. Касторий 1780 — [*Касторий*]. Надежный способ достичь совершенства в красноречии и прочих свободных науках. СПб., 1780.
24. Кошанский 1830 — *Кошанский Н. Ф.* Общая риторика. СПб., 1830.
25. Краткая риторика 1801 — Краткая риторика в пользу любящего российский слог юношества. СПб., 1801.
26. Кревьє 1767–1769 — *Кревьє Ж.-Б. Л.* История о римских императорах с Августа по Константина... / пер. с фр. В. Тредиаковский: в 4 т. СПб., 1767–1769.
27. Левитский 1812 — *Левитский И.* Курс российской словесности. Ч. 1. СПб., 1812.
28. Ломоносов 1759 — *Ломоносов М. В.* Собрание разных сочинений в стихах и в прозе. Кн. 2, в которой содержится Краткого Руководства к Красноречию разделение первое, состоящее из Риторики или общих правил Общего Красноречия, то есть Оратории и Поэзии: второе издание с сочинителевыми исправлениями. М., 1759.
29. Ломоносов 1873 — *Ломоносов М. В.* Труды по русской истории, общественно-политическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. Мнение Ломоносова о речи Мюллера «Происхождение народа и имени российского» // Пекарский П. П. История имп. Академии наук: в 2 т. Т. 2. СПб., 1873. С. 427–440, 897–903.
30. Максимов 1723 — *Максимов Ф.* Грамматика славенска в кратцѣ собраннаѣ в Грекославенской школьѣ яже въ великомѣ Новѣ градѣ при домѣ архіерейскомѣ. СПб., 1723 (экземпляр НБ СПбГУ: ЕП 3069).
31. МАН I — Материалы для истории Императорской Академии наук / сост. М. И. Сухомлинов. Т. 1–10. СПб., 1885–1900. Т. 1 (1885).
32. МАН II — Материалы для истории Императорской Академии наук / сост. М. И. Сухомлинов. Т. 1–10. СПб., 1885–1900. Т. 2 (1886).
33. МАН V — Материалы для истории Императорской Академии наук / сост. М. Т. Сухомлинов. Т. 1–10. СПб., 1885–1900. Т. 5 (1889).
34. МАН VI — Материалы для истории Императорской Академии наук / сост. М. И. Сухомлинов. Т. 1–10. СПб., 1885–1900. Т. 6 (1890).

35. МАН VII — Материалы для истории Императорской Академии наук / сост. М. И. Сухомлинов. Т. 1–10. СПб., 1885–1900. Т. 7 (1895).
36. МАН IX — Материалы для истории Императорской Академии наук / сост. М. И. Сухомлинов. Т. 1–10. СПб., 1885–1900. Т. 9 (1897).
37. МАН X — Материалы для истории Императорской Академии наук / сост. М. И. Сухомлинов. Т. 1–10. СПб., 1885–1900. Т. 10 (1900).
38. Могилевский 1817 — *Могилевский А.* Российская риторика. Харьков, 1817.
39. Наставления 1764 — Наставления по риторике на примерах из лагинских авторов... Вологодская семинария. 1764 // РГБ. Великоустюжское собрание. Ф. 122, № 14.
40. Никольский 1790 — [*Никольский А. С.*] Логика и риторика, кратким и для детского возраста удобопонятным образом расположенные. СПб., 1790.
41. Никольский 1817 — [*Никольский А. С.*] Краткая логика и риторика для учащихся в российских духовных училищах. М., 1817.
42. Петровская копия 2011 — Петровская копия Радзивилловской летописи как памятник издательской и редакторской деятельности середины XVIII в. / сост. Е. А. Савельева; отв. ред. В. П. Леонов. СПб., 2011.
43. Подшивалов 1796 — *Скворцов А.* [*Подшивалов В. С.*] Сокращенный курс русского слога. М., 1796.
44. Поликарпов 1701 — *Поликарпов Ф.* Букварь славенскими, греческими, римскими писменами... М., 1701 (экземпляр РНБ: VI.5.1).
45. Прокопович 1961 — *Прокопович Феофан.* Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961.
46. Прокопович 1979 — *Прокович Феофан.* Про риторичне мистецтво // *Філософські твори: в 3 т. Т. 1.* Київ, 1979. С. 103–507.
47. Пушкин 1949 — *Пушкин А. С.* О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 1–10. Т. 7: Критика и публицистика. М.; Л., 1949.
48. Рижский 1796 — *Рижский И. С.* Опыт риторики. СПб., 1796.
49. Риторика 1759 — Собрания разныхъ сочинений въ стихахъ и въ прозѣ коллежскаго совѣтника и профессора Михайла Ломоносова книга вторая, въ которой содержится Краткаго Руководства къ Краснорѣчію раздѣленіе первое, состоящее изъ РИТОРИКИ или общихъ правилъ обоего краснорѣчія, то есть Ораторіи и Поезій. Второе изданіе съ сочинителевыми исправлениями. Печатано при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 1759 года.

50. Роллен 1749–1762 — *Роллен Ш.* Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках / пер. с фр. В. Тредиаковский: в 10 т. СПб., 1749–1762.
51. Роллен 1761–1767 — *Роллен Ш.* Римская история от создания Рима до битвы Актийския, то есть по окончание Республики... / пер. с фр. В. Тредиаковский: в 16 т. СПб., 1761–1767.
52. Светов 1779 — [*Светов В. П.*]. Некоторые общие примечания о языке российском // Академические известия. 1779. Ч. III. Сентябрь. С. 77–91.
53. Сперанский 1844 — *Сперанский М. М.* Правила высшего красноречия. СПб., 1844.
54. Татищев 1962 — *Татищев В. Н.* История Российская: в 8 т. Т. 1. М.; Л., 1962.
55. Феоктист 1790 — [*Феоктист (Мочульский И.)*]. Словеснословие и песнопение, то есть грамматика, логика, риторика и поэзия в кратких правилах и примерах. М., 1790.
56. Феофан 1979 — *Прокопович Феофан.* Філософські твори: В 3 т. Т. 1: Про риторичне мистецтво: Різні сентенції. Київ, 1979.
57. Цицерон 1962 — *Марк Тулий Цицерон* Речи: в 2 т. Т. 2: (62–43 гг. до н. э.). Издание подготовили В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1962.
58. Шишков 1824 — *Шишков А. С.* Собрание сочинений и переводов: в 17 ч. Ч. II. СПб., 1824.
59. Шишков 1825 — *Шишков А. С.* Собрание сочинений и переводов: в 17 ч. Ч. IV. СПб., 1825.
60. Шлецер 1875 — *Шлецер А. Л.* Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера им самим описанная. Пребывание и служба в России, от 1761 до 1765 г. // Известия о тогдашней русской литературе / перевод с нем. с примеч. и приложениями В. Кеневича. СПб., 1875.
61. Ювеналий 1804 — *Ювеналий (Смирнов).* Начальное учение риторическое. М., 1804.
62. Язвицкий 1810 — *Язвицкий Н. И.* Рассуждение о словесности вообще. СПб., 1810.
63. Якоб 1813 — *Якоб Л. Г.* Курс философии для гимназий российской империи. Ч. 6: Умозрение словесных искусств. СПб., 1813.
64. Adelung 1782 — *Adelung J. Ch.* Umständliches Lehrgebäude der Deutschen Sprache zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen: 2 Bände. Leipzig, 1782.
65. Adelung 1811 — *Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen. Mundart, 1811.*

66. Basilevicz 1756 — *Basilevicz Manuel*. Opus artis oratoriae... Смоленская коллегия. 1756 // РГБ. Ф. 733 (Смолен.), № 21.
67. Charmyntes 1713 — [*Charmyntes S.*] Die deutsche Grammatica / Aus Unterschiedenen Autoribus zusammengebracht / Und Der in Deutschland studierenden Rußischen Nation zum besten / In einem Compendio herausgegeben von Charmyntes. [Berlin], 1713.
68. Charpentier 1795 — *Charpentier [J.-B. J.]*. Éléments de la langue russe ou méthode courte et facile pour apprendre cette langue conformément à l'usage. St. Petersburg, 1795.
69. Chiflet 1700 — *Chiflet L.* Nouvelle et parfaite grammaire française. 6me ed. Paris, 1700.
70. Compendium grammaticae Russicae (1731) 2002 — Compendium grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache / hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit A. Huterer. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften in Kommission beim Verlag C. H. Beck. München, 2002.
71. Felbiger 1775 — [*Felbiger J. I. von*] Anleitung zur deutschen Sprachlehre. Zum Gebrauche der deutschen Schulen in den kaiserlich= königlichen Staaten. Wien, 1775.
72. Felbiger 1779 — [*Felbiger J. I. von*] Verbesserte Anleitung zur deutschen Sprachlehre. Zum Gebrauche der deutschen Schulen in den kaiserlichen königlichen Staaten. Wien, 1779.
73. Fons Castalius 1685 — Fons Castalius in duplicis rivulos solutam scilicet et ligatam orationem Kijovo-Mohileanis musis consecratus felici suspicio emanavit anno Domini 1685. Рукопись находится в Институте рукописи Национальной библиотеки им. В. И. Вернадского НАН Украины, шифр 656/446 С.
74. Gébelin 1773–1784 — *Gébelin C.* Monde Primitif: Analyse Et Comparé Avec Le Monde Moderne, Considéré dans L'Histoire Naturelle De La Parole; Ou Grammaire Universelle Et Comparative; Avec Des Figures En Taille-Douce / par M. Court De Gebelin, De la Société Economique de Berne, [et] à l'Acad. Royale de la Rochelle. Paris, 1773–1784.
75. Göttert 2010 — *Göttert K.-H.* Deutsch. Biografie einer Sprache: 4. Aufl. Berlin, 2010.
76. Gottsched 1748 — *Gottsched J. Ch.* Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst. Leipzig, 1748.
77. Gottsched 1752 — *Gottsched J. Chr.* Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst, und bey dieser dritten Auflage merklich vermehret von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig, 1752.

78. Gottsched 1762 — *Gottsched J. Ch.* Vollständigere und Neuerläuterte Deutsche Sprachkunst. Leipzig, 1762.
79. Lomonosow 1764 — *Lomonisow M.* Ruische Grammatik verfasst von Herrn Michael Lomonosow...aus dem Ruischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg, 1764.
80. Peplier 1689 — *Peplier J. R.* Grammaire Royale française & allemande : contenant Une Methode nouvelle & facile pour apprendre en peu de temps la langue française, Avec Une Nomenclature, des Dialogues nouveaux, Bouquet des Sentences, des Lettres & billets galants de ce temps // Königliche Frantzösch- und Teutsche Grammatic ... / écrite par Mr. Jean Robert des Pépliers, Informateur de Monseig. le Duc de Bourgogne. Gedruckt nach dem Parisischen Exemplar und zu finden bey Johann Völckern, Buchhändl. in Berlin, 1689.
81. Peplier 1736 — *Peplier J. R.* Nouvelle Et Parfaite Grammaire Royale Française Et Allemande. Neue und vollkommene Königliche Frantzösische Grammatica : Mit einem neu-eingerichteten Syntaxi Und verbesserten Wörter-Buch, manierlichen Gesprächen und zierlichen Redensarten, auserlesenen Sprüchen, curieusen und artigen Historien und sinnreichen Einfällen, anmuthigen und nach jetziger Zeit wohlgesetzten Briefen / Bishero unter dem Namen Hn. des Pepliers, Acad. Mitgliedes, vielmal herausgegeben, Anjetzo aber alles durchgehends aus des sinnreichen Frantzösischen Jesuiten, Hn. Buffier, und anderer gelehrter Anmerckungen Durch ein Mitglied der Königl. Preuß. Societät der Wissenschaften in Berlin, Aufs fleißigste verbessert, ... Und mit einem ... Titular-Buch des Königl. Preußischen Hofes vermehret Aufs neue übersehen und verbessert. Berlin, 1736.
82. Pontanus 1615 — *Pontanus I.* Institutio poetica / ed. septima, prioribus correctior, auctior... a N. Joannis Buchleri. Coloniae, 1615.
83. Restaut 1730 — *Restaut P.* Principes généraux et raisonnés de la grammaire française. Par Demandes & par Réponses, Dédiés à Monseigneur le Duc de Chartres. Paris, 1730.
84. Rhetorica 1766 — *Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus.* Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766 // РГБ. Ф. 312. № 78.
85. Rußische Grammatick, 1764 — Rußische Grammatick, verfaßet von Herrn Michael Lomonoßow; aus dem Rußischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg, 1764.
86. Sammlung 1732 — Sammlung Russischer Geschichte. St. Pbg., 1732. Bd. I. St. 1. Müller G. F. Nachricht von einem alten Mst. der Russischen Geschichte des Abtes Theodosii von Kiow. S. 1–26. Auszug Russischer Geschichte nach Anleitung des Chronici Theodosiani Kioviensis. [Перевод И. Паузе]. St. Pbg., 1733. Bd. I. St. 2. Fortsetzung des Auszuges Russischer Geschichte nach Anleitung des Chronici

- Theodosiani Kioviensis. S. 93–113. St. 3. Fortsetzung des Auszuges Russischer Geschichte nach Anleitung des Chronici Theodosiani Kioviensis. S. 171–195.
87. Schwanwitz 1730 — *Schwanwitz M.* Die Teutsche Grammatica. St. Petersburg, 1730, 1734, 1745, 1762, 1787, 1791.
88. Wolff 1733 — *Wolff Chr.* Christian Wolffens / Ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schriften / die er in deutscher Sprache von verschiedenen Theilen der Welt-Weisheit heraus gegeben: 2. Ausgabe. Frankfurter am Mayn, 1733.

Словари и справочники

1. Алексеев 1815 — *Алексеев П. А.* Церковный словарь. СПб., 1815.
2. Бабаева 2004 — Русско-французский словарь Антиоха Кантемира / вступ. статья и публикация Е. Э. Бабаевой. Т. 1–2. М., 2004.
3. БАС¹ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.
4. БАС² — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–21. М.; СПб., 2004–2013 (издание продолжается).
5. БЭС 1998 — Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 1998.
6. Карпеев 2001 — Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь / ред.-сост. Э. П. Карпеев. СПб., 2001.
7. Карпеев 2009 — Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь / сост. и автор Э. П. Карпеев: 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.
8. Лалетина, Хворостьянова 2010 — *Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В.* Словарь языка М. В. Ломоносова / гл. ред. акад. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 2: Метрико-строфический справочник к произведениям М. В. Ломоносова. СПб., 2010.
9. Леонтьев, Новикова 1989 — *Леонтьев В. В., Новикова К. А.* Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989.
10. Литературный энциклопедический словарь 1987 — Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М., 1987.
11. ЛСС — *Ильенко С. Г., Левина И. Н.* Лексико-синтаксический словарь русского языка: модели сложноподчиненного предложения. СПб., 2007.
12. Минералогия М. В. Ломоносова 2010 — Словарь языка М. В. Ломоносова / гл. ред. акад. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 5: Минералогия М. В. Ломоносова / А. А. Ветушко-Калевич, С. С. Волков, Н. Н. Казанский, Н. В. Карева, К. В. Манерова, М. Л. Сергеев, А. С. Смирнова, А. К. Филиппов. СПб, 2010.

13. Москвин 2007 — *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-на-Дону, 2007.
14. Новый словарь синонимов 1997 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 1997.
15. Остолопов 1821 — *Остолопов Н. Ф.* Словарь древней и новой поэзии: <в 3 ч.>. Т. 3. СПб., 1821.
16. Проект 1977 — Словарь русского языка XVIII века. Проект / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977.
17. САР¹ — Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.
18. САР² — Словарь Академии Российской, азбучным путем расположенный. Ч. I–VI. СПб., 1806–1822.
19. СК XVIII в. — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 1–5. М., 1962–1967, 1975.
20. Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка / под ред. А. Х. Востокова: в 4 т. СПб., 1847.
21. Сл. XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991. Вып. 7–19. СПб., 1992–2011.
22. Сл. РЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.
23. Словарь Достоевского 2001 — Словарь языка Достоевского. Лексический строй диалекта / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 2001.
24. Словарь рифм М. В. Ломоносова 2011 — *Волков С. С., Захарова Е. А., Лалетина О. С., Матвеев Е. М., Хворостьянова Е. В.* Словарь языка М. В. Ломоносова / гл. ред. акад. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 3–4. Словарь рифм М. В. Ломоносова. СПб., 2011.
25. Словарь рифм М. Ю. Лермонтова 1981 — Словарь рифм М. Ю. Лермонтова / под ред. В. В. Бородина, А. Я. Шайкевича // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 666–716.
26. Смотрицкий 1721 — *Смотрицкий М.* Грамматика / [с дополн. Ф. Поликарпова]. М., 1721 (экземпляр НБ СПбГУ: ЕП 4409).
27. СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1–5. СПб., 2004–2013.
28. Справочник по истории 1985 — Справочник по истории географических названий на побережье СССР. М., 1985.
29. Частотный словарь Засориной 1977 — Частотный словарь русского языка. Ок. 40000 слов / под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.

30. Частотный словарь НКРЯ 2009 — *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М., 2009.
31. Энциклопедия афоризмов 2007 — Энциклопедия афоризмов и мыслей великих людей / сост. А. Семёнов. М.; Донецк, 2007.
32. ЯПЛ 2007 — Язык писем М. В. Ломоносова: Материалы для словаря / К. Р. Галиуллин, Г. Н. Каримуллина, Р. Н. Каримуллина и др. Казань, 2007.

Научная литература

1. Абрамзон 2007 — *Абрамзон Т. Е.* Поэтические мифологии XVIII века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007.
2. Авеличев 1986 — *Авеличев А. К.* Возвращение риторики // *Общая риторика* / пер. с фр. Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон. М., 1986. С. 5–25.
3. Аверинцев 1996 — *Аверинцев С. С.* Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996. С. 107–112.
4. Аверинцев 2006 — *Аверинцев С. С.* Филология // *София-Логос: Словарь*. Киев, 2006. С. 452–562.
5. Акимова 1973 — *Акимова Г. Н.* Очерки по синтаксису М. В. Ломоносова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1973.
6. Алексеев 1982 — *Алексеев А. А.* Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского // *Литературный язык XVIII в. Проблемы стилистики*. Л., 1982. С. 86–128.
7. Алексеев 1992 — *Алексеев А. А.* Социолингвистические предпосылки нормативно-стилистической реформы Ломоносова // *Доломоносовский период русского литературного языка*. Стокгольм, 1992. С. 339–358.
8. Алексеева 2005 — *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.
9. Алексеева 2009 — *Алексеева Н. Ю.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозой в творчестве В. К. Тредиаковского и Сочинения и переводы как стихами, так и прозой В. К. Тредиаковского: история издания // *Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой*. СПб., 2009. С. 446–494.
10. Алисова 1971 — *Алисова Т. Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.
11. Андреев-Кривич 1960 — *Андреев-Кривич С. А.* Крестьянский сын Михайло Ломоносов. М., 1960.

12. Аннушкин 2003 — *Аннушкин В. И.* Русская риторика: исторический аспект. М., 2003.
13. Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
14. Арутюнян 2010 — *Арутюнян М. А.* Структура, семантика и прагматика стилистического приема «антономазия» на материалах немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
15. Балли 1955 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
16. Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М., 1979.
17. Безменова 1991 — *Безменова Н. А.* Очерки по теории и истории риторики. М., 1991.
18. Белов 1973 — *Белов М. И.* Подвиг Семена Дежнева. М., 1973.
19. Белозерская 1902 — *Белозерская Н. А.* Происхождение Екатерины Первой // Исторический Вестник. 1902. №1. С. 58–90.
20. Белошапкова 1981 — *Белошапкова В. А.* Синтаксис // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981. С. 363–552.
21. Бельский 1954 — *Бельский А. В.* Метафорическое употребление существительных (к вопросу о генитивных конструкциях) // Учен. зап. 1 МГПИИЯ. Т. VIII: Экспериментальная фонетика и психология речи. М., 1954.
22. Березина 1980 — *Березина О. Е.* Два тематических лексикона начала XVIII в. (сравнительная характеристика) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980.
23. Берсон 2005 — *Берсон Я.* Языковая трансформация русской оды (два «Хотина») // Русская филология. 10. Тарту, 1999. С. 20–27.
24. Билярский 1865 — *Билярский П. С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.
25. Блок, Макеева 1952 — *Блок Г. П., Макеева В. Н.* Примечания // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 790–800, 805–838.
26. Блок, Макеева, Сазонова 2011 — *Блок Г. П., Макеева В. П., Сазонова Л. И.* Примечания // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. СПб., 2011. С. 645–658, 662–718.
27. Блумфилд 1968 — *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
28. Богданов 1977 — *Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
29. Будилович 1871 — *Будилович А. С.* Ломоносов как писатель. СПб., 1871.

30. Буланин 1976 — *Буланин Л. Л.* Трудные вопросы морфологии. М., 1976.
31. Булич 1904 — *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. Т.1. СПб, 1904.
32. Бурькин 1999 — *Бурькин А. А.* Стилистические функции слов-этнонимов в русском языке XVIII века // *Виноградовские чтения. Когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике: Тезисы докладов науч. конф. (5 февраля 1999 года).* М., 1999. С. 12–13.
33. Бурькин 2002 — *Бурькин А. А.* Об истоках одного оригинального стилистического приема в стихотворении А. С. Пушкина «Памятник» // *Пушкин. Альманах. Магнитогорск, 2002. Вып. 3.* С. 152–157.
34. Бурькин 2004 — *Бурькин А. А.* Этноархеология острова Врангеля (Вопросы историографии) // *Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. трудов. Алматы; Омск, 2004. С. 14–15.*
35. Бурькин 2011 — *Бурькин А. А.* Иноязычная ономастика русских документов XVII–XIX веков, относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока, как исторический источник: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011.
36. Бухаркин 1992 — *Бухаркин П. Е.* Одическая поэзия М. В. Ломоносова // *Вестник С.-Петербур. ун-та. Сер. 2. 1992. Вып 2. С. 62–69.*
37. Бухаркин 2011 — *Бухаркин П. Е. М. В. Ломоносов в истории русского слова.* СПб., 2011.
38. Вежбицкая 1996 — *Вежбицкая А.* Русский язык // *Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 33–89.*
39. Векшин 2006 — *Векшин Г. В.* Очерк фоностилистики текста. М., 2006.
40. Виноградов 1935 — *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935.
41. Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык. М.; Л., 1947.
42. Виноградов 1978 — *Виноградов В. В.* История русских лингвистических учений. М., 1978
43. Виноградов 1982 — *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982.
44. Виноградов, Бархударов, Блок 1956 — *Виноградов В. В., Бархударов С. Г., Блок Г. П.* По поводу одной критической статьи: (Письмо в редакцию) // *Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1956. Т. XV, вып. 5. С. 469–472.*
45. Винокур 1927 — *Винокур Г.О.* Критика поэтического текста. М., 1927.

46. Винокур 2000 — *Винокур Г. О.* Введение в изучение филологических наук. М., 2000.
47. Винтер 1959 — *Винтер Э. И. В.* Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка // XVIII век. 1959. Вып. 4. С. 313–322.
48. Витгенштейн 1994 — *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч.1. М., 1994.
49. Власов, Московкин 2007 — *Власов С. В., Московкин Л. В.* Учебник русского языка для французов «Грамматика французская и русская» (1730) // Литературная культура XVIII века. СПб., 2007. Вып. 1. С. 40–56.
50. Власов, Московкин 2008 — *Власов С. В., Московкин Л. В.* Из истории создания учебников русского языка как иностранного в России: «Грамматика французская и русская...» (1730 год) // Мир русского слова. 2008. № 2. С. 82–90.
51. Власов, Московкин 2007 — *Власов С. В., Московкин Л. В.* Учебник русского языка для французов «Грамматика французская и русская» (1730) // Литературная культура XVIII века. СПб., 2007. Вып. 1. С. 40–56.
52. Волков 2009 — *Волков С. С.* О Словаре языка М. В. Ломоносова // Рус. яз. в шк. 2009. № 4. С. 82–83.
53. Волков 2012 — *Волков С.С.* Трехязычный «Словарь языка М. В. Ломоносова»: итоги и перспективы // Вестник РГНФ. 2012. № 3 (68). С. 98–106.
54. Вомперский 1969 — *Вомперский В. П.* Неизвестная грамматика русского языка И. С. Горлицкого 1730 г. // Вопросы языкознания. 1969. № 3. С. 125–131.
55. Вомперский 1970 — *Вомперский В. П.* Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех штилей. М., 1970.
56. Вомперский 1988¹ — *Вомперский В. П.* Риторика в России XVII–XVIII вв. М., 1988.
57. Вомперский 1988² — *Вомперский В. П.* К истории создания «Предисловия о пользе книг церковных в российском языке» М. В. Ломоносова // Русистика сегодня: язык: система и ее функционирование. М., 1988. С. 209–218.
58. Востоков 1865 — *Востоков А. Х.* Филологические наблюдения Востокова. СПб., 1865.
59. Галич 1830 — *Галич А.* Теория красноречия для всех видов прозаических сочинений. СПб., 1830.
60. Георгиевский 1835 — *Георгиевский П. Е.* Руководство к изучению русской словесности. СПб., 1835.

61. Гнучева 1946 — *Гнучева В. Ф.* Географический департамент Академии Наук XVIII в. / под. ред. А. И. Андреева; отв. ред. Г. А. Князев. Вып. 6. М.; Л., 1946.
62. Горшкова, Хабургаев 1981 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
63. Грабович 1997 — *Грабович Гр.* До історії української літератури. Київ, 1997.
64. Грамматика-70 — Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970.
65. Грандилевский 2008 — *Грандилевский А. Н.* Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея от рождения сего первого русского ученого. Архангельск, 2008.
66. Грот 1899 — *Грот Я. К.* Филологические разыскания. Т II. СПб., 1899.
67. Гуковский 2001 — *Гуковский Г. А.* Ломоносов, Сумароков, школа Сумарокова // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 40–71.
68. Давыдов 1855 — *Давыдов И. И.* Предисловие к «Грамматике русского языка» акад. М. В. Ломоносова 1755 г. СПб., 1855.
69. Двинятин 2008 — *Двинятин Ф. Н.* Вторая кульминация генетивной поэтики. Маяковский // Дело авангарда. The Case of the Avant-Garde. Amsterdam, 2008. С. 81–111.
70. Двинятин 2012 — *Двинятин Ф. Н.* Беспредложный творительный в поэтическом тексте П. Филонова: структура текста и «мерцание» семантики // Russian Literature. Vol. 71, Iss. 3–4 (1 April — 15 May 2012). P. 313–328.
71. Дерюгин 1985 — *Дерюгин А. А.* В. К. Третьяковский — переводчик: Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985.
72. Дополнения 1851 — Дополнения к актам историческим. Т. IV. СПб., 1851.
73. Ефимов 1948 — *Ефимов А. В.* Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.
74. Живов 1996 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
75. Живов, Кайперт 1996 — *Живов В. М., Кайперт Г.* О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского // Вопросы языкознания. 1996. № 6. С. 3–28.
76. Живов, Успенский 1984 — *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII веков // Античность и культура в искусстве последующих веков. М., 1984. С. 204–285.

77. Жолковский 2000 — *Жолковский А. К.* Бродский и инфинитивное письмо // Новое литературное обозрение. М., 2000. № 45. С. 187–198.
78. Жолковский 2002 — *Жолковский А. К.* К проблеме инфинитивной поэзии: об интертекстуальном фоне стихотворения С. Гандлевского «Устроиться на автобазу...» // Изв. Академии наук. Сер. лит. и яз. 2002. Т. 61, № 1. С. 34–42.
79. Жолковский 2005 — *Жолковский А. К.* Избранные статьи о русской поэзии. М., 2005.
80. Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
81. Западов 1979 — *Западов А. В.* Поэты XVIII века: М. В. Ломоносов. Г. Р. Державин. М., 1979.
82. Зелинский 1902 — *Зелинский Ф. Ф.* Филология // Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1902. Т. 35-а. С. 811–816.
83. Золотова 1982 — *Золотова Г. Н.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
84. Зубакин 1992 — *Борис Зубакин.* Стихи и письма (вступительная статья, публикация писем и примечания А. И. Немировского) // Новый мир. 1992. №7. С. 91–116.
85. Зубакин 2011 — *Зубакин Б. Н.* Новое и забытое о Ломоносове. Архангельск, 2011.
86. Ильенко 1964 — *Ильенко С. Г.* Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1964.
87. Ильенко 1973 — *Ильенко С. Г.* О лингвистических основах школьного курса синтаксиса // Обучение русскому языку в 7–8 классах. М., 1973. С. 6–36.
88. Ильенко 1975 — *Ильенко С. Г.* Персонализация как важнейшая сторона категории предикативности // Ильенко С. Г. Русистика: Избранные труды. СПб., 2003. С. 19–25 (1975).
89. Ильенко, Левина 2007 — *Ильенко С. Г., Левина И. Н.* Лексико-синтаксический словарь русского языка: Модели сложноподчиненного предложения. СПб., 2007.
90. Исаченко 1968 — *Исаченко А. В.* Ломоносов и теория стилей // Československá rusistika. 1968. XIII/3. С. 147–150.
91. Кадлубовский 1908 — *Кадлубовский А. П.* Об источниках ломоносовского учения о трех стилях // Почесть: сб. статей по славяноведению, посв. проф. М. С. Дринову. Харьков, 1908. С. 83–89.

92. Кайперт 1995 — *Кайперт Г.* Церковные книги в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» М. В. Ломоносова // Русистика сегодня. 1995. № 4. С. 31–46.
93. Кайперт 2008 — *Кайперт Г.* Грамматика и теология: по поводу языка-объекта славянского «Трактата о восьми частях слова» // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 79–97.
94. Камынина 1999 — *Камынина А. А.* Современный русский язык. Морфология. М., 1999.
95. Караулов 2010 — *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2010.
96. Караулов, Гинзбург 2001 — *Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л.* Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / гл. ред. Ю. Н. Караулов М., 2001. С. IX–LXIII.
97. Карева 2011 — *Карева Н. В.* Наименования глагольных категорий в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.
98. Карева, Матвеев 2013 — *Карева Н. В., Матвеев Е. М.* Научная конференция «Филологическое наследие М. В. Ломоносова» // ЯЛИК (Язык. Литература. История. Культура): науч. бюллетень. 2013. № 86. С. 3–5.
99. Каталог 2011 — Каталог книг личной библиотеки М. В. Ломоносова. СПб., 2011.
100. Ключевский 1989 — *Ключевской В. О.* Лекции по русской историографии // Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. Т. 7. М., 1989. С. 197.
101. Ковтунова 1969 — *Ковтунова И. И.* Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. М., 1969.
102. Кодухов 1966 — *Кодухов В. И.* Сложноподчиненное предложение в русском литературном языке второй половины XVIII века: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1966.
103. Копанев 1983 — *Копанев Н. А.* Распространение иностранной книги в Петербурге в первой половине XVIII века // Русские книги и библиотеки в XVI–первой половине XIX века. Л., 1983. С. 38–53.
104. Коровин 1961 — *Коровин Г. М.* Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961.
105. Кочеткова 1987 — *Кочеткова Н. Д.* Ломоносов в оценке русских писателей-сентименталистов // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 267–279.
106. Краткий обзор 1998 — Краткий обзор результатов научных изысканий Бориса Петровича Полевого. СПб., 1998.
107. Крехотень 1963 — *Крехотень В. І.* Байки в українській літературі XVII–XVIII ст. Київ, 1963.

108. Крекотень 1981 — *Крекотень В. І.* Київська поетика 1637 року // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI–XVIII ст. Київ, 1981. С. 125–154.
109. Крючков, Максимов 1960 — *Крючков С. Е., Максимов Л. Ю.* Типы сложноподчиненных предложений с придаточной частью, относящейся к одному слову или словосочетанию главной части // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 12–21.
110. Кузнецов 1953 — *Кузнецов П. С. М. В. Ломоносов.* Полное собрание сочинений. Т. 7. Лингвистический обзор // Вопросы языкознания. 1953. № 6. С. 116.
111. Кузьмина 1954 — *Кузьмина И. Б.* Употребление глагольных форм в побудительных предложениях в русском языке XI–XVII вв. // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1954. Т. V. С. 81–138.
112. Кусков 1966 — *Кусков В. П.* Был ли Федот Попов на Камчатке? // Вопросы географии Камчатки. 1966. Вып. 4. С. 94–100.
113. Куник 1865 — *Куник А. А.* Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Часть II. СПб., 1865.
114. Кутина 1980 — *Кутина Л. Л.* Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 70–89.
115. Лагутина 2003 — *Лагутина И. Н.* Аллегория // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003. С. 27.
116. Ларин 2002 — *Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков / отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2002.
117. Лебедева 2005 — *Лебедева И. Н.* Библиотека Петра I: Описание рукописных книг. СПб., 2005.
118. Левин 1964 — *Левин В. Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. (Лексика). М., 1964.
119. Лемешев 2013 — *Лемешев К. Н.* К вопросу об источниках «Риторики» М. В. Ломоносова // Русская литература. 2013. № 3. 107–122.
120. Леонов, Савельева 2011 — *Леонов В. П., Савельева Е. А.* Пометы Ломоносова на рукописных книгах Библиотеки Академии наук // Новое о Ломоносове: к 300-летию со дня рождения. М., 2011. С. 242–251.
121. Летопись 1961 — Летопись жизни и творчества Ломоносова / сост. В. Л. Ченакал, Г. А. Андреева, Г. Е. Павлова, Н. В. Соколова; под ред. А. В. Топчиева, Н. А. Фигуровского, В. Л. Ченакала. М.; Л., 1961.
122. Либуркин 2000 — *Либуркин. Д. Л.* Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII — первая половина XVIII века. М., 2000.

123. Лихачев 1962 — *Лихачев Д. С.* Текстология на материале русской литературы X–XVII веков. М.; Л., 1962.
124. Лихачев 1964 — *Лихачев Д. С.* Текстология: Краткий очерк. М.; Л., 1964
125. Лосев 1995 — *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.
126. Лотман 1958 — *Лотман Ю. М.* К вопросу о том, какими языками владел М. В. Ломоносов // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 460–462.
127. Лотман, Толстой, Успенский 1981 — *Лотман Ю. М., Толстой Н. И., Успенский Б. А.* Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII века // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 312–324.
128. Макеева 1961 — *Макеева В. Н.* История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961.
129. Малиновский 1816 — *Малиновский Ф.* Правила красноречия, в систематический порядок науки приведенные и сократовым способом расположенные. СПб., 1816.
130. Марусенко 1990 — *Марусенко М. А.* Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами теории распознавания образов. Л., 1990.
131. Маслюк 1983 — *Маслюк В. П.* Латиномовні поетики і риторики XVII — першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні. Київ, 1983.
132. Мейнерс 1803 — *Мейнерс К.* Главное начертание теории и истории изящных искусств. Ч. 2. М., 1803.
133. Мерзляков 1809 — *Мерзляков А. Ф.* Краткая риторика, или правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. М., 1809.
134. Миллер 1749 — *Миллер Г. Ф.* Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749.
135. Миллер 1996 — *Миллер Г. Ф.* Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных // Миллер Г. Сочинения по истории России. М., 1996. С. 19–126.
136. Михайлов 1997 — *Михайлов А. В.* Поэтика барокко и завершение риторической эпохи // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997.
137. Михальчи 1969 — *Михальчи Д. Е.* Славяно-русская грамматика Иогана Вернера Паузе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1969.

138. Модзалевский 1937 — Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание / сост. Л. Б. Модзалевский; под ред. Г. А. Князева; авт. предисловия Б. Н. Меншуткин. М.; Л., 1937.
139. Моисеева 1971 — *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.
140. Молчан 1984 — *Молчан А. В.* Неморфологизованные средства выражения побуждения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1984.
141. Морозов 1956 — *Морозов А. А.* Последняя воля Ломоносова // Звезда. 1956. № 4. 167–172.
142. Муравьев 1783 — [*Муравьев М. Н.*] Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого, надутого // Опыт трудов Вольного Российского собрания при Московском университете. М., 1783. Ч. VI. С. 1–24.
143. Муратов 1993 — *Муратов А. Б.* Об университетском филологическом образовании // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 1993. Сер. «История. Языкознание. Литературоведение». Вып. 2. С. 95–100.
144. Муратов 1996 — *Муратов А. Б.* О сложности филологических изучений // Разные грани единой науки: Ученые — молодым славистам. СПб., 1996. С. 89–99.
145. Мурзанова 1956 — *Мурзанова М. Н.* Первые фонды рукописных книг Академической библиотеки; к истории библиотеки Петра I // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1956. Вып. 1. С. 5–142.
146. Німчук (изд.) 1980 — *Зизаній Л.* Граматика словенська (1596): факсим. вид. / подг. В. В. Німчук. Київ, 1980.
147. Немировский 1983 — *Немировский Е. Л.* Острожская азбука Ивана Федорова. Исследование. Словоуказатель. М., 1983.
148. Немировский 1985 — *Немировский Е. Л.* Иван Федоров: около 1510–1582. М., 1985.
149. Немировский, Уколова 1994 — *Немировский А. И., Уколова В. И.* Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994.
150. Николаев 1988 — *Николаев С. И.* Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 162–172.
151. Николаева 2000 — *Николаева Е. А.* Концессивно-модусные предположения с союзом-частицей ПУСТЬ/ПУСКАЙ в языке поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2000.
152. Обнорский 1940 — *Обнорский С. П.* Ломоносов и русский литературный язык // Изв. Академии наук Союза ССР / Bulletin de l'Académie des sciences de l'URSS, Отд. лит. и яз. / Classe des sciences littéraires et linguistiques, 1940. № 1. С. 53–64.

153. Осьминина 1989 — *Осьминина Р.* Кто открыл Камчатку? // Знание-сила. 1989. № 11. С. 57–63.
154. Пекарский 1862 — *Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом: в 2 т. Т. I. СПб., 1862.
155. Пекарский 1870 — *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге: в 2 т. Т. I. СПб., 1870.
156. Пекарский 1873 — *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге: в 2 т. Т. II. СПб., 1873.
157. Перцов 2008 — *Перцов Н. В.* О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 30–56.
158. Пиккио 1992 — *Пиккио Р.* «Предисловие о пользе книг церковных» М. В. Ломоносова как манифест русского конфессионального патриотизма // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана / отв. ред. А. Мальц. Тарту, 1992. С. 142–152.
159. Пильщиков, Шапир 2006 — *Пильщиков И. А., Шапир М. И.* Эволюция стилей в русской поэзии от Ломоносова до Пушкина (Набросок концепции) // Язык. Стих. Поэзия: Памяти М. Л. Гаспарова. М., 2006. С. 510–546.
160. Плаксин 1832 — *Плаксин В. Т.* Краткий курс словесности, приспособленный к прозаическим сочинениям. СПб., 1832.
161. Плунгян 2008 — *Плунгян В. А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.
162. Погосян 1997 — *Погосян Е. А.* Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997.
163. Полевой 1983 — *Полевой Б. П.* Загадка Федотовщины // Камчатка. Лит.-худ. сборник. Петропавловск-Камчатский, 1983. С. 161–171.
164. Поликарпов 2000 — *Поликарпов Ф.* Технология. Искусство грамматики / издание и исследование Е. Э. Бабаевой. СПб., 2000.
165. Поляков, Пильщиков, Бергельсон 2009 — *Поляков А. Е., Пильщиков И. А., Бергельсон М. Б.* Конкорданс к текстам Ломоносова — концепция и реализация // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М., 2009. С. 396–404.
166. Протоколы 1897 — Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. I: (1725–1743). СПб., 1897.

167. Пумпянский 2000 — *Пумпянский Л. В.* К истории русского классицизма [1923–24] // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. М., 2000. С. 30–157.
168. Рак 1975 — *Рак В. Д.* Возможный источник стихотворения М. В. Ломоносова «Случились вместе два астронома в пиру...» // XVIII век. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Сб. 10. Л., 1975. С. 217–219.
169. Рак 1986 — *Рак В. Д.* Российская грамматика М. В. Ломоносова и «Письмовник» Н. Г. Курганова // Ломоносов и книга. Л., 1986. С. 124–138.
170. Рамсей 1982 — *Рамсей Р.* Открытия, которых никогда не было. Л., 1982.
171. Рейсер 1978 — *Рейсер С. А.* Основы текстологии. Л., 1978.
172. Рогов 2010 — *Рогов К. Ю.* К генезису «высокого» одического ямба: об одном успешном опыте фальсификации истории российской словесности // Пермьяковский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 58–92.
173. Розанов 1915 — *Розанов В. В.* Труды М. В. Ломоносова // Новое время. 1915. № 14031 (4 апреля 1915 г.). С. 12.
174. Русская грамматика 1980 — *Русская грамматика.* М., 1980.
175. Русские мореходы 1952 — *Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах / сост. М. И. Белов.* М., 1952.
176. Сабанеева, Щерба 1990 — *Сабанеева М. К., Щерба Г. М.* Историческая грамматика французского языка. Л., 1990.
177. Савельева 2011 — *Савельева Е. А.* От составителя // Петровская копия Радзивиловской летописи как памятник редакторской и издательской деятельности середины XVIII в. СПб., 2011. С. 7–17.
178. Санников 2008 — *Санников В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.
179. Сахаров 1987 — *Сахаров В. И.* М. В. Ломоносов и полемика о «старом и новом слоге» (конец XVIII — начало XIX в.) // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 280–295.
180. Семантические типы предикатов 1982 — *Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова.* М., 1982.
181. Серман 1966 — *Серман И. З.* Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1966.
182. Серман 1973 — *Серман И. З.* Русский классицизм. Л., 1973.
183. Сивокінь 1960 — *Сивокінь Г. М.* Давні українські поетики. Х., 1960.

184. Синод 1878 — Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. II, ч. II (1722 г.). СПб., 1878.
185. Синод 1879 — Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. II, ч. I (1722 г.). СПб., 1879.
186. Синод 1885 — Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. VII (1727). СПб., 1885.
187. Складарская 2004 — *Складарская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 2004.
188. Смолицкий 2008 — *Смолицкий Г. А.* Шишков о Ломоносове: Чтение в «Беседе любителей русского слова» как программный документ // Новый филологический вестник. 2008. № 1. С. 21–30.
189. Сорокин 1999 — *Сорокин Ю. С.* Основные принципы и источники исторического словаря русского литературного языка // Очерки по исторической лексикологии русского языка. СПб., 1999. С. 29–39.
190. Степанов 2004 — *Степанов Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика) / под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2004.
191. Сухомлинов 1878 — *Сухомлинов М. И.* История российской академии. Вып. 4 // Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. Т.19. СПб., 1878.
192. Сухомлинов 1887 — История Российской Академии М. И. Сухомлинова. Выпуск восьмой и последний. СПб., 1887.
193. Сухомлинов 1895 — *Сухомлинов М. И.* Примечания // Ломоносов М. В. Сочинения: в 5 т. Т. 3. СПб., 1895. С. 18–562 (втор. паг.)
194. Сухомлинов 1898 — *Сухомлинов М. И.* Объяснительные примечания, варианты и приложения // Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова: в 5 т. Т. IV. СПб., 1898. Т. IV. С. 1–374 (3-я паг.).
195. Тарановский, Прохоров 2010 — *Тарановский К. Ф., Прохоров А. В.* К характеристике русского четырехстопного ямба XVII века: Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков [1982] // Словарь языка М. В. Ломоносова. Материалы к словарю языка М. В. Ломоносова. Исследования и материалы по стихосложению М. В. Ломоносова. СПб., 2010. Вып. 1. С. 78–120.
196. Тоболова 1993 — *Тоболова М. П.* Антон Алексеевич Барсов. М., 1993.
197. Токарев 1988 — *Токарев С. А.* Олицетворение // Мифы народов мира: энциклопедия; в 2 т. Т. 2. М., 1988.

198. Толмачев 1815 — *Толмачев Я. В.* Правила словесности, руководствующие от первых начал до высших совершенств красноречия: в 4 ч. Ч. 3. СПб., 1815.
199. Томашевский 1928 — *Томашевский Б. В.* Писатель и книга: очерк текстологии. Л., 1928.
200. Томашевский 1956 — *Томашевский Б. В.* Вопросы языка в творчестве Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 1. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 126–184.
201. Томашевский 1959 — *Томашевский Б. В.* Писатель и книга: Очерк текстологии. М., 1959.
202. Томашевский 1999 — *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М., 1999.
203. Топоров 2003 — *Топоров В. Н.* Два «Размышления» Ломоносова в контексте русской поэзии XVIII века // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика: к 50-летию научной деятельности И. И. Ковтуновой; сб. статей. М., 2003. С. 15–31.
204. Трофимук 2009 — *Трофимук М.* Поэтика эпохи Мазепи. Львів, 2009.
205. Тынянов 1977 — *Тынянов Ю. Н.* Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. Теория литературы. Кино. М., 1977. С. 227–252.
206. Успенский 1981 — *Успенский Б. А.* Предисловие к «Российской грамматике» Антона Алексеевича Барсова. М., 1981. С. 3–30.
207. Успенский 1985 — Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.
208. Успенский 1987 — *Sohier J.* Grammaire et Méthode Russes et Françaises. 1724 / факсимильное изд. под. ред. и с предисл. Б. А. Успенского. Vol. I–II. München, 1987.
209. Успенский 1989 — *Успенский Б. А.* Неизвестная грамматика петровской эпохи (грамматика Ивана Афанасьева 1725 г.) // *Russian Linguistics*. 1989. № 13. P. 221–244.
210. Успенский 1997 — *Успенский Б. А.* Доломоносовские грамматики русского языка (Итоги и перспективы) // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1997. Т. III: Общее и славянское языкознание. С. 437–573.
211. Филиппов 2011 — *Филиппов К. А.* К вопросу о ключевых словах европейского научного дискурса XVIII века // Поликодовая коммуникация: Лингвокультурные и дидактические аспекты: сб. науч. статей. СПб., 2011. С. 121–132.
212. Филлмор 1981 — *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. X. С. 369–496.

213. Хабургаев 1983 — *Хабургаев Г. А.* «Средний штиль» М. В. Ломоносова в контексте истории русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1983. № 3. С. 101–110.
214. Хазагеров, Ширина 1994 — *Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С.* Общая риторика: Курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов-на-Дону, 1994.
215. Черкасова 1973 — *Черкасова Е. Т.* Русские союзы неместоименного происхождения: Пути и способы их образования. М., 1973.
216. Чичерин 1977 — *Чичерин А. В.* Очерки по истории русского литературного стиля. М., 1977.
217. Чичерин 1985 — *Чичерин А. В.* Сила поэтического слова. М., 1985.
218. Шапир 1996 — *Шапир М. И.* У истоков русского четырехстопного ямба: генезис и эволюция ритма // *Philologica*. Т. 3, вып. 5–7 (1996). С. 69–101.
219. Шапир 1999 — *Шапир М. И.* О текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика) // Вопросы языкознания. 1999. № 5. С. 101–112.
220. Шведова 1969 — *Шведова Н. Ю.* О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» // Мысли о современном русском языке. М., 1969. С. 67–81.
221. Шмелева 1996 — *Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск, 1996.
222. Шощкая 2008 — *Шощкая Л. И.* Глагольная система русского литературного языка к середине XVIII века в зеркале языковой практики М. В. Ломоносова // Изв. Дагестан. гос. пед. ун-та. Обществ. и гуманитар. науки. 2008. № 1. С. 58–63.
223. Штейн, Брагинская 1977 — *Штейн А. Л., Брагинская Н. В.* Комментарии // Испанская эстетика: Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 1977.
224. Эйхенбаум 1962 — *Эйхенбаум Б. М.* Основы текстологии // Редактор и книга. М., 1962. Вып. 3. С. 80.
225. Якобсон 1983 — *Якобсон Р.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии [1961] // Семиотика. М., 1983. С. 462–482.
226. ADB = Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1875–1912.
227. Auburger 1985 — *Auburger L.* Russland und Europa. Die Beziehungen M. V. Lomonosovs zu Deutschland. Heidelberg, 1985.
228. Auerbach 2003 — *Auerbach I.* Der hessische Löwe und der russische Bär. Die Beziehungen zwischen Hessen-Kassel und Russland 16–20. Jahrhundert. Marburg, 2003.
229. Delfosse, Hinske 2007 — *Delfosse H. P., Hinske N.* Stellenindex und Konkordanz zu den «Bemerkungen zu den Beobachtungen über

- das Gefühl des Schönen und Erhabenen»: mit einem Index und einer Konkordanz zu den «Beobachtungen» selbst als Anhang. Frommann-Holzboog, 2007.
230. Dictionnaire de l'Académie française 2001 — Dictionnaire de l'Académie française. Les huit éditions originales de 1694 à 1935. Version 1.2. Paris, 2001.
 231. Durovič 1992 — *Durovič L.* Грамматика Академической гимназии // Доломоновский период русского литературного языка... (Материалы конференции на Фагерудде, 20–25 мая 1989 г.). Stockholm, 1992. С. 171–211.
 232. Durovič 1987 — *Durovič L.* Древнейший источник парадигматики современного русского литературного языка // *Russian Linguistics*. 1987. № 11. P. 255–278.
 233. Durovič 1994 — *Durovič L.* Издание фрагмента грамматики Й. Э. Глюка // *Russian Linguistics*. 1994. № 18. P. 185–195.
 234. Durovič 1995 — *Durovič L.* Sources of Gorlickij's Grammaire française et russe // *Acta Universitatis Stokholmiensis. Stockholm Slavic Studies*, 24. Stockholm, 1995. P. 51–61.
 235. Eggers 1986 — *Eggers H.* Deutsche Sprachgeschichte. Band 2. Das Frühneuhochdeutsche und das Neuhochdeutsche. Reinbek bei Hamburg, 1782.
 236. Florczak 1967 — *Florczak Z.* Udział regionów w kształtowaniu się piśmiennictwa polskiego XVI wieku: studium z zakresu socjologii pisarstwa. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967 (Studia staropolskie, t. XVII).
 237. Glück 1994 — *Glück J. E.* Grammatik der russischen Sprache. 1704 / hrsg. und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, B. Uspenskij und V. Zivov. Köln; Weimar; Wien, 1994.
 238. Helander 2001 — *Helander H.* Neo-Latin Studies: Significance and Prospects // *Symbolae Osloenses*. 2001. Vol. 76, № 1. P. 5–102.
 239. IJsewijn 1977 — *IJsewijn J.* Companion to Neo-Latin studies. 1. ed. Amsterdam, 1977.
 240. IJsewijn, Sacré 1998 — *IJsewijn J., Sacré D.* Companion to Neo-Latin Studies. Part II: Literary, Linguistic, Philological and Editorial Questions. 2nd entirely rewritten edition (Supplementa Humanistica Lovaniensia XIV). Leuven, 1998.
 241. Jacob 1814 — *Jacob L. H.* Allgemeine Grammatik verfasset zum Gebrauch in den Gymnasien des Russischen Reichs. Ausführliche Erklärung des Grundrisses der Allgemeinen Grammatik. Leipzig, 1814.
 242. Keipert 2004 — *Keipert H.* Russischlernen im 18. Jahrhundert // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Heidelberg, 2004 [2005]. Bd 63, 1. S. 71–95.

243. Keipert, Huterer (hrsg.) 2002 — *Keipert H., Huterer A. (hrsg.). Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache / herausgegeben von Helmut Keipert in Verbindung mit Andrea Huterer.* München, 2002.
244. Keipert, Uspenskij, Živov (hrsg.) 1994 — *Glück J. E. Grammatik der russischen Sprache (1704) / herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von Helmut Keipert, Boris Uspenskij und Viktor Živov.* Köln; Weimar; Wien, 1994.
245. KNLL = Kindlers Neues Literatur Lexikon. München, 1988–1992.
246. Koch 2002 — *Koch, Kristine. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts: ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen.* Berlin; New York, 2002.
247. Lenz 2002 — *Lenz R. Abkürzungen aus Personalschriften des XVI. bis XVIII. Jahrhunderts. Marburger Personalschriften-Forschungen.* Bd 35. 3. Aufl. Stuttgart, 2002.
248. Pietsch 1908 — *Pietsch P. Leibniz und die deutsche Sprache // Wissenschaftliche Beihefte zur Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins.* 4. Reihe, 1908. Heft 30. S. 313–356.
249. Roessler 1997 — *Roessler P. Die deutschen Grammatiken der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts in Österreich. Ein Beitrag zur Reform der deutschen Schriftsprache.* Frankfurt am Main, Berlin, New York, Paris, Wien, 1997.
250. Scheibert 1977 — *Scheibert P. Lomonosov, Christian Wolff und die Universität Marburg // Academia Marburgensis.* Bd 1. Marburg 1977, 231–240.
251. Schmidt 1984 — *Schmidt H. Einige Grundbegriffe von Johann Christoph Adelungs Sprachkonzept. // Sprache und Kulturentwicklung im Blickfeld der deutschen Spätaufklärung. Der Beitrag Johann Christoph Adelung / hrsg. von Werner Bahner.* Berlin, 1984. S. 135–144.
252. Schmücker-Breloer (hrsg.) 2001 — *Schmücker-Breloer M. (hrsg.) Grammatica Russica Hamburgensis. Kommentierte Edition der Handschrift Cod. slav. 9 der Staats- und Universitätsbibliothek Hamburg.* Köln; Weimar; Wien, 2001.
253. Słownik 1982 — *Słownik pisarzy antycznych / pod. red. A. Świderkówny.* Warszawa, 1982.
254. Unbegaun 1959 — *Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Rossica. Oxonii, 1696 / ed. by B.O. Unbegaun.* Oxford, 1959.
255. Unbegaun 1969 — *Unbegaun B. O. Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdr. der Ausg. von 1706, 1731 und 1750.* München, 1969.

256. Weismanns Petersburger Lexikon... 1982 — Weismanns Petersburger Lexikon von 1731. Specimina philologiae slavicae. Bd III. München, 1982.
257. Wiesinger 1985 — *Wiesinger P.* Die sprachlichen Verhältnisse und der Weg zur allgemeinen deutschen Schriftsprache in Österreich im 18. und frühen 19. Jahrhundert. // Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände, Methoden, Theorien / hrsg. Von Andreas Gardt, Klaus J. Mattheier, Oskar Reichmann. Tübingen, 1985. S. 319–367.
258. Wiesinger 2002 — *Wiesinger P.* Die Reform der deutschen Schriftsprache unter Maria Theresia. Ziele-Durchführung-Wirkung // Strukturwandel kultureller Praxis. Beiträge zu einer kulturwissenschaftlichen Sicht des theresianischen Zeitalters. Jahrbuch der Österreichischen Gesellschaft zur Erforschung des achtzehnten Jahrhunderts. 17. Band. Wien. 2002. S. 131–140.

Электронные ресурсы

1. Баварский кодекс 1753 — <http://www.koeblergerhard.de/Fontes/CJBJudiciarii1753.htm>
2. Летопись БРАН 2004 — Летопись Библиотеки Российской Академии наук (1714–1900). СПб., 2004. Т. 1. — http://www.ras.ru/editions/personalia18_19.pdf
3. Летопись Российской Академии наук. Т. 1: 1724–1802 / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. И. Брылевская, Ю. Х. Копелевич и др. СПб, 2000. — <http://www.ipme.nw.ru/mirrors/PRAN/history/chronicle.htm>
4. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat — <http://www.dissercat.com/content/naimenovaniya-glagolnykh-kategorii-v-rossiiskoi-grammatike-mv-lomonosova#ixzz2XdXfdSne>
5. Национальный корпус русского языка — ruscorpora.ru
6. Николаев, Осипов 1988 — *Николаев С. И., Осипов В. И.* Горлицкий Иван Сергеевич // Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 1. СПб., 1988. — <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=719>
7. ПГД 2000 — Протоколы географического департамента // Источники по истории астрономии в России XVIII века. Т. I. СПб, 2000. — <http://mikv1.narod.ru/text/Protokol2000.htm>
8. Шубин — *Шубин А.* Путь к успеху, как стать богатым. — http://www.syntone.ru/library/books/content/3001.html?current_book_page=all
9. Das Goethe-Wörterbuch — [http://www.gwb.uni-trier.de/Das Goethe Wörterbuch](http://www.gwb.uni-trier.de/Das_Goethe_Woerterbuch)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Adelung J. Ch. См. Аделунг И. К.
Adodurov V. E. См. Адодуров В. Е.
Adolphus I. P. См. Адольф И. П.
Albertis A. См. Альберти А.
Aldus. См. Мануций А.
Alexander Sophista. См. Александр (со-
фист)
Allatius L. См. Аллаций Л.
Antimachus M. A. См. Антимако М.
Aphthonius. См. Афтоний
Arsinus. См. Апсин
Aretinus L. См. Аретино Л.
Aristides. См. Аристид
Aristoteles. См. Аристотель
Arningius H. См. Арнинг Г.
Auburger L. См. Аубургер Л.
Auerbach I. 415, 460
Aurelianus (Lucius Domitius Aurelianus).
См.: Аврелиан (Луций Домиций Ав-
релиан)
Bahner W. 462
Balzacius J. L. См. Бальзак Ж. Л.
Bary R. См. Бари Р.
Basilevicz M. См. Базилевич М.
Beck C. H. 442
Beckerus G. См. Беккер Г.
Benius P. См. Бени П.
Benzius J. См. Бенц И.
Boileavius N. См. Буало Н.
Bonfinius A. См. Бонфини А.
Bouhours D. См. Буур Д.
Boxhornius M. Z. См. Боксгорн М. З.
Brutus (Marcus Junius Brutus) 33
Buchnerus A. См. Бухнер А.
Bukharkin P. См. Бухаркин П. Е.
Burykin A. См. Бурькин А. А.
Caesar (Gaius Iulius Caesar). См. Це-
зарь (Гай Юлий Цезарь)
Camerarius J. См. Камерарий И.
Campanella Th. См. Кампанелла Т.
Carolus V. См. Карл V
Caselius J. См. Кессель И.
Cataneus J. M. См.: Каттанео Дж. М.
Catullus (Gaius Valerius Catullus). См.
Катулл (Гай Валерий Катулл)
Causinus N. См. Коссен Н.
Charmyntes S. См. Шарминт С.
Charpentier J.-B. J. См. Шарпантье Ж.-
Б. Ж.
Cherdakov D. См. Чердаков Д. Н.
Chiflet L. 220, 442
Cicero (Marcus Tullius Cicero). См.
Цицерон (Марк Туллий Цицерон)
Clarkius J. См. Кларк Дж.
Corradus S. См. Коррадо С.
Cresollius L. См. Крезоль Л.
Curtius Quintus Curtius Rufus). См.
Курций
Cyrus. См. Кир (софист)
Dacerius A. См. Дасье А.
De Combles Ch. H. См. Декомбль Ш.
А.
de la Serda M. См. де ла Серда М.
Delfosse H. P. 416, 460
Demetrius Phalereus. См. Деметрий
Фалерский
Dionysius Halicarnasseus. См. Диони-
сий Галикарнасский
Djubo B. См. Дюбо Б. А.
Doletus S. См. Доле Э.
Dryazgova K. См. Дрязгова К. В.
Du Cygne M. См. дю Синь М.
Dudithius A. См. Дудич А.
Durovič L. См. Дюрович Л.
Dvinyatin F. См. Двинятин Ф. Н.
Eggers H. См. Эгерс Х.

¹ В указателе учтены антропонимы, которые встречаются в тексте коллективной монографии, включая переводы, словарные статьи и примечания.

- Egnatius J. B. См. Эньяцио Дж. Б.
 Elzevirii. См. Эльзевиры
 Erasmus Roterodamus. См. Эразм Роттердамский
 Erythraeus V. См. Эритреус В.
 Euler L. См. Эйлер Л.
 Faber T. См. Лефевр Т.
 Famianus. См. Страда Ф.
 Farnabius Th. См. Фарнаби Т.
 Felbiger J. I. von. См. Фельбигер И. И. фон
 Figulus S. См. Тёпфер С.
 Filippov K. См. Филиппов К. А.
 Florczak Z. См. Флорчак З.
 Fortius J. См. Штерк И.
 Frey J. C. См. Фрэ Ж. С.
 Frobenius J. См. Фробен И.
 Gaddius J. См. Гадди Я.
 Gambarella A. См. Гамбарелло А.
 Gardt A. 463
 Gébelin C. См. Кур де Жебелен А.
 Georgius Trapezuntius. См. Георгий Трапезундский
 Gesnerus C. См. Геснер К.
 Glück J. E. См. Глюк И. Э.
 Goethe J. V. 416, 463
 Gorletski I. S., Gorletzki I. S., Gorlecki I. S., Gorleccki I. S., Gorlizki I. S. См. Горлецкий И. С.
 Göttert K. H. 258, 442
 Gottsched J. Ch. См. Готтшед И. К.
 Grandis J. F. См. ле Гран Ж. Ф.
 Greenbaum O. См. Гринбаум О. Н.
 Gryphius S. См. Грайф С.
 Helander H. См. Хеландер Х.
 Hermogenes. См. Гермоген
 Hinske N. 416, 460
 Horlezky I. S., Horletzky I. S. См. Горлецкий И. С.
 Horstius Ph. См. Хорст Ф.
 Hugues J. См. Юг Ж.
 Hutereu A. См. Гутерер А.
 Pjsewijn J. См. Эйзевейн Й.
 Povius S. См. Иловский С.
 Imperialis J. См. Империади Дж.
 Ivanova E. См. Иванова Е. П.
 Jakob L. H. von. См.: Якоб Л. К. фон
 Junius M. См. Юнг М.
 Junti. См. Джунти.
 Kareva N. См. Карева Н. В.
 Keipert H. См. Кайперт Г.
 Kirchmajerus G. C. См. Кирхмайер Г. К.
 Koch K. 269, 272, 462
 Kondratovitch K. A. См. Кондратович К. А.
 Kotozowski M. 168
 Kurilova A. См. Курилова А. Д.
 Laurentius G. См. Лоран Г.
 Lauxmin S. См. Лауксмин С.
 Leibnitz G. V., Leibniz G. V. См. Лейбниц Г. В.
 Levina I. См. Левина И. Н.
 Longinus (Dionysius Cassius Longinus). См. Лонгин (Дионисий Кассий Лонгин)
 Ludolfus H. W. 462
 Lullius R. См. Луллий Р.
 Lullius A. См. Луллий А.
 Luther M. См. Лютер М.
 Maccius S. См. Маччо С.
 Machiavel. См. Макиавелли Н.
 Majoragus M. См. Майораджо М.
 Matatova M. См. Мамагова М. Г.
 Manerova K. См. Манерова К. В.
 Manolesius C. См. Манолези К.
 Manutius A. См. Мануций А.
 Marcellinus. См. Марцеллин
 Marcus Aurelius (Marcus Aurelius Antoninus). См. Марк Аврелий (Марк Аврелий Антонин)
 Mascardus A. См. Маскарди А.
 Masenius J. См. Масен Я.
 Mattheier K. J. 463
 Matveev E. См. Матвеев Е. М.
 Mayfartus J. M. См. Майфарт И. М.
 Mechovius G. См. Мехов В.
 Menander. См. Менандр
 Micraelius J. См. Люткешвагер И.
 Minos Cl. См. Миньо К.
 Miraeus A. См. ле Мир О.
 Morellus F. См. Морель Ф.
 Müller G. F. См. Миллер Г. Ф.
 Muretus M. A. См. Мюре М. А.
 Myznikov S. См. Мызников С. А.
 Neobarus C. См. Необар К.
 Nunnesius P. J. См. Нуньес П. Х.
 Omphalius J. См. Омфал Я.

- Paganus P. См. Пагани П.
 Pajot C. См. Пажо Ш.
 Panicarola, F. См. Паникарола Ф.
 Paraeus Ph. См. Венглер Ф.
 Patritius F. См. Патрици Ф.
 Peplier J. R. См. Пеплие Ж. Р. де
 Peter I. См. Петр I.
 Petra G. См. Пьетра Г.
 Philostratus. См. Филострат
 Photius. См. Фотий
 Pietsch P. 256, 462
 Pithoeus P. См. Питу П.
 Pizimentius D. См. Пиццименти Д.
 Plato. См. Платон
 Plautus (Titus Maccius Plautus). См.
 Плавт (Тит Макций Плавт)
 Pomey F. См. Помей Ф.
 Pontanus J. См. Понтан Я.
 Porphyrius M. См. Порфирий М.
 Portus F. См. Порто Ф.
 Quintilianus (Marcus Fabius Quintilia-
 nus). См. Квинтилиан (Марк Фабий
 Квинтилиан)
 Radau M. См. Радау М.
 Rapicius J. См. Равица Дж.
 Rapinus R. См. Рапен Р.
 Rapita J. См. Равица Дж.
 Reichman O. 463
 Restaut P. См. Ресто П.
 Riccobonus A. См. Риккобони А.
 Richerius E. См. Рише Э.
 Robortellus F. См. Робортелло Ф.
 Roessler P. См. Реслер П.
 Rudnev D. См. Руднев Д. В.
 Rumovsky S. J. См. Румовский С. Я.
 Sacré D. 108, 461
 Sattler J. R. См. Заттлер И. Р.
 Savelyeva E. См. Савельева Е. А.
 Scaliger J. C. См. Скалигер Ю. Ц.
 Schefferus J. См. Шеффер И.
 Scheibert P. 415, 462
 Schlözer A. L. См. Шлөцер А. Л.
 Schmücker-Breloer M. См. Шмюкер-
 Брелоер М.
 Schoensleder W. См. Шёнследер В.
 Schottus A. См. Схотт А.
 Schraderus Ch. См. Шрадер К.
 Schumacher J. D. См. Шумахер И. Д.
 Schwanwitz M. См. Шванвиц М.
 Scioppius C. См. Шоппе К.
 Sergeev M. См. Сергеев М. Л.
 Sigonius C. См. Сигонио К.
 Slingelandus J. См. Слингеландт Я.
 Smirnova A. См. Смирнова А. С.
 Sohier J. См. Соие Ж.
 Sopater. См. Сопатр
 Spachius I. См. Шпах И.
 Starckius J. См. Штарке И.
 Starnowiecki A. 168
 Stavenhagen J. L. См. Стафенгаген И. Л.
 Stephanus H. См. Эстьен А.
 Stephanus R. См. Эстьен Р.
 Strebaeus J. L. См. Стребе Ж. Л.
 Sturmius J. См. Штурм И.
 Suidas. См. Суда
 Susannaes H. См. Сузано У.
 Świderkówny A. 462
 Syrianus. См. Сириан
 Teissierius A. См. Тейсье А.
 Terentius (Publius Terentius Afer). См.
 Теренций (Публий Теренций Афр)
 Tesmarus J. См. Тесмар И.
 Theodosii. См. Феодосий
 Theon. См. Феон
 Theophanus (Procopovicz). См. Тео-
 фан (Прокопович)
 Tollius J. См. Толль Я.
 Trediakovsky V. K. См. ТрEDIAKOB-
 ский В. К.
 Trithemius J. См. Тритемий И.
 Trofymuk M. См. Трофимук М. С.
 Ubelius S. См. Убель С.
 Ulpianus (Domitius Ulpianus). См. Уль-
 пиан (Домиций Ульпиан)
 Ulysses 171
 Unbegaun B. O. 206, 222, 224, 230, 233,
 462
 Uspenskij B. См. Успенский Б. А.
 Vavassor F. См. Вавассёр Ф.
 Verderius Cl. См. Вердье К.
 Vetushko-Kalevich A. См. Ветушко-Ка-
 левич А. А.
 Victorius P. См. Веттори П.
 Vives J. L. См. Вивес Х. Л.
 Volkov S. См. Волков С. С. ,
 Volynskaya A. См. Вольнская А. В.
 Vossius G. J. См. Фосс Г. И.
 Vossius I. См. Фосс И.

- Wechelus Ch. См. Вешель К.
 Weisius Ch. См. Вайзе К.
 Weismann E. 463
 Wiesinger P. 275, 463
 Winogradoff D. См. Виноградов Д. И.
 Winter R. См. Винтер Р.
 Wolff Ch. См. Вольф Х.
 Zenobia. См. Зенобия
 Živov V. См. Живов В. М.
 Zubakin V. M. См. Зубакин В. М.
 Абрамзон Т. Е. 105–106, 446
 Аввакум Петров (*протопоп*) 95, 363, 370
 Август (*император*). См. Октавиан Август
 Авеличев А. К. 92, 446
 Аверинцев С. С. 37, 49, 446–447
 Аврелиан (Луций Домиций Аврелиан), Aurelianus (Lucius Domitius Aurelianus) 122, 126–127
 Аврора (*мифол.*) 106, 396
 Агентов М. И. 269
 Аделунг И. К., Adelong J. Ch. 276, 280, 418–419, 441, 462
 Адодуров В. Е., Adodurov V. E. 206, 220, 228–231, 277, 235, 243, 252
 Адольф И. П., Adolphus I. P. 158–159
 Акимова Г. Н. 317, 333, 446
 Аколаст (*лит.*) 103, 348, 351
 Акундинов Г. 404–406
 Алабин И. 250–251
 Александр (*софист*), Alexander Sophista 128, 131
 Александр I 282
 Александр Македонский, Александр Великий 41, 102, 199
 Алексеев А. А. 10, 73, 75, 446
 Алексеев П. А. 74, 444
 Алексеев Ф. 404–406, 408
 Алексеева Н. Ю. 48, 89, 399, 446
 Алексей блаженный 190
 Алисова Т. Б. 319, 446
 Алкид. См. Геракл.
 Аллаций Л., Allatius L. 130–133, 160–161
 Алцид. См. Геракл.
 Альберти А., Albertis A. 114–115, 142–143
 Альд. См. Мануций А.
 Амвросий (Серебрянников) 34, 79, 83, 437
 Амвросий Медиоланский 42, 43
 Амосов Ф. 409
 Амфитрита (*мифол.*) 103
 Анахин Ф. 250–251
 Андреева Г. А. 453
 Андреев-Кривич С. А. 239, 446
 Аннушкин В. И. 33, 56, 60, 65–66, 78, 437, 447
 Антей (*мифол.*) 106, 396
 Антимако М., Antimachus M. A. 120–123
 Апраксин П. М. 239, 250
 Аapresян Ю. Д. 326, 445
 Аpsин, Arpsinus 128, 131
 Арайя Ф. 244
 Аретино Л., Aretinus L. 118–119
 Аристид, Aristides 112, 128–129
 Аристотель, Aristotель, Aristoteles 33, 42–43, 111–113, 115, 118–121, 124–125, 136, 138, 140–141, 148–149, 152–153, 162–163, 170, 177–181, 183, 185, 259, 347, 350
 Арнинг Г., Arningius H. 158–159
 Арно А. 270, 438
 Артемий Крус (*лит.*) 382
 Арутюнова Н. Д. 333, 447
 Арутюнян М. А. 102–103, 447
 Архий 180
 Атлант (*мифол.*) 106
 Атлас (*мифол.*) 106
 Атласов В. 405
 Аубургрер Л., Auburger L. 416, 460
 Афанасьев И. 459
 Афина (*мифол.*) 106, 396
 Афтоний, Arphthonius 112, 124–125, 130–131, 170, 188–189
 Ахилл, Ахиллес (*мифол.*) 103, 106, 391, 396
 Бабаева Е. Э. 444, 456
 Базилевич М., Basilevicz M. 196–199, 438, 442
 Балли Ш. 319, 335, 338–339, 447
 Бальзак Ж. Л., Balzacius J. L. 142–143
 Баратынский Е. 384, 399
 Бари Р., Bary R. 117, 162–163
 Барков И. С. 292, 294–295, 298, 305
 Барсов А. А. 273–281, 438, 458–459
 Бархударов С. Г. 29, 50, 53, 56, 448
 Басаргина Е. Ю. 463

- Батюшков К. Н. 399
 Бахгин М. М. 255, 447
 Безменова Н. А. 92, 447
 Беккер Г., Beckerus G. 144, 147
 Беллона (*мифол.*) 106, 396
 Белов М. И. 406, 447, 457
 Белозерская Н. А. 245, 447
 Белошапкина В. А. 321, 323, 447
 Белый Андрей (Бугаев Б. Н.) 393
 Бельский А. В. 96, 447
 Бенвенист Э. 398
 Бени П., Venius P. 113, 136–137
 Бенц И., Benzius J. 115, 150–151
 Бергельсон М. Б. 27, 456
 Березина О. Е. 447
 Беринг В. 353
 Бернштейн Г. С. 447
 Берсон Я. 387, 447
 Биллингс И. 410
 Биллярский П. С. 447
 Блер Х. 79, 81, 438
 Блида Л. И. 241
 Блок Г. П. 29, 30, 50, 54, 56, 61–62, 65, 67, 69–70, 447–448
 Блумфилд Л. 31, 447
 Блюментрост Л. Л. 241–242, 252
 Богданов В. В. 335, 339, 341, 447
 Богуслав Радзивилл (*князь*) 286, 294
 Боил Р., Бойль Р. 109, 259
 Боксгорн М. З., Voxhornius M. Z. 116, 156–157
 Бонди С. М. 88
 Бонекки Д. 244
 Бонфини А., Bonfinius A. 124–125
 Бонч-Бруевич В. Д. 429
 Борей (*мифол.*) 98, 106, 390, 413, 435
 Борисов Ф. 285–286, 289
 Борн И. М. 79, 438
 Бородин В. В. 445
 Бочаров С. Г. 447
 Брагинская Н. В. 45, 460
 Брокгауз Ф. А. 451
 Брылевская Л. И. 463
 Брюс Я. В. 287
 Брюсов В. Я. 428
 Буало Н., Boileavius N. 126–129
 Будилевич А. С. 382, 447
 Буланин Л. Л. 363, 448
 Булич С. К. 270, 273, 276, 278, 448
 Бург И. Ф. 33
 Бурькин А. А., Burykin A. 6, 13, 401–403, 410, 413, 448
 Бугурлин И. И. 250
 Буур Д., Bouhours D. 117, 162–163
 Бухаркин П. Е., Bukharkin P. 4–5, 14, 29, 36, 38, 71, 89–90, 96, 383, 448
 Бухнер А., Buchnerus A. 114, 140–141, 152–153
 Бютор М. 382
 Вавассёр Ф., Vavassor F. 114–115, 142–145
 Вавилов С. И. 50, 66
 Вагин М. 409
 Вайзе К., Weisius Ch. 117, 164–165
 Вежбицкая А. 340, 448
 Вейсман Э. 246, 266
 Вейтбрехт И. 241
 Векшин Г. В. 396, 448
 Велигин И. 410
 Венгеро́в С. А. 18
 Венглер Ф., Paraeus Ph. 154, 157
 Венера (*мифол.*) 53, 106, 328, 396
 Вергилий, Марон (Публий Вергилий Марон) 44, 57–59, 170–172, 174, 176, 186, 188, 191
 Вердые К., Verderius Cl. 160–161
 Вернадский В. И. 442
 Веттори П., Victorius P. 118–119, 120–121
 Ветушко-Калевич А. А., Vetushko-Kalovich A. 5–6, 11, 108, 117, 165, 444
 Вешель К., Wechelus Ch. 124–125
 Вивес Х. Л., Vives J. L. 115, 148–149
 Вида И. 185
 Виноградов В. В. 29, 50, 53, 55, 73, 85, 88, 279, 448
 Виноградов Д. И., Winogradoff D. 257, 418
 Винокур Г. О. 49, 448–449
 Винтер Р., Winter R. 120–121, 148–149
 Винтер Э. 449
 Витгенштейн Л. 329, 335, 449
 Власов С. В. 207, 218, 449
 Волков С. С., Volkov S. 2, 4–5, 14, 17, 30, 35, 50, 90, 319, 334, 416, 444–445, 449
 Волынская А. В., Volynskaya A. 6, 427, 436
 Волынская В. А. 427, 435–436

- Вольтер 433
 Вольф Х. фон, Wolff Ch. von 6, 42, 68, 253, 256–264, 415, 444, 462
 Вомперский В. П. 56, 64–65, 73, 75, 207, 218, 245, 449
 Воронцов М. И. 323, 328
 Востоков А. Х. 9, 266, 445, 449, 478
 Врангель Ф. П. 410, 448
 Всеволод (*князь*) 314
 Вяземский А. А. 249
 Вятка Я. 409
 Гагенар Г. 243
 Гадди Я., Gaddius J. 120–121
 Галилей Г. 103, 341, 349, 351
 Галиуллин К. Р. 24
 Гальен де Сальморан К. 80, 438
 Гамбарелло А., Gambarella A. 154–155
 Ганнибал 41
 Гандлевский С. 451
 Гаспаров М. Л. 456
 Гемп К. П. 427
 Георгий Трапезундский, Трапезундец, Georgius Trapezuntius 115, 124–125, 148–149
 Геракл, Геркулес, Алцид, Алкид (*мифол.*) 106, 199, 396
 Герд А. С. 453
 Герики (Герик) О. фон 259
 Геркулес. См. Геракл
 Герман И. 242
 Гермес (Ермий) (*мифол.*) 106
 Гермоген, Hermogenes 112, 116, 122–129, 132–133, 148–149, 170
 Герцен А. И. 14
 Гесиод 171
 Геснер К., Gesnerus C. 115, 124–125, 148–149
 Гёте И. В. 416
 Гинзбург Е. Л. 318, 452
 Гинтер (Гюнттер) И. Х. 260
 Глюк И. Э., Глюк Й. Э., Glück J. E. 206, 227, 461–462
 Голиков И. И. 237, 438
 Голицын М. М. 250
 Головина М. Е. 434
 Головин Г. И. 251
 Гомер 171, 175, 396
 Гораций (Квинт Гораций Флакк) 41, 170–173, 178–182, 186–189
 Горенштейн В. О. 181, 441
 Горлецкий И. С., Горлицкий И. С., Горклецкий И. С., Horlezky I. S., Gorlizki I. S., Gorletski I. S., Gorletzki I. S., Gorlecki I. S., Gorleccki I. S. 5, 206–207, 218, 228, 231, 235–250, 449, 463
 Горшкова К. В. 362, 450
 Горький М. 429
 Готтшед И. К., Gottsched J. Ch. 6, 33, 63, 253, 257–264, 268–269, 271–272, 274–275, 281, 438, 442–443
 Грабарь-Пассек М. Е. 441
 Грабович Г. Ю. 70, 450
 Грайф С., Gryphius S. 124–125
 Грандилевский А. Н. 431, 450
 Грассхоф Г. 65
 Грациан Б. 45, 47
 Греков (*канцелярист*) 247
 Гренинг М. 227–230, 266
 Греффе К. Г. 109
 Греч И. М. 269, 438
 Греч Н. И. 79, 81, 438
 Григорий Назианзин 42, 43
 Григорий Нисский 43
 Гринбаум О. Н., Greenbaum O. 2, 4
 Грот Я. К. 69, 268, 450
 Грузинский О. С. 178
 Гуде М. 109
 Гуковский Г. А. 88–89, 450
 Гутерер А., Huterer A. 229, 272, 442, 462
 Гюйгенс (Гугений) Х. 347, 352
 Гюйгенс К. (Гюйгенс-старший) 109
 Давид (*царь*) 229, 232, 249
 Давыдов И. И. 79, 268, 438, 450
 Данил, игумен Смиренский 299
 Данько Н. Я. 65
 Дасье А., Dacierus A. 128–129
 Двинятин Ф. Н., Dvinyatin F. 6, 380, 400, 450
 де ла Серда М., de la Serda M. 116, 156–159
 Дежнев С. 404–408, 447
 Декомбль III. А., Декомбель III. А., De Combles Ch. Н. 207, 228, 241, 245–246
 Делиль де ла Кройер Л. 244
 Делиль Ж. Н. 244, 247, 332
 Деметрий Фалерский, Demetrius Phalereus 33, 112, 120–121, 123

- Демосфен 42, 125, 133, 187
 Демофонт (*лит.*) 374–376
 Державин Г. Р. 69, 384, 399, 402, 451
 Дерюгин А. А. 46, 450
 Десницкий С. Е. 329–330
 Джунти (*семейство книгоиздателей*),
 Junti 118–119
 Диана (*мифол.*) 106, 396
 Диоклетиан (Диоклитиан) 329
 Дионисий Галикарнасский, Dionysius
 Halicarnasseus 112, 120–125
 Долгоруков В. Л. 251
 Доле Э., Doletus S. 154–155
 Дорофей Тульский (*св.*) 299
 Достоевский Ф. М. 318, 344, 445, 452
 Дринов М. С. 451
 Дрязгова К. В., Dryazgova K. 5, 12, 205,
 216
 Дудич А., Dudithius A. 126–127
 дю Синь М., Du Sygne M. 142–143
 Дюбо Б. А., Djubo B. 6, 12, 265, 282
 Дюбуа Ж. 446
 Дюрович Л., Durovič L. 223–226, 230,
 461
 Евгений (Болховитинов) 65
 Евгений Онегин (*лит.*) 460
 Екатерина II, Екатерина Великая 103,
 235, 273, 342, 386, 388–389, 434
 Екатерина I, Екатерина Первая, Екате-
 рина Алексеевна 242, 245, 250, 447
 Елагин И. П. (Перфильевич) 345, 359
 Елизавета Петровна, Елисавета Пет-
 ровна, Елизавет 52, 93, 107, 244, 247,
 290–291, 350, 365–366, 385, 389, 393,
 395–396, 398–399, 411–412, 421, 429,
 431, 435
 Епифаний (*св.*) 299
 Ермак 403
 Ермий. См. Гермес
 Ефименко П. 434
 Ефимов А. В. 406, 450
 Ефрон И. А. 451
 Жеребцов Л. 329
 Живов В. М., Živov V. 75, 88, 106, 231,
 450, 461–462
 Жирмунский В. М. 422
 Жолковский А. К. 381, 451
 Жофруа (*профессор*) 251
 Жуковский В. А. 384, 399
 Завадовский П. В. 277
 Зализняк А. А. 377, 451
 Западов А. В. 64–65, 451
 Засорина Л. Н. 318, 445
 Заттлер И. Р., Sattler J. R. 117, 164–165
 Зеленецкий К. П. 34
 Зелинский Ф. Ф. 49, 451
 Зенобия, Zenobia 122–123, 126–127
 Зизаний Л. 227
 Зотов К. Н. 251
 Зубакин Б. М., Zubakin B. M. 6, 427–
 436, 451
 Иван Александрович (*псковский князь*)
 363
 Иванова Е. П., Ivanova E. 5, 12, 205, 216
 Игорь (*князь*) 301
 Иероним Стридонский 43, 185
 Иисус Христос 103, 171, 229
 Иловский С., Povius S. 120–121
 Ильенко С. Г. 320, 338, 444, 451
 Ильинский И. И. 239–241, 243, 245–246
 Импералии Дж., Imperialis J. 134–135
 Иоанн Антонович (*император*) 385
 Иоанн Златоуст 42
 Ион 179
 Иосиф II (*император*) 274
 Исаченко А. В. 73, 451
 Исидор Севильский 254, 439
 Истомин В. 431
 Кадлубовский А. П. 75, 451
 Казанский Н. Н. 8, 444–445
 Кайперт Г., Keipert H. 65, 75–76, 224,
 229, 231, 272, 442, 450, 452, 461–462
 Калчак (*комендант Хотинской крепо-
 сти*) 396
 Камер (*комиссар*) 247–248
 Камерарий И., Camerarius J. 130–131
 Кампанелла Т., Campanella Th. 113,
 134, 137
 Камынина А. А. 363, 452
 Камю А. 382
 Каниц Ф. Л. 260
 Кант И. 416
 Кантемир А. Д. 48, 75–76, 399, 444
 Караулов Ю. Н. 318–319, 445, 452, 458
 Каргопольский И. И., Каргопольский И.
 237–239, 250–251
 Карева Н. В., Kareva N. 2, 5, 12, 14, 30,
 205, 217, 234–235, 444, 452

- Каримуллина Г. Н. 446
 Каримуллина Р. Н. 446
 Карл V, Carolus V 113, 134–135, 261
 Карл XII 102
 Карл Великий 110
 Карпеев Э. П. 8, 23, 444
 Картезий (Декарт Р.) 259
 Касторий 78, 439
 Катаев В. П. 373
 Каттанео Дж. М., Cataneus J. M. 130–131
 Катулл (Гай Валерий Катулл), Catullus (Gaius Valerius Catullus) 126–127, 172–173, 178
 Квинтилиан (Марк Фабий Квинтилиан), Quintilianus (Marcus Fabius Quintilianus) 33, 37, 68, 112, 130–133, 170, 172, 188
 Кельрейтер И. Т. Г. 340, 357
 Кено Р. 382
 Кессель И., Caselius J. 120–121
 Кир (*софист*), Cyrus 128, 131
 Кирилл (*св.*) 297
 Кирхмайер Г. К., Kirchmajerus G. C. 146–147
 Клавдиан К 172
 Клавдий (Нерон Клавдий Цезарь Август Германик) 105
 Кларк Дж., Кларк И., Clarckius J. 116, 158–159
 Кларк С. 259
 Ключевский В. О. 52, 452
 Князев Г. А. 23, 450, 455
 Кобив И. 178
 Коврин М. 247
 Ковтунова И. И. 333, 452
 Кодухов В. И. 452
 Кожевникова В. М. 444
 Козловский В. 250–251
 Колумб Х. 387
 Коменский Я. А. 273
 Кондратович К. А., Kondratovitch K. A. 285, 302, 304
 Консетт Т. 245
 Константин Великий 46, 439
 Копелевич Ю. Х. 463
 Коперник Н. 341, 350–351
 Копиевский Э. 220, 226, 228
 Корнелий Непот 44
 Коровин Г. М. 32, 33, 452
 Коровин С. (*переводчик*) 240, 243
 Коровников А. 329
 Коррадо С., Corradus S. 132–133
 Корф И. А. фон 421
 Коссен Н., Causinus N. 33, 61, 63, 69, 112, 114, 120–121, 140–141
 Котляревский И. 191
 Кочеткова Н. Д. 85, 452
 Кошанский Н. Ф. 34, 79, 81, 439
 Крайцев Е. 250–251
 Крамер А. Б. 241
 Крафт Г. В. 241
 Крашенинников С. П. 401–402
 Кревье Ж. Б. Л. 46, 439
 Крезоль Л., Cresollius L. 114, 130–131, 140–141
 Крекотень В. И. 168, 178, 184, 189, 452–453
 Креуза (*лит.*) 375
 Кречетовский И. 250–251
 Кристиан Альбрехт (*герцог*) 109
 Кроль М. Хр. 241
 Крючков С. Е. 318, 453
 Кузнецов П. С. 62, 453
 Кузьмина И. Б. 363, 453
 Кур де Жебелен А., Gébelin C. 276, 442
 Куракин Б. И. 251
 Курганов Н. Г. 267, 277, 457
 Курилова А. Д. 5, 11, 193, 202
 Курций, Курций Руф, Квинт Курций Руф, Curtius (Quintus Curtius Rufus) 102, 114, 140–141, 172
 Кусков В. П. 407, 453
 Кутина Л. Л. 84, 453
 Лагутина И. Н. 94, 104, 453
 Лалетина О. С. 90, 444–445
 Лансло К. 270, 438
 Лаптев Д. Я. 408
 Лаптев Х. П. 408
 Лауксмин С., Lauxmin S. 115, 120–121, 146–147
 Лафонтен Ж. 344
 Лахманн Р. 65
 ле Гран Ж. Ф., Grandis J. F. 162–163
 ле Мир О., Miraeus A. 152, 155
 Лебедева И. Н. 291, 453
 Левин В. Д. 453
 Левина И. Н., Levina I. G. 317, 320, 360, 444, 451

- Левитский И. 79, 439
 Лейбниц Г. В., Leibnitz G. V., Leibniz G. V. 6, 42, 253, 255–256, 258–264, 462
 Лемешев К. Н. 56, 63, 453
 Леонов В. П. 288, 453
 Леонтьев В. В. 407, 444
 Лермонтов М. Ю. 19, 445
 Леруа П. Л. 244
 Лесков Н. С. 326
 Лефевр Т., Faber T. 126–129
 Либуркин Д. Л. 190, 453
 Ливий. См. Тит Ливий
 Лихачев Д. С. 49, 61, 454
 Лок Дж. 259
 Лонгин (Дионисий Кассий Лонгин), Longinus (Dionysius Cassius Longinus) 112–113, 122–123, 126–131, 134–135, 162, 165
 Лоран Г., Laurentius G. 124–125
 Лосев А. Ф. 105, 107, 454
 Лотман Ю. М. 51, 55, 416, 454, 456
 Лудольф Г. В. 220, 222, 224, 226–228
 Лукан 186
 Лукиан 41, 69
 Лукреций (Тит Лукреций Кар) 172
 Луллий А., Lullius A. 113, 132–133, 135
 Луллий Р., Lullius R. 113, 132–133
 Лютер М., Luther M. 274–275
 Люткешвагер И., Micraelius J. 150–151
 Ляшевская О. Н. 446
 Мазен Я., Masenius J. 114, 142–143
 Майораджо М., Majoragius M. 118–119
 Майфарг И. М., Mayfartus J. M. 116–117, 156–159, 165
 Макарий (*митр.*) 44
 Makeeva В. Н. 30, 61–62, 65, 69–70, 268–270, 279, 447, 454
 Макиавелли Н. (Макиавель, Machiavel) 423
 Максимов Л. Ю. 318, 453
 Максимова Ф. 220, 223, 227, 439
 Малиновский Ф. Л. 79, 454
 Малыгин Н. 408–409
 Мальпиги (Малпигий) М. 259
 Мальц А. 456
 Мамай 375, 396
 Маматова М. Г., Mamatova M. 6, 90, 361, 379
 Манерова К. В., Manerova K. 6, 414, 424, 444
 Манилий (Марк Манилий) 44
 Манолези К., Manolesius C. 126–127
 Мануций А., Альд, Manutius A., Aldus 120–125, 128–129, 134–135
 Мариотт Э. 347
 Марк Аврелий (Марк Аврелий Антонин), Marcus Aurelius (Marcus Aurelius Antoninus) 122–123, 126–127
 Марон. См. Вергилий
 Марс (*мифол.*) 106–107
 Марусенко М. А. 207, 454
 Марцеллин, Marcellinus 124–125
 Марциал (Марк Валерий Марциал) 44, 172–173, 178, 186
 Маскарди А., Mascardus A. 116, 160–161
 Маслюк В. П. 169, 439, 454
 Матвеев Е. М., Matveev E. 2, 4–6, 13–14, 88, 90, 107, 445, 452
 Маччо С., Maccius S. 116, 160–161
 Маяковский В. В. 384, 430, 450
 Мейерхольд В. Э. 31
 Мейнерс К. 81, 454
 Меланин А. 252
 Мелетий (Смотрицкий) 220–221, 223, 227, 233, 267, 270, 273, 278–279
 Мельников-Печерский П. И. 329
 Мельпомена (*мифол.*) 176
 Менандр, Menander (*ритор*) 112, 128, 131, 199
 Меншуткин Б. Н. 455
 Мерзляков А. Ф. 79, 454
 Мефодий (*св.*) 297
 Мехов В., Mechovius G. 132–133
 Миллер Г. Ф., Мюллер Г. Ф., Müller G. F. 238, 241, 249, 265, 287, 292–293, 295–296, 299–301, 332, 401–402, 406–408, 410, 413, 423, 443, 454
 Минерва (*мифол.*) 106–107
 Минин Ф. 408
 Миньо К., Minos Cl. 132–133
 Митрофан (Довгалевский), Митрофан (Довгалевський) 166, 168, 171, 176–178, 181–184, 190, 439
 Михайлов А. 434–435
 Михайлов А. В. 37, 96, 454
 Михайлов Р. 409
 Михальчи Д. Е. 206, 454

- Мнемозина (*мифол.*) 175
 Могилевский А. 79, 440
 Модерах К. Ф. 246
 Модзалевский Л. Б. 23, 455
 Моисеева Г. Н. 290–292, 294, 298, 303, 455
 Молчан А. В. 363, 455
 Морель Ф., Morellus F. 120–121
 Морозов А. А. 25, 29, 50–51, 54–56, 65, 455
 Морхоф Д. Г. 5, 108–116, 129
 Москвин В. П. 34, 94, 445
 Московкин Л. В. 207, 218, 449
 Мошков П. И. 287
 Муравьев М. Н. 79, 81, 455
 Муратов А. Б. 49, 455
 Мурзанова М. Н. 286, 455
 Мусей (*мифол.*) 175
 Мусин-Пушкин И. А. 237, 250
 Мушенброк П. фон 347, 352
 Мызников С. А., Myznikov S. 2, 4
 Мюле Х. 110
 Мюллер Г. Ф. См. Миллер Г. Ф.
 Мюре М. А., Muretus M. А. 126–127, 134–135
 Німчук В. В. 227, 455
 Наливайко Д. 169
 Нартов А. К. 248, 252, 353
 Невтон И. См. Ньютон И.
 Немировский А. И. 427, 451, 455
 Немировский Е. Л. 227, 455
 Необар К., Neobarius С. 118–119
 Нептун (*мифол.*) 106–107
 Нестор (*летописец*) 286, 288–290, 293–294, 299
 Николаев С. И. 23, 249, 455, 463
 Николаев П. А. 444
 Николаева Е. А. 373, 455
 Николев Н. П. 31
 Никольский А. С. 79, 440
 Николюкин А. Н. 453
 Новикова К. А. 407, 444
 Норис (*резидент в Германии нач. XIII в.*) 251
 Носов (*копиист*) 247
 Нуньес П. Х., Nunnesius P. J. 116, 124–125, 152–155
 Ньютон И., Невтон И. 254–255, 341, 347, 351
 Обнорский С. П. 266, 455
 Овидий (Публий Овидий Назон) 44, 172–174, 176, 178, 186, 189–190
 Овсяников Д. 250–251
 Октавиан Август 46, 170, 199, 439
 Олсуфьев А. В. 244
 Омфал Я., Omphalius J. 115, 150–151
 Опиц М. 110
 Орлик Ф. 166
 Ортгисе Г. Е. 241
 Орфей (*мифол.*) 106, 175
 Осипов В. И. 249, 463
 Остолопов Н. Ф. 79, 445
 Осьминина Р. 407, 456
 Павел I 388
 Павлова Г. Е. 453
 Павлуцкий Д. И. 408
 Пагани П., Paganus P. 126–127
 Пажо Ш., Rajot С. 116, 158–159
 Паникарола Ф., Panicarola, F. 120–121
 Патрици Ф., Patritius F. 113, 134–135, 137
 Паус И. В., Паузе И. В. 75, 206, 224, 226, 228, 231, 239, 241, 287, 443, 449–450, 454
 Пекарский П. П. 236–238, 244–245, 248–249, 292–293, 300, 439, 456
 Пеплие Ж. Р. де, Replier J. R. 268, 272, 443
 Перикл 199
 Пермяков Я. 409
 Перфильевич. См. Елагин И. П.
 Перцов Н. В. 25–27, 456
 Петр I, Петр Первый, Петр Великий, Петр Алексеевич, Peter I 102, 235–238, 250, 252, 285–287, 289–291, 304, 341, 352, 385–386, 388–389, 391, 399, 433, 438, 453
 Петр II 242
 Петр III, Петр Федорович 389, 432
 Петрарка Ф. 173
 Петров В. П. 95
 Пизоны 170, 172–173, 177, 180, 182, 186, 188
 Пиккио Р. 73, 456
 Пильщиков И. А. 27, 73, 456
 Пиманова И. Ю. 67
 Пиндар 89, 396
 Пир Ф. 446

- Питу П., Pithoeus P. 133
 Питу Ф. 132–133
 Пицименти Д., Pizimentius D. 126–127
 Плавт (Тит Макций Плавт), Plautus (Titus Maccius Plautus) 154–155, 172–173, 178
 Плаксин В. Т. 79, 81, 456
 Платон, Plato 136–137, 160–161, 170, 175, 179, 181–182, 259
 Плиний Младший 43, 69
 Плунгян В. А. 20, 456
 Плутарх 172, 175
 Плутон (*мифол.*) 102, 106–107
 Погосян Е. А. 88, 456
 Подшивалов В. С. 79, 440
 Полевой Б. П. 407, 452, 456
 Полигимния 176
 Поликарпов Ф. П. 44, 220, 230–234, 440, 445, 456
 Поляков А. *ученик гравера* 247
 Поляков А. Е. 27, 456
 Помей Ф. А., Pomey F. 33, 115, 144–145
 Помпей (Гней Помпей Великий) 44
 Понтан Я., Pontanus J. 167, 185, 188, 443
 Попов Н. И. (*надворный советник, переводчик*) 247, 327
 Попов Ф. 407, 453
 Порто Ф., Portus F. 124–127
 Порфирий (Крайский) 33, 63
 Порфирий М., Porphyrius M. 126–127
 Постников Т. 237–239, 250–251
 Пропп В. Я. 393
 Прохоров А. В. 396, 458
 Пугачев Е. И. 329
 Пумпянский Л. В. 88–89, 395, 457
 Пухорг И. 247–248
 Пушкин А. С. 8, 77, 250, 399, 402, 440, 448, 456, 459
 Пьетра Г., Petra G. 126–129
 Равицца Дж., Rapiccius J., Rapita J. 120–121, 150–151
 Радау М., Radau M. 115, 144, 147
 Радищев А. Н. 327, 329–330
 Разумовский К. Г. 249, 266, 289, 297, 323, 326, 333
 Рак В. Д. 267, 457
 Рамсей Р. 403, 457
 Рапен Р., Rapinus R. 117, 162–163
 Расин Ж. 342
 Рафаил (Заборовский) 178, 190
 Рейзер Г. У. 257
 Рейсер С. А. 49, 51, 61, 457
 Реслер П., Roessler P. 275, 462
 Ресто П., Restaut P. 220–221, 246, 443
 Рижский И. С. 34, 79, 81–82, 440
 Риккобони А., Riccobonus A. 118–119
 Рихман Г. В. 435
 Рише Э., Richerius E. 150–151
 Робортелло Ф., Robortellus F. 113, 126, 134–135
 Рогов К. Ю. 393, 457
 Розанов В. В. 28, 457
 Роллен Ш. 46–47, 441
 Рубан В. Г. 74
 Руднев Д. В., Rudnev D. 6, 361, 379
 Румовский С. Я., Rumovsky S. J. 423–424
 Сабанеева М. К. 211–212, 457
 Савельева Е. А., Savelyeva E. 6, 285, 288, 291, 304, 440, 453, 457
 Сазонова Л. И. 61, 65, 447
 Салтыков-Щедрин М. Е. 329
 Санников В. З. 371, 379, 457
 Сатаров М. П. 240, 245–246
 Сахаров В. И. 85, 457
 Свенельд (*воевода*) 301
 Светов В. П. 83, 277, 441
 Свинынь П. П. 434
 Святополк Окаянный 302
 Селим (*лит.*) 365, 375, 396
 Семенов А. 446
 Семихина А. Н. 46
 Сенека (Луций Анней Сенека) 44, 105, 172
 Сервий (Мавр Сервий Гонорат) 186
 Сергеев М. Л., Sergeev M. 5–6, 12, 217, 234
 Серман И. З. 65, 88–89, 382–383, 457
 Сечихин И. 241
 Сивокінь Г. М. 169, 457
 Сигонио К., Sigonius C. 116, 134–135, 160–161
 Сильвестр (*игумен Выдубецкого монастыря*) 292
 Симеон Полоцкий 399
 Синявин Н. А. 250
 Сириан, Syrganus 124–125

- Скалигер Ю. Ц., Scaliger J. C. 124–125, 171, 185, 187
- Скандерберг, албанский князь 363
- Скворцов А. 440
- Скляревская Г. Н. 96, 458
- Скуратов А. 408
- Слингеландт Я., Slingelandus J. 160–161
- Смирнова А. С., Smirnova A. 5, 12, 90, 235, 252, 441, 444
- Смолицкий Г. А. 85, 458
- Соје Ж., Sohler J. 220, 223, 459
- Соколов П. И. 277
- Соколова Н. В. 453
- Сократ 259
- Сопатр, Sopater 124–125, 131
- Сорокин Ю. С. 17, 445, 458
- Сотин (*лит.*) 103, 348, 351
- Сперанский М. М. 79, 441
- Стафенгаген И. Л., Стефенгаген И. Л., Stavenhagen J. L. 261, 266–267, 443
- Стеллер Г. В. 401
- Степанов Ю. С. 340, 458
- Стефан (Яворский) 33, 44
- Стефано (*агент в Брабанте нач. XVIII в.*) 251
- Стребе Ж. Л., Strebaeus J. L. 120–121, 150–153
- Суда, Suidas 122–123
- Сузано У., Susannaes H. 154–155
- Сумароков А. П., Александр Петрович 48, 75, 95, 103, 399, 450, 458
- Сухомлинов М. И. 33, 41, 42, 62–70, 74, 95, 273, 278, 439–440, 458
- Схотт А., Schottus A. 112, 116, 124–125, 136–137, 148–149, 152–155
- Талия (*мифол.*) 176
- Тамира (*лит.*) 365, 375
- Тарановский К. Ф. 396, 458
- Тарле Е. В. 329
- Татищев В. Н. 286–287, 291, 312, 441
- Тауберт И. И. 291–292, 295–296, 348, 350, 423
- Тацит (Публий Корнелий Тацит) 110
- Тейсье А., Teissierius A. 126–127
- Теплов В. Е. 246
- Теплов Г. Н. 266
- Тепфер С., Figulus S. 154–155
- Теренций (Публий Теренций Афр), Terentius (Publius Terentius Afer) 154–155
- Терпсихора (*мифол.*) 176
- Тесмар И., Tesmarus J. 156–157
- Тибулл (Альбий Тибулл) 172
- Тилон В. 114, 141
- Тит Ливий, Ливий 172, 199
- Ткачева Н. В. 6
- Тоболова М. П. 276–277, 458
- Токарев С. А. 96, 458
- Толль Я., Tollius J. 128–129
- Толмачев И. 241
- Толмачев Я. В. 79–81, 459
- Толстой Н. И. 51, 55, 454
- Томашевский Б. В. 20, 49, 61, 77, 94, 459
- Топоров В. Н. 390, 459
- Топчиева А. В. 453
- Трапезундец. См. Георгий Трапезундский
- Траян 43
- ТрEDIAKOVский В. К., Trediakovsky V. K. 46–48, 59, 75, 86, 103, 206, 235, 241, 243–244, 246–247, 252, 439, 441, 446, 450, 458
- Тресотиниус (*лит.*) 103
- Тринон А. 446
- Тритемий И., Trithemius J. 148–149
- Трофимук М. С., Trofymuk M. 5, 11, 166, 169, 192, 459
- Тьянянов Ю. Н. 88, 459
- Убель С., Ubelius S. 154–155
- Уколова В. И. 427, 455
- Ульпиан (Домиций Ульпиан), Ulpianus (Domitius Ulpianus) 124–125, 130, 133
- Урания (*мифол.*) 106, 176
- Усачев М. 33, 44, 63, 437
- Успенский Б. А., Uspenskij B. 51, 55, 75, 106, 213, 218, 223, 231, 245, 274, 450, 454, 459, 461–462
- Успенский В. А. 329
- Фабрициус И. А. 111
- Фаренгейт Г. Д. 354, 356
- Фарнаби Т., Farnabius Th. 116, 158–159
- Фазгон, Фазгонт (*мифол.*) 106
- Феб (*мифол.*) 57, 106
- Федоров И. 227, 455
- Фельбигер И. И. фон, Felbiger J. I. von 273–275, 280–281, 442
- Фенелон Франсуа 23

- Феодосий (*предполагаемый летописец*), Theodosii 286–287, 443
 Феокист (Мочульский) 78, 441
 Феон (*софист*), Theon 124–125, 130–131
 Феофан (Прокопович), Theophanus (Procorovicz) 43–44, 166, 168, 170–171, 173–178, 180–181, 183–190, 201, 440–441
 Фигуровский Н. А. 453
 Филипп (*лит.*) 370, 378
 Филиппов А. К. 444
 Филиппов К. А., Filippov K. 2, 6, 205, 217, 235, 253, 264, 416, 459
 Филлида (*лит.*) 57, 375
 Филлмор Ч. 335, 339, 459
 Филонов П. И. 450
 Филострат, Флавий Филострат, Philostratus 112, 122–123
 Фишер И. 401
 Флеминг П. 110
 Флора (*мифол.*) 106
 Флорчак З., Florczak Z. 167, 461
 Фонвизин Д. И. 327
 Фосс Г. И., Vossius G. J 33, 115, 132–133, 152–153
 Фосс И., Vossius I. 109, 112–113, 120–123
 Фотий, Photius 124–125, 128–129
 Франко И. Я. 5, 166
 Фрейганг Г. К. 243
 Фрейд З. 255
 Фробен И., Frobenius J. 130–131
 Фрэ Ж. С., Frey J. C. 115, 144–145
 Фуэнтес К. 382
 Хабургаев Г. А. 73, 362, 450, 460
 Хазагеров Т. Г. 34, 94, 100, 460
 Хворостьянова Е. В. 90, 444–445
 Хейнс Н. 109
 Хеландер Х., Helander H. 108, 461
 Херасков М. М. 95
 Хорст Ф., Horstius Ph. 136, 139
 Цветаева А. И. 429
 Цезарь (Гай Юлий Цезарь), Caesar (Gaius Iulius Caesar) 126, 154–155, 171, 185
 Цереса, Церера (*мифол.*) 106
 Цицерон (Марк Тулий Цицерон), Туллий, Cicero (Marcus Tullius Cicero) 33, 42, 44, 47, 68, 112, 114, 116, 132–133, 136–143, 151, 153–157, 160–161, 170, 180–181, 199, 441
 Челюскин С. И. (Челюсткин) 408
 Ченакал В. Л. 235, 453
 Чердаков Д. Н., Cherdakov D. 5, 72, 87
 Черкасова Е. Т. 370, 460
 Чернинг А. 109
 Чернышев И. Г. 330
 Чириков А. И. 353
 Чирнгаузен Э. В. 259
 Чичерин А. В. 37, 41, 88, 460
 Шайкевич. А. Я. 445
 Шапир М. И. 27, 73, 393, 395, 456, 460
 Шарминт С., Charmyntes S. 272, 442
 Шаров С. А. 446
 Шаров Ф. 269
 Шарпантье Ж.-Б. Ж., Charpentier J.-B. J. 223, 225, 442
 Шафиров П. П. 251
 Шванвиц М., Швановиц М., Schwanzwitz M. 206, 228–230, 241, 272–273, 444
 Шведова Н. Ю. 322, 450, 460
 Шёнследер В., Schoensleder W. 116, 154–155, 157
 Шестаков А. 410
 Шеффер И., Schefferus J. 115, 130–131, 150–151
 Ширина Л. С. 94, 100, 460
 Ширяев М. 252
 Шишкарев П. 247
 Шишков А. С. 72, 74, 82, 84–86, 441, 458
 Шишков В. Я. 329
 Шлейден И. 157
 Шлейниц И. 237
 Шлёцер А. Л. фон, Schlözer A. L. von 265–266, 295–296, 441
 Шмелева Т. В. 336, 338–339, 460
 Шмюкер-Брелоер М., Schmücker-Brerloer M. 231, 462
 Шоппе К., Sciorrius C. 160–161
 Шоцкая Л. И. 383, 460
 Шпах И., Spachius I. 118–119, 130–133
 Шрадер К., Schraderus Ch. 118–119, 156–157
 Штарке И., Starckius J. 158–159
 Штейн А. Л. 45, 460
 Штерк И., Fortius J. 120–121
 Штрубе де Пирмонт Ф. Г. 246

- Штурм И. Х. (*немецкий физик, математик и астроном*) 259
- Штурм И., Sturmius J. (*немецкий гуманист и педагог*) 114, 120–125, 132–133, 136–137
- Шубин А. 325, 463
- Шувалов И. И. 342
- Шумахер И. Д., Schumacher J. D. 236, 240, 242, 247–249, 252, 326, 353, 421, 423
- Щерба Г. М. 211–212, 457
- Эстьен А., Stephanus H. 134–135
- Эстьен Р., Stephanus R. 122–123
- Эггерс Н., Eggers H. 274, 461
- Эзоп 189
- Эйзевейн Й., IJsewijn J. 108, 461
- Эйлер Л., Euler L. 235, 244, 252, 423
- Эйхенбаум Б. М. 51, 460
- Эльзевиры (*семейство книгоиздателей*), Elzevirii 156–157
- Энний (Квинт Энний) 172
- Эньяцио Дж. Б., Egnatius J. B. 134–135
- Эразм Роттердамский, Erasmus Rotterodamus 41, 115, 149–151
- Эритреус В., Erythraeus V. 120–121, 124–125, 136–137
- Ювеналий (Смирнов) 78, 441
- Юг Ж., Hugues J. 115, 146–147
- Юнг М., Junius M. 114, 132–133, 136–139
- Юнкер Г. Ф. В. 330
- Юнона (*мифол.*) 176
- Юпитер (*мифол.*) 175–176
- Язвицкий Н. И. 79, 441
- Якоб Л. К. фон, Якоб Л. Г. фон, Jakob L. H. von 79, 282, 441
- Якобсон Р. О. 380, 460
- Янкович-де-Мириего Ф. И. 273–274
- Ярослав Первый (*князь*) 52

Составители:

*Ветушко-Калевич А. А., Матвеев Е. М.
Сергеев М. Л., Ткачева Н. В.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АПСС — Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. М.; Л., 1950–1959, 1983.
- АПСС² — Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; СПб., 2011–2012.
- БАН — Библиотека Академии наук.
- БАС¹ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.
- БАС² — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–21. М.; СПб., 2004–2013.
- БЭС — Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 1998.
- Летопись БРАН — Летопись Библиотеки Российской Академии наук: в 2 т. СПб., 2004.
- ЛСС — Лексико-синтаксический словарь русского языка. СПб., 2007.
- МАН — Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1–10. СПб., 1885–1900.
- ПГД — Протоколы географического департамента. СПб., 2000.
- САР¹ — Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.
- САР² — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I–VI. СПб., 1806–1822.
- СК XVIII в. — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800. Т. 1–5. М., 1962–1967, 1975.
- Сл. XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991. Вып. 7–19. СПб., 1992–2011.
- Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка / под ред. А. Х. Востокова. Т. 1–4. СПб., 1847.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.

- СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–5. СПб., 2004–2013.
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
- Частотный словарь НКРЯ — Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М., 2009.
- ЯПЛ — Язык писем М. В. Ломоносова: Материалы для словаря. Казань, 2007.

Научное издание

**ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
М. В. ЛОМОНОСОВА**

Под редакцией

П. Е. Бухаркина, С. С. Волкова, Е. М. Матвеева

Корректор *Л. А. Карпова*

Тех. редактор и компьютерная верстка *Е. Е. Кузьмина*

Дизайн обложки *К. Ю. Тверьянович*

Подписано в печать 30.09.2013. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 30,0
Тираж 300 экз. Заказ № 3544

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23